„Пров 49

Изданіе редакціи „Освобожденія“

Le mouvement politique en Russie sous Alexandre II

Prix 5 fr. — Цѣна 5 фр.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ
при Александрѣ II

(1855—1881).

Историческіе очерки.

Paris
SOCIÉTÉ NOUVELLE DE LIBRAIRIE ET D'ÉDITION
17, Rue Cujas.
1905

„Прев 49“

Imprimerie Ch. Noblet. Paris. 13. rue Cujas.

225464

Содержаніе.

Стр.

1. Конецъ царствованія императора Николая I. — Новыя вѣянія въ 1853 г. — Рукописныя записки. — Записки Погодина. — Настроеніе наслѣдника. — Крестьянскія волненія . . . . . 1—10

2. Отношеніе общества къ смерти Николая I. — Военное положеніе Россіи. — Отмѣна реакціонныхъ мѣръ. — Оптимизмъ и единодушіе общества 10—17

3. Трудность положенія Александра II и его неподготовленность. — Послѣдніе министры Николая и отношеніе къ нимъ Александра II. — Вел. кн. Константинъ Николаевичъ. — Я. И. Ростовцевъ. — Вел. княгиня Елена Павловна. — Записка Конст. Аксакова. — Записка Кошелева и др. — Броженіе въ провинціи. — Арестъ Мордвинова. — Первыя перемѣны министровъ осенью 1855 г. — Рѣчь Государя московскимъ дворянамъ . . . 17—26

4. Недовѣріе дворянъ къ начинаніямъ правительства. — Негласный комитетъ по освобожденію крестьянъ. — Докладъ Левшина. — Рескрипты 20 ноября и 5 декабря 1857 г. . . . . 26—30

5. Стѣсненія гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса. — Записки Самарина, Черкасскаго и др. — Отношеніе къ рескрипту Аксакова, Герцена и Чернышевскаго. — Участіе въ реформѣ возвращенныхъ декабристовъ и петрашевцевъ . . . . , ... 30—35

6. Значеніе рескриптовъ. — Общественное возбужденіе. — Постановленія губернскихъ комитетовъ. — Работы редакціонныхъ комиссій . . . . 35—40

7. Записка Милютина. — Недовольство депутатовъ. — Желанія депутатовъ 1-го приглашенія. — Вражда къ бюрократіи. — Адреса депутатовъ. — Отвѣтъ правительства. — Записки Безобразова и другихъ крѣпостниковъ. — Событія въ тверскомъ и владимірскомъ дворянскихъ собраніяхъ 1859 г. — Мнѣнія депутатовъ 2-го приглашенія. — Назначеніе Панина и отношеніе къ нему друзей эмансипаціи. — Истинное значеніе этого назначенія . . . . . 40—57

8. Журналистика. — Отношеніе правительства къ печати. — Разочарованіе Чернышевскаго. — Статьи Добролюбова. — „Русскій Вѣстникъ“ Каткова. — Славянофильскіе органы. — Взгляды Ив. Аксакова. — Отношеніе консерваторовъ къ передовой журналистикѣ . . . . . 58—74

9. „Колоколъ“. — Его вліятельность. — Столкновеніе Герцена съ Чичеринымъ. — Герценъ и „Современникъ“ . . . . . 75—83

10. Интриги крѣпостниковъ. — Манифестъ 19 февраля. — Итоги перваго періода царствованія . . . . . 83—85

11. Реакція послѣ 19 февраля 1861 г. — Отставка Милютина и Лапского и назначеніе Валуева. — Уступки помѣщикамъ. — Недовольство крестьянъ. — Оппозиція. — Ник. Серно-Соловьевичъ. — „Письма безъ адреса“ Чернышевскаго. — Съѣздъ тверскихъ мировыхъ посредниковъ 12 декабря 1861 г. — Постановленія и адресъ тверского дворянскаго собранія 1862 г. — Требованіе созыва народныхъ представителей. — Правительственныя репрессіи. — Конституціонная литература въ дворянской средѣ. — Мнѣнія Тургенева. — Брошюра Кавелина. — Записка Самарина 85—96

12. Настроеніе общества. — Настроеніе студенчества. — Назначеніе Путятина и новыя университетскія правила. — Безпорядки въ Петербургскомъ и Московскомъ университетахъ. — Назначеніе Головина. — Выработка университетскаго устава. — Мнѣнія Костомарова. — Возраженія

Стр

Чичерина. — „Вольный университетъ“ Костомарова и инцидентъ съ проф. Павловымъ . . . . . 96—103

13. Польское движеніе. — Симпатіи общества къ полякамъ. — Отношеніе Герцена. — Отношеніе славянофиловъ . . . . . 103—107

14. „Нигилизмъ“. — „Русское Слово“. — Статьи Писарева. — Идеалъ свободы, какъ причина вліянія Писарева . . . . . 107—113

15. Нарожденіе типа революціонера. — „Земля и Воля“. — Арестъ Щапова и Михайлова. — Пожары въ Петербургѣ. — Арестъ Чернышевскаго и Николая Серно-Соловьевича. — Репрессіи. — Полемика между „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ“ . . . . . 114—123

16. Революціонное движеніе въ Польшѣ. — Программа маркиза Велепольскаго. — Патріотическое одушевленіе общества. — Катковъ. — Отношеніе „Колокола“ къ польскому возстанію. — Мнѣніе объ этомъ Прудона. — Могущество Каткова . . . . . 123—129

17. Поворотъ въ общественномъ мнѣніи. — Органъ дворянства „Вѣсть“ и взгляды Валуева. — Новыя реформы. — Мнѣнія Ив. Аксакова. — Конституціонный адресъ московскаго дворянства. — Отвѣтъ Александра II. — Разбродъ въ радикальныхъ кругахъ. — Выстрѣлъ Каракозова. — Полицейская травля. — Торжество реакціи . . . . . 129—138

18. Реакціонныя мѣры по народному образованію. — Усиленіе губернаторской власти. — Дѣятельность земскихъ учрежденій. — Закрытіе петербургскаго земства. — Мѣры противъ самоуправленія. — Назначеніе Тимашева и гр. Палена. — Мѣры противъ печати. — Злоупотребленія бюрократіи. — Адресъ московской думы съ требованіемъ свободы слова и совѣсти. — Отвѣтъ правительства . . . . . 139—148

19. Нарожденіе народничества. — Новые журналы. — „Историческія письма“ Миртова-Лаврова. — Программа Бакунина. — Нечаевъ . . . . 149—155

20. Возникновеніе народническихъ кружковъ и ихъ мирное направленіе. — Кружокъ „Чайковцевъ“. — Журналъ Лаврова „Впередъ“. — Движеніе въ народъ. — Арестъ пропагандистовъ . . . . . 155—160

21. Основаніе „Земли и Воли“ и программа этого общества. — Демонстрація на Казанской площади. — Измѣненія судебныхъ уставовъ въ отношеніи политическихъ преступленій. — Политическіе процессы. — Рѣчь Мышкина. — Выстрѣлъ В. Засуличъ и ея процессъ. — Чигиринское дѣло. — Конституціонныя стремленія въ кіевскихъ революц. кружкахъ 161—168

22. Застой въ земской средѣ. — Печать: Московскія Вѣдомости, С.-Петерб. Вѣдомости, Голосъ, Отечест. Записки. — Н. К. Михайловскій. — Вліяніе идей Чернышевскаго и Добролюбова . . . . . 168—174

23. Турецкая война. — Заграничный либеральный органъ „Общее Дѣло“. — „Набатъ“ Ткачева — Террористическіе акты. — Раздѣленіе „Земли Воли“ на „Черный Передѣлъ“ и „Народную Волю“. — Программа и тактика „Народной Воли“. — Репрессивныя и предупредительныя мѣры правительства. — Оппозиціонное настроеніе общества. — Переговоры либераловъ съ революціонерами. — Проектъ адреса черниговскаго земства. — Назначеніе генералъ-губернаторовъ и комиссіи Валуева. — Новыя покушенія. — Проектъ созыва представительнаго собранія . . . . 174—188

24. Учрежденіе „Верховной распорядительной комиссіи“. — Личность и взгляды Лорисъ-Меликова. — Характеръ его дѣятельности. — Назначеніе его министромъ внутреннихъ дѣлъ и его либеральные проекты. — Т. наз. „конституція Лорисъ-Меликова“. — Отношеніе къ Лорисъ-Меликову либераловъ и революціонеровъ. — 1-е марта. — Манифестъ 29-го апрѣля 1881 г. — Реакція 80-хъ годовъ. — Причина крушенія освободительнаго движенія . . . . . 188—195

1.

Императоръ Николай умеръ какъ разъ во время.

Къ моменту его смерти выяснилось до очевидности, что система его никуда не годится и что, именно благодаря ей, Россія оказалась въ самый важный моментъ разстроенной и ослабленной и, несмотря на все видимое свое матеріальное могущество, несмотря на героизмъ войскъ, не была въ состояніи вынести съ успѣхомъ того испытанія, которое ей послала судьба.

Сознаніе необходимости коренного измѣненія и внѣшней, и внутренней политики вполнѣ созрѣло еще при Николаѣ. Н. И. Тургеневъ (декабристъ) предсказывалъ еще въ 1847 году неизбѣжность разгрома Россіи при первомъ же столкновеніи съ Западомъ.[1] Близкое наступленіе кризиса ясно почувствовали всѣ мыслящіе люди въ Россіи, какъ только началась война съ Турціей въ 1853 году.

Многіе радовались этому.

Искренніе и глубокіе патріоты признавали тогда, что если измѣненіе правительственной системы можетъ быть достигнуто только цѣною внѣшняго пораженія, то слѣдуетъ считать и пораженіе за благо.

Правительство само смутно сознавало, что пробилъ часъ той системѣ деспотизма и гнета, которую оно довело до апогея и вмѣстѣ до абсурда въ послѣдніе 5—6 лѣтъ, и, хотя императоръ Николай въ началѣ войны выказывалъ большую самонадѣянность, однако, по мѣрѣ того, какъ войска наши терпѣли неудачи, а тучи, собиравшіяся на политическомъ горизонтѣ вокругъ Россіи, все сгущались, его самоувѣренность стала замѣтно падать. Внѣшняя гроза тотчасъ же сдѣлала правительство болѣе кроткимъ и терпимымъ внутри Россіи.

Правда, никакихъ спеціальныхъ распоряженій въ этомъ направленіи сдѣлано не было, всѣ орудія полицейскаго и бюрократическаго гнета продолжали существовать по-прежнему и ни одна изъ ненавистныхъ реакціонныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 1848 г., не была отмѣнена; но, несмотря на это, люди чуткіе уже въ 1853 году почувствовали приближеніе оттепели. „Казалось — пишетъ въ своихъ запискахъ А. И. Кошелевъ —, что изъ томительной мрачной темницы мы какъ будто выходимъ, если и не на свѣтъ Божій, то, по крайней мѣрѣ, въ преддверіе къ нему, гдѣ уже чувствуется освѣжающій воздухъ. Высадка союзниковъ въ Крымъ въ 1854 г., послѣдовавшія затѣмъ сраженія при Альмѣ и Инкерманѣ и обложеніе Севастополя насъ не

[1] „La Russie et les Russe", т. III, стр. 13 и слѣд.

слишкомъ огорчили; ибо мы были убѣждены, что даже пораженія Россіи сноснѣе и даже для нея и полезнѣе того положенія, въ которомъ она находилась въ послѣднее время. Общественное и даже народное настроеніе, хотя отчасти безсознательное, было въ томъ же родѣ." [1]

Первыя колебанія системы правительственнаго гнета выражались въ слѣдующихъ фактахъ. Министромъ Народнаго Просвѣщенія вмѣсто кн. Ширинскаго-Шихматова (покорнаго слуги гр. Бутурлина) былъ назначенъ въ половинѣ 1853 г. Авр. Серг. Норовъ — человѣкъ не особенно опредѣленныхъ воззрѣній, но который на юбилеѣ Московскаго университета, по свидѣтельству Грановскаго, „произвелъ на всѣхъ прекрасное, отрадное впечатлѣніе"; [2] да и самое празднованіе юбилея, принявшее характеръ настоящаго торжества друзей просвѣщенія въ Россіи, уже не гармонировало съ мрачной эпохой реакціи 1848—1854 годовъ. Въ это же время Норовъ разрѣшилъ, вопреки мнѣнію Мусина-Пушкина, держать экзаменъ въ университетахъ вольнослушателямъ. [3] Изъ „Дневника" Никитенка мы видимъ даже, что тотъ же Норовъ отваживался мечтать тогда объ упраздненіи негласнаго Бутурлинскаго комитета. [4]

Правда, цензура оставалась по-прежнему невыносимой; но среди литераторовъ появились уже какія-то неясныя надежды и упованія. Западники, группировавшіеся въ Москвѣ около Грановскаго, мечтаютъ купить въ это время журналъ и поставить во главѣ его Евг. Корша. [5] Чернышевскій дѣлаетъ въ „Современникѣ" первыя попытки воскресить въ критикѣ опальные и, казалось, уже забытые принципы и завѣты Бѣлинскаго, не называя его, впрочемъ, по имени. [6] Нѣкоторые изъ сосланныхъ литераторовъ получаютъ разрѣшеніе вернуться: Тургеневу разрѣшено, по ходатайству наслѣдника (въ ноябрѣ 1853 г.), жить въ столицахъ, [7] Салтыкову дозволено взять отпускъ и съѣздить изъ Вятки (гдѣ онъ служилъ противъ воли) въ свое имѣніе въ Тверской губерніи. [8]

Такъ какъ цензура не пропускала тогда никакихъ политическихъ статей, то взамѣнъ ихъ, въ качествѣ суррогатовъ, являются рукописныя записки. Эти записки, по свидѣтельству современниковъ, обра-

---

[1] „Записки Александра Ивановича Кошелева", Берлинъ 1884 г., стр. 82. — А. С. Хомяковъ 31 января 1854 г. писалъ другу своему А. Н. Попову: „...Двадцать лѣтъ душили мысль. Въ важную минуту ткнулись на безмысліе, и мнѣ чувствуется страшная безпомощность, скрываемая подъ плохою личиною спокойствія и надежды. Что-то Богъ дастъ? А время великое. Можетъ быть Тильзитъ, но Тильзитъ предшествовалъ 12 году"... (Барсуковъ „Жизнь и Труды М. П. Погодина", т. XIII, стр. 35.) — А вотъ что писалъ Ю. Ф. Самаринъ уже послѣ паденія Севастополя, но до заключенія мира: „Съ самаго начала Восточной войны, когда еще никто не могъ предвидѣть ея несчастнаго исхода, громадныя приготовленія нашихъ враговъ озабочивали людей, понимавшихъ положеніе Россіи, гораздо меньше, чѣмъ наше внутреннее неустройство. Событія оправдали ихъ опасенія. Мы сдались не передъ внѣшними силами западнаго союза, а передъ нашимъ внутреннимъ безсиліемъ. Это убѣжденіе, видимо проникающее всюду и вытѣсняющее чувство незаконнаго самодовольствія, такъ еще недавно туманившее намъ глаза, досталось намъ дорогою цѣною; но мы готовы принять его какъ достойное вознагражденіе за всѣ наши жертвы и уступки." (Сочиненія Самарина, т. II, стр. 17.) — Ив. Аксаковъ жалѣлъ, что въ Севастополѣ не было вождя искуснѣе Горчакова не изъ желанія побѣды, а для того, чтобы еще ясно подчеркнуть фатальную неизбѣжность пораженія. Севастополь долженъ былъ пасть, „чтобы явилось въ немъ дѣло Божіе, т. е. обличеніе всей гнили правительственной системы, всѣхъ послѣдствій удушающаго принципа"... (И. С. Аксаковъ въ его письмахъ, т. III, стр. 180.)

[2] „Т. Н. Грановскій и его переписка", т. II, стр. 437 (письмо къ Фролову въ январѣ 1855 г.).

[3] „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева", стр. 8 (письмо къ Е. Я. Колбасину отъ 29 окт. 1854 г.).

[4] „Дневникъ и записки А. В. Никитенко", т. I, стр. 578.

[5] „Т. Н. Грановскій, т. II, 470 (письмо къ Евг. Ф. Коршу 1854 г.).

[6] „Объ искренности въ критикѣ". („Современникъ" за 1854 г. № 7. Изд. М. Н. Чернышевскаго „Критическія статьи", стр. 202—228, особенно стр. 219, 222 и 223.)

[7] „Первое собр. писемъ", стр. 7 (письмо къ П. Н. Тургеневу).

[8] Сочиненія М. Е. Салтыкова (изд. 1890 г.), т. IX, „Матеріалы для біографіи", стр. XLIV, примѣчаніе.

щаются среди читающей публики въ значительномъ числѣ экземпляровъ.[1] Правда, онѣ никѣмъ не подписаны, но авторы важнѣйшихъ изъ нихъ всѣмъ извѣстны и даже не считаютъ нужнымъ скрывать своего авторства, тогда какъ за годъ, за два передъ тѣмъ мало кто рѣшился бы не только писать, но даже и читать подобныя вещи. Одна изъ такихъ записокъ приписывалась Грановскому.[2] Кошелевъ составляетъ въ это время записку о финансахъ для представленія ея правительству и въ ней высказываетъ мысль о необходимости созванія представителей земли русской![3] Самаринъ пишетъ записку о смягченіи и постепенномъ упраздненіи крѣпостного права, о чемъ съ 1849 г. было строжайше запрещено упоминать.[4] Но самыя замѣчательныя изъ этихъ записокъ были безспорно политическія письма Погодина. Они замѣчательны столько же по своей необыкновенной смѣлости, столько и потому, что они были написаны не кѣмъ инымъ, а именно Погодинымъ, т. е. человѣкомъ, который всегда былъ далекъ отъ безкорыстныхъ увлеченій и вовсе не принадлежалъ къ типу ученыхъ „не отъ міра сего“, а скорѣе напоминалъ типъ хитраго и ловкаго дѣльца и практика, — человѣкомъ, имѣвшимъ даже среди близкихъ къ нему славянофиловъ довольно двусмысленную репутацію. Если Погодинъ рѣшился приняться за составленіе подобныхъ памфлетовъ, въ которыхъ онъ откровенно и безпощадно осуждалъ всю внѣшнюю и внутреннюю политику Николая, то это уже само по себѣ служило несомнѣннымъ признакомъ того, что времена должны перемѣниться. Замѣчательно при этомъ, что онъ не только не скрывалъ своего авторства, но представлялъ свои письма черезъ статсъ-секретаря Прянишникова и гр. Адлерберга наслѣднику и государю. Характерно, что въ то же время онъ мечталъ то о постѣ посланника въ Вѣнѣ, то о мѣстѣ оберъ-прокурора Синода, а вовсе не думалъ о возможности внезапнаго путешествія въ мѣста, болѣе или менѣе отдаленныя. Но всего поразительнѣе тотъ фактъ, что, ознакомившись съ содержаніемъ первыхъ его писемъ, Николай Павловичъ не только не разгнѣвался и не приказалъ его схватить, посадить или сослать, но объявилъ ему свое благоволеніе за „откровенность“ и даже снизошелъ до объясненій, при чемъ высказалъ только, что Погодинъ не во всемъ правъ, потому что многое ему „снизу“ не видно, что видно „сверху“ людямъ, посвященнымъ во всѣ тайны политики. Получивъ „благоволеніе“, объявленное ему оффиціально черезъ Адлерберга и Прянишникова, Погодинъ набрался смѣлости еще больше. Въ первыхъ письмахъ своихъ онъ писалъ о безразсудности и унизительности нашей внѣшней политики, о невыгодности для насъ нашей полицейской роли въ Европѣ; въ слѣдующихъ онъ обратился къ критикѣ нашего внутренняго строя, обличая съ замѣчательной рѣзкостью несостоятельность и безмысліе правительственной системы, убивающей всякую самостоятельность въ подданныхъ, упразднившую совершенно просвѣщеніе и гласность и основанную всецѣло на оффиціальной лжи.

---

[1] „Вѣст. Евр.“ за 1903 г. № XI, стр. 64 и слѣд. статья А. Н. Пыпина о Некрасовѣ.
[2] Тамъ же.
[3] Дописана была уже весной 1855 г. Напечатана въ приложеніи къ „Запискамъ А. И. Кошелева“, прил. IV, стр. 33. Ср. текстъ „Записки“, стр. 83.
[4] Сочиненія Ю. Ф. Самарина, т. II, стр. 17, примѣчаніе.

„Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ — писалъ Погодинъ — вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ: всѣ пути выраженія мысли закрыты, нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля...“ Изъ министровъ каждый, по словамъ Погодина, „представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ непогрѣшимымъ, подобно Далай-Ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давай ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку; какъ мухи на медъ, налетаютъ они въ наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличіе. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, массонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка...“

А между тѣмъ „дѣла — продолжаетъ Погодинъ — становятся часъ отъ часу мудренѣе, отношенія сложнѣе; умнѣйшихъ людей стараго, даже недавно прошедшаго времени не достаетъ для новыхъ обстоятельствъ, а мы хотимъ пробавляться не только старыми людьми, но и старыми формами, которыя обветшали даже просто отъ времени, точно какъ изнашивается платье, сначала прекрасное, щегольское, дорогое, а подъ конецъ повислое, въ лохмотьяхъ...“

Отъ власти Погодинъ переходитъ къ народу. Онъ уже и раньше высказалъ свои мысли о невозможности у насъ революціи въ западномъ смыслѣ и здѣсь повторяетъ, что „революція произошла на Западѣ изъ своихъ сѣмянъ, что этихъ сѣмянъ не было брошено исторіею въ начало нашего государства, а потому революціи такой у насъ не будетъ и не можетъ (быть); что мы испугались ея понапрасну и что напрасно мы начали (послѣ 1848 года) останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, унижать духъ, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству...“

„...О народѣ — замѣчаетъ Погодинъ — о народѣ, который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ и, между тѣмъ, дышетъ любовью, самою чистою преданностью царю и отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ казенной палаты!“

„Къ вамъ обращу я рѣчь свою — восклицаетъ Погодинъ —, милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительно тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прослушать: Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачовъ. Ледрю-Роленъ со всѣми коммунистами (sic!) не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитою Пустосвятомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону Маццини не перейдетъ никто, а Стенька Разинъ — лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ какой стороны стѣна наша представляетъ проломы; — перестаньте же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ....“

„Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякій молодецъ и не молодецъ на свой образецъ.... Помѣщичье спасенье — въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшись жизнь казеннаго крестьянина, — будьте увѣрены — заварится каша крутая. Да и теперь — не убиваютъ ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ.... Вѣдь, это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобы получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь; но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь, это тѣ же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ, и спасаютъ не только русскую честь, но даже наше значеніе, нашу будущность!...“

Указавъ на безразсудность угнетенія раскольниковъ и поляковъ, Погодинъ переходитъ къ указанію мѣръ, которыя слѣдуетъ принять, по его мнѣнію, въ устраненіе всѣхъ очерченныхъ имъ опасностей; на первый планъ онъ выставляетъ гласность и образованіе.

Представляя эту записку при письмѣ къ Адлербергу, Погодинъ писалъ ему между прочимъ: „Большая часть сужденій и даже выраженій въ моей запискѣ не принадлежитъ собственно мнѣ, а принадлежитъ обществу и слышана была мною въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Я не хотѣлъ ихъ ни смягчать, ни измѣнять, ни полировать, думая, что въ сыромъ своемъ видѣ они должны быть извѣстны правительству, для его высшихъ соображеній...“

Въ виду рѣзкости этой записки, Адлербергъ не рѣшился представить ее государю;[1] но Погодинъ отправился въ Петербургъ лично

[1] Извѣстная гр. А. Д. Блудова — эта „Іоанна славянъ“, какъ звали ее нѣкоторые славянофилы (она же „трикотеза Зимняго дворца“ — по злому выраженію Герцена) — тоже не одобряла этой записки и горько упрекала за нее Погодина, увѣряя, что въ ней есть „что-то болѣзненное и необдѣланное“. Погодинъ же, разсерженный непредставленіемъ своей записки, писалъ по этому поводу статсъ-секретарю Ф. И. Прянишникову: „Хладнокровныя петербургскія разсужденія свели домъ на ниточку! Во всѣхъ васъ, петербургскихъ сановникахъ, страшно понизился духъ, страшно ослабло сознаніе человѣческаго достоинства, — а о гражданскихъ добродѣтеляхъ и говорить нечего. Вы всѣ сами этого не замѣчаете, какъ больные, привыкшіе къ госпитальному воздуху.... Говоря безъ церемоній съ Николаемъ Павловичемъ, я позволяю себѣ говорить откровенно и съ его министрами. А такъ какъ вы вмѣстѣ и добрый человѣкъ, то на меня не разсердитесь. Тридцать лѣтъ призывалъ я къ своему столу то Петра, то Екатерину, то Иванова, а о Рюрикѣ и говорить нечего. Не мудрено, что получилъ я тоянъ за панибрата съ сильнымъ міра сего!...“ (Барсуковъ, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIII, стр. 171.)

и тамъ былъ принятъ при дворѣ и въ высшемъ петербургскомъ обществѣ какъ нельзя лучше. Его полюбопытствовала видѣть императрица Александра Федоровна; наслѣдникъ Александръ Николаевичъ принималъ его дважды и содержаніе ихъ разговоровъ видно отчасти изъ слѣдующаго письма Погодина къ Цесаревичу изъ Москвы (тотчасъ по возвращеніи):

„Слова, Вами мнѣ сказанныя — писалъ Погодинъ —, запечатлѣлись глубоко въ моемъ сердцѣ. Пошли имъ Богъ исполненія къ славѣ отечества и государя. Да обратится Россія, вразумленная несчастными опытами послѣдняго времени, къ самой себѣ; да возложитъ она впредь надежду только на Провидѣніе и на свой великій народъ, его высокій духъ; да устремитъ все свое вниманіе на воздѣланіе духовныхъ даровъ, въ такомъ обиліи ему свыше ниспосланныхъ, этихъ десяти талантовъ, съ которыхъ потребуется лихва; да убѣдится тверже и тверже въ истинѣ святой пословицы Петровой, что ученье свѣтъ, а неученье — тьма....“

„Прошу Вашего позволенія — прибавляетъ онъ въ концѣ — представить прямо къ Вашему Императорскому Высочеству послѣднія мои политическія записки, служащія продолженіемъ и окончаніемъ первыхъ, кои удостоились Вашего столь драгоцѣннаго для меня вниманія.“ [1]

Незадолго передъ тѣмъ выступилъ и Хомяковъ со своими извѣстными стихами:

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ...,

распространившимися въ рукописи по всей Руси. Въ этихъ стихахъ особенно обращали на себя общее вниманіе слѣдующія необычныя по тому времени строфы, относившіяся (какъ и все стихотвореніе) къ Россіи:

Но помни: быть орудіемъ Бога
Земнымъ созданіямъ тяжело;
Своихъ рабовъ онъ судитъ строго, —
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!
Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ своихъ, заканчивавшемся прямымъ воззваніемъ къ Николаю,[2] Погодинъ, между прочимъ, писалъ, очевидно, намекая на эти стихи: „... ложь тлетворную отгони далече отъ Твоего престола и призови суровую грубую истину. Отъ безбожной лести отврати Твое ухо и выслушай горькую правду...“

„... Составь около себя — писалъ онъ тамъ же — постоянный на это время верховный совѣтъ, какъ составляла Екатерина въ первую Турецкую войну, на который возложились бы всѣ попеченія о ходѣ

[1] Барсуковъ, XIII, особенно стр. 163—173.
[2] „Возстань, русскій Царь! Вѣрный народъ Твой Тебя призываетъ!...“ и проч. (Барсуковъ, XIII, стр. 193 и слѣд.)

дѣлъ военныхъ и политическихъ съ отвѣтственностью передъ отечествомъ. Одному всего сдѣлать нельзя, все усмотрѣть, все упомнить, все предупредить и вездѣ приготовиться. Ты трудишься столько, сколько и подумать другой человѣкъ испугается, да ужъ такая работа приходитъ не подъ силу и Тебѣ съ Твоимъ желѣзнымъ организмомъ. Вспомни, что Тебѣ уже подъ шестьдесять лѣтъ, прожитыхъ, какъ одинъ день, не на гулянкахъ. Что Ты надрываешься? Работая такъ, Ты утомляешься понапрасну и тратишь свои силы, для насъ драгоцѣнныя...“

„... Голова Твоя въ такихъ страшныхъ обстоятельствахъ должна быть свободна, чтобы рѣшать дѣла первой важности, приготовленныя и представленныя на Твое Высочайшее воззрѣніе, какъ Богъ Тебѣ на сердце положитъ, а захлàмащивать (sic!) ее теперь всякими мелочами есть даже гражданское преступленіе. Разсѣй лучами милости и благости эту непроницаемую атмосферу страха, скопившуюся въ продолженіе столькихъ лѣтъ. Войди въ соприкосновеніе съ народомъ. Призови на работу всѣ таланты — мало ли ихъ на святой Руси?... Освободи отъ излишнихъ стѣсненій печать, въ которой не позволяется теперь употреблять даже выраженіе общаго блага. Не книги опасны, а событія...“

Въ этомъ письмѣ Погодинъ совѣтовалъ возстановить Польшу, Венгрію, Италію, Грецію, Славянскія страны и проч., но оно показалось Прянишникову настолько опаснымъ, не смотря на обильно разсѣянныя въ немъ выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, что онъ не рѣшился даже показать его Адлербергу и упрашивалъ Погодина не распространять этихъ мыслей...

Одной изъ характерныхъ чертъ тогдашняго правительственнаго настроенія было, между прочимъ, все увеличивавшееся вліяніе и участіе въ дѣлахъ наслѣдника, который въ это время все болѣе и болѣе проникался сознаніемъ непригодности тогдашней правительственной системы. Еще недавно онъ самъ былъ охваченъ — подъ впечатлѣніемъ политическихъ бурь 1848 года — вмѣстѣ со своимъ старымъ воспитателемъ Жуковскимъ самыми реакціонными стремленіями, ярко выразившимися въ письмахъ Жуковскаго того времени и отразившимися, безъ сомнѣнія, и на взглядахъ Александра Николаевича на крестьянскій вопросъ и на многое другое.[1] Извѣстно, что въ началѣ 50-хъ годовъ онъ выступилъ рѣзкимъ оппонентомъ Бибикова по вопросу объ инвентаряхъ въ литовскихъ губерніяхъ и защитникомъ неприкосновенности дворянскихъ привилегій, т. е. крѣпостного права. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вполнѣ сознательно подъ вліяніемъ опасеній, внушенныхъ 1848 годомъ, и отвращенія ко всякому демократическому движенію. Но положеніе, въ которое приведена была Россія политикой, основанной на реакціонныхъ принципахъ, и тотъ крахъ, который грозилъ ей въ 1854 году, радикально перевернули его правительственные взгляды. Онъ понялъ, что система гнета и обскурантизма никуда не годится и ведетъ къ гибели...

Таково было настроеніе передовыхъ слоевъ общества и правительственныхъ сферъ въ концѣ Николаевскаго царствованія. Народъ

[1] „Русскій Архивъ“ за 1885 г., кн. I—VIII.

тоже далъ о себѣ знать. Съ одной стороны, онъ показалъ, что умѣетъ умирать, когда нужно, съ замѣчательнымъ героизмомъ; но, съ другой — онъ ясно выразилъ свое убѣжденіе, что и Царь не долженъ позволять долѣе помѣщикамъ властвовать надъ крестьянами. Сигналомъ послужили указъ и манифестъ объ ополченіи (сперва о морскомъ ополченіи 3-го апрѣля 1854 г., потомъ о народномъ ополченіи 29 января 1855 г.). Вспыхнувшія по этому поводу во многихъ губерніяхъ волненія какъ будто оправдывали то предсказаніе въ одномъ изъ писемъ Погодина, гдѣ говорилось о возможности новаго народнаго возстанія въ родѣ пугачевщины.[1] Они, очевидно, навѣвали на правительство мрачныя думы, резюмированныя впослѣдствіи въ знаменитыхъ словахъ Александра II московскому дворянству о томъ, что лучше начать освобожденіе сверху, нежели ждать, чтобы оно само собой началось снизу. Правительство чувствовало себя въ большомъ затрудненіи по отношенію къ бунтовавшимъ во многихъ губерніяхъ, но проникнутымъ патріотическимъ чувствомъ крестьянамъ: велѣно было принимать всѣ нужныя мѣры къ усмиренію возставшихъ, однако-жъ, „не охлаждая проявляющагося въ крестьянахъ чувства преданности престолу и отечеству.[2]

Въ запискѣ, составленной въ 1857 году, А. И. Кошелевъ разсказываетъ, какъ въ 1855 г. многіе отъявленные крѣпостники „готовы были согласиться на большія пожертвованія и на всякое, самое для нихъ убыточное, прекращеніе крѣпостного состоянія, лишь бы освободили ихъ отъ страха, возбужденнаго въ нихъ возможностью провозглашенія вольности, при вторженіи враговъ въ наши предѣлы". „Мнѣ случилось тогда — вспоминаетъ онъ — видѣть нѣсколькихъ поборниковъ крѣпостного права, уговаривавшихъ меня какъ можно скорѣе окончить и подать мой проектъ объ освобожденіи крестьянъ."[3]

2.

Смерть Николая, которой никто не ожидалъ, произвела въ разныхъ слояхъ общества весьма различное, но, въ сущности, однозначущее впечатлѣніе.

„Какъ ты можешь объ немъ плакать — сказала императрица Александра Федоровна дочери своей Маріи Николаевнѣ — Господь его взялъ, чтобы его избавить отъ ужасныхъ вещей!"[4]

„Ужасная вѣсть, конечно, уже дошла до васъ — писалъ князь Д. А. Оболенскій Погодину. — Сегодня началось новое царствованіе. Богъ послалъ Россіи еще новое испытаніе! Какая ужасная минута. Хотя я самъ сегодня прикасался къ останкамъ покойнаго государя, но, признаюсь, до сихъ поръ не вѣрится, что его уже нѣтъ. Воображаю, какъ изумлена будетъ Москва, вся Россія. Здѣсь только вчера весьма немногіе узнали, что Государь серьезно боленъ — большинство не вѣдало ни о чемъ. Повѣритъ ли народъ тому, чему мы, очевидцы, не можемъ привыкнуть вѣрить?"[5]

---

[1] Подробныя свѣдѣнія объ этихъ волненіяхъ приведены въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи". Берлинъ 1860 г. I, стр. 80—97. Ср. также И. И. Игнатовичъ: „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія", стр. 174.

[2] „Матеріалы" т. I, стр. 86.

[3] Приложеніе къ „Запискамъ А. И. Кошелева", стр. 78.

[4] Барсуковъ, XIII, стр. 392.

[5] Тамъ же, стр. 395.

„Каковы громовые удары задаетъ намъ ходъ исторіи! — писалъ С. Т. Аксаковъ — Государя Николая Павловича нѣтъ на свѣтѣ! Англійская конституція трещитъ и ломается (sic!). Страшно жить въ такое время, страшно чувствовать присутствіе высшей силы!..... Какъ легко бы теперь, при общемъ сочувствіи, пріобрѣсть любовь прочную.“ [1]

„Важная минувалась эпоха — пишетъ Хомяковъ своему другу А. Н. Попову — что бы ни было, а будетъ уже не то. Эта эпоха въ высшей степени наставительна. Смерть доказала нравственную правоту человѣка, который столько казался (!) виноватымъ. Впрочемъ, я его всегда считалъ правымъ, какъ Вы сами знаете; я винилъ не лицо, а систему и насъ всѣхъ.“ [2]

Всего спокойнѣе отнеслись къ этому событію въ Москвѣ въ англійскомъ клубѣ. „Въ клубѣ — записалъ Погодинъ въ своемъ лаконическомъ дневникѣ — холодное удивленіе. Послѣ обѣда всѣ принялись играть въ карты. Какое странное невѣжество!“ [3]

„Въ настоящихъ обстоятельствахъ — писалъ въ своемъ „Дневникѣ“ Никитенко — смерть его (Николая) является особенно важнымъ событіемъ, которое можетъ повести къ неожиданнымъ результатамъ. Для Россіи, очевидно, наступаетъ новая эпоха. Императоръ умеръ, да здравствуетъ императоръ! Длинная и, надо таки сознаться, безотрадная страница въ исторіи русскаго царства дописана до конца.“ [4]

Герценъ, ненавидѣвшій Николая со всѣмъ пыломъ своего благороднаго сердца, описываетъ въ „Быломъ и Думахъ“, съ какимъ необузданнымъ восторгомъ встрѣчена была вѣсть о его смерти въ Лондонѣ вообще и, въ особенности, въ кругу политическихъ refugiers того времени. „На улицахъ, на биржѣ, въ трактирахъ только и рѣчи было о смерти Николая, я не видалъ ни одного человѣка, который бы не легче дышалъ, узнавши, что это бѣльмо снято съ глазъ человѣчества, и не радовался бы, что этотъ тяжелый тиранъ въ ботфортахъ, наконецъ, зачисленъ по химіи.

„Въ воскресенье домъ мой былъ полонъ съ утра; французскіе, польскіе рефюжье, нѣмцы, италіанцы, даже англійскіе знакомые приходили, уходили съ сіяющими лицами, день былъ ясный, теплый, послѣ обѣда мы вышли въ садъ.

„На берегу Темзы играли мальчишки, я подозвалъ ихъ къ рѣшеткѣ и сказалъ имъ, что мы празднуемъ смерть ихъ и нашего врага, бросилъ имъ на пиво и конфекты цѣлую горсть мелкаго серебра. Уре! уре! — кричали мальчишки — impernikel is dead!...

„Смерть Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчасъ написалъ напечатанное потомъ письмо къ императору Александру и рѣшился издавать „Полярную Звѣзду“.

„Да здравствуетъ разумъ!“ — невольно сорвалось съ языка въ началѣ программы. Полярная Звѣзда (Рылѣевская) скрылась за тучами Николаевскаго царствованія; Николай прошелъ и „Полярная Звѣзда“ явится снова въ день нашей великой пятницы, въ тотъ

[1] Барсуковъ, XIII, стр. 396.
[2] Тамъ же, стр. 397.
[3] Тамъ же, стр. 394.
[4] „Записки и дневникъ А. В. Никитенка“, I, стр. 568.

день, въ который пять висѣлицъ сдѣлались для насъ пятью распятіями...“ [1]

Послѣ смерти императора Николая фонды наши на биржѣ разомъ поднялись вслѣдствіе всеобщей надежды на близкое окончаніе войны.[2]

При всемъ безконечномъ разнообразіи въ отношеніи къ личности императора Николая, выразившемся въ вышеприведенныхъ отзывахъ, во всѣхъ ихъ сквозитъ одно и то же сознаніе неизбѣжности коренного измѣненія всей политики, всей административной системы, всего строя русской государственной и общественной жизни, измѣненія, которое обусловливалось не только перемѣной личности Государя, но болѣе могущественнымъ дѣйствіемъ грозныхъ историческихъ обстоятельствъ. Сознаніе и ощущеніе этихъ обстоятельствъ заставило содрогнуться слабое сердце старика Аксакова и наполнило восторгомъ и радостью боевое сердце А. И. Герцена.

При такихъ обстоятельствахъ пришлось Александру II принять бразды правленія.

„Команда“ досталась ему, дѣйствительно, не въ добромъ порядкѣ. Прежде всего приходилось такъ или иначе закончить несчастную войну, которая уже разорила наши финансы, исчерпала до дна всѣ наши военные рессурсы и могла — если бы затянулась — грозить цѣлости Россійской державы.

Севастополь стойко противился соединеннымъ силамъ англичанъ и французовъ, но каждый день уносилъ массу жертвъ; войска наши таяли, ихъ приходилось замѣнять новыми и новыми баталіонами. Австрійцы еще при Николаѣ стали грозить съ тыла нашей Дунайской арміи — и ей пришлось снять осаду съ Силистріи и отступить, очистивъ Молдавію и Валахію, которыя были тотчасъ же заняты австрійскими войсками. Но и отсюда войска наши нельзя было перевести въ Крымъ, потому что австрійцы, грозившіе объявить намъ съ новаго года войну, если мы не поспѣшимъ заключить миръ съ англичанами и французами, могли вторгнуться здѣсь въ наши предѣлы. По той же причинѣ приходилось держать наготовѣ сильный корпусъ и на самой австрійской границѣ и цѣлую армію въ Польшѣ, не говоря о Закавказьѣ, куда можно было опасаться вторженія турокъ весной. Берега Балтійскаго моря охранялись также отдѣльнымъ корпусомъ. Берега Бѣлаго моря и Тихаго океана оставались не защищенными. Между тѣмъ созывомъ ополченія наши боевыя силы были напряжены до крайности...

Патріоты совѣтовали кликнуть кличъ, сдѣлать войну народной и поднять славянъ, подвластныхъ Турціи и Австріи. Но могло ли рѣшиться на такую революціонную мѣру правительство, державшее народъ въ рабствѣ и привыкшее даже въ чужихъ странахъ поддерживать однѣ реакціонныя партіи и правительственный гнетъ противъ возставшихъ народовъ?

Только крайнее разстройство финансовъ въ Австріи да геройское упорство нашихъ войскъ въ Севастополѣ спасли насъ отъ войны съ соединенными силами почти всей Европы.[3]

---

[1] Герценъ. „Былое и Думы“, т. IV, стр. 401.

[2] Кн. О. Трубецкая. „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, т. I, стр. 54.

[3] Ср. между прочимъ Татищева: „Императоръ Александръ II, его жизнь и царствованіе“ I, 139—173; Барсукова: „Жизнь и труды М. П. Погодина“ XIV; кн. Васильчикова (В. И.): „Воспоминаніе объ очи-

Миръ былъ заключенъ менѣе обидный и невыгодный для Россіи, нежели можно было разсчитывать.

Теперь приходилось подумать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Необходимость ихъ была ясна каждому здравомыслящему человѣку. „Хорошо, что мы заключили миръ, — сказалъ Государю кн. М. Д. Горчаковъ, возвратившись изъ Крыма — дальше воевать мы были не въ силахъ. Миръ дастъ намъ возможность заняться внутренними дѣлами, и этимъ должно воспользоваться. Первое дѣло — нужно освободить крестьянъ, потому что здѣсь узелъ взякихъ золъ.“ [1]

Это было справедливо, Александръ самъ понималъ это, но какъ за это приняться — этого онъ не зналъ и никто изъ его приближенныхъ не могъ ему этого сказать. Гораздо легче было начать отмѣну разныхъ реакціонныхъ и обскурантныхъ мѣръ, принятыхъ послѣ 48 года. Съ этого и начали. Раньше всего поворотъ къ лучшему замѣтенъ сталъ въ области печати: здѣсь перемѣна до извѣстной степени была возможна безъ законодательныхъ мѣръ.[2] Прежде всего перемѣна сказалась на допущеніи новыхъ значительно дополненныхъ изданій Пушкина и Гоголя, предпринятыхъ, впрочемъ, еще въ предшествующее царствованіе. Намъ теперь трудно понять все общественное значеніе этого факта, но вотъ какъ объ немъ отзывался Добролюбовъ три года спустя, когда самъ онъ уже сильно охваченъ былъ скептицизмомъ: „Всѣ еще помнятъ, вѣроятно — писалъ онъ въ 1858 г. — какой живой восторгъ возбудило три года тому назадъ во всей читающей публикѣ извѣстіе о новомъ изданіи Пушкина подъ редакціею г. Анненкова. Послѣ вялости и мелкоты, которою отличалась наша литература за семь или за восемь лѣтъ передъ тѣмъ, это изданіе было событіемъ не только литературнымъ, но и общественнымъ. Русскіе, любившіе Пушкина, какъ честь своей родины, какъ одного изъ вождей ея просвѣщенія, давно уже пламенно желали новаго изданія его сочиненій, достойнаго его памяти, и встрѣтили предпріятіе г. Анненкова съ восхищеніемъ и благодарностью. И въ самомъ дѣлѣ, память Пушкина какъ будто повѣяла еще разъ жизнью и свѣжестью на нашу литературу, точно окропила насъ живой водой и привела въ движеніе наши окостенѣвавшіе отъ бездѣйствія члены. Вслѣдъ за Пушкинымъ вышло второе изданіе „Мертвыхъ душъ“, потомъ второй томъ ихъ, затѣмъ полное изданіе Гоголя, потомъ изданіе Кольцова съ біографіей его, написанной Бѣлинскимъ.... Впрочемъ, нечего и перечислять столь недавніе и общеизвѣстные факты; довольно сказать, что со времени изданія Пушкина, первые томы котораго вышли въ началѣ 1855 года, наша литература оживилась замѣтно, несмотря на громы войны, несмотря на тяжелыя событія, сопряженныя съ войной.“ [3]

щеніи Севастополя“ („Русь“ за 1880 г. № 2, стр. 17). Замѣчательно, что кн. Васильчиковъ, полагавшій, что если бы Паскевичъ не оказалъ систематической обструкціи передвиженію двухъ корпусовъ съ юго-западной границы въ Крымъ, то союзникамъ пришлось бы дорого поплатиться за свое рискованное предпріятіе, оканчиваетъ свою любопытную статью слѣдующими характерными словами: „свыше было рѣшено иначе; вѣроятно, для того, чтобы мы, русскіе, не зазнались окончательно, взглянули серьезно на внутреннія наши неурядицы и подумали бы о врачеваніи своихъ недуговъ.“

[1] Барсуковъ, „Жизнь Погодина“, т. XIV, стр. 207, письмо К. Д. Кавелина къ М. П. Погодина отъ 30-го января 1856 г.

[2] К. К. Арсеньевъ, „Законодательство о печати“, С.-Петербургъ 1903 г., стр. 5 и 6.

[3] Сочиненія Н. А. Добролюбова, т. I, стр. 419.

Вслѣдъ за тѣмъ періодической печати предоставленъ былъ большій просторъ въ сужденіяхъ. Лѣтомъ 1855 г. было разрѣшено, по ходатайству „Современника“, печатаніе корреспонденцій съ театра войны, составлявшее до тѣхъ поръ монополію „Русскаго Инвалида“. Вскорѣ, съ легкой руки Каткова, право касаться вопросовъ внѣшней и внутренней политики, предоставленное до тѣхъ поръ только четыремъ газетамъ, было распространено на всѣ періодическія изданія.[1] Наконецъ, осенью 1855 г. послѣдовало разрѣшеніе Каткову издавать въ Москвѣ по обширной программѣ „Русскій Вѣстникъ“, а вслѣдъ затѣмъ и славянофиламъ — „Русскую Бесѣду“, при чемъ со славянофиловъ снято было запрещеніе печатать статьи безъ особаго разрѣшенія Бутурлинскаго комитета, который и самъ былъ, наконецъ, упраздненъ въ концѣ 1855 г.[2]

На ряду съ этими мѣрами университетамъ разрѣшено было (въ ноябрѣ 1855 г.) принимать на всѣ факультеты студентовъ въ неограниченномъ числѣ, а заслуженнымъ профессорамъ, оставшимся на вторичную службу, возвращены были пенсіи, отнятыя у нихъ указомъ 1852 г. Рѣшено въ Сибири открыть университетъ, въ Варшавѣ возстановить Медицинскую Академію и юридическіе курсы, а въ началѣ 1856 вновь разрѣшено посылать за границу молодыхъ ученыхъ для приготовленія къ профессорской дѣятельности. Словомъ, какъ мѣтко выразился Кавелинъ, вытаскивались „послѣдніе камни, набросанные Ширинскими“[3], и возстановлялось положеніе дѣлъ при Уваровѣ. Къ числу подобныхъ же благодѣтельныхъ отмѣнъ разныхъ стѣснительныхъ постановленій Николаевскаго царствованія слѣдуетъ причислить: 1. отмѣну всеобщаго запрещенія выѣзда русскихъ подданныхъ за границу и уничтоженіе огромныхъ пошлинъ съ заграничныхъ паспортовъ; 2. отмѣну принудительной отдачи въ военную службу дѣтей разночинцевъ, а также нѣкоторыхъ постановленій о кантонистахъ; 3. отмѣну нѣкоторыхъ жестокихъ постановленій о рекрутствѣ евреевъ и 4. отмѣну стѣснительныхъ законовъ о службѣ уроженцевъ западныхъ губерній. Всѣ эти отмѣны и облегченія послѣдовали въ первые $1^1/_2$ года царствованія Александра.[4]

Настрадавшееся за послѣдніе годы общество съ восторгомъ и благодарностью принимало извѣстія объ этихъ мѣрахъ и терпѣливо ожидало болѣе серьезныхъ коренныхъ преобразованій. Всякій пустякъ вызывалъ горячее одобреніе. Такъ, напримѣръ, Норовъ въ годовомъ отчетѣ за 1855 г. по Министерству Народнаго Просвѣщенія употребилъ фразу: „На этой почвѣ, столь тщательно приготовленной (!) и нынѣ согрѣваемой царственной благостью, могутъ произрастать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣянія.“ Государь противъ этихъ словъ, столь обычныхъ въ отчетахъ, написалъ: „Дай Богъ!“ И этого было достаточно, чтобы привести въ умиленіе Чернышевскаго, который весь отчетъ Министра Народнаго Просвѣщенія

[1] К. К. Арсеньевъ н. с. стр. 6. „Къ этому времени — пишетъ г. Арсеньевъ — относится явленіе, небывалое ни прежде, ни послѣ: широкая популярность нѣкоторыхъ цензоровъ (въ особенности Бекетова и Крузе), скоро сходившихъ съ оффиціальной сцены, но оставившихъ по себѣ добрую память, до сихъ поръ соединенную съ ихъ именами.“

[2] Подробности см. у Барсукова, „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XIV, стр. 255—288 и 312—343.

[3] Кн. Ширинскій-Шахматовъ, Министръ Народнаго Просвѣщенія съ 1849 по 1853 г.

[4] Всеподданнѣйшій отчетъ Норова за 1855 годъ, напечатанный въ „Современникѣ“ за 1856 г. № 8; письма Кавелина къ Погодину у Барсукова, т. XIV, стр. 218. Дневникъ П. А. Валуева („Русская Старина“ за 1891 г. № 6, стр. 512).

перепечаталъ въ „Современникѣ“ въ той увѣренности, какъ онъ самъ пояснилъ, что „читателямъ будетъ пріятно съ новою благодарностью къ монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которымъ такъ прекрасно ознаменованъ былъ истекшій (1855) годъ.“[1] Послѣ такой выходки Чернышевскаго — этого будущаго, „желчевика“ — неудивительны восторги московскихъ славянофиловъ или такого благодушнаго западника, какимъ былъ К. Д. Кавелинъ.

Всякое слово, сказанное Александромъ, истолковывалось въ это время въ сторону общественнаго возрожденія.

Это чувство наступившей весны, послѣ долгой, суровой зимы Николаевскаго царствованія, порождало во всѣхъ — на ряду съ рѣзкимъ осужденіемъ только что пережитой эпохи — какой-то безграничный оптимизмъ, переходившій у многихъ въ настоящее опьяненіе . . .[2]

Въ виду этой желанной и такъ долго жданной весны, всѣ передовыя группы тогдашняго общества забыли свои партійные раздоры и междоусобія и прониклись свѣтлымъ и единодушнымъ стремленіемъ къ свободѣ, къ обновленію всего быта.

„Время теперь такое — писалъ Кавелинъ Погодину 3-го ноября 1855 г. —, что всѣмъ честнымъ и благомыслящимъ людямъ въ Россіи надобно забыть о взаимныхъ неудовольствіяхъ, личныхъ, литературныхъ и научныхъ, и отставить несогласіе въ образѣ мыслей на второй планъ, а на первый — единство, довѣріе взаимное, соглашеніе хоть въ томъ, въ чемъ согласиться можно, а такихъ пунктовъ гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Теперь больше, чѣмъ когда-нибудь, можетъ быть столько же, сколько въ 1612 году, Россія требуетъ вѣрной службы отъ своихъ сыновъ и знать не хочетъ ихъ маленькихъ несогласій.“[3] И едва ли справедливо упрекать Кавелина за это, конечно, вполнѣ искреннее письмо, какъ это сдѣлалъ недавно одинъ современный намъ писатель.[4] Во-первыхъ, тогда самъ Грановскій многое простилъ Погодину за его политическія письма и нѣкоторыя статьи того времени; во-вторыхъ, если считать излишнимъ ребяческимъ довѣріемъ поступокъ Кавелина, то, вѣдь, придется и Чернышевскаго счесть за младенца, еще болѣе довѣрчиваго, нежели Кавелинъ.[5] Особенное сочувствіе выражалъ въ это время Чернышевскій лучшимъ изъ московскихъ славянофиловъ и ихъ журналу „Русской Бесѣдѣ“. Привѣтствуя первую книжку „Русской Бесѣды“, онъ писалъ въ маѣ 1856 г.: „Разногласіе между убѣжденіями славянофиловъ, органомъ которыхъ хочетъ быть „Русская Бесѣда“, и убѣжденіями людей, противъ которыхъ они возстаютъ, касается многихъ очень важныхъ вопросовъ. Но въ другихъ, еще болѣе существенныхъ стремленіяхъ, противники совершенно сходятся, мы въ томъ убѣждены. Мы хотимъ свѣта и правды — „Русская

[1] „Современникъ“, августъ 1856 г. „Замѣтки о журналахъ“. Перепечатано въ изданіи М. Н. Чернышевскаго: „Замѣтки о современной литературѣ 1856—1862 гг.“, С.-Петербургъ 1894 г., стр. 81.

[2] Художественное описаніе этого момента, хотя и подернутое довольно ѣдкой ироніей, далъ Л. Н. Толстой въ первыхъ страницахъ своего неоконченнаго романа „Декабристы“.

[3] Барсуковъ, н. с. XIV, стр. 202.

[4] „Русское Богатство“ за 1902 г. № 9, статья В. А. Мякотина, стр. 71.

[5] Кавелину его благодушное настроеніе не помѣшало дать должный отпоръ В. В. Григорьеву за его скверную статью о Грановскомъ, а Чернышевскій даже и объ этой статьѣ отозвался уклончиво. Сравн. „Современникъ“ за 1856 г. № 24 (назв. изд. Чернышевскаго, стр. 173).

Бесѣда“ также; мы, по мѣрѣ силъ, возстаемъ противъ пошлаго, низкаго и грязнаго — „Русская Бесѣда“ также; мы считаемъ коренным врагомъ нашимъ въ настоящее время невѣжественную апатію, мертвенное пустодушіе, лживую мишуру — „Русская Бесѣда“ также. И, каковы бы ни были разногласія, мы увѣрены, что „Русская Бесѣда“ въ сущности точно такъ же понимаетъ всѣ эти слова, какъ и мы. Согласіе въ сущности стремленій такъ сильно, что споръ возможенъ только объ отвлеченныхъ и потому туманныхъ вопросахъ. Какъ только рѣчь переносится на твердую почву дѣйствительности, касается чего-нибудь практическаго въ наукѣ или жизни, коренному разногласію нѣтъ мѣста; возможны только случайныя ошибки съ той или другой стороны, отъ которыхъ и та, и другая сторона съ радостью откажется, какъ скоро кѣмъ-нибудь изъ чьихъ бы то ни было рядовъ будетъ высказано болѣе здравое рѣшеніе, потому что тутъ нѣтъ разъединенія между образованными русскими людьми: всѣ хотятъ одного и того же.

„Въ самомъ дѣлѣ, чего хотимъ мы всѣ? — увеличенія числа учащихся и выучивающихся; усиленія научной и литературной дѣятельности; проложенія желѣзныхъ дорогъ; разумнаго распредѣленія экономическихъ силъ и т. д....“ Подъ „разумнымъ распредѣленіемъ экономическихъ силъ“ разумѣлось, конечно, упраздненіе крѣпостного права, о чемъ говорить открыто въ печати еще не разрѣшалось въ 1856 году.

„Мы увѣрены — продолжаетъ Чернышевскій — что какихъ бы началъ ни держался человѣкъ въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ, онъ также будетъ отвергнутъ и „Русскою Бесѣдой“, какъ и нами, если не хочетъ всего этого. Возьмемъ вопросы болѣе частные. Чего, напримѣръ, требуетъ „Русская Бесѣда“ въ сферѣ научной дѣятельности? Полнѣйшаго и основательнѣйшаго знакомства съ европейскою наукою;[1] усиленной разработки всѣхъ отраслей науки, касающейся русскаго міра, преимущественно русскаго быта и исторіи. Прекрасно. Мы всѣ хотимъ того же самаго, и „Русская Бесѣда“, конечно, не оскорбитъ никого изъ грамотныхъ людей подозрѣніемъ, что онъ не раздѣляетъ этихъ желаній. Въ чемъ же несогласіе между нами и славянофилами? — Въ вопросахъ, которые могутъ быть очень важны для Германіи или для Франціи, но которымъ у насъ не пришло еще время — служить достаточнымъ основаніемъ для разъединенія здравомыслящихъ людей. Эти вопросы теоретическіе, пока еще вовсе не имѣющіе у насъ приложенія къ жизни, — вопросы, ведя споръ о которыхъ (насколько у насъ возможенъ споръ о нихъ), можно и должно у насъ не разрывать рукъ, соединяемыхъ въ дружеское пожатіе согласіемъ относительно вопросовъ, существенно важныхъ въ настоящее время для нашей родины.“[2]

---

[1] Тутъ Чернышевскій обращаетъ вниманіе читателя „Современника“ на то, „что въ статьяхъ лучшихъ участниковъ „Русской Бесѣды“ это требованіе выражено съ отсутствіемъ всякой двусмысленности. Этого для насъ довольно. Нужна намъ европейская наука? — вотъ въ чемъ вопросъ, а не въ томъ, изъята ли она въ своемъ нынѣшнемъ видѣ отъ всякихъ недостатковъ и во всемъ ли уже достигла совершенства, — этого никто не думаетъ и въ западной Европѣ, никто изъ умныхъ людей не думаетъ и у насъ.“

[2] „Современникъ“ за 1856 г. № 6 „Замѣтки о журналахъ“, перепечатано въ названномъ изданіи М. Н. Чернышевскаго, стр. 31—33. Славянофилы придавали большое значеніе столь дружественнымъ отзывамъ „Современника“. (Срав. письмо Кошелева къ Черкасскому въ „Матеріалахъ“ для біографіи послѣдняго, I, стр. 75.)

Такъ писалъ этотъ будущій „желчевикъ“ Н. Г. Чернышевскій въ 1856 г. Единственный сотрудникъ (онъ же и номинальный редакторъ) „Русской Бесѣды“, котораго Чернышевскій не выносилъ и тогда — и, конечно, вполнѣ основательно, — былъ Тертій Филипповъ, общественные взгляды котораго не вполнѣ гармонировали, впрочемъ, и со взглядами главнѣйшихъ вожаковъ славянофильства.[1]

Столь же дружелюбно отношеніе „Современника“ вообще и Чернышевскаго въ частности къ Каткову и его „Русскому Вѣстнику“ и къ талантливому критику этого журнала Н. Ф. Павлову.[2]

И не одинъ Чернышевскій былъ тогда въ такомъ розовомъ и благодушномъ настроеніи. Таково же было настроеніе и Аксаковыхъ, которые согласились выставить свои имена рядомъ съ именами западниковъ, въ числѣ сотрудниковъ „Русскаго Вѣстника“ Каткова. Таково же было настроеніе Погодина, желавшаго одно время передать редактированіе „Москвитянина“ другу Грановскаго, Е. Ф. Коршу.

Таково было настроеніе всего передового русскаго общества, отставившаго на второй планъ всѣ свои внутреннія несогласія передъ великими и жизненными вопросами данной минуты...

3.

Къ молодому царю во всѣхъ классахъ общества и въ народѣ проявлялось въ то время единодушное и нелицемѣрное сочувствіе. Но, несмотря на это сочувствіе, шумно и восторженно выражавшееся, положеніе Александра Николаевича было трудное. Онъ не былъ рожденъ реформаторомъ; еще менѣе могъ подготовить его къ этой миссіи суровый режимъ Николаевскаго царствованія. Онъ получилъ, правда, недурное образованіе; Жуковскій съ дѣтства успѣлъ внушить ему кое-какіе гуманные принципы. Но послѣдующая придворная жизнь и мелочная военная служба отразились на его характерѣ очень замѣтно. Съ 48-го года онъ пережилъ мрачное реакціонное настроеніе, охватившее его вмѣстѣ со всѣми близкими ему людьми. Какъ разъ въ это время Николай пріобщилъ его къ дѣламъ управленія и Александръ Николаевичъ получилъ возможность довольно близко познакомиться съ тогдашней правительственной рутиной. Но и это знакомство съ рутиной, конечно, ни мало не могло приготовить его къ предстоявшей ему великой исторической роли.

---

[1] Ср. мнѣніе о немъ И. С. Аксакова (Письма, III, 327). Повидимому, неважнаго мнѣнія о Филипповѣ были и С. Т., и К. С. Аксаковы (тамъ же, стр. 239). Скептически относился къ нему и кн. Черкасскій („Матеріалы“, стр. 77).

[2] Недавно въ воспоминаніяхъ А. Н. Пыпина („Вѣстникъ Европы“ за 1908 г. № 11) мы прочли, что первымъ поводомъ къ раздору между знаменитыми беллетристами сороковыхъ годовъ (Григоровичемъ, Тургеневымъ и др.) и Чернышевскимъ послужила шуточная замѣтка послѣдняго въ № 3 „Современника“ за 1855 г. подъ заглавіемъ: „Новыя повѣсти. Разсказы для дѣтей.“ Едва ли это такъ. Стоитъ перечитать „Замѣтки о журналахъ“ въ № 9 за 1856 г. и въ №№ 1 и 2 за 1857 г. „Современника“, чтобы убѣдиться, что иронія статьи „Новыя повѣсти“ не могла относиться къ Григоровичу или Тургеневу, а развѣ къ ихъ безталаннымъ подражателямъ, особенно къ подражателямъ первому изъ нихъ и потому для нихъ не могло быть въ то время и повода обижаться на эту замѣтку. Если же они приняли ее на свой счетъ, то Чернышевскій, безъ сомнѣнія, развѣ́яснилъ имъ ихъ ошибку, а послѣдующими своими отзывами о Григоровичѣ онъ постарался уничтожить послѣдніе слѣды этого недоразумѣнія. Подтвержденіемъ моему мнѣнію служитъ письмо И. С. Тургенева къ Дружинину отъ 30 октября 1856 г., въ которомъ онъ защищаетъ Чернышевскаго и даетъ замѣчательно вѣрное опредѣленіе тогдашняго его литературнаго значенія. (См. „Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева“, стр. 26.) Мало того, даже къ Дружинину, направленіе и вкусы котораго еще меньше могли гармонировать со вкусами и направленіемъ Чернышевскаго, этотъ послѣдній относился въ 1856 г. вполнѣ дружественно и выразилъ даже увѣренность, что „Библіотека для чтенія“ сразу станетъ въ ряду лучшихъ нашихъ журналовъ, разъ руководительство ею приметъ на себя такой писатель, какъ А. В. Дружининъ. Даже Погодину, по поводу возобновленія „Москвитянина“, Чернышевскій высказалъ нѣсколько комплиментовъ и выразилъ ему живѣйшую и несомнѣнно искреннюю признательность за опубликованіе писемъ Гоголя.

Неудачная война открыла ему, какъ и многимъ, глаза на негодность существующаго строя. Онъ сознадъ необходимость преобразованій и явно рѣшился быть преобразователемъ, но приняться за нихъ оказалось дѣломъ нелегкимъ. Нужно было имѣть опредѣленный планъ, а у него не было ни плана, ни даже ясно усвоенныхъ руководящихъ принциповъ. Онъ понялъ необходимость простора и свѣта, но не умѣлъ ихъ дать и часто боялся даже ихъ допустить. Представлявшійся ему вновь назначенный попечитель Московскаго округа высказываетъ ему, что гласность необходима. „И я такъ думаю — отвѣчаетъ ему Александръ, — только у насъ дурное направленіе.“ Въ другой разъ онъ говоритъ одному изъ представителей цензурнаго вѣдомства: „Есть стремленія, которыя не согласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ.“ (!)[1] Эти фразы, заключающія въ себѣ внутреннее противорѣчіе, чрезвычайно характеристичны для Александра. Послѣ паденія Севастополя Александръ Николаевичъ отправился къ арміи; онъ многое осмотрѣлъ со вниманіемъ и самъ воочію убѣдился, какое ужасающее воровство тамъ процвѣтало. Тѣмъ не менѣе, онъ не выносилъ, чтобы при немъ свободно говорили объ этомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у императрицы Пирогова, который, не стѣсняясь, высказалъ правду объ этомъ щекотливомъ предметѣ. „Государь — передаетъ современникъ — не вѣрилъ, выходилъ изъ себя и говорилъ: неправда, не можетъ быть! и возвышалъ голосъ. А Пироговъ, также возвысивъ голосъ, отвѣчалъ: Правда, Государь, когда я самъ это видѣлъ. — Это ужасно! воскликнулъ, наконецъ, царь и едва удержался отъ слезъ...“

При дворѣ въ началѣ новаго царствованія высшіе сановники всѣ чувствовали себя чрезвычайно растерянно. „Когда говоришь о чемъ-либо графу Л. А. Перовскому, онъ отвѣчаетъ: Помилуйте, до того ли теперь? Графъ Д. Н. Блудовъ не подписываетъ ни одной бумаги, говоря: Помилуйте, теперь не до того! Хорошо — прибавляетъ отъ себя тотъ же современникъ — что они чувствуютъ всю знаменательность настоящаго положенія, да жаль, что при этомъ нѣмѣютъ у нихъ руки и головы...“[2]

Всѣ думали только о томъ, какъ бы при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ удержать или улучшить свое положеніе. Около Александра не было тогда человѣка, который могъ бы явиться надежнымъ совѣтникомъ. Въ обществѣ возлагали надежды на отжившихъ свой вѣкъ стариковъ гр. Киселева и гр. Блудова и съ ужасомъ думали, что же будетъ, когда и они умрутъ.[3] Режимъ обскурантизма и гнета не могъ приготовить свободныхъ и даровитыхъ государственныхъ людей съ широкими идеями и свѣтлымъ взглядомъ.

Въ моментъ смерти императора Николая камарилья, управлявшая судьбами нашего отечества, состояла изъ слѣдующихъ лицъ. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ старый канцлеръ гр. Нессельроде, назначенный на эту должность еще въ 1814 г. Это

---

[1] Записки и дневникъ А. В. Никитенка, т. II, стр. 127 и 141.
[2] Барсуковъ, XIV, 121. Письмо Савельева къ Погодину.
[3] Барсуковъ, XIV, стр. 211. Письмо Кавелина отъ 17 марта 1856 г.

былъ представитель принциповъ Священнаго Союза, превратившагося, какъ извѣстно, въ союзъ государей противъ волнующихся народовъ. Александръ до 1854 г. тоже раздѣлялъ эти взгляды — и не мудрено: онъ былъ воспитанъ на нихъ. Но восточная война и, въ особенности, „австрійская измѣна“ заставили поколебаться въ нихъ даже самого Николая, а Александръ, повидимому, совершенно усвоилъ себѣ на внѣшнія дѣла ту точку зрѣнія, которую проводилъ въ своихъ письмахъ Погодинъ. Тѣмъ не менѣе уволить Нессельроде онъ рѣшился лишь послѣ Парижскаго мира. Во главѣ военнаго министерства стоялъ недальновидный царедворецъ и закоренѣлый обскурантъ кн. В. А. Долгорукій, вскорѣ назначенный начальникомъ 3-го отдѣленія. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ честный человѣкъ, но ужаснѣйшій самодуръ Д. Г. Бибиковъ. Ближе всѣхъ къ Николаю стояли: начальникъ 3-го отдѣленія шефъ жандармовъ, которымъ былъ въ то время кн. А. Ф. Орловъ, и министръ двора — гр. В. А. Адлербергъ. Оба они были личные друзья Николая, и потому къ нимъ Александръ Николаевичъ сохранялъ особенный піететъ. Такъ же относился онъ къ намѣстнику въ Царствѣ Польскомъ кн. Паскевичу и къ бывшему главнокомандующему крымской арміей кн. М. Д. Горчакову, занявшему постъ намѣстника въ Польшѣ послѣ смерти Паскевича въ январѣ 1856 г. Остальныя министерскія мѣста занимали: гр. Киселевъ и гр. Блудовъ, считавшіеся либералами, но враждовавшіе между собой, педантъ самодуръ гр. Панинъ, стяжавшій себѣ всеобщую ненависть гр. Клейнмихель и совершенно безличные люди, какъ Норовъ, Брокъ, Анненковъ и т. п.

Ко всѣмъ имъ Александръ Николаевичъ относился съ величайшей бережностью. Даже бездарнаго Брока, министра финансовъ, онъ рѣшился уволить только въ 1858 г., когда обнаружилось, что онъ въ своихъ отчетахъ выдавалъ за сбереженья не выполненные расходы; а между тѣмъ финансы были послѣ Крымской войны въ отчаянномъ положеніи и для управленія ими требовались особыя дарованія и основательная подготовка.[1]

Единственнымъ новымъ человѣкомъ, приближеннымъ къ императору, въ которомъ завистливые царедворцы усматривали будущаго временщика и уже называли „нашимъ Мазарини“, — былъ Я. И. Ростовцевъ. Только на него да на брата своего Константина могъ опереться молодой императоръ при проведеніи въ жизнь какихъ бы то ни было преобразованій. Важная историческая роль, которую довелось этимъ двумъ лицамъ сыграть въ началѣ царствованія Александра, заставляетъ насъ остановиться нѣсколько подробнѣе на ихъ характеристикѣ.

Великій князь Константинъ Николаевичъ былъ на 9 лѣтъ моложе Александра (онъ род. въ 1827 г.). Николай хотѣлъ сдѣлать изъ него моряка, и онъ получилъ соотвѣтственно этому суровое военное воспитаніе и довольно скудное, главнымъ образомъ спеціальное, образованіе. Но свѣтлый умъ и огромное честолюбіе помогли ему многое усвоить и переработать самостоятельно. Его блестящія дарованія обратили на себя вниманіе еще при Николаѣ и, едва достигнувъ двадцатипятилѣтняго возраста, онъ былъ поставленъ (въ 1853 г.)

[1] Срав. Татищева „Александръ II“, т. II, стр. 164, а также записки А. И. Кошелева, стр. 83 и приложеніе стр. 33.

во главѣ морского министерства. Понявъ послѣ Крымской кампаніи вмѣстѣ со всѣми образованными людьми необходимость преобразованія всего государственнаго строя, онъ сталъ стремиться къ осуществленію преобразованій гораздо смѣлѣе и послѣдовательнѣе своего брата. Благодаря этому, онъ вскорѣ сдѣлался при дворѣ наиболѣе сильной опорой и самымъ рѣшительнымъ двигателемъ всѣхъ либеральныхъ начинаній. Къ сожалѣнію, свѣтлая память о его дѣятельности, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, была омрачена впослѣдствіи рѣзко проявившимися въ немъ чертами самовластія и своекорыстія...[1] Но въ пятидесятыхъ годахъ друзья прогресса видѣли въ немъ защитника всего добраго, а приверженцы отживавшаго строя искренно ненавидѣли его и, выставляя на видъ его честолюбіе и рѣзкость, ехидно называли его — разумѣется, шепотомъ — герцогомъ Орлеанскимъ.

Личность Ростовцева, стоявшаго близко къ Александру по своей службѣ въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній (которыми Александръ завѣдовалъ, будучи наслѣдникомъ), была сильно запятнана въ глазахъ современниковъ, видѣвшихъ въ немъ одного изъ доносчиковъ на декабристовъ. Поэтому даже его благотворное участіе въ крестьянскомъ дѣлѣ разсматривалось, какъ слѣдствіе какого-то чудеснаго перерожденія его личности, и объяснялось легендами въ родѣ сказанія о какой-то клятвѣ, данной имъ умиравшему сыну.[2] Но ходячее представленіе о Ростовцевѣ едва-ли справедливо. Въ нашихъ глазахъ его должно бы было обѣлять, не говоря о дѣятельности его по крестьянскому дѣлу, уже и то отношеніе, которое сохранили къ нему Рылѣевъ и кн. Е. П. Оболенскій послѣ того, какъ онъ заявилъ имъ о своемъ намѣреніи предупредить Николая о грозящей ему опасности. Обстоятельство это — въ свое время совершенно неизвѣстное Герцену — документально подтверждается и разъясняется перепиской Ростовцева съ Евгеніемъ Оболенскимъ, напечатанной въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1873 годъ.[3] Ростовцевъ былъ, повидимому, неглупый, исполнительный, добродушный и дѣйствительно преданный Александру Николаевичу человѣкъ; но, разумѣется, онъ никогда не готовилъ себя къ той государственной роли, которую ему пришлось играть и которую онъ сыгралъ съ честью. За время многолѣтней совмѣстной службы Александръ Николаевичъ привыкъ къ нему, какъ привыкаетъ ребенокъ къ нянькѣ. Онъ привыкъ пользоваться его совѣтами и разсчитывать на его исполнительность и личную преданность. Съ самаго вступленія на престолъ онъ тотчасъ ввелъ Ростовцева въ Государственный Совѣтъ и въ Комитетъ Министровъ и еще до начала крестьянской реформы назначалъ его въ такіе комитеты, къ участію въ которыхъ Ростовцевъ былъ, пожалуй, еще менѣе подготовленъ, нежели къ участію въ крестьянскомъ дѣлѣ.[4] И, благодаря своей неподготовленности и полной не-

[1] Срав. записки А. И. Кошелева, стр. 190—192. Много весьма неблагопріятныхъ отзывовъ о Константинѣ Николаевичѣ автору настоящаго сочиненія приходилось слышать въ 70-хъ и 80-хъ годахъ въ кругу моряковъ по поводу постройки круглыхъ судовъ и т. п.

[2] „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпост. состоянія“, т. II, стр. 15 и слѣд., а также Джаншіева „Эпоха великихъ реформъ“, 7 изд., стр. 33.

[3] „Русскій Архивъ“ за 1873 г. № 1, стр. 510.

[4] Таково, напр., участіе Ростовцева въ комитетѣ, учрежденномъ въ 1856 г. для разсмотрѣнія Кокоревскихъ проектовъ о золотопромышленности. (Срав. Барсуковъ, т. XIV, стр. 465.) Немаловажную роль игралъ Ростовцевъ и въ дѣлахъ министерства народнаго просвѣщенія. (Срав. Никитенка, т. II, 38 и слѣд.)

опытности въ государственныхъ дѣлахъ, Ростовцевъ дѣлалъ на первыхъ порахъ грубыя ошибки, полагаясь на такихъ темныхъ дѣятелей, какъ Позенъ, который ослѣплялъ его своими финансовыми познаніями и смѣлыми комбинаціями. Благодаря увлеченію Ростовцева, Позенъ, отставленный за какія-то темныя продѣлки при Николаѣ, повидимому, имѣлъ одно время шансы занять мѣсто министра финансовъ. Впослѣдствіи Ростовцевъ глубоко въ немъ разочаровался.[1]

Съ обществомъ у Ростовцева, благодаря его репутаціи, не было никакихъ связей и онъ поэтому не могъ помочь Александру въ главномъ — не могъ указать ему подходящихъ дѣятелей для замышлявшихся преобразованій.

Въ этой нуждѣ государю могла бы оказать гораздо больше содѣйствія великая княгиня Елена Павловна, которая постоянно старалась открыть и привлечь все талантливое и даровитое, что являлось въ русской общественной жизни въ средѣ писателей, артистовъ, ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. Она выхлопотала въ свое время командировку Пирогова въ Севастополь, она старалась познакомиться и завязать дружественныя сношенія съ Грановскимъ и съ другими московскими профессорами, она всячески выдвигала и поддерживала въ ихъ общественной дѣятельности Дмитрія и Николая Милютиныхъ, Кавелина, Юрія Самарина, кн. Черкасскаго, В. А. Арцимовича, Ивана Аксакова и др. Но Александръ, питая къ ней искреннее уваженіе, все же не всегда полагался на ея отзывы и не могъ отрѣшиться вполнѣ отъ нашептываній и инсинуацій на нѣкоторыхъ изъ тѣхъ дѣятелей, которыхъ ему рекомендовала Елена Павловна, но которыхъ вовсе не одобряла окружающая его камарилья. Такова извѣстная исторія съ Николаемъ Милютинымъ, которому чуть-чуть не пришлось выйти въ отставку въ 1857 году изъ-за нелѣпыхъ обвиненій его въ какихъ-то демократическихъ замыслахъ и симпатіяхъ, будто-бы выразившихся въ составленіи имъ въ 1846 году новаго городового положенія для г. Петербурга, положенія, утвержденнаго самимъ императоромъ Николаемъ.[2]

Изъ среды общества съ первыхъ же дней царствованія стали поступать къ Государю записки, проекты и планы преобразованій, изъ которыхъ нѣкоторые были весьма замѣчательны. Александръ Николаевичъ читалъ эти записки, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, но боялся довѣриться людямъ изъ чуждой и неизвѣстной ему среды и все продолжалъ надѣяться выйти на новую дорогу при помощи тѣхъ старыхъ орудій управленія, которыя были у него въ наличности.

Въ числѣ проектовъ, поданныхъ Александру въ первые дни его царствованія, была замѣчательная записка Константина Аксакова, формулировавшая впервые оригинальную славянофильскую теорію государственнаго управленія: сила власти — царю, сила мнѣнія — народу. По этой теоріи царю оставлялась вся полнота самодержавной власти, но отъ него требовалось, чтобы онъ предоставилъ обществу неограниченную свободу совѣсти и слова и упразднилъ

---

[1] О Позенѣ см. въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпост. состоянія въ Россіи“, т. II, стр. 87 и въ „Запискахъ А. В. Никитенка“, т. II, стр. 51 и 57. Въ оправданіе себя самъ онъ напечаталъ нѣкоторые документы подъ заглавіемъ: „Бумаги М. П. Позена“, Дрезденъ 1864 г., но въ нихъ можно вѣрить подлиннымъ документамъ, а отнюдь не его комментаріямъ.

[2] A. Leroy-Beaulieu. „Un homme d'état russe — Nicolas Milutine“, p. 22 et etc.

всякое полицейское вмѣшательство въ частную, общинную и общественную жизнь народа. Признавая, что государственная власть и народъ должны быть въ отношеніи „взаимнаго невмѣшательства", Аксаковъ указывалъ, однако, что правительство должно существовать для народа, а не наоборотъ. Вредъ „угнетательной системы" Аксаковъ видѣлъ въ ея тенденціи, приводящей по необходимости къ отрицанію совѣсти и вѣры въ человѣкѣ, къ низведенію человѣка въ животное параллельно съ возведеніемъ царя въ Бога. Съ особою силою онъ ратовалъ въ этой запискѣ за свободу мнѣнія, свободу слова. Истина, по его мнѣнію, при свободѣ всегда восторжествуетъ; не вѣрить въ это — есть безбожіе. Онъ утверждалъ, между прочимъ, что правительство само, по собственной иниціативѣ, должно въ важныхъ случаяхъ обращаться за совѣтомъ къ народу, для чего въ прежнія времена и созывались земскіе соборы; но въ 1855 году онъ находилъ созваніе земскаго собора безполезнымъ, такъ какъ разобщенныя со времени Петровской реформы, благодаря правительственному гнету, сословія не могли, по его мнѣнію, дать голоса всей земли. Пока же онъ находилъ болѣе удобнымъ спрашивать по отдѣльнымъ вопросамъ мнѣнія отдѣльныхъ сословій.[1] Эта записка была представлена Александру черезъ гр. Д. Н. Блудова и потому, вѣроятно, была имъ прочитана. О томъ, какое она произвела впечатлѣніе въ придворныхъ кругахъ можно судить по замѣткамъ одного изъ куртизановъ В. А. Муханова, который, отдавая справедливость благородству автора, спѣшилъ прибавить, что совѣщаніе съ сословіями излишне, такъ какъ по положенію Государственнаго Совѣта при обсужденіи законодательныхъ вопросовъ и безъ того могутъ быть вызываемы спеціалисты. „Гласность — по мнѣнію Муханова, который вскорѣ назначенъ былъ членомъ главнаго управленія цензуры, — возможна единственно въ должныхъ предѣлахъ; а ввести ее, какъ желаетъ того авторъ, не только не полезно, но весьма опасно."[2]

Въ маѣ того же 1855 года А. И. Кошелевъ представилъ Государю записку „О денежныхъ средствахъ Россіи въ настоящихъ обстоятельствахъ".[3] Подробно разобравъ въ этой запискѣ и доказавъ недостаточность наличныхъ матеріальныхъ средствъ, которыми располагаетъ правительство для продолженія войны, Кошелевъ въ противоположность Аксакову признавалъ единственнымъ выходомъ изъ того положенія, въ какомъ находилось правительство, немедленное собраніе представителей всей русской земли. Судьба этой записки, по свидѣтельству самого Кошелева, была „печальна и комична": въ концѣ іюня онъ получилъ извѣщеніе „черезъ станового пристава" о томъ, что его „всеподданнѣйшее прошеніе" препровождено „по принадлежности къ министру финансовъ", и больше уже объ этомъ ничего не слышалъ.[4]

Такая судьба записки, однако же, ни мало его не расхолодила и въ письмѣ къ Погодину отъ 9 іюля 1855 г. онъ пишетъ, что уговаривалъ Хомякова написать записку о лжи церковной, а Самарина —

[1] Записка эта напечатана полностью въ „Руси" за 1881 г. № 26—28 (отъ 9, 16 и 23 мая).
[2] „Русскій Архивъ" за 1896 г. № 10, Записки В. А. Муханова.
[3] Напечатана полностью въ приложеніяхъ къ запискамъ А. И. Кошелева, стр. 33 и слѣд.
[4] Записки Кошелева, А. И., стр. 83.

о лжи правительственной. Самъ же собирался написать о лжи помѣщичьей, т. е. о крѣпостномъ правѣ, что и исполнилъ черезъ 1 ½ года. Кирѣевскаго онъ хотѣлъ уговорить написать о лжи общественной и частной.[1] Писаніе такихъ записокъ было сильно распространено въ это время. Наиболѣе замѣчательныя изъ этихъ записокъ, принадлежавшія перу Ю. Ф. Самарина и К. Д. Кавелина, были посвящены крѣпостному праву. Но о нихъ рѣчь впереди. Погодинъ тоже представилъ Государю записку „о царскомъ времени.“[2] Она написана очень оригинально и умно, но въ сравненіи съ прежними политическими письмами Погодина она представляетъ не болѣе, какъ ихъ перепѣвъ. Составляли и пускали въ оборотъ свои записки и нѣкоторые изъ служащихъ или отставныхъ чиновниковъ, въ надеждѣ обратить на себя вниманіе. И такія надежды нерѣдко осуществлялись. Къ числу такихъ записокъ принадлежатъ разнообразные проекты, представленные М. П. Позеномъ, и „Дума русскаго“, написанная П. А. Валуевымъ (въ то время лифляндскимъ губернаторомъ).[3] Эта послѣдняя обратила на себя особое вниманіе Константина Николаевича и дала ему мысль издать особый приказъ по морскому вѣдомству, въ которомъ онъ требовалъ искорененія лжи въ оффиціальныхъ отчетахъ и донесеніяхъ.[4] Всѣ такія записки распространялись среди публики во многочисленныхъ копіяхъ и вызывали разнообразные толки. Общество, видимо, пробуждалось отъ долговременнаго сна. „Здѣсь, въ Петербургѣ, — писалъ Кавелинъ въ началѣ 1856 г. — общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится...“[5]

Таково было настроеніе Петербургскаго общества; въ провинціи тоже наступило сильное броженіе, впечатлѣніе котораго ярко передаютъ намъ тогдашнія письма Ивана Аксакова къ роднымъ. Самъ онъ въ это время путешествовалъ по югу Россіи, служа сперва въ ополченіи, а потомъ приглашенный кн. В. И. Васильчиковымъ въ составъ комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій въ арміи. Настроеніе его, въ противоположность настроенію Кавелина, было вовсе не розовое. „Ахъ, какъ тяжело порою жить въ Россіи — восклицаетъ Аксаковъ въ письмѣ отъ 23-го ноября 1855 г. — въ этой вонючей средѣ грязи, пошлости, лжи, обмановъ, злоупотребленій, добрыхъ малыхъ — мерзавцевъ, хлѣбосоловъ — взяточниковъ, гостепріимныхъ плутовъ — отцовъ и благодѣтелей взяточниковъ!.... Чего ожидать отъ страны, создавшей и выносящей такое общественное устройство, гдѣ надо солгать, чтобъ сказать правду, надо поступить беззаконно, чтобы поступить справедливо, надо пройти всю процедуру обмановъ и мерзостей, чтобы добиться необходимаго, законнаго!“[6]

[1] Барсуковъ, т. XIV, стр. 49.
[2] Тамъ же, стр. 24 и слѣд.
[3] „Русская Старина“ за 1891 г., № 5, стр. 350.
[4] Тамъ же, стр. 359.
[5] Барсуковъ, т. XIV, стр. 210. Письмо Кавелина къ Погодину отъ 17 марта 1855 г.
[6] Письма, III, стр. 207.

Несмотря однако же на тонъ горечи и скептицизма, въ особенности по отношенію къ славянофильству, насквозь проникающій эти письма Аксакова, мы можемъ найти и въ нихъ яркое указаніе на пробужденіе въ провинціи всего мыслящаго: „Много я ѣздилъ по Россіи — пишетъ Аксаковъ 9 октября 1856 г. — имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, которые не знали бы наизустъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозитъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ, говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціяхъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны — взяточниковъ, чиновниковъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Они часто несутъ всякую чепуху и сами не видятъ, что путь ихъ логически оканчивается подлостью петербургскаго практицизма, но порицаніе и отрицаніе ихъ понятно. И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, — ищите такихъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго . . .“ [1]

Среди этого броженія провинціальное начальство, такъ же, какъ и высшее, во многихъ мѣстахъ потеряло голову. Съ одной стороны, въ обществѣ шли самые свободные разговоры, повсюду передавали и съ жадностью прочитывали многочисленные въ то время рукописные памфлеты и записки и первые выпуски „Полярной Звѣзды“ Герцена, только что проникшіе изъ-за границы. Съ другой, вдругъ неожиданно проявлялись вспышки усердія цензуры и Николаевской жандармеріи. Такъ, среди самыхъ свободныхъ разговоровъ въ концѣ 1855 г. въ Петербургѣ вдругъ арестованъ былъ и отвезенъ въ III отдѣленіе молодой человѣкъ изъ высшаго столичнаго общества (сынъ сенатора) Николай Мордвиновъ. Вскорѣ оказалось, что онъ арестованъ въ связи съ арестами цѣлаго ряда другихъ лицъ въ Тамбовѣ. Предлогомъ послужили кое-какія рукописи и брошюрки. Но полиція усиливалась доказать существованіе въ Тамбовѣ общества для пропаганды между крестьянами соціалистическихъ идей. „Подробности домашнихъ обысковъ въ Тамбовѣ отвратительны. Такъ и чуешь, — писалъ Кавелинъ — что тайная полиція, имѣя крайнюю надобность

[1] Письма, III, стр. 290.

заявить о своемъ существованіи, алчетъ и жаждетъ добычи. Точно возвратились 1849 и слѣдующіе года. На долго ли?“[1] Въ „Днев никѣ“ П. А. Валуева указано, что Мордвиновъ былъ авторомъ рукописной записки: „Восточный вопросъ съ русской точки зрѣнія“. На этой запискѣ Государь будто бы написалъ: „дѣльно, но желчно“ и велѣлъ сказать Мордвинову, что онъ желаетъ жить съ нимъ въ мирѣ, присовокупляя совѣтъ быть осторожнымъ и желаніе, чтобы Мордвиновъ на него не сердился. Флигель-адъютантъ, привезшій Валуеву эти свѣдѣнія изъ Петербурга (повидимому, не вполнѣ точныя), увѣрялъ, что въ числѣ арестованныхъ по этому дѣлу былъ даже Н. А. Милютинъ, въ то время директоръ хозяйственнаго департамента.[2] Эти преувеличенные слухи показываютъ, какой переполохъ произвели эти аресты въ обществѣ.

Впрочемъ, непріятное впечатлѣніе, произведенное на общество этимъ дѣломъ, вскорѣ улеглось, а самое „дѣло“, повидимому, не имѣло серьезныхъ послѣдствій.

Осенью 1855 г. послѣдовали первые перемѣны министровъ. Отставлены были: Бибиковъ (министръ внутреннихъ дѣлъ), замѣненный Ланскимъ, и Клейнмихель (главноуправляющій путями сообщенія, когда-то ближайшій сотрудникъ Аракчеева), замѣненный Чевкинымъ.

Отставку Клейнмихеля всѣ праздновали, какъ первую побѣду надъ врагами внутренними. Но замѣна Бибикова Ланскимъ многимъ показалась странной. Ланской считался приверженцемъ помѣщичьей партіи, а Бибиковъ былъ извѣстенъ, какъ защитникъ крестьянскихъ интересовъ въ Западномъ краѣ.[3] Недоумѣніе усилилось, когда Ланской опубликовалъ свой первый циркуляръ предводителямъ дворянства, въ которомъ онъ заявлялъ, между прочимъ, что Государь повелѣлъ ему „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству“. „Считаю себя счастливымъ — прибавлялъ министръ — передать о столь высокой милости Государя въ лицѣ вашемъ всему (такому-то) дворянству и вмѣстѣ съ особенно утѣшительнымъ для меня чувствомъ удостовѣряю, что, по собственному глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренившемуся убѣжденію, я всегда почиталъ дворянское сословіе вѣрнымъ сподвижникомъ державной власти и твердою опорою отечества.“[4] Для чего понадобились эти кудреватыя фразы — неизвѣстно. Но впечатлѣніе онѣ произвели большое. Крѣпостники раскупали этотъ циркуляръ нарасхватъ, такъ что пришлось отпечатать его вторымъ изданіемъ. Либералы были имъ очень смущены.[5] Но вскорѣ назначеніе особой комиссіи для разслѣдованія злоупотребленій военныхъ властей въ Крыму по продовольственной части и особенно заключительныя слова манифеста о мирѣ опять подкрѣпили всеобщія надежды на то, что правительство не отступится отъ необходимыхъ преобразованій.

Вслѣдъ за заключеніемъ мира Александръ Николаевичъ прибылъ въ Москву и совершенно неожиданно для всѣхъ — въ томъ числѣ

---

[1] Барсуковъ, XIV, стр. 204, 207.
[2] „Русская Старина“ за 1891 г. № 5, стр. 346—347.
[3] „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, I, 57. Барсуковъ, XIV, стр. 122 и слѣд.
[4] Татищевъ, I, стр. 302.
[5] „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. I, стр. 104.

и для Ланского — сказалъ дворянамъ свою извѣстную рѣчь о томъ, что „лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели ждать того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу“. Теперь уже въ намѣреніяхъ правительства не могло быть никакихъ сомнѣній — Государь прямо сказалъ дворянскимъ депутатамъ: „Прошу васъ, господа, обдумать, какъ бы привести все это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянамъ для соображенія.“ Вопросъ теперь заключался лишь въ томъ, устоитъ ли на этомъ Государь и какъ и въ какомъ видѣ совершится преобразованіе. Многіе не теряли надежды свести все дѣло на нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, растянуть его на долгій срокъ.

4.

Послѣ московской рѣчи Александра II, Ланской рѣзко измѣняетъ свой образъ дѣйствій, и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ начинается спѣшная подготовительная работа по крестьянской реформѣ. На первое время она сосредоточивается въ рукахъ Левшина (товар. министра), человѣка безспорно доброжелательнаго, но нерѣшительнаго и очень недальновиднаго.

Императоръ твердо рѣшилъ освободить крестьянъ, но ему хотѣлось повести эту реформу не по диктаторски, а такъ, чтобы инициатива шла по возможности со стороны самихъ дворянъ. Но дворянство не заявляло своихъ желаній по этой части и не спѣшило отвѣчать на прямой вызовъ императора... Теперь странно, конечно, было бы утверждать, что мысль объ освобожденіи крестьянъ была дворянству совершенно чужда. Историческія разслѣдованія послѣдняго времени разъяснили постепенное подготовленіе реформы въ умахъ передовыхъ представителей помѣщичьяго сословія и указали и тѣ матеріальные и нематеріальные факторы, которыми обусловливалось въ разныхъ мѣстахъ сознаніе необходимости упраздненія крѣпостного права.[1] Здѣсь не мѣсто подробно на нихъ останавливаться. Напомнимъ только, что развитію освободительнаго движенія въ дворянской средѣ, довольно сильно проявившемуся въ сороковыхъ годахъ, помѣшала наступившая послѣ 1848 г. реакція, когда Николай не только самъ отступился отъ всякой мысли объ улучшеніи положенія крѣпостныхъ, но и строжайше воспретилъ поднимать этотъ вопросъ кому бы то ни было. Въ мрачный періодъ конца его царствованія всѣ толки объ этомъ вопросѣ дѣйствительно смолкли, но, когда во время крымской кампаніи начались повсемѣстныя волненія крестьянъ и передъ умственнымъ взоромъ многихъ помѣщиковъ возстала картина народнаго бунта и рѣзни, въ родѣ пугачевщины, въ случаѣ иноплеменнаго нашествія на Россію, вопросъ этотъ возникъ съ новой силой. Объ этомъ мы имѣемъ прямыя и весьма компетентныя указанія А. И. Кошелева.

---

[1] Въ этомъ отношеніи достаточно сослаться на капитальный трудъ В. И. Семевскаго „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія“. СПБ. 2 т. Изъ числа позднѣйшихъ работъ можно отмѣтить книжку И. И. Игнатовича „Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія“, изд. 1900 г., и напечатанныя въ нынѣшнемъ году въ „Русскомъ Богатствѣ“ статьи А. А. Корнилова „Губернскіе комитеты въ 1858—1859 годахъ“.

Вознамѣрившись предпринять реформу крѣпостного строя и желая опереться на иниціативу самихъ дворянъ, правительство рѣшило воспользоваться для этого съѣздомъ представителей дворянства на коронацію лѣтомъ 1856 г. Левшину поручено было вести со съѣхавшимися представителями дворянства соотвѣтствующіе переговоры. Но дворяне и тутъ отмалчивались, и Ю. Ф. Самаринъ такъ объяснялъ тогда упорство дворянъ въ запискѣ, представленной имъ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ: „дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства".[1] Дворяне не вѣрили бюрократіи, представителемъ которой являлся Левшинъ. Они боялись говорить откровенно и особенно связать себя какими-либо обѣщаніями, потому что привыкли вообще ожидать отъ правительства дѣйствій самовластныхъ, иногда совершенно неожиданныхъ и для нихъ вовсе невыгодныхъ. Къ тому же въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ это время не было выработано еще никакого опредѣленнаго плана реформы, а министръ и его товарищъ, какъ огня, боялись всякихъ финансовыхъ операцій. Между тѣмъ въ большинствѣ губерній, гдѣ дворяне склонны были приступить къ упраздненію крѣпостного права, они ставили условіемъ sine qua non выкупъ крѣпостныхъ съ землей или безъ земли, но непремѣнно съ гарантіей правительства.

На всѣ намеки и прямыя обращенія Ланского и самого Государя къ представителямъ, являвшимся въ Петербургъ послѣ коронаціи, они или отмалчивались, или уклончиво отвѣчали, что дворяне, „не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ".[2]

Пробовала было вел. кн. Елена Павловна начать агитацію среди помѣщиковъ Полтавской губерніи, гдѣ у нея было имѣніе, но и отсюда ничего существеннаго не вышло.

Нѣкоторую склонность пойти на встрѣчу неяснымъ намекамъ и предложеніямъ правительства обнаружили лишь представители литовскихъ губерній, надѣявшіеся при помощи личнаго освобожденія крестьянъ безъ земли отдѣлаться отъ инвентарей, которые они считали для себя въ высшей степени стѣснительными и невыгодными. Вновь назначенный виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ взялся добиться отъ нихъ оффиціальнаго заявленія о желаніи освободить крестьянъ.

Это и было ему поручено.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по докладу Ланского, рѣшено было образовать для обсужденія мѣръ къ постепенному освобожденію крестьянъ негласный комитетъ, по образу и подобію такихъ же комитетовъ Николаевскаго царствованія. Членами этого комитета назначены были тѣ же лица, которыя входили въ составъ камарильи, управлявшей дѣлами государства и которыхъ Александру Николаевичу не удалось замѣнить свѣжими людьми. Это были почтенные старцы, хранители отжившихъ традицій съ кн. Орловымъ во главѣ, причемъ

---

[1] Самаринъ. Сочиненія, II, стр. 139.

[2] Докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 29 декабря 1856 г. Срав. Левшина „Достопамятныя минуты моей жизни" „Рус. Архивъ" за 1885 г. № 8.

среди нихъ не оказалось даже того единственнаго сановника Николаевскихъ временъ, котораго Николай назвалъ когда-то шутя начальникомъ своего штаба по крестьянской части: гр. Киселёвъ былъ незадолго передъ тѣмъ отправленъ посломъ въ Парижъ.[1]

Мы не будемъ слѣдить за сонными дѣйствіями этого комитета, тѣмъ болѣе, что они уже неоднократно были описаны въ нашей исторической литературѣ.[2] Всѣ они, какъ извѣстно, не имѣли, въ сущности, никакого значенія и клонились болѣе или менѣе къ оттяжкѣ и ослабленію эмансипаціонныхъ видовъ правительства. Гораздо болѣе значенія имѣли подготовительныя работы министерства внутреннихъ дѣлъ, которыя продолжались независимо отъ работъ комитета. Эти работы имѣли болѣе значенія потому, что впослѣдствіи послужили въ значительной мѣрѣ основаніемъ для указаній, данныхъ губернскимъ комитетамъ въ рескриптахъ 1857 и 1858 гг. Общіе выводы, къ которымъ пришло министерство внутреннихъ дѣлъ, были резюмированы въ докладѣ 26 іюля 1857 г. Главныя положенія доклада были заимствованы Левшинымъ изъ различныхъ записокъ, составленныхъ тогда такими представителями дворянской мысли, какъ Самаринъ, Черкасскій, Кавелинъ, Кошелевъ и др. Впрочемъ, и самъ Левшинъ былъ помѣщикомъ разныхъ губерній и хорошо понималъ, напр., разницу въ положеніи промышленныхъ нечерноземныхъ и хлѣбородныхъ черноземныхъ губерній; но по свойственной ему робости онъ не рѣшился послѣдовать за наиболѣе радикальными проектами, въ родѣ Кавелинскаго или Кошелевскаго, и для соглашенія выгодъ помѣщиковъ разныхъ мѣстъ изобрѣлъ чисто бюрократическую уловку. Понимая, съ одной стороны, что безвозмездное упраздненіе крѣпостного права на людей, вовсе неразорительное для помѣщиковъ черноземныхъ губерній, гдѣ главную цѣнность имѣній составляла земля, будетъ весьма разорительно для помѣщиковъ промышленныхъ, оброчныхъ губерній, весь доходъ которыхъ зависѣлъ не отъ земли, а отъ заработковъ крестьянъ, онъ вмѣсто того, чтобы прямо признать это основное различіе, предложилъ ввести замаскированный выкупъ личности подъ видомъ высокой оцѣнки усадебъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ впослѣдствіи весьма ловко воспользовались многіе дворянскіе комитеты.

Видя полную бездѣятельность негласнаго комитета, Александръ началъ раздражаться и лѣтомъ, по возвращеніи вел. кн. Константина изъ заграничнаго путешествія, назначилъ его въ составъ комитета, надѣясь, что его энергія сдвинетъ, наконецъ, корабль съ мѣста. Великій князь ревностно принялся за дѣло, но неопытность его и обструкція высшихъ сановниковъ привели къ тому, что на первый разъ возлагавшіяся на него надежды не оправдались. Послѣдовавшія бурныя засѣданія комитета не привели къ существеннымъ ре-

[1] Въ составъ комитета вошли: предсѣд. государственнаго совѣта кн. Орловъ; министры: внутреннихъ дѣлъ — Ланской, двора и удѣловъ — гр. Адлербергъ, финансовъ — Брокъ, государственныхъ имуществъ — Муравьевъ; главноуправляющіе: вторымъ отд. соб. его величества канцеляріи — гр. Блудовъ, путями сообщенія — Чевкинъ, шефъ жандармовъ — кн. Долгоруковъ, и члены государ. совѣта: кн. Гагаринъ, баронъ Корфъ и Ростовцевъ. Завѣдующимъ дѣлами назначенъ былъ извѣстный интриганъ государственный секретарь Бутковъ („Матеріалы для исторіи упраздн. крѣп. состоянія“, Берлинъ 1860 г., т. I, стр. 121, 122.)

[2] Кромѣ вышеуказанныхъ „Матеріаловъ“, сдѣлавшихся большой библіографической рѣдкостью, можно указать Иванюкова „Паденіе крѣпостного права“, 2-е изд. 1903 г., а также Записки Левшина „Рус. Арх.“ 1885 г. № 8) и Соловьева („Рус. Стар.“ 1880, 81 и 82 гг.), и біографію Александра II Татищева, т. I стр. 304 и слѣд.

зультатамъ. Гора родила мышь, и хотя Александръ Николаевичъ благодарилъ комитетъ въ прочувствованныхъ выраженіяхъ за первый трудъ его, однако, вопросъ не двинулся съ мѣста, пока, наконецъ, не явился Назимовъ съ вынужденнымъ у Литовскихъ дворянъ ходатайствомъ. Ходатайство это тоже не отвѣчало намѣреніямъ и видамъ правительства: Литовскіе дворяне желали освободить своихъ крестьянъ безъ земли и съ сохраненіемъ вотчинныхъ правъ помѣщика. Получивъ его, въ Петербургѣ не сразу нашлись, что съ нимъ сдѣлать. Судили и рядили недѣли три сряду и все не приходили ни къ какому выводу. Наконецъ, Александръ потерялъ терпѣніе и приказалъ Ланскому составить въ три дня рескриптъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были приняты въ докладѣ 26-го іюля 1857 г. Многіе изъ числа приближенныхъ къ Императору лицъ пришли отъ такого внезапнаго рѣшенія въ ужасъ — въ томъ числѣ и Левшинъ, назвавшій знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 г. такимъ salto mortale, отъ котораго, по его мнѣнію, „все государственное управленіе могло пойти вверхъ дномъ“.[1] Впрочемъ, и Левшина, и другихъ, окружавшихъ Александра сановниковъ, ужасалъ не столько самый рескриптъ, данный на имя Назимова, сколько послѣдовавшая вслѣдъ затѣмъ разсылка его ко всѣмъ губернаторамъ и опубликованіе его во всеобщее свѣдѣніе, дѣлавшее немыслимымъ для правительства всякое отступленіе съ пути реформъ.

Въ рескриптѣ указаны были главныя начала, на которыхъ правительство предоставляло дворянству въ губернскихъ комитетахъ, составленныхъ изъ выборныхъ его представителей (по два отъ каждаго уѣзда и подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя), устроить бытъ крестьянъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ.

Основанія эти были слѣдующія:

„1. Помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ остается ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіе опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянамъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.

„2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

„3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ.“

Для выработки положеній на изложенныхъ основаніяхъ повелѣвалось открыть дворянскіе губернскіе комитеты въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской. 5-го декабря послѣдовалъ такой же рескриптъ петербургскому дворянству (на имя генералъ-губернатора Игнатьева). Хотя петербургское дворянство объ этомъ не ходатайствовало вновь, но правительство воспользовалось ранѣе представленнымъ этимъ дворянствомъ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему

[1] „Достопамятныя минуты моей жизни“ („Рус. Архивъ“ за 1885 г. №_8, стр. 524).

установить свои отношенія къ крѣпостнымъ крестьянамъ на началахъ феодальнаго эмфитевтическаго права.

24 ноября рескриптъ генералу Назимову былъ разосланъ въ печатныхъ копіяхъ при циркулярѣ Ланского ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. Сохранилось преданіе, что разсылку эту кн. Орловъ и др. сановники пытались остановить, но не успѣли во время. 17 декабря рескрипты Назимову и Игнатьеву вмѣстѣ съ сопроводительными циркулярами Ланскаго были опубликованы во всеобщее свѣдѣніе. Съ этого момента крестьянскій вопросъ вынесенъ былъ изъ канцелярскихъ и комитетскихъ дебрей и вступилъ въ періодъ гласнаго всенароднаго обсужденія.

5.

До опубликованія рескриптовъ печать не могла принимать въ этомъ дѣлѣ никакого участія, потому что, несмотря на относительно большой просторъ, предоставленный печати въ новое царствованіе, всякое обсужденіе крѣпостного вопроса было строжайше воспрещено до начала 1858 г. Въ журналахъ, конечно проскальзывали иногда контрабандой тѣ или иные намеки и мысли, вродѣ выраженія сочувствія „вольнонаемному труду“ и т. п. и допускалась полемика по вопросу о преимуществахъ общиннаго землевладѣнія передъ системой личной собственности — между „Современникомъ“ и „Экономическимъ Указателемъ“ въ Петербургѣ, между „Русской Бесѣдой“ и „Русскимъ Вѣстникомъ“ въ Москвѣ — но всякое прямое порицаніе крѣпостного строя и всякое указаніе на необходимость его упраздненія запрещалось строжайшимъ образомъ. Какъ строго преслѣдовалось нарушеніе этого запрещенія, показываетъ инцидентъ съ газетой „Молва“, основанной въ 1857 г. славянофилями. Когда Константинъ Аксаковъ въ передовой статьѣ, помѣщенной 23 августа 1857 г. въ этой газетѣ, попробовалъ провести ту мысль, что „трудъ есть долгъ человѣка, есть его нормальное состояніе на землѣ“ и высказалъ, что его огорчаетъ примѣръ негровъ въ Америкѣ, „работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ“ и при этомъ порицалъ людей, „которые нарушаютъ законъ труда, данный человѣчеству, и праздно наслаждаются плодами чужихъ трудовъ . . .“, то статья его произвела бурю въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а князь Вяземскій (тов. мин. народ. просвѣщ.) счелъ нужнымъ послать ему длинное письмо, наполненное упреками. Вяземскій между прочимъ писалъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ безусловно изъятъ изъ обсужденія въ печати, такъ какъ правительство взяло этотъ вопросъ на свое рѣшеніе и „такъ сказать, подъ свою отвѣтственность“; а „въ чужихъ дачахъ — шутливо прибавлялъ князь — охотиться не дозволяется, а тѣмъ паче въ казенныхъ“ (!). За слѣдующую статью „Публика и народъ“, написанную въ строго славянофильскомъ смыслѣ, но многими признанную чуть не за революціонную, „Молва“ была закрыта. И замѣчательно, что не только враги, но и друзья, вродѣ Погодина, Черкасскаго и Аполлона Григорьева, набросились на Аксакова же съ упреками, причемъ Черкасскій (въ письмѣ къ Кошелеву)

упрекалъ Аксакова не за то, что онъ погубилъ „Молву“, а за то, что онъ своими статьями „вводитъ власть въ такія дѣла“.[1]

Но хотя правительство и устраняло печать отъ участія въ обсужденіи крестьянской реформы, было бы въ высшей степени ошибочно думать, что оно и въ самомъ дѣлѣ могло обойтись, хотя бы только въ первыхъ стадіяхъ этого дѣла, одними своими средствами, безъ всякой помощи общественной мысли.

За невозможностью выражаться въ печати мысль эта нашла себѣ выраженіе въ массѣ памфлетовъ, записокъ и проектовъ по крестьянскому дѣлу, въ огромномъ числѣ ходившихъ по рукамъ и представлявшихся авторами ихъ частью открыто, частью анонимно правительству. И правительство ухватилось за эти проекты и записки обѣими руками; безъ нихъ оно едва ли въ состояніи было придумать что-либо путное. Ими пользовался Левшинъ при составленіи своихъ докладовъ и они же были переданы въ негласный комитетъ, въ числѣ болѣе 100, какъ самый существенный матеріалъ для соображенія его членамъ. Негласный комитетъ началъ свою дѣятельность съ ихъ изученія. Самъ Я. И. Ростовцевъ изъ нихъ почерпнулъ свое первое знакомство съ крестьянскимъ вопросомъ. Нѣкоторыя изъ этихъ записокъ были составлены самыми талантливыми представителями русской общественной мысли и лучшими современными знатоками дѣла.

Но наличность этихъ записокъ не могла вполнѣ замѣнить свободнаго и гласнаго обсужденія вопроса въ печати или, по крайней мѣрѣ, въ собраніяхъ ученыхъ обществъ — въ одномъ отношеніи: Какъ бы ни были дѣльны и основательны взгляды, выраженные въ этихъ запискахъ, они не были между собой какъ слѣдуетъ согласованы и сопоставлены; поэтому причины разногласія по многимъ важнымъ вопросамъ реформы между различными авторами этихъ записокъ, коренившіяся главнымъ образомъ въ различіи мѣстныхъ экономическихъ и бытовыхъ условій — не были выяснены и не могли быть должнымъ образомъ поняты людьми, отдаленными отъ дѣйствительной жизни. При гласномъ обсужденіи все это, конечно, выяснилось бы самой собой и правительству не пришлось бы впослѣдствіи измѣнять и перетолковывать самимъ имъ преподанныя „главныя начала“ реформы, потому что эти начала могли бы быть сразу же сообразованы съ дѣйствительными потребностями жизни. Но правительство слишкомъ привыкло бояться свѣта и гласности, чтобы рѣшиться сразу пойти по такому пути, а высокопоставленные крѣпостники и интриганы вродѣ Орлова, Муравьева и Долгорукова, старались еще болѣе запугать его.

Изъ записокъ, переданныхъ въ негласный комитетъ, самыя замѣчательныя принадлежали Ю. Ф. Самарину, князю Черкасскому, Кавелину, Кошелеву и Унковскому. Мы не излагаемъ здѣсь ихъ содержанія, потому что всѣ онѣ въ настоящее время уже напечатаны;[2] скажемъ только вкратцѣ, чѣмъ онѣ разнились одна отъ другой.

[1] Срав. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина“, т. XV, стр. 279 и слѣд. и „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“ I, стр. 95.

[2] Записка Самарина — въ I т. его сочиненій; записка Черкасскаго — въ „матеріалахъ“ для его біографіи, изд. кн. О. Трубецкой: записка Кавелина — во II т. его сочиненій; записка Кошелева — въ приложеніяхъ къ его мемуарамъ, изд. въ 1884 г. въ Берлинѣ, и, наконецъ, записка Унковскаго — въ книгѣ Джаншіева „А. М. Унковскій“, М. 1894 г.

Записка Самарина и въ особенности Черкасскаго были проникнуты болѣе консервативнымъ духомъ и выдвигали на первый планъ частичныя, хотя и существенныя мѣры ограниченія крѣпостного произвола, не считая очевидно возможнымъ немедленный приступъ къ полной отмѣнѣ крѣпостного права во всей Россіи или въ какой-либо ея части. Они и въ дальнѣйшемъ ходѣ преобразованія рекомендовали бо́льшую постепенность и выдержанность. Впрочемъ въ концѣ концовъ, по крайней мѣрѣ, Самаринъ признавалъ необходимымъ, наравнѣ съ Кошелевымъ и Кавелинымъ, освободить крестьянъ съ полнымъ земельнымъ надѣломъ. Записки Кавелина и Кошелева, а тѣмъ болѣе записка А. М. Унковскаго, были болѣе радикальны и имѣли въ виду полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній. Разница въ этихъ запискахъ отчасти обусловливалась тѣмъ, что Самаринъ и Черкасскій обдумывали и сочиняли свои проекты въ то время, когда радикальная и немедленная отмѣна крѣпостного строя никому еще не представлялась осуществимой въ ближайшіе годы; но главнымъ образомъ тутъ отразилась разница въ положеніи помѣщичьихъ имѣній въ губерніяхъ хлѣбородныхъ, чисто земледѣльческихъ съ одной стороны и въ губерніяхъ нечерноземныхъ — промышленныхъ — съ другой. Самаринъ и Черкасскій имѣли въ виду, главнымъ образомъ, первыя изъ этихъ губерній; Кавелинъ и Кошелевъ принимали во вниманіе положеніе дѣла, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ; Унковскій же приспособилъ свой проектъ всецѣло къ нуждамъ губерній промышленнаго района. Эта существенная разница была не сразу и не вполнѣ усвоена правительственными лицами, стоявшими во главѣ дѣла.[1]

Впрочемъ и повременная печать, когда ей была, наконецъ, предоставлена возможность высказаться, не сразу оцѣнила практическую важность этого коренного различія интересовъ. Мракъ, такъ долго окутывавшій этотъ вопросъ, не могъ сразу разсѣяться, и печать не могла въ первую же минуту вполнѣ оріентироваться въ столь сложныхъ и мало изученныхъ обстоятельствахъ. Первое впечатлѣніе, которое произвело опубликованіе рескриптовъ Назимову и Игнатьеву на всѣхъ мыслящихъ передовыхъ людей въ Россіи, было безпредѣльное чувство радости, безъ примѣси какихъ бы то ни было критическихъ соображеній.

День встаетъ багрянъ и пышенъ
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна....
Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,

[1] Ср. вышеназванныя статьи о губернскихъ комитетахъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ за нынѣшній годъ

Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ!
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ много лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы,
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ расчета,
Устоявши въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и превозмогъ.
Слышишь новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
Людямъ миръ, благоволенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье
Дню грядущему привѣтъ!

Такъ привѣтствовалъ зарю занимавшагося дня Иванъ Аксаковъ и подъ этимъ стихотвореніемъ въ ту минуту свободно могли подписаться и Герценъ, и Чернышевскій. Герценъ писалъ въ то время свою знаменитую статью съ эпиграфомъ „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“ — „Имя Александра II — писалъ онъ — принадлежитъ исторіи; если бы его царствованіе завтра же окончилось — все равно, начало освобожденія сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ — пусть онъ довершитъ начатое, пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. . .“ „Гнилое, своекорыстное, алчное противодѣйствіе закоснѣлыхъ помѣщиковъ, ихъ волчій вой — не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ власть и свобода, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе? . . .“[1] А Чернышевскій въ это время писалъ свою статью „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“ съ эпиграфомъ „Возлюбилъ еси правду и возненавидѣлъ еси беззаконіе: сего ради помазалъ тя Богъ твой (Псаломъ XLV, стих. 8).“ Статья эта начиналась такими словами: „Высочайшими рескриптами, данными 25 ноября, 5 и 24 декабря 1857 г., благополучно царствующій государь императоръ началъ дѣло, съ которымъ по своему величію и благотворности можетъ быть сравнена только реформа, совершенная Петромъ Великимъ.“[2] Далѣе онъ писалъ: „Благословеніе, обѣщанное миротворцамъ и кроткимъ, увѣнчаетъ Александра II счастьемъ, какимъ не былъ увѣнчанъ еще никто изъ государей Европы — счастьемъ одному начать и совершить освобожденіе своихъ подданныхъ.“[3]

---

[1] „Колоколъ“ отъ 15 февраля 1858 г.
[2] „Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 393.
[3] „Современникъ“ за 1858 г. № 2, стр. 398.

Въ статьѣ этой Чернышевскій не обратилъ никакого вниманія на то, что вотчинная полиція оставлялась по рескрипту помѣщикамъ, а первый пунктъ рескрипта о томъ, что крестьянамъ отводится въ пользованіе необходимое для выполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ и передъ помѣщиками количество земли, онъ истолковалъ въ смыслѣ послѣдователя Фурье, не отдавая, повидимому, себѣ яснаго отчета въ томъ, что за эту землю крестьяне будутъ попрежнему отбывать барщину въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не замѣнена оброкомъ.

Столь же единодушно выразился восторгъ всѣхъ мыслящихъ людей въ Москвѣ на обѣдѣ, данномъ по случаю опубликованія рескриптовъ 28 декабря 1857 г. Обѣдъ этотъ много разъ былъ описанъ, и мы не будемъ поэтому на немъ останавливаться. Лучшая рѣчь на этомъ обѣдѣ принадлежала Каткову.

Въ числѣ фактовъ, знаменовавшихъ обновленіе жизни въ то время, здѣсь не мѣшаетъ отмѣтить одинъ, имѣвшій хотя и второстепенное, но несомнѣнное вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла. Я имѣю въ виду то участіе, которой приняли въ крестьянской реформѣ возвращенные изъ ссылки въ 1856 и 1857 гг. декабристы и петрашевцы. Возвращеніе ихъ составляло и само по себѣ крупный общественный фактъ. Еще знаменательнѣе было то отношеніе, которое проявила къ нимъ и публика, и даже разные помпадуры и лукавые царедворцы, вплоть до петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева включительно, хотя трусливо и лицемѣрно, но все же пожелавшаго выразить свое сочувствіе А. В. Поджіо.[1] Волконскій и его семья по пріѣздѣ въ Москву сдѣлались предметомъ особеннаго вниманія и даже овацій со стороны такихъ лицъ, которыя еще недавно считали возможнымъ упомянуть о декабристахъ безъ сопровожденія этого упоминанія соотвѣтствующими порицаніями, а иногда и ругательствами.[2]

Возвращеннымъ изъ ссылки декабристамъ и петрашевцамъ запрещено было жить въ столицахъ и потому имъ пришлось размѣститься въ провинціи. Здѣсь они и приняли дѣятельное, отчасти негласное, отчасти же и открытое, иногда даже оффиціальное участіе въ работахъ по крестьянской реформѣ. Такова была благотворная дѣятельность Евг. Петр. Оболенскаго, П. Н. Свистунова и Н. С. Кашкина въ Калугѣ; М. М. Муравьева-Апостола и Европеуса въ Твери и ранѣе возвращенныхъ А. Н. Муравьева и Ив. А. Анненкова въ Нижнемъ. Въ 1858 г. тверскіе крѣпостники подняли даже гвалтъ, увѣряя, что работы тверского комитета приняли опасное и крамольное направленіе, благодаря именно присутствію декабристовъ и петрашевцевъ въ Твери.[3] Это было, конечно, совершенно вздорное утвержденіе; напротивъ, можно сказать, что у правительства въ дѣлѣ крестьянской реформы не было болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ слугъ въ то время, нежели декабристы и петрашевцы.

---

[1] Воспоминанія д-ра Бѣлоголоваго, 2-ое изд. стр. 97. Самъ князь А. Ф. Орловъ не только видѣлся въ это время съ Николаемъ Тургеневымъ въ Парижѣ, но даже выхлопоталъ ему, независимо отъ общей амнистіи, полную реабилитацію съ возвращеніемъ ему даже чиновъ и орденовъ. Срав. ст. В. И. Семевскаго о Тургеневѣ въ энциклопед. словарѣ Брокгауза и Эфрона.

[2] Записки С. В. Волконскаго, издан. его сыномъ, 1-ое изд. Отношеніе публики къ возвращеннымъ декабристамъ прекрасно и вполнѣ исторически вѣрно описано въ неоконченномъ романѣ Л. Н. Толстого „Декабристы", глава I-ая.

[3] Джаншіевъ „А. М. Унковскій и проч." стр. 89.

Особенно важно и знаменательно было вліяніе Евг. Петр. Оболенскаго на друга его юности Я. И. Ростовцева. Въ крестьянскомъ дѣлѣ вліяніе Оболенскаго было значительно и благотворно и въ прямомъ смыслѣ: такъ, напримѣръ, онъ указалъ Ростовцеву на полную несостоятельность мысли о необходимости повсемѣстнаго учрежденія временныхъ генералъ-губернаторовъ и уѣздныхъ начальниковъ; онъ требовалъ, опираясь на мнѣніе знакомыхъ ему помѣщиковъ, надѣла крестьянъ землей въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они владѣли ею при крѣпостномъ правѣ, и при этомъ утверждалъ, что только выкупъ можетъ удачно рѣшить этотъ вопросъ.[1]

Но главное значеніе вліянія Оболенскаго заключалось въ той нравственной силѣ, которую онъ представлялъ собой въ глазахъ Ростовцева. Ростовцевъ, вознесенный въ то время на самую вершину государственной службы и дѣятельности, считалъ своимъ долгомъ по собственному побужденію исповѣдываться въ буквальномъ смыслѣ слова во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и помыслахъ своему старому товарищу — возвращенному изъ ссылки государственному преступнику. Какъ только Оболенскій вернулся изъ Сибири, Ростовцевъ нарочно съѣздилъ въ Калугу, чтобы повидаться съ нимъ и оправдаться отъ тѣхъ обвиненій, которыя взводилъ на него въ это время „Колоколъ“ Герцена. По поводу этихъ обвиненій, касавшихся главнымъ образомъ дѣятельности Ростовцева по управленію военно-учебными заведеніями, онъ считалъ нужнымъ давать Оболенскому письменный отчетъ въ каждомъ своемъ шагѣ и подробныя объясненія своихъ поступковъ и дѣйствій. И Оболенскій выслушивалъ эти объясненія спокойно, нелицепріятно и благодушно и затѣмъ давалъ своему товарищу дѣльные и умные совѣты, которые тотъ принималъ съ глубокой благодарностью....

6.

Опубликованіе рескриптовъ справедливо разсматривается въ нашей исторической литературѣ, какъ самый важный поворотный пунктъ въ исторіи крестьянской реформы. Этимъ шагомъ правительство Александра II не только отрѣзало самому себѣ отступленіе, но оно вынудило имъ и дворянство всѣхъ губерній волей-неволей просить объ открытіи у нихъ комитетовъ и о разрѣшеніи заняться вопросомъ „объ улучшеніи быта“ своихъ крестьянъ. Несомнѣнно, что еслибы дворянство какой-либо губерніи отказалось отъ этой реформы, то отказъ его послужилъ бы сигналомъ къ возстанію и бунту крестьянъ. Разумѣется, въ дворянской средѣ были и свѣтлыя личности, которыя встрѣтили вѣсть о реформѣ съ искренней радостью, даже съ энтузіазмомъ, какъ зарю новой жизни, но они составляли меньшинство, и имъ было бы трудно привлечь на свою сторону остальныхъ, еслибы эти остальные не почувствовали надъ своими головами довольно ясно Дамоклова меча....

Правительство, предпринявъ свой смѣлый шагъ, не безъ страха ожидало послѣдствій. Придворные крѣпостники старательно за-

[1] Отвѣтъ Е. П. Оболенскаго отъ 1 января 1859 г. на письмо къ нему Я. И. Ростовцева отъ 18 ноября 1858 г. „Рус. Арх.“ за 1873 г. № 1, стр. 509 и слѣд.

пугивали Александра, и Ланской нетерпѣливо торопилъ губернаторовъ и предводителей сообщеніемъ ему свѣдѣній о томъ, какъ приняло дворянство его циркуляръ отъ 24 ноября. Нѣкоторые изъ предводителей попробовали поторговаться на счетъ обязательности главныхъ началъ, другіе (Унковскій) представили на нихъ дѣльную и смѣлую критику, но никто не рѣшился выразить сомнѣнія въ необходимости такъ или иначе приступить къ самой реформѣ.

Въ іюлѣ 1858 г. уже не было ни одной губерніи, не заявившей о своей готовности содѣйствовать „великодушнымъ стремленіямъ обожаемаго монарха“.

Комитетамъ положенъ былъ шестимѣсячный срокъ, въ который они обязывались окончить свое дѣло, и дана была программа занятій. При этомъ крѣпостники успѣли таки (при помощи Позена) воспользоваться недостаточной освѣдомленностью Ростовцева и включить въ эту программу два очень невыгодныхъ для крестьянъ пункта. Во-первыхъ, здѣсь проведена была мысль, что надѣлъ долженъ быть отведенъ крестьянамъ лишь на время переходнаго срочно-обязаннаго періода; во-вторыхъ, тщательно развита и схематизирована въ особой главѣ (IX) идея вотчинной полицейской власти помѣщиковъ. Первая мысль была выражена впрочемъ не вполнѣ ясно, и ею воспользовались лишь тѣ комитеты, для которыхъ она была особенно привлекательна по мѣстнымъ условіямъ. Для искорененія же второй Ростовцеву и редакціоннымъ комиссіямъ пришлось впослѣдствіи потратить не мало усилій и испытать много непріятностей....

Открытіе губернскихъ комитетовъ, ихъ шестимѣсячные лихорадочные труды, осложнившіеся почти вездѣ жестокими спорами, а кое-гдѣ и настоящими скандалами, и на ряду съ этимъ разрѣшеніе, данное печати, разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ, — все это чрезвычайно всколыхнуло все русское общество. Вотъ что писалъ, побывавши въ Петербургѣ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ Балабинъ гр. Киселеву въ Парижъ 5-го іюня 1858 г.: „Вы рискуете теперь, пріѣхавъ въ Россію, не узнать ее. По внѣшности все кажется то же, но вы чувствуете внутреннее обновленіе во всемъ, вы чувствуете, что начинается новая эра. Самые отсталые скептики, самые строптивые противники прогресса должны признать, что въ эти два года общественное мнѣніе въ Россіи сдѣлало огромные успѣхи. Читайте наши газеты и журналы, послушайте, что говорится въ блестящихъ салонахъ и скромныхъ домахъ, и вы будете поражены работой, которая совершается въ головахъ. Со всѣхъ сторонъ идеи и свѣтлые взгляды вытѣсняютъ мало-по-малу старую рутину, которая прежде — даже и во время войны — не стѣснялась ничѣмъ, кичилась своимъ невѣжествомъ и своей глупостью. И не только въ Петербургѣ понятія измѣняются къ лучшему, но вездѣ то же, даже въ избахъ крестьянъ, которые твердо убѣждены, что ихъ судьба скоро перемѣнится.“ [1]

Еще ярче обрисовывается общественное настроеніе того времени и особенно въ связи съ дѣятельностью губернскихъ комитетовъ въ передовой статьѣ (1 янв. 1860 г.) „Сѣверной пчелы“, которая перешла тогда отъ Булгарина и Греча къ Мельникову (Печерскому).

[1] Заблоцкій-Десятовскій. „Гр. Киселевъ и его время“. Т. II, стр. 341.

Губернскіе комитеты представляли — писалъ Мельниковъ — „небывалое явленіе въ провинціи. Комитетамъ предстояло разрѣшеніе такихъ вопросовъ, которые, близко касаясь интересовъ землевладѣльцевъ, не могли быть обсуждаемы, а тѣмъ менѣе рѣшаемы безъ основательнаго знанія современной политической экономіи и мѣстной статистики, предметовъ, немного лѣтъ тому назадъ во многихъ провинціяхъ извѣстныхъ только по наслышкѣ и большинствомъ людей почтенныхъ лѣтъ причисленныхъ къ „фантазіямъ молодости“. Оттого въ комитетахъ тотчасъ выдвинулись на первый планъ лица, получившія образованіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, усвоившія современныя понятія образованнаго міра объ экономическихъ отношеніяхъ и проникнутыя духомъ гуманности, который съ конца тридцатыхъ годовъ столь благотворно повѣялъ на молодое русское поколѣніе изъ университетскихъ аудиторій. Толки и сужденія о разрѣшаемомъ вопросѣ не ограничивались стѣнами комитета: ими были заняты, не только все безъ исключенія сословіе землевладѣльцевъ, но и лица, не имѣвшія собственности, изъ всѣхъ вообще сословій. И въ роскошныхъ палатахъ губернскихъ богачей, и въ скромныхъ усадьбахъ небогатыхъ помѣщиковъ, и въ домикахъ сельскихъ причтовъ, и въ купеческихъ конторахъ, и въ квартирахъ чиновниковъ, вездѣ слышались одни разсужденія о крестьянскомъ дѣлѣ. . . .

„Люди, прежде никогда ничего не читавшіе, начали учиться, начали слѣдить за литературой, знакомиться съ „фантазіями молодости“ и сознавать, что безъ этихъ фантазій трудно жить въ нынѣшнемъ свѣтѣ. Въ два послѣдніе года провинція росла не по днямъ, а по часамъ: взглядъ ея расширился и уяснился. Въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки; журналы и газеты выписываются десятками экземпляровъ; имѣть у себя книги, сдѣлалось потребностью этихъ городовъ. Вездѣ и повсюду люди развивались, созрѣвали, выходили на свѣтлую дорогу просвѣщенія изъ темныхъ норъ апатіи и невѣжества. Долго жившіе въ провинціи и оставившіе ее года три, четыре передъ симъ, — глазамъ, ушамъ своимъ не вѣрятъ, глядя на обновленную, перерождившуюся свою родину. Вездѣ пробудилась и воспрянула умственная дѣятельность, и проснувшаяся русская земля въ величавомъ спокойствіи задумывается о себѣ самой.“ [1]

Такъ описывалъ современный публицистъ тотъ подъемъ духа, который вызвала работа губернскихъ комитетовъ въ провинціальномъ обществѣ. Это умственное пробужденіе и стремленіе къ разумной дѣятельности и къ свѣту охватило не одни передовые дворянскіе круги. Зашевелилось и купечество. Не говоря о томъ широкомъ общественномъ подъемѣ, который сказался въ замѣчательныхъ рѣчахъ Кокорева и смѣлыхъ предпріятіяхъ, отчасти коммерческихъ, отчасти филантропическихъ, которыя онъ затѣвалъ въ это время и въ которыя втягивалъ и другихъ купцовъ и некупцовъ,[2] здѣсь слѣ-

[1] „Сѣверная Пчела“ за 1860 г. № 1. Перепечатано въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія въ Россіи“, т. II, стр. 331—346.

[2] См. объ этомъ у Барсукова назв. соч. томы XV и XVI passim.

дуетъ упомянуть и о тѣхъ щедрыхъ пожертвованіяхъ, которыя посыпались въ это время со стороны провинціальнаго купечества на различныя просвѣтительныя и общественныя начинанія, какъ, напр., женскія гимназіи, промышленныя училища, городскіе и общественные банки и проч.[1] Даже среди духовенства обнаружились симпатіи къ освободительнымъ реформамъ и къ просвѣщенію; нѣкоторые архіереи заговорили тамъ и сямъ по человѣчески, и въ рѣчахъ по случаю открытія губернскихъ комитетовъ высказали истинно христіанскія мысли и пожеланія,[2] чѣмъ не мало смутили такихъ представителей обскурантизма, какъ московскій митрополитъ Филаретъ и синодальный оберъ-прокуроръ гр. А. П. Толстой, которые тотчасъ забили тревогу и начали перекликаться между собой о томъ, какъ прекратить въ средѣ духовенства это недостойное, по ихъ мнѣнію, движеніе.[3]

Въ постановленіяхъ губернскихъ комитетовъ сказалось прежде всего и ярче всего отчетливое и ясное пониманіе помѣщиками своихъ собственныхъ выгодъ и интересовъ. Поэтому и проекты губернскихъ комитетовъ различныхъ губерній отличались между собой главнымъ образомъ въ зависимости отъ различія въ мѣстныхъ экономическихъ условіяхъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ второстепенныхъ и третьестепенныхъ различій, также отражавшихся болѣе или менѣе на работахъ губернскихъ комитетовъ, — самую важную и можно сказать рѣшающую роль при этомъ играла принадлежность однѣхъ губерній къ числу хлѣбородныхъ черноземныхъ, а другихъ, къ числу нечерноземныхъ промышленныхъ. Въ первыхъ изъ нихъ главную, иногда исключительную цѣнность помѣщичьихъ имѣній составляла земля, во-вторыхъ, доходъ помѣщика обусловливался, главнымъ образомъ, сторонними неземледѣльческими заработками и промыслами крестьянъ, и потому главную цѣнность имѣній составляли крѣпостныя души. Въ первыхъ губерніяхъ было много имѣній, гдѣ процвѣтала собственная помѣщичья запашка и, слѣдовательно, огромное значеніе имѣла барщина; во-вторыхъ, крестьяне были большей частью на оброкѣ, земля находилась чаще всего въ полномъ ихъ распоряженіи, но благосостояніе и ихъ самихъ, и господъ ихъ зависѣло отъ заработковъ и промысловъ, большей частью отхожихъ. Въ первыхъ губерніяхъ помѣщики очень боялись сразу уничтожить барщину и потому желали переходнаго срочно-обязаннаго періода; въ то же время они охотно соглашались на безземельное, хотя бы и безвозмездное, освобожденіе крестьянъ съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи срочно-обязаннаго періода, вся земля осталась въ полномъ распоряженіи помѣщика. Но такъ какъ они знали, что правительство, больше всего опасавшееся бунтовъ, не согласится на безземельное освобожденіе крестьянъ, то они обнаружили стремленіе елико возможно урѣзать надѣлы даже и тѣ, которые они хотѣли отвести на время срочно-обязаннаго періода. Опасаясь сразу лишиться барщины и потому настаивая на необходимости срочно-обязаннаго періода, они

[1] Таковы учрежденія, основанныя въ это время нѣкоторыми сибирскими купцами въ Иркутскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ; таковы пожертвованія купца Малютина въ Калугѣ (статья А. А. Корнилова „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи“. Сборникъ въ память В. А. Арцимовича).

[2] Такова, напр., рѣчь калужскаго архіерея Григорія, приведенная у Хрущова „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. I, стр. 287.

[3] См. переписку между Филаретомъ и гр. Толстымъ у Барсукова, т. XVI.

понимали, какъ трудно будетъ заставить крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, отбывать повинности въ пользу помѣщика и потому требовали сохраненія по крайней мѣрѣ на весь срочно-обязанный періодъ крѣпкой вотчинной власти, права безотчетно наказывать временно-обязанныхъ крестьянъ и т. п. По отношенію къ правительству въ этихъ губерніяхъ обнаружилось оппозиціонно-аристократическое направленіе и стремленіе къ мѣстному самоуправленію на аристократическихъ началахъ.

Комитеты промышленныхъ губерній боялись, главнымъ образомъ, одного: какъ бы съ уничтоженіемъ крѣпостного права не лишиться тѣхъ доходовъ, которые помѣщики этихъ губерній имѣли отъ заработковъ и промысловъ крестьянъ. Заработки эти при крѣпостномъ правѣ были такъ значительны, что цѣнность промышленныхъ имѣній вообще была выше, нежели земледѣльческихъ. Помѣщики этихъ губерній, не заинтересованные въ большинствѣ случаевъ въ сохраненіи барщины, опасались, что во время срочно-обязаннаго періода имъ трудно будетъ уже получить съ своихъ крестьянъ, объявленныхъ лично свободными, прежніе оброки. Они не безъ основанія полагали, что въ этомъ имъ не поможетъ и сохраненіе въ ихъ рукахъ вотчинной полицейской власти. Поэтому они предпочитали единовременную и полную ликвидацію крѣпостныхъ отношеній, но не иначе, какъ при условіи полученія денежнаго выкупа за потерю цѣнности принадлежащихъ имъ имѣній. Поэтому они требовали прежде всего выкупа не за землю, отдаваемую крестьянамъ, которая цѣнилась въ промышленныхъ нечерноземныхъ губерніяхъ очень дешево, а за личность своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Когда же правительство провозгласило принципъ безвозмездной отмѣны личнаго крѣпостного права, то они естественно стали стремиться вознаградить себя либо неимовѣрно преувеличенной оцѣнкой усадебъ, либо назначеніемъ повышенныхъ оброковъ. Земельный надѣлъ они охотно соглашались оставить крестьянамъ, но размѣръ его старались опредѣлить такъ, чтобы крестьянамъ нельзя было обойтись впослѣдствіи безъ дополнительныхъ заработковъ или безъ арендованія у помѣщиковъ занадѣльныхъ участковъ. Къ вопросу о вотчинной власти помѣщики этихъ губерній относились гораздо равнодушнѣе и многіе изъ нихъ охотно поступались своими вотчинными правами. Въ политическомъ отношеніи здѣсь преобладали стремленія либерально-демократическія, выражавшіяся въ требованіи ограниченія полицейскаго и бюрократическаго произвола и въ проектированіи всесословнаго волостного, уѣзднаго и губернскаго самоуправленія.

Во многихъ губернскихъ комитетахъ не состоялось, какъ извѣстно, единогласнаго рѣшенія и отъ большинства членовъ въ нихъ отдѣлились болѣе прогрессивныя меньшинства, которыя представляли свои собственные проекты. Извѣстно, что эти послѣдніе послужили главнымъ основаніемъ для работъ редакціонныхъ комиссій. Однако, необходимо имѣть въ виду, что не всѣ меньшинства такъ рѣзко разнились отъ большинства, какъ это обыкновенно думаютъ и отнюдь не всѣ меньшинства могутъ быть признаны безусловно прогрессивными.[1]

[1] Ср. статьи г. Корнилова въ „Рус. Богатствѣ“ за 1904 г. „Губернскіе комитеты въ 1858 и 1859 гг.“, особенно статью въ майской книжкѣ (№ 5).

Въ нѣкоторыхъ комитетахъ разница между проектами большинства и меньшинства обусловливалась вовсе не большей или меньшей прогрессивностью взглядовъ, а просто различіемъ мѣстныхъ условій и интересовъ въ различныхъ мѣстностяхъ одной и той же губерніи.[1]

Правительство, какъ мы видѣли, приступая къ реформѣ, далеко не вполнѣ овладѣло вопросомъ во всей его сложности. Въ началѣ, питая суевѣрный страхъ передъ всякими сколько-нибудь сложными финансовыми операціями, министерство внутреннихъ дѣлъ безусловно отрицало выкупъ, какъ общую финансовую мѣру, и потому считало неизбѣжнымъ и срочно-, или даже безсрочно-, обязанный періодъ съ сохраненіемъ барщины или оброка въ опредѣленномъ размѣрѣ; въ связи съ этимъ предложено было сохранить и вотчинно-полицейскую власть помѣщиковъ. Но какъ только правительство убѣдилось, что выкупъ возможенъ, такъ оно, сознавая ненормальность и даже опасность срочно-обязаннаго періода, стало стремиться если не къ полному его упраздненію, то къ значительному сокращенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ пришло къ убѣжденію въ необходимости упразднить съ самаго же начала и вотчинно-полицейскую власть помѣщиковъ.[2] Когда губернскіе комитеты приступали къ своей работѣ, то въ правительственныхъ кругахъ царили еще всецѣло взгляды, положенные въ основаніе Позеновской программы, данной въ руководство губернскимъ комитетамъ (въ апрѣлѣ 1858 г.), а предубѣжденія противъ всякой финансовой операціи были настолько сильны, что тверскому комитету удалось лишь съ бою получить разрѣшеніе составить, вмѣсто срочно-обязаннаго, проектъ выкупного положенія, подъ угрозой, что если ему это не будетъ разрѣшено, то онъ разойдется и не станетъ писать никакого проекта.[3]

Но редакціоннымъ комиссіямъ пришлось начать свою дѣятельность уже въ то время, когда Ростовцевъ вполнѣ усвоилъ себѣ возможность допущенія общей выкупной операціи и неудобства срочно-обязаннаго положенія и когда въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ нерѣшительный и недальновидный Левшинъ былъ замѣненъ умнымъ и энергичнымъ Милютинымъ.

Въ редакціонныхъ комиссіяхъ Милютину и князю Черкасскому вскорѣ удалось раскрыть глаза Ростовцеву и на истинное значеніе интригъ и ухищреній тайнаго крѣпостника Позена, который до этихъ поръ выдавалъ себя за либерала и имѣлъ на Ростовцева огромное вліяніе въ крестьянскомъ вопросѣ. Въ редакціонныхъ комиссіяхъ все направленіе работъ сосредоточивалось главнымъ образомъ въ рукахъ Милютина, кн. Черкасскаго, Соловьева и отчасти Самарина.[4] Изъ нихъ Милютинъ и Соловьевъ, хотя и принадлежали по проис-

[1] Такова, напримѣръ, разница между проектами, составленными большинствомъ и меньшинствомъ Нижегородской губерніи, между проектами, составленными представителями бѣлорусскихъ и инфлянд-скихъ уѣздовъ Витебской губерніи и др.

[2] Эти перемѣны во взглядахъ правительства очень ярко отразились въ извѣстныхъ письмахъ къ Государю Ростовцева изъ заграницы, въ замѣнѣ Левшина Н. А. Милютинымъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ, наконецъ, въ журналахъ главнаго комитета 26 октября и 4 декабря 1858 г. и въ предложеніи, данномъ редакціоннымъ комиссіямъ Ростовцевымъ въ первыхъ же засѣданіяхъ комиссій. Все это изложено подробно у Семенова „Освобожденіе крестьянъ при имп. Александрѣ II“ т. II, у Иванюкова „Паденіе крѣпостного права“ и у Корнилова въ назв. соч.

[3] Срав. Джаншіева „А. М. Унковскій“.

[4] Говоримъ отчасти, потому что главное и самое плодотворное участіе Самарина выразилось въ работахъ хозяйственнаго отдѣленія (по вопросу о надѣлѣ и повинностяхъ крестьянъ), что же касается административнаго устройства крестьянъ, то здѣсь онъ далеко не во всемъ сходился во взглядахъ съ Милютинымъ и Черкасскимъ (срав. у Семенова „Освобожденіе крестьянъ“ passim).

хожденію къ помѣстному дворянству, были чиновниками по профессіи и, несмотря на всю просвѣщенность и либерализмъ своихъ убѣжденій, нерѣдко проявляли наклонности и взгляды настоящихъ бюрократовъ. Кн. Черкасскій плотно примкнулъ къ нимъ. Самаринъ являлся въ редакціонныхъ комиссіяхъ выразителемъ славянофильскихъ взглядовъ. Къ бюрократіи онъ относился безусловно отрицательно, иногда онъ бралъ на себя защиту и истолкованіе реальныхъ помѣщичьихъ интересовъ, но главнымъ образомъ и съ особенной настойчивостью онъ отстаивалъ неприкосновенность народныхъ устоевъ: поземельную общину и независимость крестьянскаго міра отъ различныхъ, какъ помѣщичьихъ, такъ и полицейскихъ вліяній и притомъ постоянно стоялъ за сохраненіе по возможности полнаго земельнаго надѣла и пониженіе повинностей, которое признавалъ главнымъ основаніемъ „улучшенія быта“.

Члены редакціонныхъ комиссій, раздѣлившись на три отдѣленія: юридическое, административное и хозяйственное, къ которымъ впослѣдствіи присоединилась особая финансовая комиссія для выработки положенія о выкупѣ, ревностно принялись за изученіе постановленій и проектовъ губернскихъ комитетовъ, но при этомъ они смотрѣли на нихъ, какъ на полезный матеріалъ, изъ котораго многое можно было заимствовать, но который вовсе не давалъ имъ руководящихъ и обязательныхъ для нихъ указаній. Съ волею дворянства, выраженною въ этихъ проектахъ, редакціонныя комиссіи, въ сущности, почти не считались. А такъ какъ труды ихъ печатались и разсылались повсюду (въ 3000 экземпляровъ), то дворянство, ознакомившись съ такимъ направленіемъ комиссій, естественно признало въ нихъ главнаго своего врага.

Между тѣмъ, императоръ Александръ во время путешествія своего лѣтомъ 1858 г. по разнымъ губерніямъ нѣсколько разъ пообѣщалъ членамъ губернскихъ комитетовъ (въ Твери, въ Костромѣ и др. мѣстахъ), что по окончаніи ихъ работъ, выработанные ими проекты поступятъ на обсужденіе главнаго комитета по крестьянскому дѣлу, причемъ отъ каждаго комитета „для присутствія и общаго обсужденія въ Петербургѣ“ будутъ приглашены по два депутата по избранію комитетовъ. Эти слова императора, тогда же записанныя и опубликованныя съ разрѣшенія правительства, подали дворянамъ надежды, которыя впослѣдствіи не осуществились. Дворянскіе депутаты на самомъ дѣлѣ приглашены были не въ главный комитетъ, а въ редакціонныя комиссіи и не для обсужденія и исправленія составленныхъ тамъ проектовъ, какъ они надѣялись, а лишь для представленія своихъ замѣчаній на эти проекты и для сообщенія своихъ отзывовъ на предложенные имъ — каждому депутату порознь — самими редакціонными комиссіями вопросовъ.

7.

Работы редакціонныхъ комиссій раздѣлены были на три періода. Въ первомъ періодѣ они изучали проекты губернскихъ комитетовъ, по мѣрѣ поступленія ихъ, и, по выраженію Ростовцева, „оболванивали“ свой собственный проектъ. Когда эта работа была окончена и положеніе о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, было выработано вчернѣ (къ августу 1859 года), то въ Петербургъ

были вызваны депутаты отъ 19 комитетовъ, ранѣе другихъ успѣвшихъ окончить свои занятія, почему они и назывались впослѣдствіи депутатами перваго приглашенія. Передъ прибытіемъ депутатовъ, Милютинъ, убѣжденный, что крестьянскую реформу можно провести лишь диктаторіальными мѣрами и очень опасавшійся оппозиціи депутатовъ, составилъ записку подъ названіемъ: „Взглядъ на положеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время“. Ланской представилъ ее отъ своего имени государю. Въ этой запискѣ была не только откровенно, но и весьма сурово разобрана дѣятельность губернскихъ комитетовъ, а по поводу предстоявшаго прибытія депутатовъ въ Петербургъ указывалось на опасность допущенія ихъ къ образованію „разноцвѣтныхъ партій“. Упомянувъ, что депутаты вызываются „для представленія правительству тѣхъ свѣдѣній и объясненій, кои оно признаетъ нужнымъ имѣть“, составитель записки писалъ: „Правительству же полезно имѣть отъ нихъ отзывы не о коренныхъ началахъ, которыя признаны неизмѣнными, не о развитіи ихъ, которое принадлежитъ самому правительству, а единственно только о примѣненіи проектированныхъ общихъ правилъ къ особеннымъ условіямъ каждой мѣстности. Посему не должно давать развиваться мечтаніямъ, будто бы избранные комитетами члены приглашаются для разрѣшенія какихъ-либо законодательныхъ вопросовъ, или измѣненія въ государственномъ устройствѣ... Уничтоженіе крѣпостного права есть дѣло уже рѣшенное въ благотворной мысли Вашего Величества и никакой перемѣнѣ подлежать не можетъ. Царское слово непоколебимо. Дѣло подданныхъ: осуществить это священное слово съ такимъ же радушіемъ и любовью, съ какимъ оно произнесено Вами для блага современниковъ и потомства“. Александръ написалъ на этой запискѣ, что находитъ взглядъ этотъ совершенно правильнымъ и согласнымъ со своими собственными убѣжденіями, и для депутатовъ была составлена соотвѣтствующая инструкція, которая повергла ихъ въ крайнее разочарованіе. Въ отчаяніи они было составили адресъ, въ которомъ указали, что комитеты выбирали своихъ депутатовъ согласно царской воли для засѣданія въ главномъ комитетѣ и общаго разсмотрѣнія составленныхъ комитетами проектовъ, а не для дачи отвѣтовъ на вопросы редакціонныхъ комиссій. „Прискорбіе наше, Государь, — писали они въ этомъ адресѣ — невыразимо!.. Мы видѣли неоднократно въ теченіе нынѣшняго дѣла, какъ высочайшія повелѣнія противоставлялись одно другому или нарушались, но никогда смѣлость не доходила до такой степени, какъ она нынѣ представлена.

„Во всемъ ходѣ этого дѣла административная власть постоянно попирала законность и справедливость; но это совершалось въ губерніяхъ, въ темнотѣ канцелярскихъ переписокъ, тогда какъ нынѣ это ею творится передъ государемъ и Россіею воочію для всѣхъ.“ Въ заключеніе они просили, чтобы имъ было разрѣшено собраться въ главномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ самого государя или одного изъ членовъ царской фамиліи.[1]

---

[1] Этотъ адресъ приведенъ полностью у Семенова, т. I. стр. 615; но Кошелевъ въ извѣстной заграничной брошюрѣ „Депутаты и редакціонныя комиссіи по крестьянскому дѣлу“, изд. въ 1860 г. въ Берлинѣ, почему-то объ адресѣ этомъ совершенно умалчиваетъ.

Адресъ этотъ оффиціально не былъ представленъ, а сообщенъ Александру лишь въ видѣ проекта Ростовцевымъ по соглашенію съ депутатами. При этомъ противъ словъ, что депутаты вызваны для засѣданія въ главномъ комитетѣ Александръ написалъ карандашемъ: „Никогда". Послѣ этого депутаты пошли на уступки и вмѣсто адреса, не принятаго царемъ, обратились съ письмомъ къ Ростовцеву, въ которомъ уже скромно ходатайствовали, чтобы имъ было разрѣшено имѣть между собой общія совѣщанія и чтобы всѣ ихъ соображенія, какъ по представленнымъ имъ вопросамъ, такъ и вообще по существу крестьянскаго положенія, поступили на судъ высшаго правительства. По поводу просьбы о совѣщаніяхъ Александръ написалъ: „не должно быть допускаемо", но затѣмъ, послѣ обсужденія этого вопроса съ Ростовцевымъ, депутатамъ было сообщено, что совѣщаться они могутъ, но что „подобныя частныя совѣщанія не должны имѣть характера оффиціальнаго", чѣмъ отнималась у нихъ возможность дѣлать какія-либо общія постановленія. Что же касается соображеній, какія будутъ ими представлены, то имъ было обѣщано отъ имени государя, что таковыя будутъ всѣ разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ и дойдутъ и до царя.[1]

Этимъ депутаты, скрѣпя сердце, удовлетворились на время и приступили къ разсмотрѣнію работъ редакціонныхъ комиссій, которыя они подвергли суровой и безпощадной критикѣ. Они исписали болѣе 2000 листовъ бумаги, и въ печатномъ видѣ ихъ замѣчанія составили 3 толстыхъ тома. Уже одинъ этотъ объемъ дѣлалъ почти неисполнимымъ обѣщаніе, данное имъ отъ лица государя. По окончаніи этой работы депутаты были приглашены по 3, по 4 человѣка въ засѣданія редакціонныхъ комиссій, гдѣ съ ними велись пренія, которыя впрочемъ не оставляли никакихъ оффиціальныхъ слѣдовъ и потому не безъ основанія признавались многими депутатами за простую бюрократическую уловку.[2]

Замѣчательно, что большинство депутатовъ 1-го приглашенія стояли не только за освобожденіе крестьянъ, но и за освобожденіе ихъ съ землей. Но они сильно возражали противъ отвода крестьянамъ земли въ безсрочное пользованіе за разъ навсегда установленныя повинности. Они хорошо понимали, что сколько-нибудь исправное отбываніе барщины безъ удержанія всей полноты крѣпостной помѣщичьей власти совершенно невозможно, установленіе же умѣренныхъ оброковъ безъ права увеличивать ихъ впослѣдствіи они признавали за прямое нарушеніе правъ собственности помѣщиковъ на землю. Поэтому большая часть депутатовъ требовала немедленнаго обязательнаго выкупа надѣловъ правительствомъ, которое приэтомъ само бы взяло на себя всѣ расчеты съ крестьянами. Нѣкоторые (немногіе) депутаты предпочитали отводъ надѣловъ въ вѣчное пользованіе крестьянъ, но съ правомъ періодической переоброчки и лишь совершенно ничтожная часть стремилась къ удержанію всей земли въ распоряженіи помѣщиковъ. Это были депутаты черноземныхъ губерній, считавшіе себя монополистами цѣннаго товара чернозема, какъ выразился о нихъ кн. Черкасскій. Многіе

[1] Тамъ же.
[2] „Записки" А. И. Кошелева. Приложенія, стр. 181 и слѣд.

депутаты возставали также противъ максимальныхъ и минимальныхъ надѣльныхъ нормъ, выработанныхъ комиссіями; депутаты промышленныхъ нечерноземныхъ губерній (особенно ярославскіе) яростно отстаивали выведенныя ими нормы оброковъ, значительно отличавшіяся отъ нормъ редакціонныхъ комиссій. Но единодушнѣе и сильнѣе всего были нападки депутатовъ перваго приглашенія на проектъ административнаго устройства крестьянъ.

Въ этихъ нападкахъ, въ высшей степени рѣзкихъ и раздражительныхъ, вылилась вся вражда и ненависть къ бюрократіи и чиновничеству, накопившаяся вѣками. Въ нихъ высказано было много дѣльнаго и справедливаго, что́ и теперь, черезъ 45 лѣтъ, не потеряло значенія и интереса. Часть этихъ мыслей и соображеній получила примѣненіе въ послѣдующихъ реформахъ 60-хъ годовъ, но основныя руководящія воззрѣнія, какъ и особая теорія государственнаго устройства, выставленная депутатами перваго приглашенія, такъ и остались втунѣ; между тѣмъ, въ этихъ воззрѣніяхъ заключалось зерно будущаго земскаго либерализма, которое, впрочемъ, не получило, какъ мы ниже увидимъ, правильнаго развитія, вслѣдствіе чрезвычайно неблагопріятно сложившихся обстоятельствъ. Прежде всего, депутаты перваго призыва возстали противъ сельскаго административнаго устройства, проектированнаго редакціонными комиссіями. Свое оружіе депутаты брали при этомъ преимущественно изъ славянофильскаго арсенала, но внутреннимъ, при томъ наиболѣе общимъ всѣмъ имъ мотивомъ, было, безъ сомнѣнія, оскорбленное сословное чувство. Въ постановленіяхъ редакціонныхъ комиссій они ясно увидѣли открытое стремленіе устранить дворянство отъ всякаго дѣйствительнаго вліянія на крестьянское общественное управленіе съ замѣной его бюрократической административной опекой уѣздныхъ полицейскихъ властей. До нихъ доходили смутные слухи, что особая правительственная комиссія о преобразованіи уѣздныхъ и губернскихъ учрежденій, составленная изъ однихъ чиновниковъ, выработала планъ уѣзднаго и губернскаго управленія на чисто бюрократическихъ основаніяхъ. Трудовъ этой комиссіи имъ не показывали, несмотря на прямыя ходатайства нѣкоторыхъ изъ нихъ, и это усиливало ихъ подозрѣнія и увеличивало раздражительность. По тому отношенію къ своимъ заявленіямъ, которое они встрѣчали въ средѣ редакціонныхъ комиссій и въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, депутаты догадывались, что заключенія ихъ не будутъ имѣть практическаго значенія и что вообще вызовъ ихъ въ Петербургъ превратился, благодаря коварству бюрократіи, въ простую комедію. Это не могло ихъ не бѣсить, и безсильный ихъ гнѣвъ ярко отразился въ написанныхъ ими отзывахъ. Ясно и отчетливо видя, какое усиленіе бюрократіи можетъ повлечь за собой крестьянская реформа, если она не будетъ сопровождаться преобразованіемъ всего правительственнаго строя, депутаты сочли своимъ долгомъ указать правительству на необходимыя реформы, которыя должны были, по ихъ мнѣнію, слѣдовать тотчасъ за упраздненіемъ крѣпостного права. Нѣкоторые изъ нихъ представляли даже подробныя соображенія о желательномъ административномъ и судебномъ устройствѣ страны и о тѣхъ необходимыхъ гарантіяхъ, которыя защищали бы каждаго

гражданина отъ злоупотребленій и произвола чиновниковъ. Большинство депутатовъ требовали: свободы печати и уничтоженія канцелярской тайны; права для всякаго частнаго лица привлекать къ судебной отвѣтственности чиновниковъ за ущербъ, причиненный неправильными ихъ дѣйствіями по службѣ; правильнаго судебнаго устройства (причемъ большая часть желала введенія суда присяжныхъ); наконецъ, мѣстнаго самоуправленія для удовлетворенія хозяйственныхъ нуждъ населенія съ участіемъ въ нихъ всѣхъ классовъ общества. Замѣчательно, что при этомъ въ основныхъ взглядахъ на государственное устройство сошлись между собой, какъ славянофилы, такъ и западники. Всѣ они желали гарантировать общество отъ бюрократическаго произвола и гнета, но всѣ они полагали тогда, что при этомъ можетъ и должна быть сохранена самодержавная власть государя. Всѣ они, повидимому, искренно думали, что между самодержавіемъ и бюрократическимъ строемъ нѣтъ органической роковой связи и что можно оставить неприкосновеннымъ первое, совершенно упразднивъ или ограничивъ послѣдній. Эта точка зрѣнія, подкрѣпленная славянофильской исторіософіей, держалась у насъ замѣчательно долго, несмотря на постоянныя обнаруженія своей полной несостоятельности на практикѣ. Но въ то время въ возможности и цѣлесообразности такого государственнаго устройства были убѣждены далеко не одни славянофилы. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду, что совершенно такого же взгляда послѣ Іенскаго погрома придерживались и многіе германскіе патріоты, въ томъ числѣ и знаменитый баронъ Штейнъ....

Исписавъ кипы бумаги и понимая, что не только государь, но и члены главнаго комитета не будутъ имѣть возможности прочесть всѣ ихъ отзывы, депутаты рѣшились передъ выѣздомъ изъ Петербурга подать императору адресъ, въ которомъ просить о томъ, чтобы имъ было разрѣшено собраться вторично для разсмотрѣнія окончательныхъ работъ и проектовъ редакціонныхъ комиссій и личнаго представленія своихъ возраженій въ главномъ комитетѣ. Проектъ адреса, составленный Кошелевымъ въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, былъ принятъ и даже подписанъ 21 депутатомъ, но на другой день нѣкоторые изъ нихъ струсили и рѣшили замѣнить этотъ адресъ другимъ, въ которомъ уже не было ходатайства о допущеніи самихъ депутатовъ въ главный комитетъ, а содержалась одна только просьба, чтобы имъ было дозволено представить въ комитетъ свои соображенія на окончательные труды редакціонныхъ комиссій. Этотъ адресъ подписали 18 человѣкъ, а пятеро, смотрѣвшихъ на дѣло болѣе смѣло и трезво, и видѣвшихъ, что вторично ихъ все равно собирать не будутъ, рѣшились выразить въ особомъ адресѣ свой взглядъ на необходимыя, по ихъ мнѣнію, измѣненія въ предположеніяхъ редакціонныхъ комиссій и на наиболѣе неотложныя преобразованія въ гражданскомъ и административномъ строѣ страны.

„Вѣруя въ благодушіе вашего величества, — писали они въ этомъ адресѣ, — зная волю, вашу, государь, чтобы Россія шла путемъ мирнаго развитія, убѣдившись, что крестьяне имѣютъ надежду, превратившуюся въ вѣрованіе, охватившее весь народъ отъ мала до велика, получить свободу полную и землю въ собственность и

что бытъ сословій не можетъ быть улучшенъ безъ преобразованія существующаго порядка администраціи, полиціи и суда, мы дерзаемъ, государь, всеподданнѣйше просить ваше императорское величество о нижеслѣдующемъ:

„1. Даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землей въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и условіямъ неразорительнаго для помѣщиковъ.

„2. Образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ.

„3. Учредить независимую судебную власть, т. е. судъ присяжныхъ, и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; и

„4. Дать возможность обществу путемъ печатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

„Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго вашимъ императорскимъ величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе ваше, государь, наши откровенныя убѣжденія, въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любовью къ престолу и отечеству."

Этотъ адресъ былъ подписанъ двумя харьковскими, двумя ярославскими депутатами и тверскимъ — А. М. Унковскимъ. Къ сожалѣнію, во вступительной части этого адреса была вставлена очень нехорошая фраза о предположенномъ будто бы редакціонными комиссіями увеличеніи существующаго надѣла крестьянъ землей и крайнемъ пониженіи повинностей въ большей части губерній. Предположенные редакціонными комиссіями надѣлы, отнюдь не превышавшіе ранѣе существовавшихъ, не понравились харьковскимъ депутатамъ, а установленная комиссіями норма повинностей не удовлетворяла ярославскихъ; но какъ согласился на включеніе этой фразы въ адресъ А. М. Унковскій, самъ отстаивавшій тотъ самый надѣлъ и тѣ самыя нормы повинностей, которыя приняты были въ редокціонныхъ комиссіяхъ, — совершенно непонятно. Александръ призналъ этотъ адресъ „ни съ чѣмъ несообразнымъ и дерзкимъ до крайности".[1]

Кромѣ этихъ двухъ адресовъ государю было представлено еще всеподданнѣйшее письмо симбирскаго депутата Шидловскаго, въ которомъ тотъ среди множества высокопарныхъ словъ старался доказать, что дворянство оклеветано передъ монархомъ, что отечество въ опасности и что для спасенія его отъ этой опасности государю слѣдуетъ созвать „къ подножію своего престола" нарочито уполномоченныхъ дворянствомъ лицъ и съ ними окончить дѣло подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Это довольно нелѣпое посланіе показалось Александру тоже опаснымъ, и онъ возвратилъ его мини-

[1] Семеновъ, т. II, стр. 128. Самый адресъ въ приложеніяхъ, стр. 937.

стру внутреннихъ дѣлъ съ надписью: „вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ“.[1]

Всѣ эти адресы были разсмотрѣны въ главномъ комитетѣ 5 ноября 1859 г. подъ личнымъ предсѣдательствомъ Александра, причемъ обсуждался одинъ только вопросъ, какія мѣры обузданія принять по отношенію къ дерзновеннымъ ихъ подателямъ. Въ результатѣ пять депутатовъ, подавшихъ одну общую просьбу, получили „замѣчаніе за неправильныя и неумѣстныя свои домогательства“ съ разъясненіями, что они не имѣли права подавать прошенія за общимъ подписомъ. Восемнадцать депутатовъ получили отъ начальниковъ губерній отношенія „съ разъясненіями“, по высочайшему повелѣнію, „что, имѣя въ виду высочайшей властью одобренный порядокъ своихъ дѣйствій, они не должны были утруждать его императорское величество ходатайствомъ, къ измѣненію сего порядка клонящимся, и что члены не имѣли права подавать подобную просьбу за общимъ ихъ всѣхъ подписомъ“.

По поводу этихъ рѣшеній Кошелевъ писалъ тогда же въ упомянутой выше заграничной брошюрѣ, что „они глубоко огорчили всѣхъ людей, искренне преданныхъ государю и великому дѣлу имъ предпринятому“. „Упомянутыя губернаторскія отношенія, — писалъ онъ тамъ же, — распространенныя во множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни „Колоколъ“, ни всѣ прочіе запрещенныя книги и листки не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи....“

„... И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями правительства по крестьянскому вопросу, но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажатъ ротъ, ибо нечего сказать въ оправданіе власти. Сама она дѣйствуетъ почти революціонно, отъ другихъ же требуетъ слѣпого, безотвѣтнаго повиновенія.... Неудовольствіе, даже ожесточеніе всѣхъ противъ бюрократіи въ Петербургѣ, Москвѣ и во внутренности Россіи ростетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства; нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ.. .“[2]

Такъ оно и случилось въ дѣйствительности. Но прежде, чѣмъ приступить къ описанію этихъ инцидентовъ въ губерніяхъ, намъ необходимо остановиться на поданной одновременно съ вышеупомянутыми адресами депутатовъ запискѣ камергера М. А. Безобразова, которая, сильно раздраживъ императора Александра, способствовала, повидимому, неблагопріятному отношенію его и къ адресамъ депутатовъ. Безобразовъ былъ аристократъ, племянникъ кн. Орлова и принадлежалъ къ помѣстному дворянству Петербургской губерніи, но самъ депутатомъ не былъ. Записка его важна, какъ по тому впечатлѣнію, которое она произвела на Александра, такъ и сама по себѣ, какъ наиболѣе яркое выраженіе олигархическихъ стремленій, проявившихся въ то время среди многихъ вліятельныхъ крѣпостниковъ. Тонъ записки, представленной черезъ помощника шефа жан-

[1] Тамъ же, стр. 937.
[2] „Записки“ Кошелева. Прилож., стр. 187 и слѣд.

дармовъ Тимашева, чрезвычайно развязенъ и смѣлъ, почему и не удивительно, что онъ взбѣсилъ Александра, испещрившаго всю записку гнѣвными и рѣзкими резолюціями и замѣтками вродѣ: „вздоръ“, „непомѣрная наглость“, „хорошъ софизмъ!“ и т. п.[1]

Въ началѣ записки Безобразовъ доказывалъ, что при вызовѣ и пріемѣ депутатовъ царская воля была искажена бюрократіей, затѣмъ онъ старался представить дворянство несправедливо оклеветаннымъ, а на самомъ дѣлѣ самой лучшей и прочной опорой престола. Въ стремленіи своемъ очернить высшую бюрократію и, въ особенности, министерство внутреннихъ дѣлъ, онъ не останавливается даже и передъ весьма неблаговидными намеками, имѣвшими значеніе доносовъ, и обвиняетъ въ неблагонадежности и цензуру, и передовые наши журналы, и чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, и членовъ редакціонныхъ комиссій; обвиняетъ правительственныя учрежденія въ сообществѣ съ заграничными памфлетистами и увѣряетъ при этомъ, что корень крамолы „глубоко зарытъ въ замыслахъ иностранныхъ“; тутъ же бросаетъ тѣнь на нѣкоторыхъ депутатовъ, называя ихъ „сочинителями конституцій по образцамъ Запада“.

Послѣ цѣлаго ряда такихъ выходокъ онъ приглашаетъ правительство исполнить первоначальное повелѣніе государя и собрать въ главномъ комитетѣ настоящихъ выборныхъ отъ комитетовъ (не признавая таковыми уполномоченныхъ отъ комитетскихъ меньшинствъ), а затѣмъ „обуздать министерство внутреннихъ дѣлъ и редакціонную комиссію въ ихъ самовластныхъ дѣйствіяхъ“.[2]

„Безъ всякаго сомнѣнія, — писалъ Безобразовъ далѣе, — несравненно лучше было бы потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ комитетовъ. Тогда бы было полное право на предложеніе нужныхъ мѣръ и опредѣленіе, законнымъ образомъ, потребныхъ отъ дворянства пожертвованій. Но какъ надѣяться, чтобы правительство, шедшее все это время разными извилистыми тропами, избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ, безъ немедленнаго обличенія?“

Утверждая затѣмъ, что „собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія“, — противъ чего Александръ не преминулъ замѣтить: „хорошъ софизмъ!“ — Безобразовъ развиваетъ любопытную теорію самодержавнаго государственнаго строя. „Дабы достигнуть возможности исполнять обязанности, съ самодержавіемъ сопряженныя, надо имѣть возможность — писалъ онъ — слышать отъ государства, въ чемъ состоятъ его потребности. Для этого у насъ на Руси были выборные отъ земли, которые, не ослабляя нисколько власти, доставляли ей возможность узнать, къ чему и какъ эту силу примѣнить. Выборные даютъ власти значеніе самодержавія; безъ нихъ она имѣетъ характеръ своеволія, несмотря на благія ея намѣренія, идетъ ощупью и путается въ сѣтяхъ, разставленныхъ бюрократіей, которая вмѣсто того, чтобы быть орудіемъ власти, дѣлается ея двигателемъ и руководителемъ. Право земли русской имѣть выборныхъ для совѣта верховной власти существуетъ нынѣ такъ же, какъ существовало

[1] Записка Безобразова помѣщена у Семенова, т. II, стр. 940.
[2] Противъ этого мѣста Александръ написалъ: „надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать“.

прежде. Отнять его никто не можетъ: оно — право, первосозданное отъ начала бытія народа русскаго. Выборныхъ можно не созывать; мысль о нихъ можно затемнять, но вырвать самое право — внѣ силъ человѣческихъ. Можетъ быть когда-либо случится, что необходимость сомосохраненія соберетъ выборныхъ такъ же, какъ она ихъ, при государственныхъ опасностяхъ, собирала. Прискорбно будетъ дожить до такого времени; но радостно будетъ, если, не выжидая тяжелыхъ событій, верховная власть созоветъ около себя родныхъ, законныхъ своихъ совѣтниковъ, и съ ними, возстановя на твердыхъ основаніяхъ колеблющійся нынѣ государственный порядокъ, вновь воздвигнетъ „уроненное своеволіемъ самодержавіе!...“

Пораженный этими словами, Александръ въ двухъ мѣстахъ поставилъ на поляхъ по три восклицательныхъ знака. Въ концѣ записки, противъ того мѣста, гдѣ Безобразовъ писалъ, что онъ желалъ бы убѣдить государя въ патріотизмѣ и безкорыстіи дворянства, Александръ отмѣтилъ: „Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе.“

Поступокъ Безобразова разсмотрѣнъ былъ по высочайшему повелѣнію въ главномъ комитетѣ, причемъ князь Орловъ, какъ родственникъ обвиняемаго, уклонился отъ участія въ этомъ засѣданіи. Безобразовъ былъ уволенъ въ отставку, высланъ изъ Петербурга и отданъ подъ надзоръ полиціи.

Записка Безобразова была въ то время далеко не единственная въ своемъ родѣ.[1] Подобная же записка, съ многочисленными ссылками на Токвиля, была пущена на орловскомъ дворянскомъ собраніи извѣстнымъ въ то время крѣпостникомъ и богачемъ ген. С. П. Мальцевымъ. Къ той же категоріи принадлежитъ и извѣстное французское письмо гр. В. П. Орлова-Давыдова къ ген. Ростовцеву (анонимное). Нельзя также не видѣть прямой идейной связи между запиской Безобразова и вышеупомянутымъ посланіемъ Шидловскаго. Самъ Безобразовъ старательно отгораживалъ себя какъ отъ либеральной оппозиціи, представителемъ которой среди депутатовъ являлся Унковскій, такъ и отъ славянофильской „Русской Бесѣды“, которую онъ обвинялъ даже въ разсылкѣ эмиссаровъ съ цѣлью бунтовать народъ, намекая на довольно нелѣпое происшествіе, случившееся въ то время съ писателемъ Якушкинымъ въ Псковѣ. Но правительство смѣшивало всѣ такія заявленія, записки и адресы въ одну кучу, не разбирая того, имѣли ли они демократическія или олигархическія тенденціи, отчего впослѣдствіи и въ публикѣ всѣ они, и либеральные, и крѣпостническіе, разсматривались многими, какъ проявленія одной и той же дворянской фронды.

Депутаты перваго приглашенія разъѣхались (въ ноябрѣ 1859 г.) по своимъ губерніямъ въ крайнемъ раздраженіи противъ правительства, дворянство же устраивало имъ повсюду овація, чествовало ихъ обѣдами, адресами и т. п., въ пику правительству. Это движеніе особенно усилилось, когда Ланской разослалъ по высочайшему по-

[1] Самъ М. А. Безобразовъ еще въ 1856 г. представилъ записку о значеніи самодержавія, въ которой проводилъ тѣ же мысли. Въ маѣ 1859 г. онъ и его братъ Николай составили и пустили въ ходъ матеріалы для адреса, въ которомъ помѣщены были тѣ же соображенія, что и въ запискѣ. (Ср. „Матеріалы для ист. упразд. крѣп. сост. въ Россіи“ т. II, стр. 97 и слѣд., особенно 104—109.)

велѣнію циркуляры съ запрещеніемъ предстоявшимъ въ разныхъ губерніяхъ очереднымъ дворянскимъ собраніямъ касаться въ своихъ сужденіяхъ крестьянскаго вопроса. Это распоряженіе фактически отмѣняло 112 стр. IX т. свода зак., дававшую дворянству право свободнаго обсужденія ихъ пользъ и нуждъ. Собственно такіе же циркуляры были разосланы и въ 1858 году въ губерніи, гдѣ въ то время происходили выборы. Тогда они вызывались желаніемъ защитить отъ враждебной критики и возможныхъ насилій членовъ губернскихъ комитетовъ и мотивировались тѣмъ, что крестьянское дѣло обсуждается въ этихъ именно комитетахъ. Дворянство подчинилось тогда этому распоряженію довольно спокойно; нѣкоторыя изъ происходившихъ въ 1858 г. собраній послали лишь адресы о введеніи гласнаго судопроизводства и о необходимости другихъ реформъ.[1] Но въ 1859 г. дворянство рѣшило оказать сопротивленіе, не сходя, впрочемъ, съ законной почвы. Мы не будемъ описывать всѣхъ инцидентовъ и всѣхъ ходатайствъ, представленныхъ дворянами въ Рязани, Ярославлѣ, Вологдѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Орлѣ. Они описаны подробно въ „Матеріалахъ для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, изданныхъ въ 1860 г. въ Берлинѣ сенаторомъ Д. П. Хрущовымъ (т. II, стр. 260 и слѣд.) и перепечатанныхъ съ нѣкоторыми лишь сокращеніями въ книгѣ проф. Иванюкова „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“ (2-ое изд. 1903 г. стр. 381 и слѣд.). Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ, наиболѣе характерныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ Твери и во Владимірѣ, надѣлавшихъ въ свое время много шуму и произведшихъ въ публикѣ большую сенсацію.

Тверское дворянство, руководимое Унковскимъ, Европеусомъ и Головачевымъ, выказало при этомъ замѣчательную выдержанность и стойкость, соединенную съ полнымъ сознаніемъ своихъ законныхъ правъ и интересовъ. Бѣжецкій помѣщикъ Европеусъ, петрашевецъ, незадолго передъ тѣмъ возвращенный изъ ссылки, сумѣлъ сочетать въ своей рѣчи, которая сдѣлала бы честь любому парламентскому оратору, самое полное уваженіе къ закону съ самымъ рѣзкимъ и краснорѣчивымъ осужденіемъ всего существовавшаго — и увы! существующаго донынѣ — бюрократическаго строя. Находя высочайшее повелѣніе, объявленное въ циркулярѣ министра, противорѣчащимъ дѣйствующему закону, нѣкоторые изъ членовъ собранія предложили на основаніи 77 ст. основныхъ законовъ „не чиня исполненія“ начать говорить о крестьянскомъ вопросѣ. На это Европеусъ сказалъ: „Господа! по прочтеніи 77 статьи было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи министру, не чиня исполненія, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ. По моему мнѣнію такое толкованіе статьи неправильно. Она означаетъ болѣе, а именно, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнія административнымъ порядкомъ, указаннымъ статьей. Настало время, господа, понять, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу. Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служить

[1] „Матеріалы“ Хрущова, II, 258.

единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи, все угнетающей, ничего не понимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частныя выгоды, прямо противоположныя и интересамъ всего общества и волѣ государя императора... Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствіяхъ этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ законы. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими и что мы можемъ со всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія протестовать оффиціальнымъ образомъ и на основаніи закона. Это составляетъ нашъ долгъ передъ лицомъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ воспрещается губернскому собранію входить въ какія бы то ни было сужденія, относящіеся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, на насъ возложено сужденіе о пользахъ и нуждахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112 и 135 статьи IX тома, я, на основаніи 72, 73 и 77 статей I тома, предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе и поступить по точному смыслу 77 статьи, телеграфируя г. министру; а предложеніе это прошу баллотировать.“ Предложеніе Европеуса было принято 184 голосами противъ 54, а 43 члена отказались отъ баллотировки, находя предложеніе незаконнымъ. Вслѣдствіе отказа губернатора переслать министру заявленіе дворянскаго собранія, большинствомъ голосовъ было рѣшено, уже 231 голосомъ противъ 56, „составить прошеніе въ собственныя руки государя“, которое и было отправлено съ экстреннымъ поѣздомъ. Отвѣтъ не замедлилъ. Въ немъ было сказано: „имѣя въ виду, что тверской губернскій предводитель и означенные выше дворяне не должны были ходатайствовать объ отмѣнѣ высочайшей воли, такъ положительно выраженной, его императорское величество изволилъ повелѣть: всеподданнѣйшее прошеніе ихъ оставить безъ послѣдствій. Вмѣстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно повелѣть: тверского губернскаго предводителя дворянства кол. асс. Унковскаго, допустившаго составленіе прошенія дворянства и даже перваго подписавшаго его, немедленно уволить отъ должности губернскаго предводителя...“ Въ концѣ этой бумаги Ланской сообщалъ, что объ удаленіи Унковскаго уже объявлено въ приказѣ по мин. внутр. дѣлъ. Дворянамъ приказано было произвести выборы непремѣнно въ положенный срокъ. Они исполнили это безропотно, но въ 8 уѣздахъ изъ 12 никто не пожелалъ баллотироваться въ уѣздные предводители; въ губернскіе баллотировалось двое и оба были забаллотированы. Въ честь Унковскаго тутъ же состоялось подписка на 12 стипендій его имени при Московскомъ университетѣ.

Этимъ преслѣдованія однако же не кончились. Правительство, раздраженное противъ Унковскаго и Европеуса, воспользовалось совершенно нелѣпымъ доносомъ о томъ, что будто бы тверскіе либе-

ралы затѣваютъ дать волю крестьянамъ, не ожидая правительственныхъ распоряженій и даже заготовили печатныя прокламаціи объ этомъ. Для разслѣдованія посланъ былъ въ Тверь генералъ Ефимовичъ и, хотя доносъ, разумѣется, не подтвердился, однако же Ефимовичъ доложилъ государю, что присутствіе въ Твери Унковскаго, Европеуса и Головачева волнуетъ умы дворянства.

Это сочли достаточнымъ, чтобы безъ суда сослать Унковскаго въ Вятку, а Европеуса въ Пермь. Съ этихъ поръ духъ оппозиціи прочно укоренился въ тверскомъ дворянствѣ.

Хрущовъ разсказываетъ въ своихъ „Матеріалахъ“, что даже „народъ провожалъ Унковскаго съ знаками сожалѣнія“. „Во всей Россіи рѣшеніе, его постигшее, произвело глубокое, тяжелое впечатлѣніе. Общественное мнѣніе не могло никакъ согласить упраздненія крѣпостного права, предпринятаго самимъ государемъ, съ самовольнымъ, безъ суда, распоряженіемъ свободою людей, когда вся вина ихъ состояла въ томъ, что они съ полной самостоятельностью и съ полной душой защищали свободу свою и своего сословія. Ссылка Унковскаго и Европеуса — заключаетъ Хрущовъ — была огромная политическая ошибка, нанесшая нынѣшнему царствованію неисцѣлимый вредъ...“ [1]

На владимірскомъ дворянскомъ собраніи, бывшемъ въ январѣ 1860 г. нашли способъ довольно остроумно обойти циркуляръ Ланского.

Ковровскій предводитель дворянства, бывшій членъ меньшинства владимірскаго комитета и депутатъ перваго призыва, П. С. Безобразовъ, сказалъ въ своей рѣчи: „Нисколько не касаясь крестьянскаго вопроса, для разрѣшенія котораго правительство вѣроятно находитъ достаточными свѣдѣнія, доставленныя ему отъ насъ, а потому и останавливаетъ дальнѣйшее разсужденіе, я прошу вниманія вашего, господа, къ изображенію будущаго нашего положенія“. „По желанію добродушнаго монарха Россія вызывается къ другой жизни, и дворянство, проникнутое новыми началами, не колеблясь, отрекается отъ крѣпостного владѣнія 22 милліонами людей и, для благоустройства ихъ благосостоянія, (отъ своей) собственности. Поступокъ, достойный русскаго дворянина! Но при общемъ стремленіи нашемъ къ благоденствію страны и къ осуществленію желаній нашего благодушнаго государя, не лежитъ ли на насъ, господа, еще обязанность — подумать о томъ, что ожидаетъ Россію при новомъ порядкѣ дѣлъ?

„Способъ управленія въ нашемъ любезномъ отечествѣ, наше судопроизводство — всѣмъ намъ хорошо извѣстны. Кто изъ васъ, господа, не испыталъ на себѣ тяжелаго гнета чиновничьяго произвола и не убѣдился въ вопіющей несправедливости судопроизводства? И все это тяготѣло надъ нами тогда, когда значеніе дворянства было неприкосновенно, когда дворянское сословіе считалось первымъ сословіемъ въ государствѣ и, обладая средствами, имѣло возможность противостать насилію!... Что же будетъ теперь, м. г-ри!... Новое управленіе и судопроизводство будутъ ли настолько справедливы и правосудны, чтобы мы сами и остатокъ нашей собственности были достаточно ограждены отъ произвола и всякаго насилія?...

„Гдѣ залогъ этого желаемаго будущаго?... Что, ежели, за радушныя

[1] „Матеріалы“ Хрущова, т. II, стр. 271—295.

жертвы дворянства, его исключатъ изъ общаго самоуправленія, оставятъ одинокимъ, отнимутъ возможность слиться съ народомъ и добросовѣстнымъ участіемъ въ дѣлѣ управленія, доказать своимъ собратамъ постоянную готовность трудиться для пользы общей? Что, ежели дворянство предадутъ на произволъ чиновниковъ вмѣстѣ съ народомъ, у котораго эти новые попечители отнимутъ все, чѣмъ мы готовы наградить его?

„Наконецъ, если уменьшеніе права выбора изъ среды дворянства должностныхъ лицъ отниметъ у насъ окончательно участіе въ управленіи страной?

„Господство чиновниковъ подавитъ все, и русское дворянство, столько вѣковъ бывшее опорой трона и не щадившее жизни для блага своего отечества, исчезнетъ въ хаосѣ новаго управленія?.. Ропотъ и справедливое негодованіе обоихъ сословій неизбѣжны и повлекутъ за собой самыя гибельныя послѣдствія!

„Неужели, господа, предвидя общія бѣдствія, мы будемъ колебаться и правдивымъ задушевнымъ словомъ не выскажемъ нашему доброму Государю всей истины, которую могутъ скрывать отъ него одни только враги Россіи и человѣчества!...

„Проникнутый этимъ желаніемъ и руководимый чувствами душевной скорби, я въ своихъ отвѣтахъ правительству, въ качествѣ депутата отъ Владимірской губерніи, высказалъ все, что тяготило меня. Теперь, м. г-ри, передавая вамъ свои убѣжденія, я ищу вашего сочувствія.... Ежели вы свой сильный голосъ присоедините къ моему, тогда нѣтъ сомнѣнія, что, ходатайствуя передъ нашимъ возлюбленнымъ монархомъ о благѣ отечества, мы успѣемъ отвратить грозящую всѣмъ опасность!...“

Послѣ рѣчи П. С. Безобразова — котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ его однофамильцами М. А. и Н. А. Безобразовыми — сказалъ длинную и краснорѣчивую рѣчь помѣщикъ Протопоповъ. „Нынѣ, господа, — сказалъ онъ между прочимъ, — пользы и нужды наши должны итти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а, слѣдовательно, цѣлаго государства.

„Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и за все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе наше всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и общимъ выборнымъ (?) судомъ присяжныхъ!

„Вотъ, господа, чего требуютъ наши общія пользы и нужды, а законъ обязываетъ насъ, прежде еще избранія въ должности, выразить эту общественную потребность!“

Собраніе вполнѣ раздѣлило стремленія и настроеніе обоихъ ораторовъ и поручило тутъ же особой комиссіи выработать проектъ адреса. Комиссія представила два проекта: въ одномъ, краткомъ, выражалось лишь сожалѣніе, что послѣдовалъ такой циркуляръ министра, ограничивающій права дворянства; въ другомъ, болѣе про-

странномъ и рѣзкомъ, послѣ обстоятельной и откровенной критики существующаго строя, основаннаго на возмутительномъ чиновничьемъ произволѣ, правительству предлагался рядъ коренныхъ преобразованій въ либерально-демократическомъ духѣ въ слѣдующихъ восьми пунктахъ:

„1. Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

2. Управленіе общее для всѣхъ сословій.

3. Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій (всесословное земство), отвѣтственное только передъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единственно правильностью избранія.

4. Полицейское управленіе правительственное и устроенное въ чисто охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

5. Руководимое только закономъ, гражданское судопроизводство гласное, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

6. Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго передъ судомъ.

7. Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8. Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита.“ [1]

Хрущовъ разсказываетъ, что въ Петербургѣ на этотъ адресъ сильно злились, и что рѣчи Безобразова и Протопопова признаны были революціонными; но на этотъ разъ дѣло ограничилось лишь замѣчаніемъ губернскому предводителю дворянства.

Пока эти инциденты происходили въ разныхъ губерніяхъ, редакціонныя комиссіи подошли къ окончанію второго періода своихъ занятій и, разсмотрѣвъ проекты остальныхъ 24 дворянскихъ комитетовъ и пересмотрѣвъ свой собственный проектъ, онѣ вызвали въ Петербургъ депутатовъ отъ этихъ 24 губерній, прозванныхъ депутатами второго призыва. Большая часть этихъ депутатовъ принадлежала къ комитетамъ хлѣбородныхъ губерній и къ комитетамъ западныхъ губерній (литовскихъ, бѣлорусскихъ и югозападныхъ). Ихъ взгляды еще болѣе отличались отъ взглядовъ редакціонныхъ коммиссій, нежели взгляды депутатовъ перваго приглашеніи. Тѣ признавали по крайней мѣрѣ, что крестьяне должны быть освобождены съ землей и спорили лишь о размѣрахъ надѣловъ и повинностей и въ большинствѣ желали немедленной и полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній при помощи кредитной выкупной операціи. Депутаты 2-го приглашенія почти всѣ были противъ надѣленія крестьянъ землей и требовали, по миновании срочно-обязаннаго періода, возвращеніе всей земли въ полное распоряженіе помѣщика, а на ряду съ этимъ желали сохраненія вотчинной власти въ возможно широкихъ размѣрахъ. Они рѣзко нападали на редакціонныя комиссіи и за проектированное ими административное устройство крестьянъ; но

[1] „Матеріалы“ Хрущова II, 313 и слѣд. Перепечатано и у Иванюкова, 387 (2-е изд.).

въ то время, какъ депутаты перваго приглашенія обвиняли комиссію главнымъ образомъ за сказавшіяся въ ихъ проектѣ бюрократическія тенденціи, за предоставленіе слишкомъ большой власти чиновничеству и полиціи во вредъ самоуправленію обществъ, — депутаты 2-го призыва старались главнымъ образомъ указать въ трудахъ редакціонныхъ комиссій присутствіе радикальныхъ демократическихъ, республиканскихъ и даже коммунистическихъ стремленій. Въ извѣстномъ „письмѣ депутата 1 призыва къ депутатамъ 2-го приглашенія“ А. И. Кошелевъ[1] давалъ депутатамъ очень разумные совѣты, какъ имъ вести себя въ Петербургѣ. Прежде всего онъ рекомендовалъ имъ сплотиться и достигнуть возможно полнаго единодушія. Кошелевъ предлагаетъ имъ сойтись на почвѣ признанія необходимости освобожденія крестьянъ съ землей, съ полными надѣлами, примѣнительно къ существовавшимъ въ дѣйствительности, при помощи обязательнаго выкупа и съ сохраненіемъ народной самобытности и общинной организаціи. Сойдясь на этомъ, они должны были, по мнѣнію Кошелева, всѣми силами напасть на бюрократическія тенденціи редакціонныхъ комиссій и отстоять, во что бы то ни стало, идею самоуправленія. „Всѣ мы глубоко убѣждены, — писалъ онъ, — что въ обширной Россійской имперіи одно самодержавіе можетъ удержать связь между ея различными частями, хранить въ ней порядокъ и равно благоволить ко всѣмъ состояніямъ въ государствѣ; и потому мы всѣ за самодержавіе; но по той же самой причинѣ мы всѣ противъ бюрократіи, подкапывающей самодержавіе своимъ своеволіемъ, неуваженіемъ къ людямъ и состояніямъ (сословіямъ) и неумѣньемъ вести дѣло просто, хорошо и быстро.... Для землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ одно обезпеченіе противъ своеволій мѣстнаго управленія есть собственное ихъ избраніе ближайшихъ къ нимъ должностныхъ лицъ, домашній надзоръ за ними и отвѣтственность ихъ не одному отдаленному правительству, а непосредственному окружающему ихъ народонаселенію....“ При этомъ Кошелевъ совѣтовалъ депутатамъ не полагаться „на слова и увѣренія бюрократіи“, а обращаться непосредственно къ самому Государю.

Въ этомъ письмѣ особенно знаменателенъ былъ совѣтъ Кошелева бросить всякія мечты о безземельномъ освобожденіи крестьянъ и даже объ уменьшеніи существующихъ надѣловъ[2] и сосредоточить всѣ свои силы на отстаиваніи идеи народнаго самоуправленія противъ чиновничьяго бюрократическаго режима. Но какъ разъ въ этомъ отношеніи депутаты 2-го приглашенія и не послушались Кошелева. Они, правда, оказались довольно единодушны между собой и по всѣмъ почти вопросамъ подали отзывы за общимъ подписомъ 36—40 лицъ, но сошлись они на принципахъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, которые имъ рекомендовалъ Кошелевъ. Всего сильнѣе они обрушились на надѣленіе крестьянъ землей, на образованіе крестьянскихъ общинъ и сельскихъ обществъ и очень по-

[1] Это письмо напечатано въ „Матеріалахъ“ Хрущова, II, 396—426. Самъ Кошелевъ въ своихъ запискахъ о немъ не упоминаетъ, но по содержанію его едва ли можно сомнѣваться, что оно принадлежитъ именно его перу. Никто другой изъ депутатовъ перваго приглашенія его написать не могъ.

[2] „Теперь тѣшить себя надеждою, что въ Россіи можно освободить крестьянъ безъ земли — непозволительно, скажу болѣе — преступно.“ (Стр. 406.)

верхностно и слабо отстаивали принципы самоуправленія, притомъ въ чисто аристократическомъ смыслѣ. На труды редакціонныхъ комиссій они написали очень рѣзкую и крайне несправедливую критику, но на Высочайшее имя никакихъ заявленій не рѣшились направить.

Они собрались въ Петербургѣ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда умеръ Ростовцевъ, и на его мѣсто назначенъ былъ Панинъ, имѣвшій репутацію тупого и завзятаго консерватора и крѣпостника.

Есть мнѣніе, что именно это обстоятельство, сопровождавшееся упорными слухами о поворотѣ во взглядахъ правительства на крестьянскій вопросъ и даже о распущеніи редакціонныхъ комиссій и объ уничтоженіи ихъ трудовъ, окрылило крѣпостническими надеждами депутатовъ второго призыва, чѣмъ и объясняется отличіе поданныхъ ими отзывовъ отъ таковыхъ же, представленныхъ депутатами перваго приглашенія. Въ этомъ мнѣніи есть, вѣроятно, значительная доля правды, но во всякомъ случаѣ основными мотивами дѣятельности депутатовъ служили тѣ мѣстныя матеріальныя условія, которыя направляли дѣятельность и губернскихъ комитетовъ. Что же касается замѣны Ростовцева Панинымъ, то фактъ этотъ, возбудившій страшное негодованіе въ однихъ и слишкомъ неосновательныя надежды въ другихъ, заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія.

Извѣстно, какъ отнеслись къ этому факту друзья эмансипаціи, всѣ передовые представители общества, члены редакціонныхъ комиссій, Милютинъ, Елена Павловна и проч. Всего рѣзче негодованіе и страхъ, охватившіе тогда общество, отразились, разумѣется, въ „Колоколѣ“ Герцена. Извѣстіе о назначеніи Панина напечатано было въ № 65 (отъ 15 марта 1860 г.) съ чернымъ бордюромъ. „Невѣроятная новость о назначеніи Панина на мѣсто Ростовцева подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи поставленъ во главѣ освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно, наше время слишкомъ бойко. Это вызовъ, это дерзость, это обдуманное оскорбленіе общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи. Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставятъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобы имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки освобожденіе крестьянъ. Ошибаться нечего, длинная фигура Панина можетъ служить шестомъ съ шляпой, чтобы пугать, но она слишкомъ узка, чтобы застить собой черты Николая второго. Мы не такъ давно совѣтовали Государю сорвать маску со своихъ приближенныхъ; онъ ее снялъ съ себя... и это не такъ дурно! Истина прежде всего, истина, какая бы она ни была. Что касается до насъ, наша дорога ясна. Объ ней мы поговоримъ въ другое время....“

„Это назначеніе — записалъ въ своемъ Дневникѣ Никитенко — поразило, какъ громомъ, всѣхъ друзей свободы и улучшеній. Образъ мыслей гр. Панина извѣстенъ. Какъ же онъ будетъ вести себя тамъ,

гдѣ требуется именно все противное его прежнимъ понятіямъ и дѣяніямъ?! Нельзя не признаться, что съ Ростовцевымъ погибло для насъ много прекраснаго. Это общее убѣжденіе.... Бѣдное отечество! Такъ шатки всѣ благія начинанія въ тебѣ! Стоитъ сойти съ поприща одному человѣку, чтобы все опять отодвинулось назадъ.“ Такія же тревожныя мысли высказывались въ частной перепискѣ Кошелева, Аксакова, Самарина, Погодина и другихъ.

Милютинъ приготовился подать въ отставку. Но вся эта тревога оказалось преждевременной и преувеличенной: слишкомъ ужъ много значенія привыкли у насъ придавать отдѣльнымъ лицамъ, стоящимъ у власти. „Вы не знаете графа Панина — сказалъ Александръ II великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ — его убѣжденія — это точное исполненіе моихъ приказаній!“ И повидимому онъ имѣлъ основаніе это сказать.

Теперь, когда всѣ обстоятельства назначенія гр. Панина извѣстны, — особенно благодаря книгѣ Н. П. Семенова, — до мельчайшихъ подробностей, можно съ увѣренностью сказать, что это назначеніе было въ то время изъ возможныхъ золъ меньшимъ. По крайней мѣрѣ со стороны Александра оно являлось безспорно плодомъ глубокихъ и зрѣлыхъ размышленій, отнюдь не самодурства, не легкомыслія и не лицемѣрія, какъ думалъ Герценъ. Александръ Николаевичъ въ эту трудную для себя минуту трезво взвѣсилъ всѣ окружавшія его обстоятельства и свои собственныя силы, несомнѣнно уже ослабѣвшія послѣ четырехлѣтняго непрерывнаго напряженія. Онъ понялъ, что если назначить вмѣсто Ростовцева Милютина или даже Ланского, какъ тотъ самъ предлагалъ, то это вызоветъ такую травлю, такую массу открытыхъ нападеній и подпольныхъ интригъ въ близкой ему придворной средѣ, которыхъ превозмочь онъ, Александръ, будетъ не въ состояніи, особенно опираясь лишь на слабаго и нерѣшительнаго Ланского. Тоже самое и еще въ бо́льшей степени могло грозить при назначеніи на этотъ постъ Н. Н. Муравьева-Амурскаго, который къ тому же былъ горячъ и неосторожен. М. Н. Муравьевъ пошелъ бы охотно и далъ бы всякія обѣщанія, но несомнѣнно обманулъ бы Александра при первой возможности. Чевкинъ могъ испортить все дѣло своимъ необыкновеннымъ упрямствомъ. Другихъ кандидатовъ не было....

Между тѣмъ Панинъ и самъ говорилъ про себя, что считаетъ своимъ священнымъ долгомъ поступать вопреки своимъ убѣжденіямъ, разъ ему извѣстно, что они расходятся съ опредѣленной волею монарха. Назначая Панина, Александръ поставилъ ему условіемъ ничего не измѣнять въ томъ направленіи дѣла, какое было дано Ростовцевымъ. „Я увѣренъ — прибавилъ онъ — что вы меня не обманете!“ Намъ кажется, что Александръ въ этомъ случаѣ не ошибся въ своихъ расчетахъ и хотя, разумѣется, гр. Панинъ пользы дѣлу не принесъ и даже дѣлалъ довольно серьезныя попытки его испортить, но это ему не удалось, и въ рѣшительный моментъ онъ долженъ былъ вопреки своимъ убѣжденіямъ даже защищать работы редакціонныхъ комиссій, такъ что крѣпостники въ концѣ концовъ не только перестали радоваться его назначенію, но признали его очень скоро отступникомъ.

8.

Пока шла созидательная работа въ губернскихъ комитетахъ и редакціонныхъ комиссіяхъ, общественная мысль, проявленію которой въ печати была наконецъ предоставлена нѣкоторая свобода, развивалась съ неимовѣрной быстротой и стремительностью. Въ 1855—1857 годахъ въ старыхъ журналахъ и вновь возникавшихъ проповѣдывались, какъ мы видѣли, общіе просвѣтительные и гуманитарные взгляды. Само правительство, желавшее пробужденія общества, сочувствовало этому движенію и даже помогало ему, насколько могло и умѣло. Правительственные журналы „Морской Сборникъ“, „Журналъ министерства Нар. Просв.“, „Журналъ Мин. Госуд. Имуществъ“, „Военный Сборникъ“ и др. охотно печатали статьи прогрессивнаго направленія. Особенно „Морской Сборникъ“ сознательно будилъ мысль и вызывалъ на обмѣнъ взглядовъ и даже подавалъ примѣръ обличенія различныхъ злоупотребленій и безобразій въ тогдашнемъ административномъ строѣ. „Современникъ“ и другіе журналы въ Петербургѣ, „Русскій Вѣстникъ“ и „Русская Бесѣда“ въ Москвѣ спѣшили воспользоваться наступившей свободой, которая казалась вначалѣ гораздо шире, нежели была въ дѣйствительности. „Волнуясь и спѣша“, „Современникъ“ востановлялъ забытые принципы 40-хъ годовъ и старался влить въ общество какъ можно больше просвѣтительныхъ и гуманныхъ воззрѣній и полезныхъ знаній....

Между представителями различныхъ возрѣній и литературныхъ партій преобладало вообще мирное и дружелюбное настроеніе и даже полемика между славянофилами и западниками не обострялась и не касалась очередныхъ боевыхъ вопросовъ.[1] Первые споры, въ которыхъ послышалось отраженіе злобы дня, произошли по поводу статистическихъ изслѣдованій Я. А. Соловьева (въ „Русскомъ Вѣстникѣ“) и по вопросу объ общинномъ землевладѣніи между Вернадскимъ (редакторомъ „Экономическаго Указателя“) и Чернышевскимъ.

Однако правительство, несмотря на всю скромность и оптимизмъ тогдашней печати, не переставало относиться къ ней подозрительно. Самъ Александръ Николаевичъ никакъ не могъ стать съ полной искренностью на либеральную точку зрѣнія. Онъ охотно прислушивался уже и въ то время къ предостереженіямъ консерваторовъ, даже къ самымъ безсмысленнымъ, и легко приходилъ въ ужасъ и негодованіе отъ самыхъ невинныхъ статей.[2] Такъ статьи правовѣрнаго и

[1] Конечно случаи столкновеній бывали и въ это время, но при этомъ подвергались дружному порицанію лишь статьи нѣкоторыхъ авторовъ, проявлявшихъ ретроградныя поползновенія, какъ В. Григорьевъ или Тертій Филипповъ.

[2] Въ XVI т. біографіи Погодина, написанной Н. Барсуковымъ, помѣщено письмо къ Погодину одного заѣзднаго консерватора галицкаго историка Дениса Зубрицкаго. Письмо это само по себѣ ничего кромѣ злорѣющихъ карканій, свойственныхъ ретроградамъ вообще и глубокимъ старцамъ въ особенности, не содержитъ; но оно замѣчательно тѣмъ, что Погодинъ представилъ черезъ Блудова копію съ него Государю, и Александръ, прочтя его со вниманіемъ, испещрилъ его своими замѣтками, подчеркнувъ въ немъ всѣ фразы, имѣвшія характеръ доноса на либераловъ и прогрессистовъ. Одно мѣсто, гдѣ описывалось одно собраніе 1848 года въ Львовѣ и употреблено было слово возстаніе, Александръ подчеркнулъ дважды и написалъ на поляхъ: „этого-то и у насъ желаютъ сдѣлать наши бездомные прогрессисты“. Въ одномъ мѣстѣ Зубрицкій писалъ: „Еще разъ возвращаюсь къ возмутительнымъ писакамъ: у нихъ есть своя тактика. Если они намѣреваются напасть на алтарь, то подтруниваютъ и издѣваются прежде надъ духовенствомъ; если же ихъ цѣль опровергнуть престолъ, то они прежде бросаются на чиновниковъ и возводятъ на нихъ всякаго рода злорѣчія. Взятки вездѣ и всегда были, есть и будутъ. Спаситель избралъ только двѣнадцать апостоловъ — и одинъ изъ нихъ былъ взяточникъ. Я полагаю, что сего рода нападенія, во время раздраженія умовъ, неприличны и опасны....“ Всѣ эти слова особо отмѣчены Александромъ; а между тѣмъ все это писалось въ началѣ 1858 г., когда въ Россіи все еще было совершенно смирно и не было ни ма-

православнаго славянофила Константина Аксакова вызвали закрытіе „Молвы“ въ концѣ 1857 г.[1]

Въ началѣ 1858 г. журналамъ было разрѣшено печатать статьи о крестьянской реформѣ, но какъ только они перешли отъ славословій по поводу рескриптовъ Назимову и Игнатьеву къ критикѣ и къ изложенію собственныхъ взглядовъ и соображеній, такъ правительство тотчасъ же показало когти.[2] Первая статья, вызвавшая репрессіи, была та самая статья Чернышевскаго, въ которой онъ такъ пылко прославлялъ Александра, сравнивая его съ Петромъ Великимъ.[3] На этотъ разъ царскій гнѣвъ вызванъ былъ тѣмъ обстоятельствомъ, что во второй части этой статьи былъ напечатанъ проектъ Кавелина, ходившій по рукамъ и извѣстный правительству еще съ 1856 г. Кавелинъ былъ въ это время однимъ изъ преподавателей наслѣдника. Придворные интриганы, съ самаго начала недовольные его назначеніемъ, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы подкопаться подъ него и подъ главнаго воспитателя Титова, а кстати натравили правительство и на печать.[4] Отсюда произошла цѣлая буря въ цензурномъ вѣдомствѣ, кончившаяся выговоромъ петербургскому попечителю, кн. Щербатову, и отставкой Кавелина. Около того же времени возникло гоненіе противъ московскаго цензора Крузе, причисленнаго обскурантами — и не безъ основанія — къ сонму искреннихъ либераловъ. Крузе, послѣ цѣлаго ряда разныхъ служебныхъ непріятностей, былъ, наконецъ, отставленъ отъ должности, а московскіе литераторы съ Катковымъ и Кошелевымъ во главѣ устроили ему демонстративные проводы и собрали въ его пользу капиталъ по подпискѣ въ 50000 рублей, не смотря на прямое запрещеніе правительствомъ этой подписки. Это былъ первый общественный протестъ противъ правительственныхъ распоряженій въ царствованіе Александра II.[5]

Петербургскіе литераторы пока воздерживались отъ явныхъ протестовъ и демонстрацій, но тѣмъ сильнѣе у нихъ накоплялось раздраженіе и недовѣріе къ правительству. Такъ исчезла понемногу та кратковременная entente cordiale между правительствомъ и литературой, которая водворилась было въ началѣ царствованія.

Подобные инциденты очень способствовали, конечно, и возникновенію оппозиціоннаго настроенія, и развитію въ литературѣ самостоятельной критической мысли. Но главнымъ источникомъ и двига-

---

лѣйшаго повода выражать и выслушивать подобныя опасенія. Все это отлично подтверждаетъ ту характеристику, которую недавно далъ Александру въ своихъ мемуарахъ кн. П. А. Кропоткинъ. „Александръ II — писалъ онъ — конечно, не былъ заурядной личностью; но въ немъ жили два совершенно различныхъ человѣка съ рѣзко выраженными индивидуальностями, постоянно боровшимися другъ съ другомъ. И эта борьба становилась тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе старился Александръ II. Онъ могъ быть то обаятеленъ, то немедленно же выказывалъ себя грубымъ звѣремъ. Передъ лицомъ настоящей опасности Александръ II проявлялъ полное самообладаніе и спокойное мужество, а между тѣмъ онъ постоянно жилъ въ страхѣ опасностей, существовавшихъ только въ его воображеніи....“ („Записки“, стр. 231.)

[1] По поводу невинной статьи К. Аксакова „Публика и народъ“ Александръ положилъ слѣдующую резолюцію на докладѣ Норова: „Статья эта мнѣ извѣстна. Нахожу, что она написана въ весьма дурномъ смыслѣ. Объявить редакціи „Молвы“, что если и впредь будутъ замѣчены подобныя статьи, то газета сія будутъ запрещена, а редакторъ и цензоръ подвергнуться строгому взысканію.“ (Барсуковъ, назв. соч. т. XVI, стр. 285.)

[2] Уже въ іюлѣ 1858 г. Кошелевъ писалъ Черкасскому: „Два №№ „Сельскаго Благоустройства, 5 и 6, я падаю въ самомъ жалкомъ видѣ, а потомъ придется закрыть журналъ...“ („Матерьялы для біографіи Черкасскаго“, т. I, стр. 121.)

[3] „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта“, „Современникъ“ за 1858 г. №№ 2 и 4.

[4] Ср. „Дневникъ и Записки А. В. Никитенка“ т. II, стр. 97 и „Воспоминанія“ Ѳ. Я. Оома, „Русскій Архивъ“ за 1896 г. № 6, стр. 248—250.

[5] Разсказано у Барсукова, назв. соч. XVI, стр 405—407.

телемъ этой послѣдней сдѣлались тѣ экономическіе вопросы, которые были выдвинуты на первый планъ крестьянской реформой. Первые признаки этого направленія мысли проявились, какъ мы уже указали, въ полемикѣ между „Современникомъ“ и „Экономическимъ Указателемъ“ еще осенью 1857 г. Чернышевскаго въ этой полемикѣ увлекало не одно только отстаиваніе русской поземельной общины, но и критика фритредерской доктрины, выставлявшей фермерство идеаломъ сельско-хозяйственнаго строя. Общину Чернышевскій отстаивалъ, видя въ ней возможный залогъ будущаго соціалистическаго устройства; однако, онъ, безъ сомнѣнія, не нападалъ бы на Вернадскаго съ такой яростью, еслибы вопросъ касался только общины. Въ Вернадскомъ онъ видѣлъ защитника той системы, которая обезпечивала лучше всего эксплоатацію народныхъ массъ командующими классами — и это послужило, конечно, главнымъ стимуломъ его безпощадной критики.[1]

Вскорѣ въ своекорыстныхъ и лукавыхъ поползновеніяхъ нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, затѣмъ въ отказѣ самого правительства отъ выкупа земель — онъ увидѣлъ проявленіе того же стремленія обезземелить народъ, чтобы тѣмъ удобнѣе его эксплоатировать. Вотъ почему при первомъ же прикосновеніи къ этому жизненному и злободневному вопросу съ Чернышевскаго такъ быстро слетѣли тѣ розовые очки, черезъ которые онъ смотрѣлъ на дѣйствія правительства Александра II, на готовящіяся реформы и на общественное пробужденіе до 1858 г.

Въ апрѣлѣ 1858 г. Чернышевскій еще расточаетъ похвалы правительству и пишетъ комплименты либеральнымъ помѣщикамъ,[2] а въ концѣ этого года онъ безповоротно становится уже непримиримымъ радикаломъ и озлобленнымъ врагомъ „лишнихъ людей“. Въ апрѣлѣ 1858 г. — когда занятія губернскихъ комитетовъ почти еще не начинались — Чернышевскій въ „Отвѣтѣ на замѣчанія г. Провинціала“ писалъ: „Возможно ли каждому честному человѣку и всей націи не чувствовать горячаго уваженія къ людямъ, подобнымъ автору замѣчаній на нашу ноябрьскую статью, — къ людямъ, которые, будучи помѣщиками, такъ глубоко сочувствуютъ всему, что можетъ улучшить состояніе поселянина, такъ пламенно желаютъ, такъ твердо рѣшаются содѣйствовать этому улучшенію всѣми возможными мѣрами, безъ всякаго колебанія, отодвигая на второй планъ свои собственные интересы, будучи совершенно готовы уступать личные свои разсчеты и выгоды во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то принесетъ пользу поселянину? Къ счастью Россіи и къ чести нашихъ помѣщиковъ, такихъ людей въ сословіи помѣщиковъ много. Дай Богъ, чтобы число ихъ увеличивалось съ каждымъ днемъ.“[3] А въ концѣ 1858 г., когда Чернышевскій узналъ, можетъ быть, даже въ преувеличенныхъ краскахъ, какія суммы на-

---

[1] Въ „Отвѣтѣ на Заключенія г. Провинціала“, напечатанномъ въ № 4 „Совр.“ за 1858 г., Чернышевскій писалъ: „То, чтобы всѣ наши земледѣльцы имѣли поземельную собственность — вотъ основное наше желаніе; предпочтеніе общиннаго владѣнія безграничному расширенію частной поземельной собственности основывается для насъ относительно настоящаго и ближайшаго будущаго преимущественно на томъ, что общинное владѣніе представляется намъ единственнымъ средствомъ сохранить каждаго поселянина-хозяина въ званіи поземельнаго собственника“. Стр. 109.

[2] Тамъ же, стр. 113.

[3] Тамъ же, стр. 113.

значили нѣкоторые комитеты за уступку крестьянамъ усадьбъ, какъ многіе изъ нихъ отказывали крестьянамъ въ надѣлахъ и какіе опредѣлили оброки, то онъ съ отчаяніемъ и озлобленіемъ выразилъ свое впечатлѣніе въ слѣдующихъ аллегорическихъ строкахъ: „Представьте себѣ мои чувства, когда я, заботясь о приготовленіи хорошаго обѣда для васъ, вдругъ узнаю, что провизія вовсе не принадлежитъ вамъ, и что за каждый обѣдъ, приготовляемый изъ нея, берутъ съ васъ деньги, которыхъ не только не стоитъ самый обѣдъ, но которыхъ вообще вы не можете платить безъ крайняго стѣсненія. Какія мысли приходятъ мнѣ въ голову при этихъ странныхъ открытіяхъ? — Человѣкъ самолюбивъ, и первая мысль, рождающаяся во мнѣ, относится ко мнѣ самому. „Какъ былъ я глупъ, что хлопоталъ о дѣлѣ, для котораго не обезпечены всѣ условія! Кто, кромѣ глупца, можетъ хлопотать о сохраненіи собственности въ извѣстныхъ рукахъ, не удостовѣрившись прежде, что собственность достанется въ эти руки и достанется на выгодныхъ условіяхъ?“ Вторая моя мысль — о васъ, предметѣ моихъ заботъ, и о томъ дѣлѣ, однимъ изъ обстоятельствъ котораго (т. е. будетъ ли то общинная или личная собственность) я такъ интересовался: „лучше пропадай вся эта провизія, которая приноситъ только вредъ любимому мною человѣку, лучше пропадай все дѣло, приносящее вамъ только разореніе! Досада за васъ, стыдъ за свою глупость — вотъ мои чувства.“ [1]

Въ первой книжкѣ „Современника“ за 1859 г. въ статьѣ „Труденъ ли выкупъ земли?“ Чернышевскій по поводу слуховъ о намѣреніи правительства отложить вопросъ о выкупѣ на будущее время писалъ: „По нашему, лучше ужъ и не говорить о предоставленіи его будущему, если не дѣлать его въ настоящемъ; лучше ужъ прямо сказать, что о немъ нечего и думать, что масса крестьянъ должна остаться, по матеріальнымъ условіямъ, въ прежнемъ положеніи или даже превратиться въ сословіе батраковъ.“ Далѣе онъ, какъ будто нарочно дразня помѣщиковъ и уже бросивъ принципы кавелинскаго проекта, который требовалъ уплаты выкупа не только за землю, но и за личность крестьянина, выводитъ такія цифры выкупа, которыя были бы для помѣщиковъ явно разорительны. Опираясь на цифры Соловьевской статистики для Смоленской губерніи и на цифры Журавскаго для Кіевской, онъ доказываетъ, что было бы справедливо въ нечерноземныхъ губерніяхъ уплатить помѣщикамъ за полный душевой надѣлъ по 29 руб. серебромъ, а въ хлѣбородныхъ — по 49 руб.; но затѣмъ онъ предлагаетъ и иной, болѣе выгодный для помѣщиковъ способъ оцѣнки надѣловъ для опредѣленія выкупной суммы. Онъ беретъ средній доходъ съ крѣпостной души, опредѣляя его довольно произвольно въ 12 рублей для всей Россіи, капитализируетъ его изъ 7 ½ % и выводитъ среднюю стоимость имѣній въ 150 руб. на душу. „Изъ этого имущества — пишетъ онъ — даже при увеличенномъ противъ настоящаго надѣлѣ, какого мы желали бы, все таки за помѣщикомъ останется

[1] „Современникъ“ за 1858 г. № 12, стр. 579. Позднѣе въ неоконченномъ романѣ „Прологъ Пролога“, весьма страннаго по содержанію, Чернышевскій устами Волгина прямо заявляетъ, что въ виду размѣровъ выкупа, принятыхъ правительствомъ, пожалуй безземельное освобожденіе крестьянъ было бы выгоднѣе для нихъ, нежели съ дорого стоющими надѣлами.

и бо́льшая по пространству и лучшая по качеству (?) часть крѣпостного имущества." Поэтому онъ видитъ максимальную цифру для выкупа — 75 рублей на душу, т. е. въ два раза меньше той, какая опредѣлена была по положенію 19 февраля за урѣзанные надѣлы.[1]

Въ сущности Чернышевскій не зналъ досконально русской дѣйствительности. Онъ никогда не изучалъ какъ слѣдуетъ сельскаго быта и русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній. Свои взгляды и аргументы онъ черпалъ изъ западныхъ арсеналовъ, но, конечно, не изъ манчестерскихъ, а изъ соціалистическихъ. По своему міросозерцанію онъ былъ фурьеристъ и это сообщало его построеніямъ нѣсколько отвлеченный характеръ, а положительные проекты его дѣлало весьма непрактичными при всей ихъ простотѣ и прямолинейности. За то весь строй его мыслей отличался необыкновенной послѣдовательностью, а критика его, особенно въ глазахъ читателей, не знавшихъ непосредственно русскихъ сельско-хозяйственныхъ отношеній, представлялась неизмѣнно побѣдоносной и неопровержимой. Но по той же причинѣ на ходъ работъ въ губернскихъ комитетахъ и въ редакціонныхъ комиссіяхъ непосредственнаго вліянія „Современникъ" имѣть не могъ. Въ помѣщичьей и правительственной средѣ онъ имѣлъ неизмѣримо меньше вліянія, нежели болѣе умѣренные московскіе журналы „Русскій Вѣстникъ" и, въ особенности, „Русская Бесѣда" съ „Сельскимъ Благоустройствомъ", или спеціальный „Журналъ для землевладѣльцевъ", издававшійся эмансипаторомъ дворянскаго пошиба А. Д. Желтухинымъ. Послѣдніе два жунала издавались какъ бы съ прямой цѣлью вліять на членовъ губернскихъ комитетовъ и другихъ помѣщиковъ; „Современникъ" же вліялъ, главнымъ образомъ, на образованіе мнѣній въ широкой публикѣ. Цензурныя условія дѣйствовали гнетущимъ образомъ и на издателей „Сельскаго Благоустройства" и „Журнала землевладѣльцевъ", такъ что въ 1859 г. оба они вынуждены были прекратиться. Имѣя спеціальныя задачи они не могли довольствоваться аллегоріями и расчитывать, что ихъ читатели умѣютъ читать между строкъ, хотя они, разумѣется, по существу были чужды всякаго радикализма. Напротивъ, „Современникъ" обрушивался на помѣщиковъ и ихъ интересы безпощадно и въ то же время ловко обходилъ разныя цензурныя препятствія. Къ тому же, какъ общій политическій и литературный органъ, онъ могъ проводить свои взгляды въ самыхъ разнообразныхъ статьяхъ и даже въ беллетристической формѣ.

На помощь Чернышевскому, который вывозилъ на себѣ журналъ въ предыдущіе три года, въ это время явился даровитый, почти геніальный юноша, Добролюбовъ, одаренный въ высшей степени тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, — чего какъ разъ не доставало Чернышевскому — и обладавшій отъ природы пылкимъ боевымъ темпераментомъ. Верховный распорядитель журнала, Некрасовъ, съ свойственнымъ ему практическимъ чутьемъ оцѣнилъ силу и значеніе этого дуумвирата и предоставилъ ему полную свободу дѣйствій.

[1] „Современникъ" за 1859 г. № 1, стр. 3—48.

Въ 1858 г., съ началомъ крестьянской реформы, Чернышевскій рѣшилъ сосредоточиться на крестьянскомъ вопросѣ и на статьяхъ и изслѣдованіяхъ экономическаго характера, а отдѣлъ критики и библіографіи передалъ всецѣло въ руки Добролюбова. Этотъ отдѣлъ въ журналахъ того времени являлся центральнымъ, и лицо, имъ завѣдывавшее, имѣло въ журналѣ то же значеніе, что запѣвало въ хорѣ или первая скрипка въ оркестрѣ. Но роль Добролюбова въ „Современникѣ“ была еще значительнѣе и шире, какъ потому, что подъ критикой онъ разумѣлъ въ сущности не только критику литературныхъ произведеній, но и критику всей современной общественной жизни, всей русской дѣйствительности, такъ и по силѣ его вліянія на остальныхъ сотоварищей по редакціи — Чернышевскаго и Некрасова. Добролюбовъ выступилъ на литературное поприще за 2 года передъ тѣмъ пылкимъ двадцатилѣтнимъ юношей какъ разъ въ самый разгаръ блестящихъ надеждъ и розовыхъ упованій, которыми ознаменовались 1855—1857 годы въ Россіи. Въ литературу онъ перешелъ прямо со школьной скамьи. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ человѣкъ новаго времени; ему не пришлось испытать на себѣ того тяжелаго цензурнаго и полицейскаго гнета, подъ дѣйствіемъ котораго такъ долго томились и изворачивались старшіе его товарищи по журналу — Некрасовъ и Чернышевскій. Поэтому всякое отступленіе отъ тѣхъ началъ прогресса и свободы, которыя были провозглашены, или, по крайней мѣрѣ, всѣми были признаны, въ началѣ царствованія Александра II, казалось Добролюбову гораздо болѣе возмутительнымъ и невыносимымъ, нежели искушенному жизнью Некрасову и даже Чернышевскому. Кромѣ того, Добролюбовъ обладалъ въ высшей степени страстнымъ темпераментомъ и по натурѣ былъ необыкновенно прямолинеенъ и послѣдователенъ не только въ идеяхъ, но и въ примѣненіи ихъ къ жизни. Онъ требовалъ, чтобы слово непремѣнно претворялось въ дѣло и чтобы дѣло тотчасъ же непосредственно слѣдовало за словомъ. Ему была свойственна въ высшей степени та плебейская честность, которая не терпитъ никакихъ компромиссовъ, не щадитъ никакихъ позолоченныхъ традицій и переживаній и знать ничего не хочетъ, кромѣ непреклоннаго стремленія къ разъ признаннымъ идеаламъ.

Поэтому въ концѣ 1857 и въ началѣ 1858 годовъ его уже совершенно не удовлетворяютъ тотъ либерализмъ на словахъ, тѣ надежды и упованіе на свѣтлое будущее, тѣ обличенія безъ указанія имени и мѣста дѣятельности обличаемыхъ лицъ, а потому и безъ непосредственнаго воздѣйствія на окружающую дѣйствительность, которыми полна была наша литература и журналистика конца 50-хъ годовъ. Ему это начинало казаться уже тогда какимъ-то безполезнымъ и дряблымъ топтаньемъ на одномъ мѣстѣ, а иногда и просто обманомъ. Это настроеніе ярко и искренне вылилось у него въ ненапечатанныхъ въ то время стихахъ на тостъ въ въ память Бѣлинскаго, которыми онъ больно задѣлъ оставшихся въ живыхъ членовъ кружка Бѣлинскаго, считавшихъ себя хранителями его завѣтовъ.[1] Это разочарованіе въ силѣ и прочности нашего про-

[1] Ср. воспоминаніе А. Н. Пыпина („Вѣст. Евр.“ за 1903 г. № 11). Стихи эти сохранились у М. А. Антоновича („Русская Мысль“ за 1898 г. № 12, ч. 2, стр. 10.) Приведемъ здѣсь эти интересные стихи:

грессивнаго движенія и признаніе общественной дряблости было тогда же высказано Добролюбовымъ и во всеуслышаніе — въ статьѣ о „Губернскихъ очеркахъ“ Щедрина, въ которой онъ рѣзко и смѣло выразилъ мыслъ, что все наше передовое общество подходитъ въ сущности подъ типъ щедринскихъ „талантливыхъ натуръ“, причемъ онъ увѣрялъ, что „лучшая изъ талантливыхъ натуръ не пойдетъ далѣе теоретическаго пониманія того, что нужно, и громкаго крика, когда онъ не слишкомъ опасенъ. Въ случаѣ же обстоятельствъ неблагопріятныхъ они или заговорятъ двусмысленно, или и совсѣмъ противно своимъ убѣжденіямъ. Самые самоотверженные замолчатъ и свое молчаніе будутъ считать геройствомъ“.[1] Съ этихъ поръ скорбная и гнѣвная нота звучитъ, постепенно усиливаясь, почти во всѣхъ статьяхъ Добролюбова и достигаетъ своего апогея въ статьѣ „Что такое Обломовщина?“ (1859 г.). Пользуясь знаменитымъ романомъ Гончарова, Добролюбовъ представилъ здѣсь оригинальный генезисъ современнаго ему дворянскаго либерализма и въ яркихъ чертахъ изобразилъ дряблость и пустоту нашего передового сословія, даже въ наиболѣе передовыхъ его представителяхъ отъ Онѣгина и Печорина до Бельтова, Рудина и, наконецъ, Обломова. Въ прежнихъ своихъ представителяхъ оно являлось — по выраженію Добролюбова — прикрытымъ „разными мантіями“ и украшеннымъ „разными прическами“, а въ Обломовѣ явилось разоблаченнымъ. Въ этомъ Добролюбовъ и видѣлъ главное достоинство романа Гончарова, котораго онъ ставилъ гораздо выше Тургенева. „Вопросъ, что онъ (т. е. Обломовъ) дѣлаетъ? Въ чемъ смыслъ и цѣль его жизни? — поставленъ прямо и ясно и не забитъ никакими побочными вопросами. Это потому — писалъ Добролюбовъ — что теперь уже настало или настаетъ неотлагательно время работы общественной...“ Поэтому въ романѣ Гончарова онъ видѣлъ знаменіе времени.[2] Но образованное дворянство являлось до отмѣны крѣпостного права представителемъ всего русскаго общества, и Добролюбову казалось, что все оно безплодно и трусливо топчется на одномъ мѣстѣ, и потому онъ на все это общество, на все либеральное движеніе того времени распространяетъ уже въ 1859 году изобрѣтенное имъ понятіе обломовщина.

И мертвый живъ онъ между нами
И плачетъ горькими слезами
О поколѣньѣ молодомъ,
Святую вѣру потерявшемъ,
Холодномъ, черствомъ и нѣмомъ,
Передъ борьбой позорно павшемъ...

Онъ грозно шелъ на грозный бой
Съ самоотверженной душой,
Онъ подъ огнемъ враговъ опасныхъ
Для насъ дорогу пролагалъ
И въ Лету груды самовластныхъ
Авторитетовъ побросалъ.

Исполненъ прямоты и силы
Безстрашно шелъ онъ до могилы
Стезею правды и добра.
Въ его нещадномъ отрицаньѣ
Виднѣлась новая пора,
Пора дѣйствительнаго знанья.

И умирая, думалъ онъ,
Что путь его уже свершенъ,
Что молодыя поколѣнья
По имъ открытому пути
Пойдутъ безъ страха и сомнѣнья,

Чтобъ къ цѣли, наконецъ, дойти.
Но молодыя поколѣнья
Полны и страха и сомнѣнья, —
Тамъ, гдѣ онъ палъ, на мѣстѣ томъ,
Въ смущеньѣ робкомъ суетятся
И имъ проложеннымъ путемъ
Умѣютъ только... любоваться!

Не разъ я въ честь его бокалъ
На пьяномъ пирѣ поднималъ
И думалъ: „только, только этимъ
Мы можемъ помянуть его!
Лишь пошлымъ тостомъ мы отвѣтимъ
На мысли свѣтлыя его!...“

[1] Сочиненія Добролюбова, т. I. стр .410.
[2] Сочиненія, т. II, стр. 498.

„Если я — писалъ онъ — вижу теперь помѣщика, толкующаго о правахъ человѣчества и о необходимости развитія личности, я уже съ первыхъ словъ его знаю, что это Обломовъ.

„Если встрѣчаю чиновника, жалующагося на запутанность и обременительность дѣлопроизводства, онъ — Обломовъ.

„Если слышу отъ офицера жалобы на утомительность парадовъ и смѣлыя разсужденія о безполезности тихаго шага и тому подобное, я не сомнѣваюсь, что онъ Обломовъ.

„Когда я читаю въ журналахъ либеральныя выходки противъ злоупотребленій и радость о томъ, что, наконецъ, сдѣлано то, чего мы давно надѣялись и желали, — я думаю, что это все пишутъ изъ Обломовки.

„Когда я нахожусь въ кружкѣ образованныхъ людей, горячо сочувствующихъ нуждамъ человѣчества и въ теченіе многихъ лѣтъ съ неуменьшающимся жаромъ разсказывающихъ все тѣ же самые анекдоты (а иногда и новые) о взяточничествѣ, о притѣсненіяхъ, о беззаконіяхъ всякаго рода, — я невольно чувствую, что я перенесенъ въ старую Обломовку...

„Остановите этихъ людей въ ихъ шумномъ разглагольствованіи и скажите: „вы говорите, что не хорошо то и то; что же нужно дѣлать?“ — они не знаютъ... Предложите имъ самое простое средство, — они скажутъ: „да какъ же это такъ вдругъ?“ Непремѣнно скажутъ, потому что обломовцы иначе отвѣчать не могутъ... Продолжите разговоръ съ ними и спросите: „что же вы намѣрены дѣлать?“ Они вамъ отвѣтятъ тѣмъ, чѣмъ Рудинъ отвѣтилъ Натальѣ: „что дѣлать? Разумѣется, покориться судьбѣ. Что же дѣлать! Я слишкомъ хорошо знаю, какъ это горько, тяжело, невыносимо, но посудите сами...“ и проч. (см. Тургенева Пов. ч. III, стр. 249). Больше отъ нихъ ничего не дождетесь, потому что на всѣхъ ихъ лежитъ печать обломовщины.

„Кто же, наконецъ, сдвинетъ ихъ съ мѣста этимъ всемогущимъ словомъ „впередъ!“, о которомъ такъ мечталъ Гоголь и котораго такъ давно и томительно ожидаетъ Русь? До сихъ поръ нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ обществѣ, ни въ литературѣ. Гончаровъ, умѣвшій понять и показать намъ нашу обломовщину, не могъ, однако, не заплатить дани общему заблужденію, до сихъ поръ столь сильному въ нашемъ обществѣ: онъ рѣшился похоронить обломовщину и сказать ей похвальное надгробное слово. „Прощай, старая Обломовка, ты отжила свой вѣкъ!“ — говоритъ онъ устами Штольца и говоритъ неправду. Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ Обломова, не согласится съ этимъ. Нѣтъ — скорбно заключаетъ Добролюбовъ — Обломовка есть наша прямая родина, ея владѣльцы — наши воспитатели, ея триста Захаровъ всегда готовы къ нашимъ услугамъ. Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова и еще рано писать намъ надгробное слово...“[1]

Развѣнчивая современныхъ ему либераловъ и безпощадно преслѣдуя постепеновцевъ и ихъ склонность къ компромиссамъ, ихъ способность легко удовлетворяться дешевыми обличеніями квартальныхъ и прочихъ мелкихъ злоупотребителей и оставлять въ сто-

[1] Сочиненія т. II, стр. 501—502.

ронѣ сильныхъ міра сего,[1] — Добролюбовъ становился все непримиримѣе и, наконецъ, рѣзко выразилъ свои симпатіи къ дѣятельному радикализму въ статьѣ „Когда же придетъ настоящій день?“ (по поводу „Наканунѣ“ Тургенева) и еще прямѣе въ своихъ статьяхъ объ Италіи, гдѣ тогда происходило широкое народное революціонное движеніе. Эти статьи написаны были Добролюбовымъ заграницей (гдѣ онъ лѣчился за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти) и напечатаны въ „Современникѣ“ за 1861 годъ. Написанная имъ тогда біографія Кавура представляетъ собой страстный и краснорѣчивый памфлетъ, гдѣ онъ еще разъ подвергъ разбору и развѣнчанію способъ дѣйствія либеральныхъ вождей всѣхъ странъ и народовъ и противопоставилъ ему, насколько позволяла цензура, политическую честность, осмысленность и плодотворность образа дѣйствія радикальныхъ вождей демократіи, такихъ, какъ Мадзини и Гарибальди.

Крестьянскимъ вопросомъ спеціально Добролюбовъ не занимался; сельскохозяйственной жизни онъ совершенно не зналъ, но исходъ крестьянской реформы интересовалъ и волновалъ его чрезвычайно, и чѣмъ отвлеченнѣе смотрѣлъ онъ на это дѣло, тѣмъ строже примѣнялъ къ нему радикальную точку зрѣнія. Въ статьѣ „Литературныя мелочи прошлаго года“ онъ сурово осуждаетъ всѣ современные журналы за ихъ пристрастіе къ помѣщичьимъ интересамъ и особенно рѣзко нападаетъ за статьи А. А. Головачева въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, — за его попытку выяснить откровенно, что помѣщики въ нечерноземныхъ губерніяхъ не могутъ удовольствоваться при ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній вознагражденіемъ за однѣ только земли, отводимыя крестьянамъ, а должны быть вознаграждаемы и за потерю дохода отъ крѣпостного крестьянскаго труда. Головачевъ доказывалъ въ этомъ случаѣ тѣ самыя положенія, на которыхъ былъ построенъ либеральный проектъ тверского комитета, и которыя въ началѣ 1858 г. были выставлены самимъ „Современникомъ“ въ выдержкахъ изъ записки Кавелина. Но Добролюбовъ не принималъ въ разсчетъ никакихъ фактическихъ данныхъ и цифръ и, принимая за чистую монету правительственныя распоряженія о томъ, что за личность крестьянъ не можетъ быть назначено никакого вознагражденія, съ азартомъ отстаивалъ это положеніе со всѣми логическими выводами изъ него. Поэтому проекты и соображенія Головачева, Унковскаго, Кошелева и др. казались ему не болѣе какъ плантаторскими уловками. Не менѣе сурово и презрительно отзывался онъ и о тѣхъ публицистахъ изъ помѣщиковъ, которые стремились удержать какую-либо часть вотчинной власти или сохранить розгу для освобожденныхъ крестьянъ. Разочарованіе въ искренности и послѣдовательности помѣщичьяго либерализма не мало содѣйствовало у Добролюбова тому взгляду на дворянство и на либерализмъ, который былъ имъ изложенъ съ такой безпощадностью въ статьѣ „Что такое Обломовщина?“

Разочарованіе въ образованной части нашего общества заставило Добролюбова возложить всѣ надежды на народъ. Свои мысли объ этомъ онъ съ обычной энергіей выразилъ въ статьѣ „Народное дѣло“ по поводу проявившагося въ 1859 г. во многихъ губерніяхъ движе-

[1] Въ статьяхъ о Пироговѣ и проч. и въ особенности въ „Свисткѣ“.

нія среди крестьянъ противъ виннаго откупа. „Да, въ этомъ народѣ, — писалъ тогда Добролюбовъ, — есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ и не любятъ останавливаться на словѣ и услаждаться его звукомъ, исчезающимъ въ пространствѣ. Слово ихъ никогда не праздно; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа, въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ! Эти же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишки, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознаніе въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душахъ. Въ этой то способности — приносить существенныя жертвы разъ сознанному и порѣшенному дѣлу — и заключается величіе простой народной массы, величіе, котораго никогда не можемъ достичь мы, со всею нашей отвлеченной образованностью и прививной гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки геройства и рыцарства, всѣ претензіи на нововведенія и реформы въ общественной дѣятельности бываютъ такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ и что можно назвать дѣйствительно народнымъ дѣломъ.“[1]

Такимъ образомъ, уже въ концѣ 1859 г. Чернышевскій и Добролюбовъ пришли къ полному разочарованію въ силѣ и искренности либерализма образованнаго общества, и всю свою надежду возложили на народъ. По своимъ положительнымъ взглядамъ Чернышевскій былъ убѣжденный соціалистъ, о Добролюбовѣ нельзя этого сказать съ такою же опредѣленностью: онъ не изучалъ спеціально экономическихъ вопросовъ и не бралъ на себя выбора той или другой соціальной системы для будущаго. Но онъ былъ несомнѣнно глубокимъ и восторженнымъ демократомъ. Въ нашей литературѣ обыкновенно придаютъ большое значеніе тому обстоятельству, что и Чернышевскій, и Добролюбовъ оба были разночинцами. Однако, было бы въ высшей степени ошибочно объяснять ихъ радикализмъ и безпощадное отношеніе къ помѣщичьимъ интересамъ личной озлобленностью и нетерпимостью голодныхъ пролетаріевъ. Ни тотъ, ни другой не были въ этомъ положеніи; оба они стояли въ сторонѣ отъ помѣщичьяго быта, оба прекрасно видѣли кричащія злоупотребленія крѣпостного права и, не будучи связаны съ нимъ никакими матеріальными отношеніями, могли смотрѣть и смотрѣли на ликвидацію крѣпостныхъ отношеній съ совершенно отвлеченной радикальной точки зрѣнія. Многія подробности и условія помѣщичьяго хозяйства были имъ совершенно неизвѣстны, и это усиливало строгость и безпощадность, а отчасти и непрактичность ихъ взгляда. Но въ то же время они умѣли высоко и тонко цѣнить все истинно благородное, что было въ образованномъ классѣ тогдашней Россіи.

[1] Сочиненія, т. IV, стр. 87.

Чтобы понять и ясно почувствовать это, достаточно напомнить превосходную статью Добролюбова о Станкевичѣ и умѣнье его сохранить полное уваженіе къ личности и заслугамъ Пирогова въ пылу самой ожесточенной полемики съ его защитниками.[1]

Итакъ, направленіе „Современника“, какъ органа русскаго демократическаго радикализма въ 1859 г. вполнѣ выяснилось. Публика явно одобрила новое направленіе „Современника“; вліяніе и распространеніе журнала росло весьма быстро, и до возникновенія Писаревскаго „Русскаго Слова“ у него не было въ Петербургѣ серьезныхъ соперниковъ.[2] Безпринципныя „Отечественныя Записки“ редакціи Дудышкина не могли съ нимъ тягаться. Изъ „Библіотеки для чтенія“ Дружининъ пытался сдѣлать серьезный органъ консервативнаго направленія въ англійскомъ смыслѣ этого слова, но безъ большого успѣха

Зато въ Москвѣ развивался и процвѣталъ въ это время „Русскій Вѣстникъ“ Каткова. Первоначально въ составъ его редакціи вмѣстѣ съ Катковымъ и Леонтьевымъ входили ближайшіе друзья Грановскаго — Кудрявцевъ и Евг. Коршъ, а въ числѣ постоянныхъ сотрудниковъ, на ряду съ такими западниками, какъ Чичеринъ и Соловьевъ, значились и славянофилы Аксаковы. Но направленіе журнала быстро опредѣлилось, и въ 1857 г. Аксаковы уже въ немъ не участвуютъ, а къ концу этого года по разногласіямъ чисто принципіальнаго характера отъ журнала отстали Чичеринъ и Коршъ, основавшіе съ 1858 г. свой журналъ „Атеней“, придерживавшійся въ политическихъ вопросахъ болѣе консервативныхъ взглядовъ, нежели „Русскій Вѣстникъ“.

„Русскій Вѣстникъ“ становится съ того времени яркимъ выразителемъ политическаго либерализма и главнымъ проводникомъ въ общество конституціонныхъ идей. Постоянными сотрудниками его становятся тѣ публицисты изъ дворянъ, которые по своимъ взглядамъ тѣсно примыкаютъ къ депутатамъ 1-го приглашенія. Среди нихъ часто попадаются имена: Головачева, Унковскаго, Салтыкова, В. П. Безобразова, Д. П. Хрущова, А. М. Жемчужникова (Арсенія Глѣбова) и др. Въ крестьянскомъ вопросѣ редакція обѣщала давать высказываться людямъ прогрессивнаго направленія разныхъ оттѣнковъ; но сама она довольно опредѣленно высказала свой взглядъ въ первой же редакціонной статьѣ (въ № 5 за 1858 г.), указавъ, что конечною цѣлью реформы должна быть гражданская полноправность крестьянина, что онъ долженъ быть освобожденъ съ землей, приблизительно въ размѣрѣ существующаго надѣла, и что земля эта должна быть выкуплена при помощи кредитной операціи. На этой позиціи журналъ оставался до изданія положенія 19 февраля. Но главнымъ вопросомъ, по отношенію къ которому Катковъ держался особенно твердо и строго, былъ вопросъ достиженія политической свободы. Рельефнѣе всего настроеніе Каткова въ этомъ отношеніи выразилось въ любопытной перепискѣ съ Чичеринымъ, сохранившейся въ архивѣ послѣдняго и недавно опубликованной

[1] Тѣ же черты можно указать въ статьѣ Чернышевскаго о Кавелинѣ.

[2] „Русское Слово“ въ 1859 г. до перехода подъ редакцію Благосвѣтлова было совершенно еще не установившимся органомъ.

Барсуковымъ въ XII т. біографіи Погодина. Между Катковымъ и Чичеринымъ возникло въ это время несогласіе изъ-за статьи Чичерина о Токвилѣ, самомъ модномъ въ то время писателѣ, въ которой Чичеринъ отнесся очень критически къ взглядамъ Токвиля на самоуправленіе и обнаружилъ нѣкоторую склонность къ политической централизаціи. Катковъ отказался напечатать эту статью и въ письмѣ къ Чичерину представилъ въ отвѣтъ на нее цѣлую диссертацію, въ высшей степени характерную для освѣщенія тогдашняго его образа мыслей.

„Истинное назначеніе централизаціи — писалъ тамъ, между прочимъ, Катковъ — собрать воедино, подъ замокъ и печать, всю фактическую, внѣшнюю, принудительную силу; подчинить кесареви все кесарево, но отнюдь не отдавать кесареви то, что никакъ принадлежать ему не можетъ; отнюдь не затѣмъ собрать эту силу, чтобы воспользоваться ею для порабощенія всѣхъ прочихъ началъ человѣческаго міра. Какъ скоро дѣло централизаціи приходитъ къ концу, такъ требуется возможно полное освобожденіе человѣческой жизни отъ государственной опеки. Но, къ сожалѣнію, не такъ бываетъ....“

Обрушиваясь далѣе на „практическихъ совершителей централизаціи“, Катковъ писалъ: „имъ кажется, что собранной силой можно и должно пользоваться по личному благоусмотрѣнію диктатора, для подвиганія человѣчества по пути прогресса; имъ приходитъ въ голову убійственная мысль, что можно и должно осуществить идеи разума посредствомъ монаршаго скипетра или диктаторской булавы; имъ приходитъ странная мысль, что депозитаріи этой силы становятся какими-то ангелами небесными, что стоитъ человѣку окунуться въ казну, какъ изъ него непремѣнно выйдетъ существо по образу и подобію божію, чиновникъ во всей формѣ, какого благодушно желаютъ для своихъ любезно-вѣрныхъ подданныхъ императоръ Іосифъ II и многіе другіе императоры....“

Послѣ блестящаго анализа революціонной централизаціи временъ Конвента и Наполеона, и доказательства противорѣчій идей свободы и централизаціи, Катковъ переходитъ непосредственно къ злобѣ дня. „Говорятъ, — пишетъ онъ — что диктатура у насъ полезна и можетъ вести къ благотворнымъ послѣдствіямъ. Не спорю; но гдѣ и въ какихъ случаяхъ? Напримѣръ, говорятъ, какъ произвести освобожденіе крестьянъ безъ принужденія со стороны государства? Это мнѣніе основано на непонятномъ недоразумѣніи. Помѣщикъ у насъ есть чисто-на-чисто созданіе государства; онъ даже не то, что французскій gentilhomme, тщеславно ведущій себя отъ временъ феодальныхъ, когда онъ самъ былъ маленькимъ государемъ; а въ послѣдствіи, уступивъ свое золото центральной власти, получилъ отъ нея взамѣнъ ассигнацію въ видѣ привилегіи; русскій помѣщикъ отъ начала созданъ централизаціей и поддерживается ею одной. Въ сущности онъ ничѣмъ не разнится отъ чиновника; у него есть даже свой мундиръ; онъ и былъ своего рода чиновникомъ; онъ — остатокъ старой системы администраціи; стало быть, онъ вполнѣ кесаревъ, а потому и слѣдуетъ его отдать кесареви. Отними государство хоть на минуту свою поддерживающую руку отъ помѣщика —

и онъ исчезнетъ, какъ призракъ. Желательно, однако, чтобы при этомъ имѣлась въ виду не просто смѣна династіи, а радикальное освобожденіе, не смѣна помѣщика становымъ, котораго уже и безъ того во многихъ мѣстностяхъ величаютъ не иначе, какъ бариномъ. Говорятъ еще о церкви у насъ, о томъ, слѣдуетъ ли давать ей свободу. Но церковь у насъ есть чисто государственный, почти полицейскій институтъ; безъ всякаго сомнѣнія, нельзя давать ей волю, какъ полицейскому институту. Совсѣмъ иное дѣло отпустить ее изъ государственной службы, отобрать у ней привилегіи, какъ прежде были отобраны имущества и самосудъ, предоставить религію не полицеймейстеру, а совѣсти: въ этомъ смыслѣ требуется полнѣйшая свобода церкви, т. е. совѣсти и всего, что далѣе слѣдуетъ. Говорятъ также о нашихъ коллегіяхъ, о совѣщательныхъ и избирательныхъ собраніяхъ; но можно ли говорить серьезно объ этихъ жалкихъ комедіяхъ, объ этихъ каррикатурахъ общественныхъ льготъ въ мірѣ совершеннѣйшей централизаціи, гдѣ все чиновникъ или солдатъ, начиная съ будочника и ямщика и т. д. вверхъ?“

Мы сдѣлали эту длинную выписку потому, что она очень хорошо выясняетъ тогдашній образъ мыслей Каткова, который онъ проводилъ въ 1858—1861 гг. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ съ большой послѣдовательностью и упорствомъ. При этомъ онъ постоянно расхваливалъ англійскіе порядки, но англоманство его тогда не имѣло ничего общаго съ тѣми англоманами-помѣщиками, которые мечтали объ образованіи въ Россіи аристократіи на манеръ англійскихъ лордовъ. Наоборотъ, „Русскій Вѣстникъ“ отстаивалъ въ то время безсословность самоуправленія, иначе въ немъ не могли бы и ужиться такіе писатели, какъ Головачевъ, Салтыковъ и др. Салтыковъ въ 1861 г. помѣстилъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ статью по вопросу о сословности, въ которой онъ совѣтовалъ помѣщикамъ обращаться въ члены тѣхъ сельскихъ обществъ и волостей, въ которыхъ находятся ихъ имѣнія. Такія же проникнутыя демократическимъ духомъ статьи помѣщалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ А. М. Унковскій.[1] Вообще направленіе „Русскаго Вѣстника“ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ въ политическомъ отношеніи можно назвать либерально-демократическимъ; но въ соціальномъ отношеніи Катковъ всегда былъ охранителемъ, онъ никогда не раздѣлялъ соціалистическихъ идей и, стоя на почвѣ римскаго права, постоянно высказывался очень рѣзко противъ общиннаго землевладѣнія.

Совершенно особое положеніе занимали въ то время славянофильскія изданія: „Русская Бесѣда“ съ „Сельскимъ Благоустройствомъ“, „Молва“ и „Парусъ“ Аксакова. Одни изъ нихъ были болѣе умѣренны и осторожны, другія болѣе радикальны въ способѣ изложенія своихъ взглядовъ, что зависѣло отъ темперамента ихъ руководителей, но направленіе у всѣхъ у нихъ было одно и тоже. Съ одной стороны, это было направленіе въ высшей степени консервативное, старавшееся отыскать и очистить отъ всего наноснаго исконные устои русской жизни, чтобы на нихъ основать всѣ соціальные и политическіе свои взгляды и требованія. Въ этомъ именно смыслѣ Ю. Ф. Самаринъ

[1] Ср. Джаншіева „А. М. Унковскій“.

писалъ въ 1859 г., что онъ считаетъ себя болѣе консерваторомъ, нежели Алексѣй Орловъ, Сергѣй Ланской и Яковъ Ростовцевъ.[1] Но эта же точка зрѣнія не помѣшала тому же Самарину въ то же время быть лидеромъ extrême gauche въ Самарскомъ губернскомъ комитетѣ и пріобрѣсти въ помѣщичьемъ кругу репутацію злѣйшаго врага существующаго строя.

Въ отношеніи крѣпостного вопроса всѣ славянофилы были или казались въ то время рѣшительными эмансипаторами. Даже Добролюбовъ, не обинуясь, назвалъ „Сельское Благоустройство“ „гуманнѣйшимъ и дѣльнѣйшимъ журналомъ по крестьянскому вопросу“[2]. Извѣстно, что въ крестьянскомъ вопросѣ у славянофиловъ была еще спеціальная точка соприкосновенія съ радикалами „Современника“, это — защита общиннаго землевладѣнія, хотя въ сущности между взглядами тѣхъ и другихъ на поземельную общину была цѣлая пропасть: Чернышевскій видѣлъ въ сельской общинѣ, какъ мы уже знаемъ, возможный залогъ будущаго соціалистическаго строя, тогда какъ славянофилы смотрѣли на общину, какъ на одинъ изъ старинныхъ устоевъ русскаго народнаго быта. Но разница въ основаніяхъ не мѣшала представителямъ обоихъ направленій многое прощать другъ другу изъ за этой общей точки соприкосновенія.

Однако славянофилы, будучи консерваторами по основнымъ своимъ взглядамъ, считались — и не безъ основанія — врагами существующаго строя не въ одномъ только крестьянскомъ вопросѣ. Признавая самодержавіе также за одинъ изъ исконныхъ устоевъ русской жизни, они были въ то же время отъявленными врагами бюрократіи и правительственнаго гнета. Теоретически предоставляя царю „силу власти“, они требовали полнаго освобожденія общества, общины и личности отъ всякаго правительственнаго вмѣшательства, отъ всякой регламентаціи. Характерно въ этомъ отношеніи поясненіе Константина Аксакова относительно русской одежды. Считая важнымъ вопросомъ добиться права носить русское платье, онъ поясняетъ, что отнюдь не желалъ бы обязательнаго введенія русскаго платья вмѣсто нѣмецкой одежды и заявляетъ, что такое принудительное введеніе русскаго платья онъ считалъ бы такимъ же нарушеніемъ исконныхъ и священныхъ для него правъ русскаго народа, какъ и насильственное введеніе нѣмецкаго платья, бритье бородъ и проч. Очевидно, что для него вопросъ заключался не въ платьѣ того или иного покроя, а въ правѣ русскаго человѣка одѣваться и вообще устраивать свою жизнь такъ, какъ ему самому кажется удобнѣе и лучше.

Признавая точно также православіе однимъ изъ устоевъ русской жизни, славянофилы являлись въ то же время отъявленными врагами того принудительнаго казеннаго православія, того полицейскаго устройства церкви, которое существуетъ у насъ, и требовали полнаго освобожденія ея отъ государства и отъ всякой службы государственнымъ цѣлямъ.

Исходя изъ абсолютныхъ началъ, славянофилы въ своихъ освободительныхъ требованіяхъ были чрезвычайно радикальны. Имъ

[1] „Матеріалы для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, ч. I, стр. 315.
[2] Сочиненія, т. II, стр. 397.

нужно было не смягченіе цензурныхъ условій, не замѣна одной цензурной системы другой, болѣе либеральной, а полная неограниченная свобода слова. Столь же категоричны были ихъ требованія и въ отношеніи свободы совѣсти и вообще свободы общественной и частной жизни. Эти же взгляды клали они въ основаніе своихъ проектовъ общиннаго и общественнаго самоуправленія. Понятно, какія конфликты съ представителями бюрократической власти могли вызывать подобные взгляды. Когда они проводились людьми болѣе или менѣе уключивыми, какъ Кошелевъ, дѣло еще могло итти нѣкоторое время, при желаніи правительства избѣгать насильственныхъ дѣйствій. Но когда выразителями славянофильскихъ взглядовъ являлись люди болѣе независимые и пылкіе по своему характеру, какъ братья Аксаковы, то тутъ ужъ конфликты съ бюрократіей, притомъ самые обостренные, были неизбѣжны. Къ этому надо прибавить, что въ концѣ 50-хъ годовъ И. С. Аксаковъ, раздѣляя всѣ либеральные выводы славянофильскаго міровоззрѣнія, далеко не раздѣлялъ еще всѣхъ консервативныхъ основъ этого ученія. Между тѣмъ другіе славянофилы-публицисты, какъ Кошелевъ и Самаринъ, были отвлечены въ 1859 г. отъ писательской и редакціонной работы непосредственнымъ участіемъ въ крестьянской реформѣ, Константинъ же Аксаковъ устранился отъ журнальной дѣятельности послѣ запрещенія „Молвы“ и потому фактически руководителемъ всѣхъ славянофильскихъ изданій того времени приходилось быть именно Ивану Аксакову. Взгляды, которые исповѣдывалъ въ то время И. С. Аксаковъ отразились съ замѣчательной полнотой и яркостью не только въ его статьяхъ, но, пожалуй, съ еще бо́льшею силою въ его перепискѣ съ родными и съ нѣкоторыми другими лицами. Нѣкоторые выписки изъ его писемъ мы привели уже выше, но для характеристики его редакторскихъ взглядовъ позволимъ себѣ выписать еще нѣсколько мѣстъ изъ любопытнѣйшаго письма его къ гр. Блудовой (его заступницѣ въ придворныхъ сферахъ). Это письмо было писано уже въ ноябрѣ 1861 года по поводу неблагопріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго въ высшихъ сферахъ нападками Аксакова на Чичерина.

Вотъ что́ писалъ Аксаковъ своей высокопоставленной доброжелательницѣ: „Я иду своей дорогой: если вамъ и вашимъ приходится пройти со мной un bout de chemin по одной дорогѣ, я очень радъ, но я знаю и помню хорошо то, что вы не пойдете, не отважетесь итти туда, куда ведетъ меня моя дорога. Вашъ путь идетъ въ сторону, а я со своей дороги не сворачиваю и не сворочу. . .“ „. . .Я вамъ всегда говорилъ, когда вы ручались за меня en haut lieu, что вы берете на себя слишкомъ большую отвѣтственность, что я не отступлю отъ своихъ убѣжденій ради деликатности; извольте меня знать и разумѣть, какимъ я есть, а сдѣлать изъ меня Hofpoet'a или Hofpublizist'a вамъ не удастся. Я пишу вовсе не для того, чтобы имъ нравилось, — а нравится имъ, что́ я пишу, тѣмъ лучше для нихъ. Что Евграфу Петровичу (Ковалевскому, м-ру народ. просв.) не нравится моя статья, это въ порядкѣ вещей, такъ и быть должно; а развѣ мнѣ его управленіе министерствомъ и все сочиненное имъ для университетовъ нравится? Нисколько. Это меня ни малѣйшимъ

образомъ не смущаетъ. Что Делянову не нравится? — Въ порядкѣ вещей! Что Урусову не нравится? — Я бы усумнился въ правдѣ своей статьи, еслибъ она ему понравилась. Что Долгорукову (шефу жандармовъ) не нравится? Слава Богу!...“

По поводу намека въ письмѣ Блудовой, что Аксаковъ хотѣлъ будто бы своей статьей снискать благосклонность петербургской журналистики, Аксаковъ отвѣчалъ, что его газета, напротивъ, нападаетъ на матеріализмъ, „но она же, при первомъ удобномъ случаѣ нападаетъ и на Св. Синодъ съ гр. Толстымъ, съ кн. Урусовымъ, съ Аскоченскими, Барковыми и т. д. Они хуже, они болѣе принесли зла, чѣмъ матеріалисты; матеріализмъ есть совершенно законное противодѣйствіе холопству и оффиціальности, внесенной въ область вѣры и т. д.... Нѣтъ! я ничьей благосклонности и сочувствія не заискивалъ и думать о томъ кому-либо, меня знающему — стыдно; но признаюсь вамъ, меня, напротивъ того, тяготитъ благосклонность и сочувствіе лицъ, которымъ не слѣдуетъ мнѣ сочувствовать. Еслибы Тимашевъ (нач. штаба III отд.) выразилъ мнѣ свое сочувствіе, оставаясь Тимашевымъ, я могъ бы приписать это только недоразумѣнію и постарался бы вывести его изъ этого недоразумѣнія, хотя бы это было для меня не выгодно....“

„Поймите и помните, графиня, что если славянофильство имѣло и имѣетъ такую нравственную силу, это потому, что оно неуклонно шло своей дорогой, не дѣлая уступокъ ни обществу, ни правительству — не увлекаясь ни вашими дружескими зазывами, ни требованіями публики.“ [1]

Правительство же фактами старалось доказать въ это время славянофиламъ, что самодержавіе неотдѣлимо отъ самовластной бюрократіи и что идеалъ славянофильскаго государственнаго устройства — чистая утопія: „Молва“ была запрещена въ концѣ 1857 г., „Сельское Благоустройство“ должно было прекратиться изъ за постоянныхъ цензурныхъ урѣзываній и задержекъ въ началѣ 1859 г., а къ концу этого года прекратилась и сама „Русская Бесѣда“. Въ томъ же году сталъ выходить еженедѣльный „Парусъ“ Ивана Аксакова и былъ остановленъ на второмъ же номерѣ.

Въ „Парусѣ“ Аксаковъ, горячо ратуя за свободу слова, писалъ въ первомъ же номерѣ, что если его газета сядетъ на мель, то „пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія....“ Современный ему моментъ онъ характеризовалъ какъ „эпоху попытокъ, разнообразныхъ стремленій, движенія впередъ, движенія назадъ; эпоха крайностей, одна другую отрицающихъ, деспотизма науки и теоріи надъ жизнью, отрицаніе теоріи и науки во имя жизни; насилія и либерализма, консервативнаго прогресса и разрушительнаго консерватизма, раболѣпства и дерзости, утонченной цивилизаціи и грубой дикости, свѣта и тьмы, грязи и блеску....“ При этомъ онъ выражалъ опасеніе, что чиновники-доктринеры, склонные къ безтолковому заимствованію съ запада и презрительному отношенію къ народной жизни и ея устоямъ погубятъ дѣло реформъ и что „новыя насажденія, въ свою очередь лягутъ на старый хламъ слоемъ новаго хлама....“ „Трудно же будетъ — воскли-

[1] Барсуковъ, т. XVIII, стр. 266—272

цаетъ онъ — раскапывать всѣ эти слои, чтобы добраться наконецъ до материка, въ которомъ одномъ и заключается вся сила!..."[1]

Никитенко разсказываетъ въ своемъ „Дневникѣ", что Тимашевъ изо всѣхъ силъ хлопоталъ упрятать Аксакова въ Вятку. Но это ему не удалось; наоборотъ, Аксакову удалось имѣть съ нимъ слѣдующее любопытное объясненіе: „Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи — сказалъ Аксаковъ. Вы правы. Намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики".

„Какъ, спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ, гдѣ они?"

„Въ третьемъ отдѣленіи — былъ отвѣтъ. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ, готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ."[2]

Запретивъ „Парусъ", правительство само спохватилось, что это произведетъ дурное впечатлѣніе на заграничныхъ славянъ и стало задабривать славянофиловъ, предлагая одному изъ нихъ — Чижову — открыть новый журналъ. Барсуковъ сообщаетъ объ этомъ курьезнѣйшую переписку между Егоромъ Ковалевскимъ и Чижовымъ. Когда славянофилы отказались отъ сдѣланнаго имъ предложенія, вслѣдствіе придирокъ варшавскаго намѣстника кн. М. Д. Горчакова, то арендатору „Петербургскихъ Вѣдомостей" А. А. Краевскому было передано высочайшее повелѣніе открыть въ этой газетѣ отдѣлъ „Славянскія земли".[3]

Новыя потребности жизни, развивавшіяся съ такой необыкновенной энергіей, находили себѣ отраженіе во всѣхъ передовыхъ органахъ нашей литературы. Они нашли себѣ признаніе даже въ московскомъ обществѣ любителей россійской словесности въ рѣчи предсѣдателя А. С. Хомякова, который сказалъ похвальное слово новой обличительной литературѣ, признавъ ее явленіемъ не только законнымъ, но необходимымъ и отраднымъ. Въ устахъ Хомякова этотъ отзывъ слѣдуетъ, вѣроятно, разсматривать, какъ своеобразный отпоръ идеямъ Добролюбова, но любопытно, что тогдашнимъ консерваторамъ кн. Вяземскому и Шевыреву почудилось въ этой рѣчи Хомякова какое-то трусливое заискиваніе передъ радикалами, при чемъ Шевыревъ съ ненавистью называетъ въ письмѣ къ Вяземскому Чернышевскго „великимъ магистромъ ордена свистопляски, господствующей теперь въ нашей литературѣ". Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ гармонировало чрезвычайно характерное заключеніе въ отчетѣ о состояніи московской епархіи за 1859 г. митрополита Филарета, который, между прочимъ, писалъ: „Печальное зрѣлище представляетъ и еще болѣе печальныя опасенія внушаетъ порицательная и концунственная литература, столько же, если не болѣе распространенная, какъ въ извѣстномъ европейскомъ государствѣ прошедшаго столѣтія, гдѣ она оказалась разрушительной. Званія, должности, лица — все подвергается жестокимъ порицаніямъ и изображается въ безобразно, до невѣроятности преувеличенномъ и исполненномъ клеветы. Не нужно указывать многихъ примѣровъ: ими исполнены повременныя изданія... Господь да управитъ мудрость святѣйшаго Синода и православнаго правительства къ изысканію средствъ врачебныхъ и охранительныхъ" (sic!).[4]

[1] Барсуковъ, т. XVI, стр. 312—314.
[2] Никитенко, т. II, стр. 127.
[3] Барсуковъ, т. XVI, стр. 423—429.
[4] Барсуковъ, т. XVIII, стр. 424—425.

9.

Какъ ни быстро развивалась и прогрессировала наша печать въ началѣ царствованія Александра II, однако, потребности жизни развивались еще быстрѣе и уже въ 1857 г. печать оказалась не въ состояніи удовлетворять имъ вполнѣ. Тогда на помощь ей своевременно выступилъ со своимъ „Колоколомъ“ Герценъ, жившій въ то время въ Лондонѣ и основавшій тамъ при первыхъ же симптомахъ пробужденія русскаго общества „вольную русскую типографію“. Публика съ жадностью хватала произведенія свободной русской мысли. „Работа — вспоминалъ потомъ Герценъ — не пропадала больше, не исчезала въ глухомъ пространствѣ, громкія рукоплесканія и горячія сочувствія неслись изъ Россіи. „Полярная Звѣзда“ читалась нарасхватъ“. Въ іюлѣ 1857 г. Тургеневъ уже совѣтуетъ Герцену издать 1 и 2 книжки „Полярной Звѣзды“ вторымъ изданіемъ. Видя успѣхъ своихъ изданій и справедливо полагая, что „безъ довольно близкой періодичности нѣтъ настоящей связи между органомъ и средой“, Герценъ задумалъ издавать вмѣстѣ съ Огаревымъ журналъ. Онъ не ошибся: „вліяніе „Колокола“ въ одинъ годъ далеко переросло „Полярную Звѣзду“. „Колоколъ“ въ Россіи былъ принятъ — по выраженію самого Герцена — отвѣтомъ на потребность органа, неискаженнаго цензурными условіями.“ Первый № вышелъ 1 іюля 1857 г. До 1858 г. Герценъ выпускалъ номера ежемѣсячно, а съ начала 1858 г. сталъ выпускать ихъ разъ въ двѣ недѣли. Въ публикѣ нашей до сихъ поръ существуетъ мнѣніе, что „Колоколъ“ былъ органъ революціонный, что онъ являлся будто бы представителемъ крайнихъ направленій. Еще недавно такое мнѣніе о немъ было высказано „ученымъ“ историкомъ, біографомъ Александра II, Татищевымъ. Въ дѣйствительности „Колоколъ“ съ перваго дня своего изданія и до пріѣзда въ Лондонъ Михаила Бакунина въ 1862 г. былъ органомъ либеральнаго движенія въ Россіи. Его программа, опубликованная въ первомъ же номерѣ, заключалась въ трехъ пунктахъ: освобожденіе слова — отъ цензуры; освобожденіе податныхъ состояній — отъ побоевъ; освобожденіе крестьянъ — отъ помѣщиковъ. Въ то время Герценъ не требовалъ даже ограниченія самодержавія. Центральнымъ пунктомъ этой программы былъ крестьянскій вопросъ. Когда впослѣдствіи радикалы упрекали Герцена, что онъ не выставилъ никакой политической революціонной программы, Герценъ отвѣчалъ, что, увидѣвши на знамени новаго движенія въ Россіи не конституцію, не республику, не парламентъ. не муниципальную свободу, не войну съ Австріей, не завоеваніе Турціи, а освобожденіе крестьянъ съ землей, онъ бросилъ все и прилѣпился къ этому жизненному для Россіи вопросу... „Мы не только наканунѣ переворота, но мы вошли въ него — писалъ онъ во 2 № „Колокола“. Необходимость и общественное мнѣніе увлекли правительство въ новую фазу развитія, перемѣнъ, прогресса Общество и правительство натолкнулись на вопросы, которые вдругъ получили права гражданства, стали неотлагаемы“. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ онъ ожидалъ отъ правительства мирнымъ путемъ. „Имѣя власть въ рукахъ и опираясь, съ одной стороны, на народъ, съ другой — на всѣхъ мы-

слящихъ и образованныхъ людей въ Россіи, нынѣшнее правительство — писалъ онъ — могло бы сдѣлать чудеса безъ малѣйшей опасности для себя. Такого положенія, какъ Александръ II, не имѣетъ ни одинъ монархъ въ Европѣ". Мы уже видѣли, какъ привѣтствовалъ онъ Александра послѣ опубликованія рескриптовъ 20 ноября и 5 декабря. „Что касается до насъ — писалъ онъ тогда — нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ нашъ голосъ ни былъ, все же онъ живой голосъ и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ (въ первый разъ сказалъ это Огаревъ въ своей статьѣ), что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію, но также сильно любятъ и свободу, которымъ не нужно его бояться и которые для себя лично ничего не ждутъ, ничего не просятъ. Но ничего не прося — прибавлялъ Герценъ — они желали бы, чтобы Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость — но не враговъ! Они потому этого хотятъ, что имъ дорого мнѣніе освободителя крестьянъ. Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!"

Впослѣдствіи издатели „Колокола" не разъ мѣняли свое отношеніе къ Александру II по мѣрѣ полученія вѣчно мѣнявшихся слуховъ, а иногда и достовѣрныхъ извѣстій о совершенно непослѣдовательныхъ мѣропріятіяхъ правительства. Своего апогея недовѣріе къ Александру II достигло у Герцена послѣ смерти Ростовцева и назначенія Панина на его мѣсто, когда Герцену, какъ и всѣмъ друзьямъ реформы, казалось, что все дѣло освобожденія рухнетъ или совершенно исказится. Въ азартѣ Герценъ обвинилъ тогда Александра въ лицемѣріи. Но затѣмъ, подъ вліяніемъ болѣе успокоительныхъ извѣстій, довѣріе его къ Александру опять возстановилось и послѣ обнародованія манифеста 19 февраля онъ опять привѣтствовалъ его именемъ Освободителя....

Во дворцѣ изданіе „Колокола" было замѣчено сразу и произвело довольно сильное впечатлѣніе. На основаніи его разоблаченій Александръ велѣлъ пересмотрѣть дѣло полтавскаго предводителя Кочубея, подстрѣлившаго своего управляющаго и успѣвшаго было уклониться отъ правосудія. Министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, „съ удивленіемъ показывалъ напечатанный въ „Колоколѣ" отчетъ о тайномъ засѣданіи государственнаго совѣта по крестьянскому дѣлу....

„Кто же — говорилъ онъ — могъ сообщить имъ такъ вѣрно подробности, какъ не кто-нибудь изъ присутствующихъ."[1]

Муравьевъ-Амурскій въ далекой Сибири прибѣгаетъ къ протекціи Бакунина, который жилъ въ то время въ Иркутскѣ, прося обѣлить его въ „Колоколѣ" отъ обвиненій, напечатанныхъ въ корреспонденціи, доставленной Герцену докторомъ Бѣлоголовымъ.[2] Ростовцевъ,

[1] Изъ „Апогея и Перигея", приведено у В. П. Батуринскаго „Герценъ, его друзья и знакомые", стр. 80.

[2] „Воспоминанія", стр. 620 и слѣд.

пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ, считаетъ необходимымъ по пунктамъ оправдываться въ длиннѣйшемъ письмѣ передъ декабристомъ кн. Е. П. Оболенскимъ въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него „Колоколомъ“ большей частью неосновательно.[1] Въ Москвѣ театральная дирекція вздумала прижать актеровъ, отнять у нихъ слѣдующія имъ деньги; актеры отправили старика Щепкина депутатомъ къ директору театровъ Гедеонову искать у него правды (молока отъ козла, по выраженію Тургенева). Тотъ наотрѣзъ отказалъ.

„Тогда — говоритъ Щепкинъ — остается пожаловаться „Колоколу“. Гедеоновъ вспыхнулъ и деньги актерамъ возвратилъ. „Вотъ, братъ, — писалъ Герцену Тургеневъ — какія штуки выкидываетъ твой „Колоколъ“.

„Колоколъ“ — власть“, говорилъ Герцену Катковъ въ Лондонѣ и прибавилъ, что онъ у Ростовцева лежитъ на столѣ для справокъ по крестьянскому вопросу. „И прежде его — пишетъ Герценъ — повторяли то же Тургеневъ и Аксаковъ, и Самаринъ, и Кавелинъ, генералы изъ либераловъ, либералы изъ статскихъ совѣтниковъ, придворныя дамы съ жаждой прогресса и флигель-адъютанты съ литературой; самъ В. П. Боткинъ, — постоянный, какъ подсолнечникъ въ своемъ поклоненіи всякой силѣ, — умильно смотрѣлъ на „Колоколъ“, какъ будто онъ былъ начиненъ трюфелями....“

Поэтъ Шевченко, когда увидѣлъ впервые „Колоколъ“, благоговѣйно приложился къ нему, какъ къ Евангелію. Молодое поколѣніе привѣтствовало Герцена письмами, „отъ которыхъ у него слезы навертывались на глаза....“ Корреспонденціи изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества съ разныхъ сторонъ Россіи полетѣли къ Герцену массами. „На меня — вспоминалъ онъ впослѣдствіи — обрушился ливень писемъ и корреспонденцій изъ всѣхъ частей Россіи. Всякій писалъ, что попало, одинъ, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя увѣрить, что онъ опасный человѣкъ.... Но были письма, писанныя въ порывѣ негодованія, страстные крики въ обличеніи ежедневныхъ мерзостей.“

Герценъ считалъ обличеніе злоупотребленій правительства и его агентовъ одной изъ важнѣйшихъ своихъ задачъ. Онъ не щадилъ времени и труда на чтеніе всякихъ корреспонденцій, на внимательное ознакомленіе съ доставлявшимися къ нему въ копіяхъ цѣлыми „дѣлами“ и канцелярскими перепиской и воспроизводилъ въ яркихъ краскахъ и съ свойственнымъ ему одному остроуміемъ, и различныя безобразныя происшествія, и портреты, и характеристики тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, министровъ, статсъ-секретарей, губернаторовъ и проч. Для этого онъ завелъ въ „Колоколѣ“ особый отдѣлъ „Подъ судъ“ и попасть въ этотъ отдѣлъ многіе боялись болѣе, нежели попасть подъ судъ, дѣйствующій именемъ его величества. Значеніе этой стороны дѣятельности „Колокола“ признавали не только его многочисленные друзья и почитатели, но и враги, даже такіе строгіе его критики, какъ Чичеринъ, съ одной стороны, Тютчевъ — съ другой.[2] Читался „Колоколъ“ въ это

[1] „Русскій Архивъ“ за 1878 г. № 1, стр. 509 и слѣд.

[2] Ѳ. И. Тютчевъ — извѣстный поэтъ и царедворецъ (консерваторъ по убѣжденію) подалъ въ ноябрѣ 1857 г. одному изъ членовъ государственнаго совѣта записку, въ которой выразилъ двѣ замѣчательныхъ мысли: 1. что Россія — это корабль, сѣвшій на мель, который можетъ быть сдвинутъ съ мели только

время всѣми въ Россіи, отъ сановниковъ и до гимназистовъ включительно, людьми всѣхъ партій и направленій, свободно передаваясь изъ рукъ въ руки, а въ числѣ его корреспондентовъ и лицъ, черезъ посредство которыхъ онъ получалъ свои свѣдѣнія, мы видимъ, на ряду съ ближайшими друзьями Герцена, какъ Тургеневъ и Кавелинъ, и Аксакова И. С., и Чичерина, и Чернышевскаго, и молодого кн. Орлова, будущаго посла въ Парижѣ, и будущаго министра народнаго просвѣщенія Головнина (послѣдніе двое сообщали свои свѣдѣнія черезъ И. С. Тургенева и черезъ сыновей Я. И. Ростовцева), и многихъ другихъ лицъ, впослѣдствіи относившихся къ Герцену отрицательно или даже враждебно. Многіе нарочно ѣздили въ Лондонъ, чтобы познакомиться съ Герценомъ, выразить ему свое сочувствіе и почтеніе, имѣть возможность сказать о своемъ личномъ знакомствѣ съ Герценомъ въ кругу своихъ знакомыхъ. Самъ Герценъ впослѣдствіи писалъ (въ „Апогеѣ и Перигеѣ“): „Ни страшная даль, въ которой я жилъ отъ Вестъ-Энда, ни постоянно запертыя двери по утрамъ — ничего не помогало. Мы были въ модѣ.“

„Кого и кого мы не видали тогда! Какъ многіе дорого заплатили бы теперь, чтобы стереть изъ памяти, если не своей, то людской, свой визитъ.... Но тогда, повторяю, мы были въ модѣ и въ какомъ-то гидѣ туристовъ я былъ отмѣченъ между достопримѣчательностями Путнея....“

Однако, слава и значеніе, которыя пріобрѣлъ Герценъ въ то время, отнюдь не избавляли его отъ критики, иногда вдумчивой и дружеской, иногда рѣзкой, враждебной и раздражительной. Самымъ постояннымъ критикомъ-другомъ въ началѣ изданія „Колокола“ былъ И. С. Тургеневъ. Мы не будемъ останавливаться на отношеніяхъ Тургенева къ Герцену въ это время, потому что они прекрасно выяснены въ книжкѣ М. П. Драгоманова, изъ которой теперь все наиболѣе существенное перепечатано въ Россіи В. П. Батуринскимъ въ книгѣ его: „А. И. Герценъ, его друзья и знакомые“ (СПБ. 1904); но считаемъ небезполезнымъ остановиться на гораздо менѣе извѣстномъ эпизодѣ столкновенія Герцена съ Б. Н. Чичеринымъ.

Чичеринъ посѣтилъ Герцена осенью 1858 г. уже послѣ своего выхода изъ „Русскаго Вѣстника“ и основанія „Атенея“, когда за нимъ уже начала утверждаться репутація консерватора-доктринера и сторонника государственной централизаціи. Тѣмъ не менѣе Герценъ принялъ его съ раскрытыми объятіями, какъ одного изъ любимѣйшихъ учениковъ Грановскаго, какъ друга Кавелина и Корша. Въ Лондонѣ они много спорили, но разстались мирно. Изъ Парижа Чичеринъ написалъ Герцену письмо, въ которомъ указывалъ на неточность и невѣрность свѣдѣній, сообщаемыхъ ему корреспондентами. По поводу словесныхъ споровъ съ Чичеринымъ и этого письма Герценъ помѣстилъ въ „Колоколѣ“ замѣтку, въ которой писалъ: „насъ упрекаютъ либеральные консерваторы въ томъ, что мы слишкомъ нападаемъ на правительство, выражаемся рѣзко, бранимся крупно.

приливающей волной народной жизни, и 2. что Герценъ, который въ это время ужъ очень безпокоилъ правительство, силенъ не своими соціальными „утопическими“ ученіями, а тѣмъ, что его газета (Колоколъ) свободна отъ цензуры и есть единственная у насъ арена гласности. Отсюда Тютчевъ дѣлалъ тотъ выводъ, что необходимо уничтожить цензуру. („Русск. Арх.“ за 1873 г. № 4.)

„Насъ упрекаютъ свирѣпо красные демократы въ томъ, что мы мироволимъ Александру II, хвалимъ его, когда онъ дѣлаетъ что-нибудь хорошее, и вѣримъ, что онъ хочетъ освобожденія крестьянъ.

„Насъ упрекаютъ славянофилы въ западничествѣ.

„Насъ упрекаютъ западники въ славянофильствѣ.

„Насъ упрекаютъ прямолинейные доктринеры въ легкомыслiи и шаткости, оттого, что мы зимой жалуемся на холодъ, а лѣтомъ совсѣмъ напротивъ, — на жару.“

Послѣдніе слова Чичеринъ совершенно основательно принялъ на свой счетъ и отвѣтилъ на нихъ рѣзкимъ письмомъ, требуя, чтобы оно было напечатано въ „Колоколѣ“. Герценъ исполнилъ это требованіе и назвалъ это письмо въ предисловіи къ нему обвинительнымъ актомъ. Это письмо замѣчательно по ясной формулировкѣ совершенно опредѣленнаго взгляда на переживавшійся въ то время отечествомъ нашимъ моментъ и по суровой и безпощадной критикѣ „Колокола“, въ которой многое было справедливо, хотя письмомъ этимъ Чичеринъ несомнѣнно сыгралъ въ то время на руку врагамъ свободы и преобразованій.

„Заранѣе предупреждаю васъ — писалъ Чичеринъ — что я приступлю къ вамъ съ довольно высокими требованіями. Знаю, что удовлетворить ихъ не легко, но знаю также, какъ велики обязанности, которыя на васъ лежатъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе ваше исключительное, можно сказать, почти единственное въ мірѣ. Вспомните значеніе и характеръ той эпохи, въ которую мы живемъ въ Россіи. Послѣ севастопольскаго разгрома, послѣ бѣдствій послѣдней войны, старая система управленія рушилась сама собой. Стало очевиднымъ, что прежнимъ путемъ итти невозможно, что военный порядокъ и бюрократическій формализмъ одни не въ состояніи упрочить государственное благоустройство, что общее дѣло не можетъ обойтись безъ содѣйствія всѣхъ живыхъ силъ народа. Между тѣмъ правительство не рѣшается еще прямо и явно вступить на новую дорогу; оно ни въ себѣ, ни въ обществѣ не находитъ для этого достаточной опоры; оно идетъ какъ-будто ощупью, колеблясь, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ, но прислушиваясь, однако же, къ разнымъ голосамъ, до него долетающимъ и готовое подчасъ принять благоразумно высказанное мнѣніе. Таковъ по крайней мѣрѣ результатъ, который можно вынести изъ наблюденій надъ современнымъ положеніемъ дѣлъ. Съ другой стороны, народъ съ ужасомъ увидѣлъ внутреннее свое растлѣніе, онъ проситъ свѣта, проситъ лѣкарства отъ наболѣвшихъ ранъ. Какая почва для политическаго писателя: правительство, ищущее опоры! народъ, жаждущій гласности! И передъ этими требованіями стоите вы одинъ, далеко отъ стѣсненій, вдали отъ партій, отъ мгновенныхъ страстей, отъ сплетенъ и дрязгъ, окружающихъ ежедневную жизнь. Вы можете взвѣсить каждое слово, спокойно и безпристрастно высказать правду всѣмъ и каждому, обличить злоупотребленіе, дѣйствовать на правительство, давать направленіе обществу, развивать зрѣющую политическую мысль, наконецъ, вы можете показать, что такое свободное русское слово. Въ вашемъ положеніи все, что вы говорите, имѣетъ значеніе; вы — сила, вы — власть въ русскомъ государствѣ.

„Какъ же исполняете вы свою задачу? Какую пищу вы намъ даете? Что мы отъ васъ слышимъ?

„Мы слышимъ отъ васъ не слово разума, а слово страсти. Вы сами въ этомъ сознаетесь; мало того, вы даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ выставляете это на показъ и съ презрѣніемъ отзываетесь о людяхъ обдуманныхъ, точныхъ, которые, не увлекаясь сами, не увлекаютъ и другихъ.

„Вы человѣкъ, брошенный въ борьбу, вы исходите страстной вѣрой и страстнымъ сомнѣніемъ, истощаетесь гнѣвомъ, негодованіемъ, впадаете въ крайность, спотыкаетесь много разъ. Это ваши собственныя слова. Но неужели это требуется отъ политической дѣятельности? Я полагалъ, что здѣсь именно необходимы обдуманность, осторожность, ясное и точное пониманіе вещей, спокойное обсужденіе цѣли и средствъ; я полагалъ, что политическій дѣятель, который истощается гнѣвомъ, спотыкается на каждомъ шагу, носится туда и сюда по направленію вѣтра, тѣмъ самымъ подрываетъ къ себѣ довѣріе; что впадая въ крайность, онъ губитъ собственное дѣло. Необузданные порывы могутъ имѣть свою поэтическую прелесть, но въ общественныхъ дѣлахъ, прежде всего, требуется политическій смыслъ, политическій тактъ, который знаетъ мѣру и угадываетъ пору; здѣсь нужна не страсть, влекущая въ разныя стороны, а разумъ, познающій и созидающій.“

Далѣе онъ обрушивается на тѣ статьи, которыя Герценъ писалъ въ минуты разочарованія, въ минуты доходившихъ до него слуховъ о ретроградныхъ поворотахъ правительства, о побѣдѣ придворныхъ крѣпостниковъ, и съ особенной силой нападаетъ на одну корреспонденцію, въ которой крестьяне приглашались точить топоры на случай, если правительство предастъ ихъ интересы. Онъ сѣтуетъ, что Герценъ не попытался „умѣренностью, осторожностью, разумнымъ обсужденіемъ вопросовъ“ внушить правительству довѣріе къ себѣ, а вмѣсто этого только пугаетъ его. „Грустно сказать — писалъ Чичеринъ — что первый свободный русскій журналъ служитъ самымъ сильнымъ доказательствомъ въ пользу цензуры, если только въ пользу цензуры могутъ быть сильныя доказательства“ и далѣе ставитъ вопросъ, что пришлось бы дѣлать правительству, если бы „въ нѣдрахъ нашего отечества (при свободѣ печати) завелось бы нѣсколько „Колоколовъ“, которые всѣ въ разные голоса стали бы звонить по вашему примѣру, которые бы наперерывъ стали раздувать пламя, разжигать страсти, взывать къ палкѣ и топору для осуществленія своихъ желаній....“

При всей вѣрности нѣкоторыхъ указаній и укоризнъ, заключающихся въ этомъ письмѣ, въ общемъ само оно представляло страстный и односторонній памфлетъ. Оно годилось бы при всей своей рѣзкости, какъ полезное для Герцена предостереженіе въ частномъ обмѣнѣ мыслей; но, потребовавъ напечатаніе его въ „Колоколѣ“, Чичеринъ несомнѣнно сыгралъ на руку его врагамъ. Онъ какъ будто задался цѣлью во что бы то ни стало доказать публикѣ, что это журналъ, таящій революціонныя цѣли и притомъ дѣйствующій весьма легкомысленно. Удивительно, какъ „обдуманный и точный“ Чичеринъ могъ до такой степени увлечься желаніемъ дать Герцену

сильную отповѣдь, что не сообразилъ, какой смыслъ можетъ имѣть его нападеніе на „Колоколъ“, написанное какъ бы съ прямой и обдуманной цѣлью развѣнчать Герцена въ глазахъ читателей и подкрѣпить реакціонеровъ въ ихъ стремленіи доказать, что „Колоколъ“ старается просто внести смуту въ русскую жизнь. Это хорошо понялъ и указалъ въ своемъ „Дневникѣ“ даже такой умѣренный и ненавидѣвшій всякую смуту человѣкъ, какъ Никитенко; онъ прямо высказалъ, что это письмо Чичерина еще вреднѣе самыхъ крайностей „Колокола“, потому что можетъ быть прямо разсматриваемо, какъ поощреніе репрессивнымъ мѣрамъ правительства.[1] Тоже самое высказалъ въ своемъ письмѣ къ Чичерину его ближайшій другъ К. Д. Кавелинъ.[2]

„Вы говорите — писалъ, между прочимъ, Кавелинъ — что Герценъ равнодушенъ къ гражданскимъ реформамъ, что ему все равно, сдѣлается ли дѣло актомъ деспотизма или актомъ революціи. Вы фехтуете съ необыкновеннымъ искусствомъ противъ него его же собственными словами, чтобы доказать ему и убѣдить другихъ въ томъ, что реформа и революція для него все равно. А такъ какъ Герценъ давно уже пользуется у насъ репутаціей краснаго революціонера и притомъ вы въ своемъ письмѣ ловко указываете на воззваніе къ топорамъ съ умолчаніемъ желаній мирной реформы, то и остается впечатлѣніе, что, собственно говоря, Герцену смертельно хочется революціи въ Россіи. Если вы хотѣли выразить эту мысль, то я могу поздравить васъ съ совершеннымъ успѣхомъ....“

Кавелинъ указываетъ, между прочимъ, на сочувствіе къ письму Чичерина крѣпостниковъ и реакціонеровъ вродѣ шефа жандармовъ кн. Долгорукова (который жалѣлъ только о томъ, что Чичеринъ не испросилъ разрѣшенія правительства на напечатаніе письма, которое непремѣнно послѣдовало бы) и министра юстиціи Панина, которому особенно долженъ былъ понравиться намекъ на то, что свободная литература будетъ раздувать пламя и разжигать страсти.[3]

Напечатавъ это письмо Кавелина, г. Барсуковъ увѣряетъ, что большинство друзей Чичерина было въ этомъ случаѣ за него, но утвержденіе это совершенно голословно, если друзьями Чичерина не считать кн. Долгорукова, гр. Панина и др.

Изъ письма Чичерина видно, что онъ не понялъ совершенно и истинныхъ задачъ „Колокола“; въ этомъ случаѣ онъ проявилъ себя

---

[1] „Дневникъ и Записки“, т. II, стр. 124.

[2] Необходимо отмѣтить здѣсь еще разъ ошибку М. П. Драгоманова, который въ своей книжкѣ „Переписка Тургенева и Кавелина съ Герценомъ“ по недоразумѣнію приписалъ Кавелину письмо, напечатанное въ „Колоколѣ“ въ отвѣтъ на Чичеринское, принадлежавшее, повидимому, перу Чернышевскаго. Подлинное письмо Кавелина, которому выразили свое сочувствіе проф. Бабстъ, Н. Н. Тютчевъ (пріятель Бѣлинскаго, а не поэтъ), П. В. Анненковъ, И. С. Тургеневъ и А. И. Скребицкій, не было напечатано въ „Колоколѣ“, хотя и было послано (въ копіи?) Герцену самымъ Чичеринымъ (по желанію Кавелина). Оно сохранилось въ архивѣ Чичерина и было передано имъ Н. П. Барсукову, который и напечаталъ его въ XV томѣ біографіи Погодина (стр. 261 и сл.) Тѣмъ не менѣе въ нашей литературѣ и до сихъ поръ ошибка эта остается незамѣченной; такъ еще недавно ее повторилъ г. Ашешовъ въ „Образованіи“ за 1904 годъ (№ 1, стр. 54—78).

[3] „Я спрашиваю васъ — писалъ Кавелинъ: — думаете ли вы серьезно, положа руку на сердце, что Герценъ преднамѣренно раздуваетъ революцію въ Россіи и что въ Россіи есть революціонная партія? Если вы это думаете, — вы, можетъ быть, правы передъ своимъ убѣжденіемъ и своей совѣстью, что написали это письмо, но я съ вами не согласенъ и со скорбью долженъ удалиться отъ васъ, потому что считаю такое убѣжденіе не только совершенно ложнымъ, но и крайне вреднымъ. Если же вы этого не думали, какъ же рѣшились написать? Какъ же вы могли доставить всей этой безмозглой челяди, наполняющей наши дворцы и салоны высшаго круга, радость оправдывать свои отупѣлыя и злонамѣренныя инсинуаціи авторитетомъ вашего благороднаго имени? Вѣдь, это значитъ продать свое право первородства — и за что же? За блюдо чечевицы...“

дѣйствительно не только доктринеромъ, но и бюрократомъ, полагая, что редакторъ „Колокола“ могъ изъ своего прекраснаго далека руководить и направлять по заранѣе обдуманному плану русское общественное движеніе и правительственныя мѣропріятія. На самомъ дѣлѣ задача „Колокола“ была гораздо вѣрнѣе понята самимъ Герценомъ, который считалъ себя просто отголоскомъ русской свободной мысли и просто желалъ свободно выразить, со всей присущей ему энергіей, талантомъ и страстью, настроеніе и мнѣнія лучшей части проснувшагося русскаго общества, что онъ и дѣлалъ въ дѣйствительности. Задача его была какъ будто скромнѣе той, которую хотѣлъ ему навязать Б. Н. Чичеринъ, но огромное значеніе заслуги, оказанной имъ русскому обществу и народу, теперь очевидно каждому.

Въ просвѣщенной средѣ тогдашняго общества письмо Чичерина вызвало сильный отпоръ и долго не стихавшее противъ автора его негодованіе.

Между тѣмъ, Герценъ былъ въ это время чуждъ не только какихъ бы то ни было революціонныхъ замысловъ, онъ не одобрялъ даже и тѣхъ радикальныхъ тенденцій и взглядовъ, которыя развивались въ то время въ подцензурномъ „Современникѣ“ Чернышевскимъ и, въ особенности, Добролюбовымъ. Онъ не только не присоединился къ нападкамъ „Современника“ на либеральные круги нашего общества, но, какъ извѣстно, рѣзко призналъ эти нападки безтактными и несправедливыми. Защищая „лишнихъ людей“ и либераловъ, жившихъ принципами 40-хъ годовъ, но плохо примѣнявшихъ ихъ къ дѣлу, Герценъ самъ написалъ много лишняго и по тому времени, пожалуй, болѣе безтактнаго, нежели нападки Добролюбова на либераловъ. Но мы не будемъ здѣсь останавливаться на этомъ эпизодѣ, потому что онъ хорошо извѣстенъ русской читающей публикѣ и по статьѣ г. Бочучарскаго въ „Мірѣ Божьемъ“ за 1902 г., и по книгѣ г. Батуринскаго о Герценѣ, изданной въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ. Мы упомянули объ этомъ только для того, чтобы отмѣтить, что „Колоколъ“ Герцена, по своему взгляду на текущія задачи тогдашней русской дѣйствительности, былъ въ 1859—1860 гг. гораздо умѣреннѣе „Современника“.

„Какой умница, какой умница! — восклицалъ послѣ свиданья съ Герценомъ Чернышевскій — И какъ отсталъ... Вѣдь, онъ до сихъ поръ думаетъ, что продолжаетъ остроумничать въ московскихъ салонахъ и препираться съ Хомяковымъ. А время теперь идетъ со страшной быстротой: одинъ мѣсяцъ стоитъ прежнихъ десяти лѣтъ! Присмотришься — у него все еще въ нутрѣ московскій баринъ сидитъ!“

„Удивительно умный человѣкъ — говорилъ въ то же время Герценъ о Чернышевскомъ — и тѣмъ болѣе при такомъ умѣ поразительно его самомнѣніе. Вѣдь, онъ увѣренъ, что „Современникъ“ представляетъ изъ себя пупъ Россіи. Насъ грѣшныхъ они совсѣмъ похоронили. Ну только, кажется, ужъ очень они торопятся нашей отходной — мы еще поживемъ!“ [1]

Статья „Лишніе люди и желчевики“, написанная Герценомъ по

[1] „Изъ пережитаго“ Павлова, приведено у Батуринскаго, стр. 103.

поводу этого свиданія, вызвала благодарность Тургенева; предшествовавшая же ей статья „Very dangerous“, по поводу Добролюбовской обломовщины, ужасно обрадовала Аполлона Григорьева, который писалъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Погодину.[1]

Прежде чѣмъ оставить на время Герцена и его „Колоколъ“, мнѣ хочется напомнить то впечатлѣніе, которое Герценъ произвелъ въ это время на Н. В. Шелгунова. Характеризуя Герцена въ своихъ воспоминаніяхъ, Шелгуновъ писалъ: „Онъ видѣлъ въ каждой вещи всѣ ея стороны и сразу находилъ отношеніе этой вещи ко всѣмъ другимъ вещамъ.... Это былъ умъ глубокій, но не отвлеченный, а жизненный, реальный, схватывавшій идеальную и практическую сущность каждаго предмета и каждаго понятія.“ Указывая на то, что Герценъ въ это время не вѣрилъ въ революцію и находилъ ее невозможной, что онъ отрицалъ логику ломки и грубую силу, Шелгуновъ свидѣтельствуетъ, что Герценъ находилъ тогда нужными проповѣдниковъ и апостоловъ, поучающихъ своихъ и не-своихъ, а не саперовъ разрушенія.[2]

10.

10 октября 1860 г. редакціонныя комиссіи были закрыты, выработавъ проекты положеній, которые поступили въ главный комитетъ. Крестьянское дѣло вступило въ послѣдній фазисъ своего развитія, и глухая борьба, сосредоточившаяся около этого дѣла, напряглась до послѣдней степени. Александръ, видимо собралъ всѣ свои силы и выдержалъ съ большою стойкостью послѣдній напоръ придворныхъ и сановныхъ крѣпостниковъ, которые интриговали у него подъ носомъ, но безъ большого успѣха. Въ дневникѣ П. А. Валуева, въ запискахъ Я. А. Соловьева, въ „Освобожденіи крестьянъ“ Н. П. Семенова (т. III) и въ заграничныхъ „Матеріалахъ“ Д. П. Хрущева, использованныхъ г. Иванюковымъ, разказаны всѣ шашни и подвохи, которые пытались устроить крѣпостники въ то время, чтобы провалить проекты редакціонныхъ комиссій. Имъ удалось достичь очень немногаго. Главнѣйшія уступки, сдѣланныя имъ, частью еще въ редакціонныхъ комиссіяхъ, частью въ главномъ комитетѣ, сводились къ нѣкоторому уменьшенію надѣльныхъ нормъ въ части уѣздовъ, къ введенію дароваго четвертного надѣла по соглашенію съ крестьянами и къ измѣненію въ порядкѣ замѣщенія должностей мировыхъ посредниковъ. Передъ самымъ вступленіемъ дѣла въ главный коми-

---

[1] Барсуковъ, т. XVI.

[2] Шелгуновъ, сочиненія, II, 701. Съ начала 1861 г. въ Парижѣ сталъ издаваться еще русскій заграничный журналъ „Будущность“ кн. П. В. Долгорукимъ, представителемъ русской дворянской фронды. Журналъ этотъ былъ довольно плохъ и не имѣлъ успѣха. И. С. Тургеневъ и Ю. Ф. Самаринъ отзывались о немъ съ пренебреженіемъ (ср. письмо перваго къ Чичерину отъ 12 февраля 1861 г. у Драгоманова и у Батуринскаго, а также письмо Самарина къ Герцену въ „Русп“ за 1883 г., № 1. Свѣдѣнія о кн. Долгорукомъ (Bancal) въ „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, въ „Выломъ и думахъ“ Герцена, въ „Воспоминаніяхъ“ Н. А. Тучковой и у Барсукова (т. XV, стр. 111). Въ замѣткахъ ген. М. Л. Дубельта (сына извѣстнаго инквизитора) объ Александрѣ II („Русск. Стар.“ за 1891 г. № 6, стр. 725) помѣщенъ любопытный разговоръ въ 1862 г. между Дубельтомъ и Александромъ. Александръ спросилъ Дубельта, кого изъ двухъ онъ предпочитаетъ: Герцена или Долгорукова, и когда Дубельтъ отозвался отрицательно объ обоихъ, то Александръ возразилъ, что онъ предпочитаетъ Герцена, потому что Долгорукій только бранится, а Герценъ, хотя и бранится, но иногда предлагаетъ и дѣльное.

Еще ранѣе, нежели сталъ выходить „Колоколъ“, а именно въ 1856 г., русскій нѣмецъ Поггенполь пріобрѣлъ въ Брюсселѣ французскую газету „Nord“, которая стала съ тѣхъ поръ заниматься преимущественно русскими дѣлами. Въ ней печатались иногда интересные документы и факты, но идейнаго значенія она не имѣла. Самъ Поггенполь пользовался весьма плохой репутаціей (ср. рѣзкій отзывъ о немъ Тургенева и эпиграмму Огарева у Батуринскаго, стр. 65).

тетъ весьма кстати заболѣлъ предсѣдатель его кн. Орловъ, главный оплотъ крѣпостнической партіи, что дало возможность Александру назначить вмѣсто него брата своего Константина, который повелъ дѣло съ большой энергіей и мужествомъ. Въ послѣднемъ засѣданіи комитета и въ государственномъ совѣтѣ самъ Александръ проявилъ большую твердость и знаніе дѣла. Энергія его достигла здѣсь своего апогея.... Какъ бы при восхожденіи на огромную, почти неприступную гору, онъ сдѣлалъ послѣднія героическія усилія, достигнулъ вершины, и здѣсь силы его временно оставили. Непосредственно вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста 19 февраля началась реакція... Первый самый трудный и самый сложный этапъ его царствованія былъ конченъ. Манифестъ 19 февраля явился гранью, отдѣлившей первый періодъ царствованія, періодъ, въ которомъ были заложены сѣмена всего общественнаго движенія, развившагося въ ближайшее затѣмъ двадцатилѣтіе.

Подведемъ же итоги этому періоду.

Послѣ крымской кампаніи пробудившееся общество русское представляло, какъ мы видѣли, довольно аморфную массу, съ неопредѣленными, но дружными и живыми стремленіями къ свѣту, прогрессу и свободѣ. Между обществомъ и правительствомъ новаго императора, сознавшаго необходимость коренныхъ преобразованій, существовала въ то время полнѣйшая entente cordiale.

Первая, огромная по своему историческому значенію реформа, предпринятая правительствомъ — освобожденіе крестьянъ — коснулась самыхъ существенныхъ интересовъ всѣхъ слоевъ народа и общества. Отсюда сильное броженіе въ послѣднемъ, въ результатѣ котораго изъ аморфной массы, стремящейся къ свободѣ и къ свѣту, выдѣляются опредѣленныя общественныя направленія, отражающія сознаніе тѣхъ или другихъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны рѣзко опредѣляются политическія стремленія дворянства, которое не желаетъ болѣе сносить бюрократической опеки и правительственнаго самовластія. Съ другой стороны защитники народныхъ интересовъ рѣзко выдвигаютъ экономическія потребности народа и стараются добиться не только освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права, но и обезпечить ихъ отъ экономической эксплоатаціи высшихъ классовъ. Отсюда соціально-демократическій радикализмъ „Современника“.

И то, и другое направленіе очень быстро пріобрѣло характеръ оппозиціи по отношенію къ правительству. Первое изъ нихъ проявило свою оппозицію сперва въ видѣ заявленій и адресовъ, представленныхъ депутатами дворянскихъ комитетовъ, затѣмъ въ видѣ протестовъ и заявленій дворянскихъ собраній. Либеральная отрасль этого направленія опиралась въ литературѣ частью на „Русскій Вѣстникъ“ Каткова, частью и на заграничный „Колоколъ“ Герцена. Другая крѣпостнически-олигархическая отрасль того же направленія пока не имѣла въ литературѣ своего органа и въ политическихъ своихъ заявленіяхъ во многомъ сливалась съ первой, компрометируя ее этимъ въ глазахъ радикаловъ.

Второе, радикально-соціалистическое, направленіе пока не выходило изъ сферы литературной критики и выражалось главнымъ обра-

зомъ въ „Современникѣ“. Независимо отъ этихъ двухъ направленій, аналогичныхъ западно-европейскимъ направленіямъ и политическимъ партіямъ, а потому и аргументы свои черпавшихъ изъ западно-европейскихъ арсеналовъ, въ это время выступило съ категорической формулировкой своихъ положеній и общественныхъ взглядовъ, сложившееся еще въ сороковыхъ годахъ славянофильское направленіе. Это направленіе старалось найти въ русской исторіи и современномъ народномъ бытѣ особыя исконныя русскія начала, противополагавшіяся имъ западно-европейскимъ. Базисъ этого направленія былъ вполнѣ консервативный, но такъ какъ „исконныя начала“ оно не принимало въ томъ видѣ, какъ они являлись въ современной уродливой жизни, а, идеализировало ихъ, стараясь очистить отъ всякихъ чуждыхъ имъ (по мнѣнію славянофиловъ) примѣсей и напластованій, и требовало въ концѣ концовъ кореннаго измѣненія существующаго государственнаго и общественнаго строя, то фактически и это направленіе оказалось въ явной оппозиціи съ существующимъ полицейско-бюрократическимъ правительствомъ Александра II.

Самъ Александръ II, выступая эмансипаторомъ и желая вывести страну изъ того положенія, въ которое она была приведена прежнею системою управленія, окончательно сформировавшеюся при Николаѣ, въ то же время не сочувствовалъ ни одному изъ опредѣлившихся общественныхъ направленій. Его воображеніе слишкомъ было напугано кошмаромъ революцій и народныхъ возстаній. Поэтому, предпринявъ рядъ широкихъ, коренныхъ преобразованій, имѣвшихъ значеніе либеральнаго и даже радикальнаго переворота въ отношеніи къ прежнему общественному строю, онъ въ то же время крѣпко держался за обветшалый бюрократическій строй и не рѣшался довѣриться ни одному изъ общественныхъ теченій и направленій, имъ же самимъ пробужденныхъ и вызванныхъ къ жизни.

Отсюда шаткость и безпочвенность его положенія. Окруживъ себя замкнутымъ кругомъ царедворцевъ и бюрократовъ, онъ дѣйствительно не имѣлъ на кого опереться, — на что самъ неоднократно жаловался. Отсюда и та глухая борьба, которая наполнила все его царствованіе и привела его въ концѣ концовъ къ трагической развязкѣ.

11.

Правительственная реакція, наступившая тотчасъ вслѣдъ за обнародованіемъ положенія 19-го февраля, выразилась, какъ извѣстно, прежде всего въ томъ, что Александръ, для успокоенія крѣпостниковъ, выдалъ имъ головой тѣхъ изъ сотрудниковъ своихъ по крестьянскому дѣлу, которые возбудили противъ себя наибольшую ненависть дворянства. Ланской и Милютинъ уже въ апрѣлѣ 1861 г. были удалены со своихъ мѣстъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ Валуевъ, — тотъ самый Валуевъ, который въ концѣ 1860 г. писалъ по заказу М. Н. Муравьева для него и для кн. В. А. Долгорукаго критику на труды редакціонныхъ комиссій. Біографъ Александра II Татищевъ старается увѣрить читателей, будто бы программа Валуева „заключалась въ строгомъ и точномъ введеніи въ дѣйствіе положеній 19 февраля, но въ примирительномъ духѣ“.[1]

[1] Татищевъ, I, 392.

На самомъ дѣлѣ программа Валуева, не особенно успѣшно выполненная, заключалась въ томъ, чтобы елико возможно успокоить и ублаготворить помѣщиковъ и всячески обуздать крестьянъ при малѣйшихъ признакахъ неповиновенія. За одно съ крестьянами обуздывались и ихъ защитники мировые посредники перваго призыва. Выборъ и назначеніе мировыхъ посредниковъ по закону 19 февраля зависѣлъ отъ губернаторовъ. И хотя большинство этихъ послѣднихъ было далеко не на высотѣ своего положенія и далеко не всѣ изъ нихъ искренно сочувствовали дѣлу реформы, тѣмъ не менѣе выборъ первыхъ посредниковъ благодаря рѣшительнымъ указаніямъ Ланского былъ довольно удовлетворителенъ. Впрочемъ и между губернаторами были въ то время нѣкоторые искренно преданные дѣлу реформы, какъ Арцимовичъ — въ Калугѣ, Муравьевъ — въ Нижнемъ, Гротъ — въ Самарѣ, Барановскій въ Оренбургѣ и Купреяновъ — въ Пензѣ. Валуевъ тотчасъ же вступилъ съ ними въ борьбу. Въ теченіи первыхъ же двухъ лѣтъ своего управленія онъ избавился отъ всѣхъ этихъ лицъ, замѣнивъ ихъ своими клевретами. Нѣкоторые изъ губернаторовъ, какъ Арцимовичъ и Муравьевъ, оказали однако же рѣшительное сопротивленіе; Валуеву пришлось даже кое въ чемъ имъ уступить и проглотить нѣсколько крупныхъ непріятностей при защитѣ магнатовъ помѣщиковъ — Мальцова въ Калугѣ, Шереметева въ Нижнемъ — но въ концѣ концовъ и Муравьевъ, и Арцимовичъ, были удалены со своихъ мѣстъ, хотя и съ почетомъ (въ Сенатъ)[1]. Въ отношеніи мировыхъ посредниковъ, не поддававшихся внушенію новыхъ принциповъ, невыгодныхъ для крестьянъ и противныхъ духу положенія 19 февраля, пущена была въ ходъ цѣлая своеобразная система. Въ дѣятельности своей посредники поставлены были по закону достаточно самостоятельно и независимо отъ административныхъ властей. Они были подчинены не губернаторамъ и не министерству, а сенату, и уволить ихъ можно было не иначе, какъ по суду. Однако же, Валуевъ изобрѣлъ скоро выходъ изъ этого затруднительнаго для него положенія. Онъ сталъ при помощи покорныхъ ему губернаторовъ и губернскихъ присутствій сокращать число первоначально учрежденныхъ мировыхъ участковъ, искусно оставляя при этомъ за штатомъ тѣхъ именно лицъ, которыя оказывались наиболѣе упорными защитниками интересовъ крестьянъ.

Эти жалкія попытки угодить заднимъ числомъ, если не дворянскому сословію вообще, то отдѣльнымъ помѣщикамъ, изъ которыхъ оно состояло, въ сущности не привели къ цѣли, а уронили только еще больше престижъ бюрократіи въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ людей. Между тѣмъ, положеніе 19 февраля, разсматривавшееся помѣщиками, какъ актъ произвола и насилія надъ ихъ законными правами, въ то же время совершенно не удовлетворило крестьянъ. Крестьяне, терпѣливо и безропотно ждавшіе „волю“ въ теченіе четырехъ лѣтъ, были сильно разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ; они не могли признать подлинной „волей“ положеніе 19 февраля, обязывавшее ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ по прежнему отбывать барщину и пла-

[1] Ст. В. И. Снѣжневскаго „Крестьяне и помѣщики наканунѣ крестьянской реформы и первые годы послѣ нея“ въ т. III Сборн. нижегор. архив. комиссіи. Ст. А. А. Корнилова „Подготовленіе и введеніе крестьянской реформы въ Калужской губерніи въ 1858—1863 гг. при В. А. Арцимовичѣ.“ Въ сборникѣ въ память Арцимовича, изд. въ текущемъ году.

тить оброки за землю, которая по ихъ понятіямъ должна была остаться у нихъ безплатно. Положенія 19 февраля составляли цѣлую книгу, написанную совершенно непонятнымъ для крестьянъ языкомъ, изъ которой сельскіе грамотеи и доморощенные комментаторы могли произвольно выдергивать отдѣльныя фразы и слова, которымъ они нерѣдко придавали желательный для крестьянъ смыслъ.[1]

Ни помѣщикамъ, ни священникамъ крестьяне не вѣрили. И вотъ въ результатѣ пошли почти повсемѣстные отказы крестьянъ выходить на барщину, а кое-гдѣ и платить оброки, послѣдовали вразумленія, порки, посылка военныхъ командъ, стрѣльба въ народъ. „Прошло едва три мѣсяца — писалъ въ 1861 г. Н. А. Серно-Соловьевичъ — а уже почти все, что говорили противники добровольнаго выкупа съ срочно-обязаннымъ положеніемъ, совершилось воочію. Въ эти три несчастныхъ мѣсяца народъ выстрадалъ столько горя, пролилъ столько слезъ и крови, что ими залилась вся радость освобожденія. Да не даромъ задумывался всякій разъ мужикъ, говоря о предстоящей волѣ, не даромъ заканчивалъ рѣшительныя надежды сомнѣніемъ, „а Богъ то вѣсть, что то еще будетъ впереди, кабы не было хуже“ — недовѣрчиво покачивая головой на увѣренія, что хуже быть не можетъ. Онъ не могъ обманываться, лучше всѣхъ зная свое положеніе и свою обстановку. Не сладко началась для него воля!“[2] Это были не пустыя слова, за ними въ цитируемой брошюрѣ слѣдовалъ цѣлый мартирологъ различныхъ „бунтовъ“ и усмиреній, составленный безъ всякихъ прикрасъ изъ оффиціальныхъ сообщеній тогдашнихъ газетъ. Мартирологъ этотъ открывался описаніемъ ужасной бойни, происшедшей въ с. Безднѣ, Казанской губ., гдѣ было убито 55 крестьянъ и ранено 71, и заключалъ въ себѣ перечень крестьянскихъ волненій, происшедшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ 20 губерній весною и лѣтомъ 1861 г. Для насъ теперь, черезъ 40 слишкомъ лѣтъ, эти скорбные факты не могутъ, разумѣется, заслонить огромнаго значенія крестьянской реформы, при всѣхъ недостаткахъ положенія 19 февраля; но на современниковъ они производили гнетущее впечатлѣніе. Между тѣмъ критиковать реформу въ печати не дозволялось, и это еще болѣе обостряло негодованіе и усиливало ненависть къ бюрократіи въ общественныхъ кругахъ. Эта общая ненависть сблизила тогда людей весьма различныхъ взглядовъ и направленій. Съ одной стороны, люди, ранѣе придерживавшіеся либеральнаго образа мыслей, проявляли готовность дѣйствовать революціонными путями (какъ, напр., Николай Серно-Соловьевичъ); цѣлые съѣзды мировыхъ посредниковъ, цѣлыя дворянскія собранія смѣло выступали съ горячими протестами и конституціонными требованіями. Съ другой стороны, непримиримые демократы, какъ Чернышевскій, готовы были примкнуть къ дворянской оппозиціи, лишь бы нанести соединенными силами смертельный ударъ бюрократическому правительству. Требованіе немедленнаго обязатель-

[1] Почти нигдѣ не принято было со стороны мѣстныхъ начальствъ разумныхъ мѣръ къ быстрому ознакомленію населенія съ истиннымъ смысломъ положенія, какъ это сдѣлалъ въ Калужской губерніи В. А. Арцимовичъ, чѣмъ и предупредилъ волненія крестьянъ въ этой губерніи. Тѣмъ не менѣе и тамъ чтеніе статей положенія производило на крестьянъ во многихъ мѣстахъ какое-то тусклое и непріятное впечатлѣніе. (Срав. сборникъ въ память В. А. Арцимовича „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи“ глава VI.)

[2] Серно-Соловьевичъ „Окончательное рѣшеніе крестьянскаго вопроса“, Берлинъ 1861, стр. 37—57

наго выкупа повинностей крестьянъ и освобожденія общества отъ административнаго произвола сдѣлалось въ это время лозунгомъ, объединявшимъ людей, совершенно чуждыхъ другъ другу по всѣмъ остальнымъ понятіямъ, взглядамъ и вкусамъ.

Николай Серно-Соловьевичъ, мирно работавшій въ зиму 1858—59 г. въ Калугѣ, въ качествѣ секретаря губернскаго комитета, а затѣмъ перешедшій на службу въ канцелярію государственнаго совѣта, въ концѣ 1859 г. выходитъ въ отставку съ демонстративнымъ заявленіемъ, что онъ не можетъ служить правительству, которое идетъ, какъ въ дѣлѣ Безобразова, путемъ произвола. Въ 1861 г. онъ издаетъ въ Берлинѣ за полною своею подписью брошюру съ сильной и ѣдкой критикой положенія 19 февраля и въ особенности работъ финансовой комиссіи за то, что она отказалась подъ давленіемъ сверху отъ идеи обязательнаго выкупа. Вслѣдъ затѣмъ Серно-Соловьевичъ издаетъ уже въ Петербургѣ подпольный листокъ „Великоруссъ“, въ 3-мъ (и послѣднемъ) № котораго излагаетъ слѣдующую программу: 1. вся земля, которою крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ, должна быть у нихъ оставлена и укрѣплена имъ въ собственность при помощи выкупа, который, однако же, долженъ быть уплаченъ помѣщикамъ не одними крестьянами, а всѣми классами народа; 2. созваніе народныхъ представителей для выработки конституціи для Россіи; 3. созваніе такого же собранія въ Варшавѣ, чтобы поляки могли устроить судьбу своей родины, сообразно ея потребностямъ.[1] Какъ видитъ читатель, за исключеніемъ §, относящагося къ Польшѣ и вызваннаго событіями дня, остальные пункты этой программы совершенно совпадаютъ съ требованіями, выставленными тверскими либералами съ самаго начала крестьянской реформы.

Болѣе рѣзкія требованія были выставлены въ прокламаціи, составленной тогда же извѣстнымъ писателемъ и поэтомъ М. И. Михайловымъ „Къ молодому поколѣнію“.[2]

Около этого же времени (въ самомъ началѣ 1862 г.) Чернышевскій написалъ свои „Письма безъ адреса“, которыя, впрочемъ, тогда не были напечатаны, а увидѣли свѣтъ впервые лишь въ 1874 г. Не смотря на это намъ важно на нихъ остановиться, потому что они чрезвычайно ярко отражаютъ тогдашнее настроеніе главы русскаго радикализма. Эти письма, хотя и безъ адреса, на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду, какъ видно изъ ихъ содержанія, самого Александра II и

---

[1] Эта прокламація съ приложенными къ ней проэктами адреса напечатана въ сборникѣ Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 35—40. См. также „Революціонная Журналистика 60 гг.“, стр. 30—34.

[2] Въ этой длинной и краснорѣчивой прокламаціи выставлены были такія требованія: 1. чтобы власть была выборная и ограниченная; 2. полная свобода слова; 3. развитіе самоуправленія; 4. уничтоженіе всякихъ привилегій; 5. контроль со стороны народа надъ денежными сборами и финансовымъ управленіемъ; 6. открытый, гласный судъ, уничтоженіе тайной и явной (sic!) полиціи, уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній; 7. общинное землевладѣніе, съ надѣленіемъ землей всѣхъ неимущихъ и съ уничтоженіемъ всякаго частнаго землевладѣнія (а на ряду съ этимъ ставилось устраненіе переходнаго, т. е. срочно-обязаннаго состоянія); 8. сокращеніе расходовъ на армію, уменьшеніе срока службы солдатамъ; 9. сокращеніе расходовъ на царскую фамилію и на управленіе страной съ упраздненіемъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ, и 10. всеобщая амнистія политическимъ преступникамъ. Въ этой прокламаціи содержались и угрозы Александру II и вообще династіи Романовыхъ; была употреблена и такая фраза: „Намъ нуженъ не царь, не императоръ, не помазанникъ божій, не горностаевая мантія, прикрывающая наслѣдственную неспособность; мы хотимъ имѣть главою простого смертнаго, человѣка земли, понимающаго жизнь и народъ, его избравшій. Намъ нуженъ не императоръ, помазанный масломъ въ Успенскомъ соборѣ, а выборный старшина, получающій за свою службу жалованіе“. Но, какъ видно изъ вышеизложенныхъ требованій, въ числѣ которыхъ было „сокращеніе“ расходовъ на царскую фамилію, — а не уничтоженіе ихъ — вопросъ о замѣнѣ монархическаго правленія республиканскимъ не ставился серьезно, а выставлялся лишь, какъ угроза Романовымъ, на случай ихъ упорства. Прокламація эта напечатана также у Бурцева, стр. 25—33. См. также „Революціонная Журналистика 60 гг.“, стр. 2—15.

заключали въ себѣ весьма опредѣленный взглядъ на положеніе вещей, образовавшееся въ Россіи вслѣдъ за введеніемъ закона 19-го февраля. Отражая въ себѣ господствовавшее тогда разочарованіе въ проведенной правительствомъ крестьянской реформѣ, признавая ее лишь формальной поправкой къ существовавшему ранѣе строю, несостоятельность котораго обнаружена была Крымской войной, брошюра Чернышевскаго прямо указываетъ, что причина неудачи крестьянской реформы лежитъ въ томъ, что правительство рѣшилось ее провести чисто бюрократическимъ путемъ. Онъ утверждаетъ даже, что и общество, и правительство сдѣлали большую ошибку, придавая уничтоженію крѣпостного права слишкомъу универсальное значеніе. Крѣпостное право было лишь самымъ сильнымъ выраженіемъ всего нашего дореформеннаго строя и потому этотъ строй, пока онъ самъ оставался неизмѣннымъ, не могъ, по мнѣнію Чернышевскаго, удачно, кореннымъ образомъ совершить и крестьянскую реформу. Поэтому Чернышевскій выражаетъ полное сочувствіе той либеральной дворянской оппозиціи, которая проявилась въ протестахъ и адресахъ дворянскихъ собраній и, нисколько не смѣшивая ее съ протестами разгнѣванныхъ крѣпостниковъ, видитъ въ ней проявленіе здоровыхъ и законныхъ гражданскихъ стремленій. Указывая, что послѣ происшедшихъ крестьянскихъ волненій и въ ожиданіи новыхъ всѣ классы общества почувствовали на себѣ гнетъ невыносимаго положенія, созданнаго неудачнымъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, Чернышевскій писалъ: „Разъ будучи принуждены обстоятельствомъ думать объ общественныхъ дѣлахъ, всѣ сословія естественно перешли отъ частнаго вопроса, давшаго ихъ мыслямъ такое направленіе, къ общему положенію вещей и, разумѣется, не затруднились сообразить, согласно ли оно съ ихъ собственными выгодами. Тотчасъ же замѣтили они, что находятся въ настоящемъ порядкѣ черты, одинаковы невыгодныя для всѣхъ сословій, и соединились въ желаніи измѣнить эти черты.“

„Вамъ извѣстно, М. Г., какихъ общихъ перемѣнъ стали желать всѣ сословія, которыхъ прямо не касается частный вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Всѣ они чувствовали обремененіе отъ произвольной администраціи, отъ неудовлетворительности судебнаго устройства, отъ многосложной формалистичности законовъ. Дворянство точно также страдало отъ этихъ недостатковъ, какъ и другія сословія. Такимъ образомъ, самъ собой открывался ему способъ найти нужную для него опору; оно сдѣлалось представителемъ стремленій къ реформамъ, нужнымъ для всѣхъ сословій.“ [1]

Поэтому, по мнѣнію Чернышевскаго, нельзя считать требованія всеобщей реформы, истолкователемъ которыхъ является дворянство, результатомъ какихъ-либо личныхъ побужденій или сословныхъ интересовъ. Если бы у другихъ классовъ общества были свои органы для выраженія ихъ требованій и стремленій, они высказали бы то же самое, что высказали дворянскія собранія. Они сдѣлали бы это еще съ большей энергіей, нежели дворянство, потому что общіе пороки нашего государственнаго строя отражались на нихъ гораздо сильнѣе. „Если вы, М. Г., спросите — писалъ Чернышевскій — купечество или ду-

[1] „Письма безъ адреса“. Журналъ „Впередъ“ за 1873 г. т. I, стр. 263.

ховенство, мѣщанъ или крестьянъ, или даже массу чиновниковъ (за исключеніемъ немногихъ чиновниковъ, которымъ нынѣшній порядокъ выгоденъ), вы услышите отъ каждаго изъ этихъ сословій, что у каждаго изъ этихъ классовъ тѣ же самыя мысли о законодательствѣ, объ администраціи и судѣ."[1] Чернышевскій сожалѣетъ только, что адресатъ его письма (т. е. императоръ Александръ) слишкомъ удаленъ отъ маленькихъ людей, чтобы лично узнать ихъ желанія; въ противномъ случаѣ онъ убѣдился бы, что эти желанія растутъ и распространяются съ огромной быстротой, такъ что Чернышевскому представлялся близкимъ уже тотъ часъ, когда общество выскажетъ ихъ съ рѣшимостью и единодушіемъ.

Далѣе слѣдовала нѣсколько односторонняя критика трудовъ редакціонныхъ комиссій, причемъ Чернышевскій рѣшительно не хотѣлъ считаться съ тѣми обстоятельствами, въ какихъ эти труды начались и совершались. Его брошюра, будучи страстнымъ политическимъ памфлетомъ, отнюдь не можетъ быть, конечно, разсматриваема, какъ объективная и безпристрастная критика Положенія 19-го февраля; но она въ высшей степени любопытна для насъ, какъ историческій документъ, какъ показатель того общественнаго настроенія, которое охватило, повидимому, въ тотъ моментъ всѣ передовые круги русскаго общества. Всего рельефнѣе это настроеніе выразилось въ движеніи, происшедшемъ въ зиму 1861 и 1862 гг. среди тверского дворянства.

Въ то время въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, гдѣ подборъ мировыхъ посредниковъ былъ особенно удаченъ, они, не ограничиваясь оффиціальными уѣздными съѣздами, собирались нѣсколько разъ въ годъ въ большіе неоффиціальные губернскіе съѣзды, съ разрѣшенія или съ вѣдома губернаторовъ. Такіе съѣзды устраивались въ Калугѣ, въ бытность тамъ губернаторомъ В. А. Арцимовича, съ допущеніемъ на нихъ публики, которая ими очень интересовалась.[2] Подобные же съѣзды практиковались и въ Твери. И вотъ на одномъ изъ нихъ, 12-го декабря 1861 г., послѣ двухдневныхъ оживленныхъ дебатовъ вотировано было постановленіе (принятое 41 голосомъ противъ 8), въ которомъ, между прочимъ, заявлялось, что „законоположеніе 19 февраля не удовлетворило народныхъ потребностей ни въ матеріальномъ отношеніи, ни въ отношеніи свободы, а возбудило ихъ въ самой сильной степени." Затѣмъ указывалась необходимость выкупа, а, чтобы сдѣлать его возможнымъ, требовалось улучшеніе условій кредита, для чего рекомендовалось взаимное довѣріе общества къ правительству и обратно.

„Изъ непосредственныхъ сношеній съ народомъ — сказано было въ этомъ оригинальномъ документѣ, — мировые посредники Тверской губерніи пришли къ тому единодушному убѣжденію, что если на готовность общества предложить правительству взаимное довѣріе правительство не отвѣтитъ тѣмъ же, то обществу предстоитъ неизбѣжное бѣдствіе." Въ заключеніе члены съѣзда, имѣя, вѣроятно, въ виду двоедушную политику Валуева, признавали ошибочнымъ „тотъ образъ дѣйствій, который перемѣнною поддержкою то одной,

[1] Тамъ же, стр. 264.
[2] „Крестьянская реформа въ Калужской губерніи". Сборникъ въ память Арцимовича.

то другой изъ сторонъ, враждебно раздѣленныхъ самымъ существомъ дѣла, полагаетъ возможнымъ отвратить или, по крайней мѣрѣ, отдалить угрожающее бѣдствіе". „Слагая съ себя отвѣтственность за будущее", но въ то же время рѣшившись до конца исполнять возложенныя на нихъ обязанности, члены съѣзда положили довести о своихъ постановленіяхъ до свѣдѣнія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и всѣхъ уѣздныхъ предводителей Тверской губерніи.

1-го февраля открылось въ Твери экстренное дворянское собраніе по вопросу о поземельныхъ банкахъ. Валуевъ прекрасно зналъ, что на этомъ собраніи готовится обсужденіе общихъ государственныхъ преобразованій, но, слѣдуя своей политикѣ задабриванія дворянства, не рѣшился прямо этому воспрепятствовать, а послалъ лишь для участія въ собраніи своего чиновника, тверского помѣщика кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, съ порученіемъ, если возможно сорвать собраніе и отвратить представленіе всякихъ нежелательныхъ ходатайствъ. Но Лобанову это не удалось и послѣ четырехдневныхъ горячихъ дебатовъ, въ которыхъ очень мало говорилось о банкахъ и очень много объ общемъ положеніи дѣлъ въ Россіи, препятствующемъ развитію кредита, была принята резолюція, въ которой прежде всего указывалось, что въ кредитѣ нуждаются, въ сущности, одни только помѣщичьи хозяйства и что если бы послѣдовалъ обязательный выкупъ крестьянскихъ повинностей, то и эта потребность въ поземельномъ кредитѣ на долгое время устранилась бы полученіемъ выкупныхъ суммъ. Убѣдившись въ полной несостоятельности обязательныхъ отношеній съ крестьянами, дворянство желало устранить ихъ выкупомъ крестьянамъ надѣловъ при содѣйствіи всего государства.

Для возрожденія же кредита дворянство признавало необходимыми слѣдующія реформы: 1. преобразованіе финансовой системы управленія въ томъ смыслѣ, чтобы оно зависѣло отъ народа, а не отъ произвола; 2. учрежденіе независимаго и гласнаго суда; 3. введеніе полной гласности во всѣ отрасли управленія, безъ чего не можетъ быть никакого довѣрія къ правительству, а, слѣдовательно, и къ прочности существующаго порядка: 4. уничтоженіе антагонизма между сословіями. „Дворянство — сказано было въ этомъ постановленіи, — будучи глубоко проникнуто сознаніемъ необходимости выйти изъ этого антагонизма и желая уничтожить всякую возможность упрека въ томъ, что оно составляетъ преграду на пути общаго блага, объявляетъ предъ лицомъ всей Россіи, что оно отказывается отъ всѣхъ своихъ сословныхъ привилегій... и не считаетъ нарушеніемъ своихъ правъ обязательное предоставленіе крестьянамъ земли въ собственность съ вознагражденіемъ помѣщиковъ при содѣйствіи государства".

Еще знаменательнѣе былъ заключительный пункъ этого постановленія; онъ совершенно совпадалъ съ мыслями, высказанными въ „Письмахъ безъ адреса" Чернышевскаго, которыя, однако же, были написаны лишь черезъ нѣсколько недѣль послѣ тверского собранія.

„Осуществленіе этихъ реформъ — писало тверское дворянство — невозможно путемъ правительственныхъ мѣръ, которыми до

сихъ поръ двигалась наша общественная жизнь. Предполагая даже полную готовность правительства провести реформы, дворянство глубоко проникнуто тѣмъ убѣжденіемъ, что правительство не въ состояніи ихъ совершить. Свободныя учрежденія, къ которымъ ведутъ эти реформы, могутъ выйти только изъ самого народа, а иначе будутъ одною только мертвою буквою и поставятъ общество въ еще болѣе натянутое положеніе. Посему дворянство не обращается къ правительству съ просьбою о совершеніи этихъ реформъ, но, признавая его несостоятельность въ этомъ дѣлѣ, ограничивается указаніемъ того пути, на который оно должно вступить для спасенія себя и общества. Этотъ путь есть собраніе выборныхъ отъ всего народа безъ различія сословія."

Въ соотвѣтствіи съ этими постановленіями, редактированъ былъ и адресъ императору Александру. Въ немъ также указывалось на необходимость обязательнаго выкупа, а затѣмъ, переходя къ вопросу о дворянскихъ привилегіяхъ, тверскіе дворяне писали: „Дворяне, въ силу сословныхъ преимуществъ, избавлялись до сихъ поръ отъ исполненія важнѣйшихъ общественныхъ повинностей. Государь! Мы считаемъ кровнымъ грѣхомъ жить и пользоваться благами общественнаго порядка на счетъ другихъ сословій.

„Неправеденъ тотъ порядокъ вещей, при которомъ бѣдный платитъ рубль, а богатый не платитъ и копейки. Это могло быть терпимо только при крѣпостномъ правѣ, но теперь ставитъ насъ въ положеніе тунеядцевъ, совершенно безполезныхъ своей родинѣ. Мы не желаемъ пользоваться такимъ позорнымъ преимуществомъ и дальнѣйшее существованіе его не принимаемъ на свою отвѣтственность. Мы всеподданнѣйше просимъ Ваше имп. величество разрѣшить намъ принять на себя часть государственныхъ податей и повинностей соотвѣтственно состоянію каждаго."

„Кромѣ имущественныхъ привилегій мы пользуемся исключительнымъ правомъ поставлять людей для управленія народомъ; въ настоящее время мы считаемъ беззаконіемъ исключительность этого права и просимъ распространить его на всѣ сословія."

Указавъ затѣмъ на отсутствіе взаимнаго пониманія между дворянствомъ и правительствомъ, податели адреса такъ заключили свои ходатайства:

„Этотъ всеобщій разладъ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что преобразованія, требующіяся нынѣ крайнею необходимостью, не могутъ быть совершены бюрократическимъ порядкомъ. Мы сами не беремся говорить за весь народъ, несмотря на то, что стоимъ къ нему ближе, и твердо увѣрены, что недостаточно одной благонамѣренности, не только для удовлетворенія, но и для указанія народныхъ потребностей. Мы увѣрены, что всѣ преобразованія остаются безуспѣшными потому, что принимаются безъ спроса и безъ вѣдома народа." „Созваніе выборныхъ отъ всей земли русской представляетъ единственное средство къ удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ, но не разрѣшенныхъ положеніемъ 19 февраля."

Прошло едва два года между подачей адресовъ депутатами гу-

бернскихъ комитетовъ и дворянскими собраніями 1859—1860 гг. и составленіемъ только что изложенныхъ постановленій и адреса тверскаго собранія 1862 г., а какая огромная разница и въ тонѣ, и въ содержаніи этихъ документовъ! Адресы и отзывы депутатовъ заключали въ себѣ первыя робкія упоминанія о необходимыхъ реформахъ, которыя были въ это время отчасти намѣчены уже и самимъ правительствомъ; адресы губернскихъ собраній 1859—1860 гг., правда, болѣе рѣшительные по тону, повторяли въ сущности тѣ же ходатайства, причемъ и въ тѣхъ, и въ другихъ ясно просвѣчивала забота отстоять первенствующую роль дворянскаго сословія и не дать бюрократіи оттереть его на второй планъ. Говоря объ интересахъ народа въ самомъ доброжелательномъ тонѣ, высказывая великодушныя стремленія надѣлить его всѣми гражданскими правами и даже участіемъ въ общественномъ самоуправленіи, либеральное дворянство въ то время все же желало сохранить за собой роль народнаго опекуна и руководителя. Ничего подобнаго не было въ совершенно демократическихъ заявленіяхъ тверскаго собранія 1862 г. Неудивительно, что эти послѣднія заявленія удовлетворили даже и Чернышевскаго, который не могъ не признать ихъ достаточно ясно и смѣло выражающими ближайшія нужды переживаемаго момента. Вѣроятно и Добролюбовъ не поколебался бы признать ихъ достаточно сильными и смѣлыми, если бы ему довелось дожить до этого момента.

Какъ ни рѣзко выражены были эти ходатайства, какъ ни сильно звучалъ въ нихъ оппозиціонный тонъ, формально они не выходили за предѣлы компетенціи дворянскихъ собраній. Къ тому же въ разсчеты Валуева не входило нападать прямо на дворянскія учрежденія и открыто стѣснять ихъ прерогативы. Но правительству нужно было во что бы то ни стало найти виноватыхъ и оно яростно обрушилось на членовъ мировыхъ учрежденій Тверской губерніи, которые на другой день послѣ закрытія дворянскаго собранія собрались въ числѣ 13 подъ предсѣдательствомъ Алексѣя Бакунина и составили протоколъ, въ которомъ повторили въ краткой и потому еще болѣе рѣзкой формѣ резолюціи дворянскаго собранія „о несостоятельности закона 19 февраля“, о необходимости предоставить крестьянамъ земли въ собственность, „о несостоятельности правительства“ удовлетворить общественнымъ потребностямъ и о необходимости собранія представителей всего народа безъ различія сословій. Признавая для себя, какъ для „слугъ общества“, нравственно обязательными эти постановленія, мировые посредники заявили, что они считаютъ долгомъ принять ихъ въ руководство своей дѣятельности, и что всякій образъ дѣйствій, противный этимъ убѣжденіямъ, они признаютъ „враждебнымъ обществу“.

Это заявленіе было подписано новоторжскимъ уѣзднымъ предводителемъ Алексѣемъ Бакунинымъ, корчевскимъ предводителемъ Балкашинымъ, членомъ губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ (отъ правительства) Николаемъ Бакунинымъ, мировыми посредниками: Глазенапомъ, Харламовымъ, Невѣдомскимъ, Полторацкимъ, Лазаревымъ, Лихачевымъ, Демьяновымъ, Кудрявцевымъ, Кислинскимъ и кандидатомъ Широбоковымъ. На этихъ-то лицахъ правительство, только что передъ тѣмъ возвратившее изъ ссылки

Унковскаго и Европеуса, и рѣшило выместить свою злобу. Въ Тверь былъ посланъ генералъ-адъютантъ Анненковъ съ повелѣніемъ арестовать этихъ лицъ и прислать ихъ въ Петербургъ, гдѣ они были посажены въ Петропавловскую крѣпость. Анненкову даны были полномочія смѣнять и назначать мировыхъ посредниковъ по своему усмотрѣнію и принимать другія экстренныя мѣры. Арестованные посредники преданы были суду сената и послѣ 5-мѣсячнаго заключенія въ крѣпости были приговорены (согласно 319 ст. ул. о нак., изд. 1857 г.) къ заключенію въ смирительномъ домѣ на сроки отъ 2 лѣтъ до 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ (Алексѣй Бакунинъ) и къ лишенію нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ (въ томъ числѣ права участія въ выборахъ). Сидѣть въ смирительномъ домѣ имъ не пришлось благодаря заступничеству петербургскаго генералъ-губернатора кн. Суворова; но въ правахъ нѣкоторые изъ нихъ (напр. братья Бакунины) такъ и не были возстановлены до самой смерти (Ник. Алек. Бакунинъ умеръ въ 1900 г.).[1]

Дворянство другихъ губерній прямо не поддержало тверскаго дворянства въ его заявленіяхъ. Но конституціонное движеніе вообще получило тогда чрезвычайно сильное распространеніе въ дворянской средѣ. По рукамъ ходило множество проектовъ, адресовъ и заявленій, составленныхъ какъ прогрессивными, такъ и самыми разнородными по своимъ стремленіемъ группами и людьми. Въ числѣ ихъ были и подпольные листки „Великоруссъ“ и общества „Земля и Воля“, основаннаго около этого времени Н. Серно-Соловьевичемъ съ программой однородной съ вышеприведенной программой „Великорусса“, и составленный Огаревымъа дресъ, въ разсчетѣ, главнымъ образомъ, на недовольные дворянскіе круги. У М. П. Драгоманова[2] и у В. П. Батуринскаго[3] приведена любопытная переписка, возникшая по этому поводу между И. С. Тургеневымъ и А. И. Герценомъ, а затѣмъ между Герценомъ и Кавелинымъ по поводу изданной послѣднимъ заграничной брошюры „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, въ которой Кавелинъ высказывался противъ дворянскихъ мечтаній о конституціи.[4] Противъ конституціоннаго движенія написалъ въ то время весьма замѣчательную записку и Юрій Самаринъ по И. С. Аксаковъ, которому онъ прислалъ ее на всякій случай, не далъ ей тогда ходу, опасаясь, что она безъ нужды возстановитъ многихъ противъ Самарина.[5]

Если принять въ разсчетъ вышеизложенныя постановленія тверского дворянства и мысли, изложенныя въ „письмахъ безъ адреса“ Чернышевскимъ, то можно, кажется, вполнѣ согласиться съ Тургеневымъ во всемъ, что онъ писалъ Герцену о неумѣстности, неловкости и запоздалости огаревскаго проекта. Проектъ адреса Огарева содержалъ въ себѣ весьма неумѣренныя и совершенно неосновательно-

---

[1] Вся эта исторія изложена съ приведеніемъ подлинныхъ документовъ въ 1-й книгѣ „Освобожденія“, изд. въ 1903 г. Упоминаніе о ней содержится въ статьѣ Л. Ф. Пантелѣева „Изъ воспоминаній о 60-хъ годахъ“ въ сборникѣ „На славномъ посту“. Тамъ же, между прочимъ, указано, что В. В. Берви (впослѣдствіи писавшій подъ псевдонимомъ Флеровскаго — „Рабочій классъ“, „Азбука соціальныхъ наукъ“ и проч.), тогда служившій въ Сенатѣ, разослалъ иностраннымъ дипломатическимъ агентамъ, находившимся въ Петербургѣ, изложеніе этой исторіи, за что былъ арестованъ и высланъ въ Астрахань.

[2] Переписка И. С. Тургенева и К. Д. Кавелина съ А. И. Герценомъ, изд. въ Женевѣ въ 1892 г

[3] А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, СПБ. 1864 г., стр. 183 и слѣд.

[4] Сочиненія Кавелина, т. II, стр. 105 и слѣд.

[5] „Русь“ за 1881 г. № 29.

ныя нападки на положеніе 19 февраля, и Тургеневъ вполнѣ резонно указывалъ, что это безтактно, потому что „съ Положенія начинается новая эра въ Россіи“. „Редакція адреса — замѣчалъ далѣе Тургеневъ — составлена явно съ цѣлью пріобрѣсти нѣсколько сотенъ или тысячъ подписей отъ крѣпостниковъ, которые обрадовавшись случаю высказать свою вражду къ эмансипаціи и Положенію, — зажмурятъ глаза на послѣдствія земскаго собора....“

„Если этотъ адресъ дойдетъ до крестьянъ, — а это, по мнѣнію Тургенева несомнѣнно, — то они по справедливости увидятъ въ немъ новое нападеніе дворянства на освобожденіе.“

Въ этомъ письмѣ, адресованномъ къ лицу, привезшему ему проектъ адреса отъ Огарева и Герцена, Тургеневъ сообщаетъ, что у него есть мысль составить свой проектъ, но, повидимому, онъ ея не исполнилъ. Въ письмѣ къ самому Герцену (отъ 8 октября 1862 г.) Тургеневъ между прочимъ писалъ: „на счетъ адреса скажу одно: мнѣ достаточно того факта, что къ нему могутъ приложить руки М. Безобразовъ и Паскевичъ, чтобы не прикладывать моей“. Въ одномъ письмѣ (отъ 16 октября) онъ опять утверждаетъ, что „Земля приняла „Положеніе“ и даже пророчествуетъ, что въ весьма скоромъ времени она „сольетъ свое понятіе о свободѣ съ понятіемъ о „Положеніи“ и будетъ видѣть въ его врагахъ своихъ враговъ“... Тургеневъ предлагалъ вообще отложить мысль объ адресѣ до выясненія рѣшенія правительства о мѣстномъ земскомъ самоуправленіи. Упомянувъ о двухъ разсматривающихся проектахъ: Милютинскомъ („отличающемся относительной широтой и свободой своихъ началъ“) и Валуевскомъ („изуродованномъ и іезуитскомъ“), Тургеневъ писалъ: „Если, какъ слѣдуетъ предполгать, будетъ принятъ второй, то вотъ тутъ дѣятельная и живая и практическая исходная точка для протестующаго адреса, такого адреса, который предназначенъ поднять и расшевелить общественное мнѣніе...“ Въ заключеніе онъ увѣрялъ, что пустивъ въ ходъ свой неудачный адресъ, Огоревъ и Герценъ произвели бы выстрѣлъ „хуже, чѣмъ на воздухъ, — себѣ въ лобъ.“[1]

Точка зрѣнія Кавелина совсѣмъ иная. Онъ не только противъ адресовъ, но и противъ конституціи въ Россіи. Онъ желаетъ либеральныхъ реформъ, но полагаетъ, что онѣ вполнѣ осуществимы при самодержавіи. Онъ приглашаетъ дворянство, прежде чѣмъ добиваться конституціи, поработать основательно на ряду съ другими сословіями надъ развитіемъ мѣстнаго земскаго самоуправленія и въ этомъ видитъ его коренную задачу. „Мы увѣрены — писалъ Кавелинъ въ своей брошюрѣ — что еслибъ какимъ-нибудь чудомъ политическая конституція досталась теперь въ руки дворянства, то эта была бы, конечно, самая горькая иронія надъ нынѣшнимъ жалкимъ его состояніемъ; она обнаружила бы вполнѣ всю его несостоятельность и скоро бы пала и была забыта, какъ много конституцій въ Европѣ, не имѣвшихъ твердыхъ основаній въ народѣ.“...[2] Извѣстно, что эта брошюра повела къ разрыву между Кавелинымъ и Герценомъ. Если бы Кавелинъ дожилъ до нашего времени, онъ вѣроятно корен-

[1] Батуринскій, собр. соч., стр. 189.
[2] Кавелинъ, сочиненія, II, стр. 141.

нымъ образомъ излѣчился бы отъ своего утопическаго предположенія о совмѣстимости самодержавія съ гражданской свободой.

Записка Ю. Ѳ. Самарина, который во многомъ сходился съ Кавелинымъ по вопросу о нашемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, несмотря на то, что одинъ былъ славянофилъ, а другой западникъ, замѣчательна тѣмъ, что она исходитъ не изъ коренныхъ славянофильскихъ началъ, формулированныхъ Константиномъ Аксаковымъ, а также, какъ и Кавелинская брошюра, — изъ чисто практическихъ соображеній. Поэтому въ ней нѣтъ, — какъ этого можно было ожидать, — принципіальнаго отрицанія конституціонныхъ началъ, а доказывается лишь несвоевременность для Россіи конституціонныхъ требованій въ 1862 г., причемъ Самаринъ стоитъ на народнической, демократической почвѣ. „Народной конституціи — писалъ Самаринъ — у насъ пока еще быть не можетъ, а конституція не народная, т. е. господство меньшинства, дѣйствующаго безъ довѣренности отъ имени большинства, — есть ложь и обманъ.“ Онъ доказываетъ необходимость развитія при такой конституціи политической централизаціи — Петербургъ задавитъ Россію. Россіи, по его мнѣнію, нужно не то. Намъ нужны: „вѣротерпимость, прекращеніе полицейской проповѣди противъ раскола, гласность и независимость суда, свобода книгопечатанія, какъ единственное средство выгнать наружу всѣ зараженные соки, отравляющіе нашу литературу, и черезъ это самое вызвать свободное противодѣйствіе искреннихъ убѣжденій и честнаго здравомыслія[1]; намъ нужно упрощеніе мѣстной администраціи, преобразованіе нашихъ налоговъ, свободный доступъ къ просвѣщенію, ограниченіе непроизводительныхъ расходовъ, сокращеніе придворныхъ штатовъ и т. д. и т. д. И все это возможно, — такъ казалось Самарину въ 1862 г. — безъ ограниченія самодержавія; но скорѣе и легче совершится при самодержавной волѣ, чуждой страха и подозрительности (sic!), понимающей свою несокрушимую силу и потому внимательной къ свободному выраженію народной мысли и народныхъ потребностей (!!)“.[2]

Въ этихъ романтическихъ чаяніяхъ славянофилы должны были въ 1862 г. порядочно разочароваться, но они упрямо отстаивали ихъ и значительно позже, не замѣчая, повидимому, какъ почва уходитъ мало по малу изъ подъ ихъ ногъ.

Впрочемъ возраженія и Кавелина, и славянофиловъ направлены противъ олигархическихъ дворянскихъ вожделѣній, но вовсе не имѣютъ въ виду здоровыхъ демократическихъ требованій тверскихъ либераловъ.

12.

Однако широкое освободительное движеніе, какъ справедливо отмѣтилъ въ „Письмахъ безъ адреса“ Чернышевскій, вышло въ 1861 г.

[1] Здѣсь по вопросу о свободѣ слова Самаринъ проявилъ необычный для тогдашнихъ славянофиловъ оппортюнизмъ. Не оттого ли отчасти Аксаковъ и не пустилъ въ ходъ его записку въ то время?

[2] Записка Ю. Ѳ. Самарина напечатана И. С. Аксаковымъ лишь послѣ смерти Самарина въ „Руси“ въ 1881 г. № 29. Другой славянофилъ, А. И. Кошелевъ, въ 1862 г. издалъ въ Лейпцигѣ книжку, въ которой доказывалъ, что логическій выводъ крестьянской реформы и вмѣстѣ съ тѣмъ единственный выходъ изъ труднаго положенія есть созваніе „Общей Земской Думы“, вполнѣ совмѣстной съ сохраненіемъ самодержавія, сохраненіе котораго Кошелевъ признавалъ необходимымъ. Развитію этой мысли онъ тогда же посвятилъ другую брошюру: „Конституція, Самодержавіе и Земская Дума“. Срав. „Записки“ А. И. Кошелева, стр. 138—140.

далеко за предѣлы тѣснаго круга помѣстнаго дворянства и охватило съ огромной силой все мыслящее русское общество.

Если прочіе классы этого общества, не имѣя органовъ для выраженія своихъ нуждъ и стремленій, не могли ихъ представить правительству, то это способствовало еще больше развитію въ обществѣ броженія и недовольства. Вскорѣ это общественное настроеніе отразилось съ большой силою въ университетскихъ волненіяхъ, въ которыхъ приняли значительное участіе многія лица, не имѣвшія непосредственнаго отношенія къ университетамъ. Университеты находились въ это время въ переходномъ, весьма неопредѣленномъ положеніи.

Выше мы видѣли, что либеральныя вѣянія начала царствованія Александра сказались прежде всего на положеніи печати и университетовъ. Зато нигдѣ не было и такихъ колебаній правительства, какъ въ этой именно сферѣ. Долею это зависѣло и отъ нерѣшительности двухъ первыхъ министровъ народнаго просвѣщенія — безпринципнаго Норова (до 1858 года) и нерѣшительнаго Ковалевскаго (1858—1861), но главнымъ виновникомъ этихъ колебаній былъ безъ сомнѣнія самъ Александръ.[1] Сознавая, что при томъ гнетѣ, какой былъ въ послѣдніе годы Николаевскаго царствованія, никакое развитіе знаній и образованности въ обществѣ невозможно, Александръ въ то же время боялся дать полную волю университетамъ, также какъ и печати, и постоянно держалъ для нихъ камень за пазухой. Къ университетамъ этотъ камень пришлось примѣнить не такъ скоро, какъ къ печати потому что данная имъ относительная свобода и просторъ не сразу могли вывести ихъ изъ того состоянія крайней забитости и упадка, въ которомъ они находились передъ Крымской войной.[2] Въ началѣ оттуда исходили самыя лояльныя ликованія и славословія, и студенты наравнѣ съ прочими обывателями были преисполнены розовыхъ надеждъ и довѣрія къ правительству. Даже незначительные безпорядки и волненія, случавшіяся тамъ и сямъ въ 1857—1858 гг., совершенно не имѣли политическаго характера и вызывались частными поводами и столкновеніями съ низшими чинами полиціи, по винѣ этихъ послѣднихъ. Когда московскій генералъ-губернаторъ гр. Закревскій по поводу одной подобной исторіи телеграфировалъ императору, что въ московскомъ университетѣ „бунтъ“, то Александръ рѣзко отвѣтилъ ему: „не вѣрю“, и приказалъ о грубыхъ поступкахъ полиціи произвести строгое разслѣдованіе. Еще при Норовѣ студентамъ разрѣшены были литературныя бесѣды и изданіе „Сборника“, которыя должны были соединять молодыхъ людей для научныхъ занятій. Эти собранія и завѣдываніе студенческой кассой, устроенной для поддержанія бѣдныхъ товарищей, послужили первымъ основаніемъ студенческихъ сходокъ.[3] Еще въ 1855 г. университеты были избавлены отъ власти генералъ-губернаторовъ, а попечители учебныхъ округовъ были назначены изъ людей просвѣщен-

[1] Любопытные факты для интимной исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи въ этотъ періодъ сообщаетъ въ своемъ „Дневникѣ“ А. В. Никитенко, имѣвшій непосредственное прикосновеніе и къ университетской политикѣ, и къ цензурѣ: также Барсуковъ въ XIV—XVIII томахъ біографіи Погодина. Небезинтересныя, хотя и отрывочныя данныя даетъ еще Середонинъ въ „Историческ. обзорѣ комитета министровъ“, т. III, ч. II. стр. 177 и слѣд.

[2] Джаншіевъ, „Эпоха великихъ реформъ“, 7-е изд., стр. 867.

[3] Кавелинъ, Сочиненія, II, 1191.

ныхъ и либеральныхъ, какъ Н. И. Пироговъ, кн. Щербатовъ, князь П. П. Вяземскій и др. Щербатовъ позволилъ петербургскимъ студентамъ, на ряду съ оффиціальнымъ „Сборникомъ", издавать рукописные журналы, изъ которыхъ одинъ носилъ названіе „Вѣстника свободныхъ мнѣній", а другой, въ подражаніе Герцену, — „Колокола".[1]

„Число студентовъ во всѣхъ университетахъ быстро росло, и на ряду съ этимъ двери университетовъ были въ это время широко открыты для всѣхъ желающихъ. На лекціяхъ можно было видѣть чиновниковъ, офицеровъ, священниковъ; явились и женщины. . . ." „Студенты сразу отнеслись къ этому нововведенію съ большимъ сочувствіемъ. Во 2-мъ выпускѣ студенческаго „Сборника" (за 1860 г.) говорится: „живой интересъ, возбужденный лекціями нѣкоторыхъ профессоровъ, снялъ съ университета ту долю исключительнаго, изолированнаго учрежденія, которая тяготѣла надъ нимъ; мы съ радостью увидѣли среди себя много лицъ, не принадлежащихъ къ числу студентовъ, изъ среды всѣхъ сословій нашего отечества. Различіемъ возраста, званія и пола лицъ, посѣщающихъ лекціи, университетъ нашъ все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ то значеніе въ обществѣ, которое, по праву, принадлежитъ ему."[2]

Властителями думъ молодого поколѣнія въ это время являлись Герценъ, Чернышевскій и Добролюбовъ. „Колоколъ" Герцена свободно передавался изъ рукъ въ руки. Статьи Чернышевскаго и Добролюбова принимались какъ откровеніе. Литература не скрывала, что на молодое поколѣніе она возлагаетъ всѣ надежды и не мудрено, что въ молодежи, на ряду съ стремленіемъ къ освобожденію отъ всякихъ стѣсненій и путъ, сталъ развиваться нѣкоторый духъ самомнѣнія и пренебреженія къ идеямъ и дѣятельности стараго поколѣнія. Въ 1860 г. изъ рядовъ университетской молодежи уже выходитъ новый пророкъ молодого поколѣнія Писаревъ, который завоевываетъ въ литературѣ сразу выдающееся положеніе. „Позвольте намъ, юношамъ, — писалъ онъ въ маѣ 1861 г. — говорить, писать и печатать; позвольте намъ встряхивать своимъ самороднымъ скептицизмомъ тѣ залежавшіяся вещи, ту обветшалую рухлядь, которыя вы называете общими авторитетами. . . ."

„Вотъ заключительное слово нашего юнаго лагеря — писалъ онъ тамъ же — что́ можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится въ дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ бей направо и налѣво, отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть".[3]

Духъ критики не замедлилъ проявиться прежде всего въ отношеніи къ профессорамъ. Вошли въ обычай въ аудиторіяхъ рукоплесканія, свистки и шиканье. Къ профессорамъ стали предъявляться опредѣленныя требованія. Произошло нѣсколько случаевъ изгнанія нелюбимыхъ профессоровъ изъ аудиторіи.

Вслѣдъ за интересомъ къ общественнымъ дѣламъ, явилось стремленіе въ нихъ такъ или иначе участвовать. Сперва въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ молодежь принимаетъ дѣятель-

[1] Записки и Дневникъ А. В. Никитенка, II, стр. 68.
[2] „С.-Петербургскіе высшіе курсы за 25 лѣтъ", С.-Петерб. 1904 г., историческій очеркъ, составленный А. Н. Анненской, стр. 10.
[3] Писаревъ, Сочиненія изд. 1894 г. т. I, стр. 374—375.

ное участіе въ устройствѣ воскресныхъ школъ. Начальство не только не препятствуетъ, но среди молодыхъ профессоровъ являются руководители, которые отдаются этому дѣлу съ энтузіазмомъ, какъ напримѣръ, проф. Павловъ (въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ). Вопросы текущей политики также горячо обсуждаются молодежью. Одна изъ первыхъ политическихъ прокламацій, составленная М. И. Михайловымъ, прямо адресуется къ молодому поколѣнію. Въ Казани послѣ ужасной Бездненской катастрофы студенты съ молодымъ профессоромъ Щаповымъ во главѣ демонстративно служили панихиду по крестьянамъ, убитымъ войсками. Въ Петербургѣ студенты устраиваютъ скандалъ на актѣ (8-го февраля 1861 г.) вслѣдствіе отмѣны министромъ рѣчи Костомарова о Константинѣ Аксаковѣ. Однимъ словомъ, университетъ, какъ вѣрный барометръ, — по остроумному выраженію Пирогова — показываетъ то бурное настроеніе, которое скопилось къ этому времени въ обществѣ.

Встревоженное правительство пытается остановить это движеніе мѣрами строгости. Гуманный министръ Ковалевскій выходитъ въ отставку и на его мѣсто назначается мрачный абскурантъ гр. Путятинъ, котораго Тютчевъ сравнивалъ со смерчемъ. Жестокій и безсердечный педантъ, отчаянный ханжа и англоманъ въ то же время — этотъ уродъ, въ сущности, не имѣлъ никакой программы. Онъ ѣздитъ за вдохновеніемъ въ Троицкую лавру, старается натравить московскаго митрополита Филарета на Александра, пытается задобрить профессоровъ обѣщаніемъ прибавки къ жалованью и въ то же время застращать ихъ, но все это безъ всякой системы и, разумѣется, безъ результата.[1] Главнымъ вдохновителемъ всѣхъ репрессивныхъ и обскурантныхъ мѣръ явился въ это время гр. С. Г. Строгановъ, главный воспитатель наслѣдника — тотъ самый Строгановъ, которому въ сороковыхъ годахъ московскій университетъ обязанъ былъ многими разумными и полезными мѣрами. Строгановъ нападаетъ на Ковалевскаго и вынуждаетъ его выйти въ отставку, но представленный имъ планъ реорганизаціи университетовъ въ свою очередь терпитъ fiasco въ комитетѣ министровъ. Тогда вырабатывается особой комиссіей подъ его предсѣдательствомъ новый проектъ, который и получаетъ утвержденіе императора 31 мая 1861 г. Правилами 31 мая уничтожаются всѣ зародыши корпоративнаго устройства студентовъ, даже форменное платье. Ими же отмѣнены, между прочимъ, свидѣтельства о бѣдности, освобожденіе студентовъ и вольнослушателей недостаточнаго состоянія отъ платы 50 руб. и запрещены всякія сходки безъ разрѣшенія начальства.[2] Попечитель Дельяновъ, бывшій въ то время либераломъ и пытавшійся при помощи Кавелина и другихъ популярныхъ профессоровъ выработать на основаніи совѣщаній съ депутатами студентовъ цѣлесообразныя и примѣнимыя правила, также выходитъ въ отставку вслѣдъ за Ковалевскимъ и на его мѣсто назначается ген. Филиппсонъ, бывшій атаманъ казачьяго войска. Филиппсонъ, впрочемъ, оказался сравнительно

[1] Срав. Кавелина „Записка объ университетскихъ безпорядкахъ“, сочиненія т. II, стр. 1203. Барсуковъ „Жизнь и труды М. П. Погодина“ т. XVIII, стр. 272—276.

[2] Любопытная отмѣтка Александра II на докладѣ Норова еще 1856 года приведена у Середонина: „Остаюсь при прежнемъ мнѣніи, что уменьшеніе платы для университетовъ допускать не слѣдуетъ“. Середонинъ „Историч. обзоръ дѣятельности комитета министровъ“ т. III, ч. II, стр. 178.

порядочнымъ человѣкомъ и вскорѣ, самъ убѣдившись въ своей непригодности, просилъ увольненія. Но Путятинъ тѣмъ временемъ выхлопоталъ еще большія строгости, а именно: полное запрещеніе сходокъ и установленіе правила, что каждый студентъ, не выдержавшій экзамена на слѣдующій курсъ, выключается изъ университета. Осенью, когда студенты явились послѣ каникулъ, узнавъ о новыхъ правилахъ частью изъ газетъ, частью по слухамъ, они немедленно стали волноваться. Начались сходки съ рѣчами и манифестаціями, прокламаціи вывѣшивались въ самомъ университетѣ. 23 сентября университетъ былъ закрытъ. 25 сентября студенты собрались возлѣ университета и отправились черезъ весь городъ огромной процессіей, къ которой присоединилось много посторонней публики, на Колокольную улицу къ попечителю Филиппсону. Попечитель принялъ депутатовъ и просилъ студентовъ вернуться въ университетъ, куда и самъ поѣхалъ немедленно и гдѣ объяснилъ студентамъ причину закрытія университета.

Послѣ этого послѣдовали аресты, въ свою очередь вызвавшіе новую сходку 27 сентября, прекращенную лишь съ прибытіемъ войскъ. 2 октября опять была сходка на улицѣ, разошедшаяся послѣ ареста нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ. Послѣ того было опубликовано, что студенты, желающіе оставаться въ университетѣ, обязаны подать о томъ прошеніе и взять матрикулы, въ которыхъ изложены новыя правила. 550 человѣкъ студентовъ и 101 вольнослушатель подали прошеніе, остальные считались уволенными изъ университета. 11-го октября университетъ былъ вновь открытъ, но 12-го опять послѣдовала сходка исключенныхъ изъ университета студентовъ въ числѣ 183 человѣкъ — уже на улицѣ. Полиція оттѣснила ихъ во дворъ университета и, переписавъ здѣсь, вывела подъ военнымъ конвоемъ съ тѣмъ, чтобы вести подъ арестъ. Тогда другіе собравшіеся тутъ же студенты стали съ привѣтственными криками подходить къ арестованнымъ. Произошла свалка съ жандармами и на студентовъ по распоряженію ген.-губернатора Игнатьева направленъ былъ взводъ Преображенскаго полка. Толпа студентовъ была смята, окружена и отправлена въ числѣ 300 человѣкъ частью въ Петропавловскую крѣпость, частью въ Кронштадтскій морской госпиталь. Гр. Путятинъ до того растерялся, что, описывая всѣ эти происшествія въ письмѣ къ другу своему Филарету, митрополиту московскому, заключалъ: „цѣль преступныхъ дѣйствій направлена къ ниспроверженію существующаго порядка и даже, повидимому, династіи (!)“. Поэтому онъ просилъ Филарета при проѣздѣ государя изъ Крыма, черезъ Москву, представить ему объ опасномъ положеніи государства и о необходимости экстренныхъ мѣръ.

Совершенно подобные же петербургскимъ безпорядки произошли и въ Москвѣ. Здѣсь студенты ходили процессіей къ генералъ-губернатору просить освобожденія ранѣе арестованныхъ товарищей. Но когда онъ ихъ не принялъ и имъ было предложено разойтись, а они не согласились, то на нихъ были выпущены находившіеся тутъ же въ засадѣ два эскадрона гренадеровъ. Студентовъ сильно избили; нѣсколько человѣкъ тяжело ранили, человѣкъ 200 захватили и загнали въ часть, за остальными пустились въ погоню. Въ на-

родъ пущенъ былъ слухъ, что это дворяне пришли просить, чтобы вновь закрѣпостили крестьянъ и потому многіе изъ простонародья бросились на студентовъ и помогали ловить убѣгавшихъ.[1]

Александръ Николаевичъ, увѣдомленный объ этихъ происшествіяхъ, поспѣшилъ вернуться изъ Крыма въ Петербургъ. Онъ ясно увидалъ теперь, что репрессивныя мѣры, принятыя по совѣту Строганова, не ведутъ къ цѣли, и остался очень недоволенъ грубыми и безтактными дѣйствіями гр. Путятина и Игнатьева.[2] Оба они были уволены (Игнатьевъ немедленно, а Путятинъ въ концѣ декабря 1861 г.), и на мѣсто Путятина назначенъ приближенный къ Константину Николаевичу человѣкъ, извѣстный въ высшихъ сферахъ за либерала, А. В. Головнинъ, а вмѣсто Игнатьева на должность петербургскаго ген.-губернатора — отзывчивый и мягкій А. А. Суворовъ. Однако, въ то же время проф. К. Д. Кавелинъ, представившій обстоятельную записку о студенческихъ безпорядкахъ, и съ нимъ другіе четыре профессора (Спасовичъ, Стасюлевичъ, Пыпинъ, и Утинъ) вынуждены были въ декабрѣ 1861 г. подать въ отставку и получили ее. Петербургскій университетъ на этотъ разъ закрытъ былъ до конца академическаго года. Студентовъ вскорѣ освободили изъ заточенія, но многихъ изъ нихъ выслали административнымъ порядкомъ въ отдаленныя губерніи. Въ обществѣ они завоевали себѣ всеобщее сочувствіе и, по свидѣтельству очевидца и участника этихъ происшествій Л. Ф. Пантелѣева, ихъ только что на рукахъ не носили.[3] Эти первые университетскіе безпорядки, отозвавшіеся въ 1861 г. во всѣхъ университетахъ, послужили прототипомъ для всѣхъ послѣдующихъ студенческихъ волненій вплоть до нашихъ дней.

Правительство спѣшно принялось за выработку университетскаго устава. Кавелинъ командированъ былъ за границу для изученія порядковъ, существующихъ въ университетахъ различныхъ странъ. Въ разработкѣ устава приняли участіе всѣ выдающіеся ученые, профессора и администраторы. Головнинъ напечаталъ выработанный особой подготовительной комиссіей, образованной еще Путятинымъ, проектъ и разослалъ его для обсужденія не только къ различнымъ свѣдущимъ лицамъ въ Россіи, но и заграницей. Печать приняла дѣятельное участіе въ обсужденіи университетской реформы. Мнѣніе гр. Строганова, желавшаго, повидимому, превратить университеты въ закрытыя аристократическія заведенія въ родѣ училища правовѣдѣнія, было всѣми отвергнуто.[4] Голоса и въ правительственныхъ кругахъ, и въ обществѣ раздѣлились между двумя либеральными системами. Защитникомъ одной изъ нихъ явился главнымъ образомъ Н. И. Костомаровъ, а въ правительственныхъ сферахъ бар. М. А. Корфъ, защитниками другой — Б. Н. Чичеринъ и почти всѣ

---

[1] Письмо И. С. Аксакова къ гр. Блудовой. Барсуковъ, т. XVIII, стр. 250.

[2] Общественное возбужденіе противъ Путятина достигло крайнихъ предѣловъ, такъ что, когда онъ пріѣхалъ, уже отставленный, въ Гейдельбергъ, то ему устроили тамъ нѣмецкіе студенты кошачій концертъ, выбили окна его квартиры и забросали его гнилыми яблоками и картофелью (Барсуковъ, т. XVIII, стр. 280—281.

[3] Воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева въ сборникѣ „На славномъ посту“, стр. 315.

[4] По этому поводу Н. И. Пироговъ сдѣлалъ очень тонкое замѣчаніе объ англійскихъ аристократическихъ университетахъ: „Приписывая все хорошее въ англійскихъ лордахъ университетскому воспитанію въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, забываютъ одно — писалъ Пироговъ — Habeas corpus. А это одно воспитываетъ и не однихъ лордовъ не хуже всякихъ университетовъ“. Дневникъ, стр. 283 (7 изданіе).

либералы изъ профессоровъ.[1] Первая система основывалась на различіи воспитанія и образованія. „Воспитаніе — писалъ Костомаровъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ — принадлежитъ дѣтскимъ и отроческимъ лѣтамъ и оканчивается со вступленіемъ въ зрѣлый возрастъ и не прекращается до старости.“ Воспитаніе должно даваться въ школѣ и дома; университетъ же долженъ давать средства къ образованію людямъ всѣхъ возрастовъ безъ различія пола.[2] Приверженецъ того же взгляда, баронъ М. А. Корфъ, видѣлъ въ корпоративномъ устройствѣ университетовъ что-то средневѣковое и указывалъ въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи, что въ средніе вѣка корпоративное устройство нужно было для защиты отъ насилій, почти повсемѣстныхъ въ вѣка мрака и невѣжества. Теперь же оно безъ всякой надобности дѣлаетъ университетъ чѣмъ-то вродѣ государства въ государствѣ. „Поддерживаемая историческая традиція создаетъ корпоративный духъ среди студентовъ, вѣрящихъ въ свои мнимыя права и потому оказывающихъ сопротивленіе массами“. Университетъ долженъ быть учрежденіемъ вродѣ публичной библіотеки, „въ которой, — какъ писалъ съ гордостью ея директоръ, баронъ Корфъ, — бываютъ тысячи посѣтителей, но не бываетъ вовсе безпорядковъ....“[3] Послѣднія соображенія чисто полицейскаго характера возымѣли большое дѣйствіе на многихъ членовъ первоначальной комиссіи, образованной еще при Путятинѣ. Попечитель Филиппсонъ такъ наивно обрадовался этому, повидимому, легкому способу выйти изъ всѣхъ затрудненій, что защищалъ эту идею съ нѣсколько безтактной, по мнѣнію Никитенко, горячностью.[4]

Противъ нея выступилъ съ горячей и обстоятельной статьей въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ Б. Н. Чичеринъ. „Тутъ есть все — съ гнѣвомъ писалъ Чичеринъ, — что можетъ плѣнить современнаго русскаго либерала: и радикальныя преобразованія, и современныя потребности, и открытыя настежь двери, и контроль общественнаго мнѣнія. Нѣтъ только студентовъ и университетовъ: одни преданы забвенію, другіе преданы погибели. О, преобразовательная мудрость нашихъ передовыхъ людей, вожаковъ молодого поколѣнія! Бѣдная Россія!“

Указавъ на то, что университетъ долженъ и можетъ имѣть не одно только образовательное, но и великое воспитательное значеніе для юношества, выяснивъ необходимость существованія въ университетахъ особой умственной атмосферы, научныхъ традицій, важность товарищества и проч., московскій профессоръ не преминулъ коснуться и политической стороны вопроса; но и здѣсь онъ сталъ на точку зрѣнія, противоположную костомаровской. „Нравственная сила университета — писалъ онъ — заключается въ его удаленіи отъ общественной среды, въ той особенной атмосферѣ, которая образуется въ немъ вслѣдствіе живого общенія преподавателей и учащихся, занятыхъ однимъ дѣломъ, имѣющихъ одну цѣль — науку. Чѣмъ болѣе примѣшивается къ нему постороннихъ и чуждыхъ стихій, чѣмъ живѣе въ немъ возбуждаются общественные вопросы и обще-

[1] Записка Кавелина (сочиненія, т. II, стр. 1205).
[2] „С.-Петербургскія Вѣдомости“ за 1861 г. № 207. Барсуковъ, т. XVIII, стр. 287 и слѣд.
[3] Середонинъ, назв. соч. т. III, ч. II, стр. 180.
[4] Дневникъ и Записки Никитенко, т. II, стр. 288.

ственныя страсти, тѣмъ болѣе уклоняется онъ отъ своей цѣли, тѣмъ онъ становится безсильнѣе и безплоднѣе....“ Университетскіе безпорядки Чичеринъ приписывалъ именно наплыву въ университетъ постороннихъ стихій. Самъ онъ допускалъ постороннихъ слушателей въ университетъ; но студенчество въ органической связи съ профессорами должно составлять главный, основной элементъ.[1]

За корпоративное устройство стоялъ, между прочимъ, и Катковъ. Кавелинъ изъ заграничной командировки привезъ единогласное удостовѣреніе всѣхъ заграничныхъ авторитетовъ и свѣдущихъ лицъ также въ пользу корпоративнаго устройства студенчества.[2]

Въ комиссіи, выработавшей проектъ устава, это мнѣніе также одержало верхъ, и студентамъ предполагалось разрѣшить устройство корпорацій и сходокъ, если онѣ не преслѣдуютъ „незаконныхъ“ цѣлей. Но Головнину удалось провести этотъ проектъ лишь съ большими уступками. Изъ комиссіи, его выработавшей, онъ поступилъ на заключеніе особой комиссіи изъ высшихъ сановниковъ подъ предсѣдательствомъ того же гр. Строганова, а оттуда уже съ большими измѣненіями — въ государственный совѣтъ. Въ концѣ концовъ мысль о корпоративномъ устройствѣ студенчества была отклонена подъ смѣшнымъ и жалкимъ предлогомъ, чтобы гарантировать университетъ отъ возможныхъ „нелѣпыхъ обвиненій“, какія вздумалось бы взводить на студенчество разнымъ газетамъ и малоразвитому обществу.[3]

Уставъ 1863 г. далъ, какъ извѣстно, нѣкоторое самоуправленіе университетскимъ совѣтамъ, хотя въ то же время сохранилъ за попечителями значительную дискреціонную власть.

Когда петербургскій университетъ былъ закрытъ, то Костомаровъ рѣшился осуществить въ видѣ опыта свою идею „вольнаго университета“. Онъ получилъ разрѣшеніе вмѣстѣ съ другими профессорами открыть рядъ систематическихъ публичныхъ лекцій съ начала 1862 г. въ залѣ петербургской городской думы. Въ этотъ университетъ особенно бросились женщины, жаждавшія пріобщиться къ высшему образованію, на которое онѣ смотрѣли какъ на ступень по пути эмансипаціи отъ сложившихся бытовыхъ и семейныхъ условій. Но этотъ университетъ просуществовалъ всего два мѣсяца: въ мартѣ 1862 г. онъ уже былъ закрытъ вслѣдствіе скандала, устроеннаго студентами его основателю Н. И. Костомарову изъ-за вопроса о протестѣ противъ высылки проф. Павлова. Павловъ былъ высланъ за рѣчь о тысячелѣтіи Россіи на литературномъ вечерѣ, устроенномъ въ думскомъ залѣ, якобы въ пользу учащихся, а на самомъ дѣлѣ въ пользу М. И. Михайлова, ссылавшагося въ Сибирь за участіе въ составленіи и распространеніи подпольныхъ листковъ и прокламацій („Великоруссъ“, „Къ молодому поколѣнію“ и проч.). На вечерѣ этомъ читалъ, между прочимъ, и Чернышевскій свои воспоминанія о Добролюбовѣ, вызвавшія „бурю криковъ и рукоплесканій“. Статья Павлова была пропущена для публичнаго чтенія цензурой и ничего особеннаго въ себѣ не заключала. Но Павловъ въ чтеніи измѣнилъ

[1] Барсуковъ, назв. соч. XVIII, стр. 288.
[2] Джаншіевъ, назв. соч., стр. 312 и слѣд.
[3] Джаншіевъ, назв. соч., 7-ое изд., стр. 314. У него же приведена на слѣд. страницахъ нѣсколько оптимистическая оцѣнка устава 1863 г. (314—318).

знаки препинанія и отъ этого получился необыкновенный эффектъ.[1] Онъ прочелъ ее восторженнымъ тономъ и закончилъ чтеніе словами: „имѣющіе уши слышать, да слышатъ!“ На другой день онъ былъ арестованъ и высланъ въ Кострому. Взволнованная публика стала во время лекціи Костомарова собирать пожертвованія. При этомъ ходили съ листами по аудиторіи, перелѣзали черезъ скамейки и требовали, чтобы Костомаровъ прекратилъ лекцію, а когда Костомаровъ на это не согласился и попробовалъ обратиться съ увѣщаніями о возстановленіи порядка, то его освистали, за что онъ тутъ же выругалъ демонстрантовъ „теперешними Репетиловыми и будущими Расплюевыми“. На слѣдующій день вольный университетъ былъ закрытъ, а Костомарову пришлось выйти въ отставку. Вольный университетъ посѣщала самая разнообразная публика: бывала масса дамъ, офицеровъ, чиновниковъ....

13.

Университетскіе безпорядки, какъ и другія уже чисто революціонныя проявленія, имѣли несомнѣнную связь съ развивавшимся въ то время польскимъ движеніемъ. Показанія многихъ современниковъ, описывавшихъ волненія студентовъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ и, особенно, въ Кіевѣ, прямо указываютъ на существованіе польской пропаганды, какъ на одинъ изъ факторовъ броженія въ студенческой средѣ.[2] Несомнѣнно, что среди польскихъ революціонеровъ и патріотовъ была очень популярна мысль о достиженіи побѣды надъ русскимъ правительствомъ при помощи распространенія смуты внутри Россіи. Такъ еще во время крестьянскихъ волненій 1855 г. обнаружено было дѣятельное участіе поляковъ въ возбужденіи крестьянъ разныхъ губерній.[3] Въ 1863 г. были опубликованы нѣкоторые документы, захваченные при обыскѣ у гр. Замойскаго, и между ними программа возстанія, составленная революціоннымъ генераломъ Людвигомъ Мѣрославскимъ 1-го марта 1861 г.[4] Въ ней проводились съ замѣчательнымъ легкомысліемъ и цинизмомъ слѣдующія макіавеллевскія идеи: „Неизлѣчимымъ демагогамъ — писалъ Мѣрославскій — нужно открыть клѣтку для полета за Днѣпръ. Пусть тамъ распространяютъ казацкую гайдаматчину противъ поповъ, чиновниковъ и бояръ, увѣряя мужиковъ, что они стараются удержать ихъ въ крѣпостной зависимости. Должно имѣть въ полной готовности запасъ смутъ и излить его на пожаръ, зажженный уже во внутренности Москвы. Вся агитація малороссіанизма пусть перенесется за Днѣпръ; тамъ обширное пугачевское поле для нашей запоздавшей числомъ хмѣльничевщины. Вотъ въ чемъ состоитъ вся наша панславистическая и коммунистическая школа! Вотъ весь польскій герценизмъ! Пусть онъ издали помогаетъ польскому освобожденію, терзая сокровенныя внутренности царизма.... Пусть себѣ замѣняютъ вдоль и поперегъ анархіей русскій царизмъ, отъ котораго наконецъ освободится и очистится сосѣдняя намъ московская

[1] Воспоминанія Н. В. Шелгунова, Сочиненія, т. II, стр. 723.
[2] Указаніе на это кн. Д. Оболенскаго, проф. Ешевскаго и др. См. у Барсукова т. XVIII, стр. 249, 251 и слѣд.
[3] „Матерьялы“ Д. П. Хрущова, т. I, стр. 81—86.
[4] Невѣдѣнскій. „Катковъ и его время“, стр. 166 и 170.

народность. Пусть обольщаютъ себя девизомъ, что этотъ радикализмъ послужитъ „для вашей и нашей свободы“ (слова изъ статьи „Колокола“). Перенесеніе его въ предѣлы Польши будетъ считаться измѣной отчизнѣ и будетъ наказываться смертью, какъ государственная измѣна.“

Дальше указывалось, какъ всякими средствами вызвать вмѣшательство въ польское дѣло иностранныхъ правительствъ съ тѣмъ, чтобы заставить эти правительства „скомпрометироваться передъ Россіей“. При этомъ, какъ на примѣръ, заслуживающій подражанія, указывалось на неустанную работу итальянскихъ патріотовъ, съумѣвшихъ втянуть Наполеона въ свое дѣло.[1]

Эта предательская по отношенію къ русскимъ радикаламъ и къ русскому народу программа Мѣрословскаго, могла бы конечно оттолкнуть отъ поляковъ всѣхъ русскихъ радикаловъ и революціонеровъ, но она сдѣлалась извѣстна лишь въ 1863 г. Въ 1861 же году сочувствіе къ Польшѣ было широко распространено въ русскомъ образованномъ обществѣ. Необходимо оговориться, что изъ числа поляковъ, желавшихъ и искавшихъ этого сочувствія, многіе и тогда отвергли бы съ ужасомъ и негодованіемъ программу Мѣрославскаго. Іосафатъ Огризко и профессоръ В. Д. Спасовичъ, основавшіе въ Петербургѣ въ 1859 г., при живомъ содѣйствіи Кавелина, польскій органъ „Slowo“ (Слово), были искренно расположены къ образованію либеральной партіи въ Польшѣ, сочувственно настроенной по отношенію къ русскимъ либераламъ и къ либеральнымъ начинаніямъ русскаго правительства. Но этотъ вполнѣ лояльный органъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его открытія задушенъ варшавскимъ намѣстникомъ Горчаковымъ, который усмотрѣлъ въ немъ угрозу своей собственной автономіи и безцеремонно объявилъ въ Петербургѣ, что онъ не вернется въ Варшаву, если газета не будетъ закрыта, а Огризко не будетъ посаженъ въ крѣпость за напечатаніе вполнѣ невиннаго письма извѣстнаго историка-эмигранта Лелевеля.[2]

Аналогія съ итальянскимъ движеніемъ, наэлектризовавшимъ тогда всю Европу, благодаря героическимъ подвигамъ Гарибальди, возбуждала среди молодежи пламенное сочувствіе къ Польшѣ. Въ прокламаціяхъ „Великорусса“ и общества „Земля и Воля“ освобожденіе Польши выставлялось однимъ изъ важнѣйшихъ программныхъ вопросовъ русской радикальной партіи и въ 1862 г. дѣло дошло до того, что въ одной изъ прокламацій русскимъ офицерамъ и солдатамъ въ Польшѣ предлагалось поднять оружіе противъ русскаго правительства.

Герценъ въ это время дѣлилъ, разумѣется, со всѣмъ передовымъ обществомъ русскимъ сочувствіе къ Польшѣ и искренне желалъ возстановленія свободы и независимости польской національности.[3] Но при всемъ томъ вплоть до пріѣзда Бакунина, онъ проявлялъ по польскому вопросу замѣчательную трезвость мысли и проницательность. Во-первыхъ, онъ желалъ разрѣшенія вопроса мирнымъ путемъ

[1] Невѣдѣнскій, стр. 167. Ср. „За сто лѣтъ“ Бурцева.
[2] Барсуковъ, т. XVI.
[3] Объ отношеніяхъ Герцена къ польскому вопросу см. Драгоманова „Великорусская демократія и историческая Польша“, Невѣдѣнскаго „Катковъ и его время“ и Батуринскаго „Герценъ, его друзья и знакомые“.

и не только не возлагалъ никакихъ надеждъ на успѣхъ возстанія, но опасался также, какъ и Кавелинъ, что возстаніе поведетъ лишь къ взрыву русскаго патріотизма и шовинизма, могущихъ столкнуть и Россію съ пути реформъ на путь реакціи. Во-вторыхъ, онъ предупреждалъ являвшихся къ нему поляковъ, что онъ можетъ сочувствовать лишь крестьянской демократической Польшѣ, но отнюдь не шляхетской аристократической. Наконецъ, онъ совершенно не сочувствовалъ притязаніямъ поляковъ на возстановленіе польскаго королевства въ границахъ 1772 г., т. е. на возвращеніе полякамъ провинцій, населенныхъ малороссами и бѣлоруссами, не имѣвшими никакого стремленія соединяться съ Польшей.[1]

Сочувственное отношеніе къ Польшѣ проявляли въ то время и такіе русскіе патріоты, какъ Погодинъ, Аксаковъ и Ю. Ф. Самаринъ. Погодинъ въ это время написалъ свое довольно наивное увѣщаніе полякамъ по поводу извѣстій о первыхъ безпорядкахъ въ Варшавѣ 18 февраля 1861 г.[2] Аксаковъ полагалъ, что полякамъ слѣдуетъ предоставить полную волю въ границахъ Царства Польскаго и вывести оттуда русскія войска; но когда 10 октября 1861 г. состоялся съѣздъ въ Городлѣ, гдѣ была принята резолюція о возстановленіи Польши въ старыхъ предѣлахъ (1772 г.), то Аксаковъ въ № 2 „Дня“ за 1861 г. написалъ противъ этихъ притязаній поляковъ горячую отповѣдь, причемъ предостерегалъ ихъ, что они этимъ путемъ рискуютъ утратить сочувствіе, которымъ ихъ дѣло пользуется со стороны русскихъ людей. „Мы оставались — писалъ Аксаковъ — чужды доселѣ вашей тяжбѣ съ правительствомъ,“ и признавалъ, что ихъ любовь къ родинѣ могла бы зажечь искру сочувствія во многихъ сердцахъ, если бы не безумныя притязанія на старинныя русскія области.[3] Самаринъ и позже — въ 1863 г. — признавалъ, что полякамъ должна быть гарантирована полная самобытность въ ихъ частномъ и общественномъ быту.[4] Въ 1861 г. даже самъ Катковъ не имѣлъ ничего противъ автономіи Польши въ границахъ конгресувки.[5] „Современникъ“ шелъ въ это время гораздо дальше и славянофиловъ, и Герцена. Близкій къ Чернышевскому человѣкъ, украинофилъ Костомаровъ выразилъ Аксакову рѣзкое порицаніе за вышеупомянутую статью въ „Днѣ“. Вооружась противъ охранительнаго патріотизма Аксакова, онъ писалъ ему въ частномъ письмѣ: „Вы хотите совмѣстить несовмѣстимое, служить Богу и мамонѣ. Хотите государственной цѣльности и проповѣдуете свободу.... Либо поддерживайте государство и тогда сознайте необходимость цензуры, III отдѣленія, Петропавловской крѣпости и совершеннаго порабощенія индивидуальной мысли и убѣжденія волѣ правительства; либо

---

[1] Барсуковъ XVIII, 114 и слѣд.
[2] Тамъ же, стр. 118 и слѣд.
[3] Тамъ же.
[4] „О современномъ объемѣ польскаго вопроса“, „День“ за 1861 г. № 38 (21 сентября), перепечатано въ сочиненіяхъ Самарина т. I, стр. 325. Въ адресѣ самарскаго дворянства, составленномъ Ю. Ф. Самаринымъ, сказано было въ заключеніи: „Мы готовы и оставляемъ за собой мѣсто въ передовой шеренгѣ народной рати; но въ самый разгаръ борьбы, если она начнется, ненависть къ ближайшимъ ея виновникамъ не найдетъ доступа въ наши сердца. Мы не потребуемъ отплаты за расчитанныя оскорбленія и за невинную, коварно пролитую кровь, но сбережемъ для лучшихъ временъ сознаніе нашего племеннаго родства съ поляками. Пусть знаютъ они, что не мы обрадуемъ враговъ славянскаго міра отреченіемъ отъ увѣренности, что рано или поздно благодушіе побѣдитъ озлобленіе, улягутся предубѣжденія, и примиренные поляки протянутъ намъ братскую руку.“ Сочиненія, I, 300.
[5] „Московскія Вѣдомости“ отъ 12 марта 1863 г. № 35.

рискуйте государствомъ, будьте готовы на его разложеніе — если хотите свободы. Россійское государство невозможно безъ самодержавія, а самодержавіе невозможно при свободѣ мысли и слова.“ [1] Костомаровъ требовалъ, чтобы и бѣлоруссамъ, и малороссамъ самимъ было предоставлено выбрать, къ какому государству они желаютъ принадлежать. Эти идеи отстаивалъ въ то время украйнофильскій журналъ „Основа“, издававшійся въ Петербургѣ бывшими членами кирилло-меѳодіевскаго братства, кіевскими панславистами-федералистами Бѣлозерскимъ, Кулешемъ и др. Но особаго переполоху надѣлала въ это время статья Чернышевскаго въ „Современникѣ“ „Національная безтактность“, направленная противъ враждебнаго Польшѣ обособленнаго руссинскаго движенія въ Галиціи, выразителемъ котораго являлась издававшаяся въ Львовѣ русофильская газета „Слово“. Аксаковъ и Ламанскій рѣзко возстали тогда противъ Чернышевскаго въ „Днѣ“. По поводу статьи Ламанскаго Костомаровъ опять написалъ Аксакову очень рѣзкое и даже оскорбительное письмо, въ которомъ, указывая на затруднительность положенія Чернышевскаго въ этой полемикѣ, писалъ между прочимъ: „Если же вы начнете развертывать всѣ папильотки, въ которыя завито то, что подается имъ почтеннѣйшей публикѣ, то результатъ выйдетъ тотъ, что Чернышевскаго посадятъ въ крѣпость, либо пошлютъ въ Вятку, какъ проповѣдника безбожія, соціализма, революціи, а вамъ дадутъ орденъ за разоблаченія зловреднаго ученія.“ Въ высшей степени характерно, что хотя Аксаковъ и отпарировалъ это обвиненіе, но въ глубинѣ души былъ очень смущенъ имъ, что видно изъ письма его къ Блудовой, въ которомъ онъ выражаетъ между прочимъ опасеніе: „какъ бы не вздумали въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь ихъ (т. е. украинофиловъ и „Современника“) преслѣдовать!“ [2]

Электризующее вліяніе западно-европейскаго революціоннаго движенія, особенно въ Италіи, пропаганда польскихъ патріотовъ и революціонеровъ, студенческія волненія и недовольство, вызванное въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, масса новыхъ идей, внесенная за послѣдніе годы въ русское общество кипучей и напряженной популяризаторской дѣятельностью „Современника“ и другихъ нашихъ журналовъ — все это вмѣстѣ взятое вызвало сильное умственное броженіе и дало начало тому неудержимому стремленію впередъ, которое смущенный Никитенко называлъ въ своемъ „Дневникѣ“ прогрессомъ, очертя и сломя голову.

14.

„Въ это время — вспоминаетъ въ своихъ замѣчательныхъ „Запискахъ“ князь П. А. Кропоткинъ — развивалось сильное движеніе среди русской интеллигентной молодежи. Крѣпостное право было отмѣнено. Но два съ половиною вѣка существованія его породило цѣлый міръ привычекъ и обычаевъ, созданныхъ рабствомъ. Тутъ было презрѣніе къ человѣческой личности, деспотизмъ отцовъ, лицемѣрное подчиненіе со стороны женъ, дочерей и сыновей. Въ на-

[1] Барсуковъ, XVIII, стр. 121.
[2] Барсуковъ, XVIII, стр. 135.

началѣ XIX вѣка бытовой деспотизмъ царилъ во всей западной Европѣ. Массу примѣровъ дали Теккерей и Диккенсъ, но нигдѣ онъ не расцвѣлъ такимъ пышнымъ цвѣтомъ, какъ въ Россіи. Вся русская жизнь: въ семьѣ, въ отношеніяхъ начальника къ подчиненному, офицера къ солдату, хозяина къ работнику — была проникнута имъ. Создался цѣлый міръ привычекъ, обычаевъ, способовъ мышленія, предразсудковъ и нравственной трусости, выросшей на почвѣ бездѣлья. Даже лучшіе люди того времени платили широкую дань этимъ нравамъ крѣпостного права. Противъ нихъ законъ былъ безсиленъ. Лишь сильное общественное движеніе, которое нанесло бы ударъ самому корню зла, могло бы преобразовать привычки и обычаи повседневной жизни. И въ Россіи это движеніе, борьба за индивидуальность, приняло гораздо болѣе мощный характеръ и стало болѣе безпощадно въ своемъ отрицаніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Тургеневъ въ своей замѣчательной повѣсти „Отцы и дѣти“ назвалъ его „нигилизмомъ“.[1]

Главнымъ провозвѣстникомъ этой всеобщей, бытовой, общественной и политической эмансипаціи сдѣлался новый петербургскій журналъ „Русское Слово“.

Одинъ изъ симпатичнѣйшихъ современниковъ и участниковъ этого движенія, Н. В. Шелгуновъ, такъ характеризуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ разницу между „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ“: „Современникъ“ былъ чисто политическимъ и соціально-экономическомъ органомъ, и политическое направленіе извѣстнаго оттѣнка давало ему цвѣтъ. Отъ этого и читатели его были по преимуществу политическіе, искавшіе общихъ политическихъ и экономическихъ руководящихъ понятій. „Русское Слово“ не было политическимъ органомъ. Употребляя для характеристики его не совсѣмъ точное, а, главное, затасканное выраженіе, пришлось бы назвать его органомъ нигилистическимъ. Цвѣтъ ему давало крайне отрицательное направленіе, во главѣ котораго выступали Писаревъ и Зайцевъ.“[2]

Принимая эту характеристику, мы должны оговориться, что крайность направленія тутъ сказывалась именно въ вопросахъ эмансипаціи личности отъ всякихъ путъ, предразсудковъ и вѣрованій, что же касается вопросовъ соціально-политическихъ, то въ этомъ отношеніи программа „Современника“ была гораздо радикальнѣе и прямолинейнѣе; для „Русскаго же Слова“ эти вопросы представлялись какъ бы второстепенными и во всякомъ случаѣ не злободневными. Руководители его вѣрили, что какъ только личность будетъ всесторонне эманципирована, такъ эти вопросы разрѣшатся сами собой. Вотъ въ какомъ смыслѣ Шелгуновъ выразился справедливо, говоря, что „Русское Слово“ не было политическимъ органомъ. По политическимъ и особенно по соціальнымъ вопросамъ въ немъ можно было встрѣтить статьи и взгляды, совершенно несогласные между собой и даже другъ другу противорѣчащіе. Точку соприкосновенія между „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ“ можно установить только по вопросамъ эмансипаціи личности; во всемъ остальномъ оба жур-

[1] „Записки“ кн. П. А. Кропоткина, стр. 279.
[2] Шелгуновъ, Сочиненія, т. II, стр. 734.

нала значительно между собой расходились. Первымъ человѣкомъ, ребромъ поставившимъ вопросъ о семейномъ деспотизмѣ и о деспотизмѣ среды, былъ Добролюбовъ. Онъ сдѣлалъ это въ статьяхъ своихъ „Темное царство“ по поводу драмъ Островскаго. „Добролюбовъ пользовался всѣми разнообразными средствами своего замѣчательнаго ума и многосторонняго таланта, чтобы очистить — какъ выразился Шелгуновъ — многовѣковый мусоръ нравственныхъ понятій, накопившійся вѣками. Чтобы раскидать всю эту кучу сильвестровскаго Домостроя требовался могучій работникъ и такимъ могучимъ работникомъ и былъ именно Добролюбовъ.“ Но Добролюбовъ не сосредотивался на этой задачѣ, и прямымъ продолжателемъ его въ этой сферѣ явился Писаревъ, вступившій въ литературу такимъ же юношей 20 лѣтъ, какъ за четыре года передъ нимъ Добролюбовъ. Къ этому времени и въ обществѣ произошло уже значительное движеніе по тому же направленію. „Мы — современники этого перелома, — вспоминаетъ объ этомъ времени Шелгуновъ — стремясь къ личной и общественной свободѣ и работая только для нея, конечно не имѣли времени думать, дѣлаемъ ли мы что-нибудь великое или невеликое Мы просто стремились къ простору и каждый освобождался, гдѣ и какъ онъ могъ и отъ чего ему было нужно. Хотя работа эта была, повидимому, мелкая, такъ сказать единоличная, потому что каждый дѣйствовалъ за свой страхъ и за себя, но именно отъ этого общественное движеніе оказывалось сильнѣе, неудержимѣе, стихійнѣе. Идея свободы, охватившая всѣхъ, проникла повсюду, и совершалось дѣйствительно что-то небывалое и невиданное. Офицеры выходили въ отставку, чтобы завести лавочку или магазинъ бѣлья, чтобы открыть книжную торговлю, заняться издательствомъ или основать журналъ....“ Къ этому же времени относятся первыя попытки женщинъ пріобщиться къ высшему образованію.... „Общество напрягало всѣ силы, чтобы создать себѣ новое независимое положеніе и перенести центръ тяжести общественной иниціативы на себя....“

Само правительство, казалось, понимало законность и цѣлесообразность этого движенія, продавая и закрывая казенные фабрики и заводы, поощряя и поддерживая акціонерныя предпріятія и вообще видимо склоняясь перейти, по крайней мѣрѣ, въ области торговли и промышленности, отъ системы опеки и протекціонизма къ системѣ laisser faire, laisser passer.... Шелгуновъ указываетъ, что въ это время движеніе на столько расширилось и углубилось, что трудно уже было сказать, кто давалъ больше тонъ жизни — печать или общество. Замѣтивъ, что Базарова Тургеневъ списалъ съ живого человѣка и что въ романѣ Чернышевскаго „Что дѣлать?“ семейные идеалы взяты также изъ фактовъ живой жизни, онъ справедливо указываетъ, что „если „Современникъ“, а потомъ „Русское Слово“ находили въ обществѣ такое сочувствіе, то только потому, что говорили обществу то, что оно хотѣло слышать и знать.“ По удостовѣренію Шелгунова, публика очень часто даже шла дальше, стремилась неудержимѣе и, такъ сказать, опережала печать. Пріученная благодаря цензурѣ читать между строкъ, она иногда вычитывала тамъ то, что самъ авторъ совсѣмъ и не думалъ. Вопросами личной

эмансипаціи особенно увлекались тогда молодежь и женщины. Съ „Темнымъ царствомъ“ Добролюбова молодежь носилась „какъ съ откровеніемъ“, а затѣмъ властителемъ ея думъ сдѣлался Писаревъ, который и самъ признавалъ себя представителемъ ея взглядовъ и интересовъ, почему многіе говорили тогда, что если „Современникъ“ журналъ молодого поколѣнія, то „Русское Слово“ — журналъ подрастающаго; враги же этого движенія безъ обиняковъ звали его органомъ мальчишекъ, которыхъ Щедринъ въ то время не признавалъ еще „націей почтенной“.

Начавъ печататься, также какъ Добролюбовъ, еще на школьной скамьѣ, Писаревъ впервые обратилъ на себя общее вниманіе талантливой и дерзкой статьей „Схоластика XIX вѣка“, появившейся въ „Русскомъ Словѣ“ за 1861 годъ. Въ этой статьѣ онъ выступаетъ прежде всего противъ народническихъ стремленій тогдашней передовой литературы, указываетъ на невозможность сближенія съ народомъ для литературы, осмѣиваетъ попытки изданія книжекъ для народа и относится отрицательно даже къ насажденію грамотности. Считая, что на народъ могутъ дѣйствовать непосредственно лишь отдѣльные представители интеллигенціи, какъ напримѣръ помѣщики, фабриканты, управляющіе имѣніями, Писаревъ совѣтуетъ литературѣ оставить въ покоѣ мужика и дѣйствовать вмѣсто того гуманизирующимъ образомъ на тѣхъ, кто можетъ читать журналы. При этомъ „литература во всѣхъ своихъ видоизмѣніяхъ должна бить въ одну точку; она должна всѣми своими силами эманципировать человѣческую личность отъ тѣхъ разнообразныхъ стѣсненій, которыя налагаютъ на нее робость собственной мысли, предразсудки касты, авторитетъ преданія, стремленіе къ общему идеалу и весь тотъ отжившій хламъ, который мѣшаетъ живому человѣку свободно дышать и развиваться во всѣ стороны. . . .“

Задача, поставленная литературѣ въ этихъ словахъ, сдѣлалась программой всей послѣдующей дѣятельности Писарева и Благосвѣтлавскаго „Русскаго Слова“, которому онъ вмѣстѣ съ Зайцевымъ давалъ тонъ. Признавая освобожденіе человѣческой мысли отъ всякихъ предразсудковъ важнѣйшей задачей своего времени, онъ лучшимъ средствомъ къ тому считалъ распространеніе естествознанія. Изученіе природы было въ глазахъ Писарева превосходнымъ тараномъ, разрушающимъ всякій мистицизмъ, всякую метафизику. Говоря объ успѣхахъ естественныхъ наукъ (въ статьѣ о Молешотѣ) онъ съ восторгомъ писалъ: „ничто не построено, но многое собрано, и, главное, многое разрушено. . .“[1] „Естественныя науки — писалъ онъ съ юношескимъ задоромъ въ 1861 г. — не то, что исторія, совсѣмъ не то, хоть Бокль и пытается привести ихъ къ одному знаменателю. Въ исторіи все дѣло въ воззрѣніи, въ гуманной личности самаго писателя; въ естественныхъ наукахъ все дѣло въ фактѣ. . .“[2] „Цѣль естественныхъ наукъ — никакъ не формированіе миросозерцанія. . . . Для естествоиспытателя нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть міросозерцаніе. Если вы думаете, что Фохтъ, Молешотъ и др. подобные имъ имѣютъ міросозерцаніе, то вы сильно ошибаетесь. Эти люди просто

[1] Сочиненія Писарева, т. I, стр. 281.
[2] Тамъ же, I, стр. 310.

настолько сильны умомъ, что откинули всѣ бредни, которыми наслаждались, а подъ часъ и пугали себя окружающія ихъ взрослыя дѣти въ очкахъ, въ парикахъ, съ бородами и бакенбардами. . . .“ [1] И популяризація послѣднихъ результатовъ и выводовъ естествознанія составила одну изъ важнѣйшихъ сторонъ дѣятельности Писарева.

Въ стремленіи освободить человѣческій умъ отъ вліянія чувства, Писаревъ воспиталъ въ себѣ ненависть ко всякой эстетикѣ и принципіально отрицалъ искусство. По натурѣ человѣкъ въ высшей степени чуткій и способный къ воспріятію красоты, признававшій въ противоположность Базорову однимъ изъ неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности непосредственное наслажденіе красотами природы, онъ въ то же время совершенно отрицалъ всякое значеніе живописи, скульптуры, пластики, музыки и признавалъ за первымъ изъ этихъ искусствъ лишь служебную роль иллюстраціи научныхъ изслѣдованій. Почти такую же роль отводилъ онъ и поэзіи. Впрочемъ въ этомъ отношеніи онъ впослѣдствіи сдѣлалъ довольно неожиданное исключеніе для Гете, Шекспира, Байрона и Гейне и призналъ Тургенева, послѣ того, какъ послѣдній создалъ Базарова, за великаго художника слова; но за то онъ съ особеннымъ воодушевленіемъ старался развѣнчать старыхъ литературныхъ боговъ и въ этомъ стремленіи доходилъ до удивительныхъ парадоксовъ, особенно въ критикѣ Пушкина.[2] Занимая въ „Русскомъ Словѣ“ emploi критика, онъ пользовался разборомъ литературныхъ произведеній главнымъ образомъ для разрушенія семейныхъ и бытовыхъ традицій и предразсудковъ. Признавая важнымъ дѣломъ обсужденіе съ этою цѣлью семейныхъ отношеній, онъ указывалъ, что это обсужденіе не должно отнюдь приводить къ составленію новыхъ законовъ семейной нравственности. „Боже упаси! Догматизмъ вреденъ въ такихъ отношеніяхъ, въ которыхъ не должно быть ничего условнаго; въ которыхъ понятіе обязанности должно совершенно уступить мѣсто свободному влеченію и непосредственному чувству.“ [3]

Къ числу путъ, порабощавшихъ человѣческую личность Писаревъ относилъ и идеалы, и всякіе общіе принципы, которымъ люди идейные подчиняли свое поведеніе. Онъ въ принципъ поведенія возводилъ эгоизмъ, причемъ старался доказать, что люди просвѣщенные (мыслящіе реалисты), чуждые всякихъ предразсудковъ, руководясь единственно велѣніями своего эгоизма, всегда придутъ непремѣнно къ общему благу. Въ этомъ стремленіи освободить человѣческую личность отъ подчиненія и служенія какому бы то ни было идеалу заключалось основное отличіе Писарева отъ Чернышевскаго, Добролюбова и прочихъ писателей, примыкавшихъ къ направленію „Современника“. Въ упоминавшемся выше письмѣ къ Герцену по поводу нападенія Чичерина на „Колоколъ“, Чернышевскій, обращаясь къ молодому поколѣнію, совѣтывалъ ему изучать глубоко науки, касающіяся общественнаго устройства, главнымъ образомъ для того, чтобы убѣдиться, что „въ нихъ забыто сердце“ и послѣ того „предать ихъ проклятію“ и, разрушивъ ихъ, „создать новое зданіе“. Это новое

[1] Сочиненія, I, 311.
[2] Томъ V, „Пушкинъ и Бѣлинскій“.
[3] Томъ I, стр. 347.

зданіе должно воплотить истинный христіанскій идеалъ, такъ какъ до тѣхъ поръ „царствовала форма, а не сущность“. Проблески этого идеала Чернышевскій усматривалъ въ идеализированной имъ русской крестьянской общинѣ и въ заключеніе обращался къ молодежи съ такимъ страстнымъ воззваніемъ: „Умрите, если будетъ нужно, — умрите, какъ мученики — умрите за сущность, какъ умирали первые христіане за форму, — умрите за сохраненіе равнаго права каждаго крестьянина на землю — умрите за общинное начало.“ [1] Это писалось въ концѣ 1858 года несомнѣнно при живомъ участіи Добролюбова. Писаревъ же при всемъ его уваженіи къ обоимъ своимъ предшественникамъ — не только не могъ бы присоединиться къ такому воззванію, но долженъ былъ бы съ точки зрѣнія своихъ убѣжденій осудить его самымъ безпощаднымъ образомъ. Это воззваніе осталось ему, можетъ быть, неизвѣстнымъ, но свои мысли по этому предмету онъ выразилъ съ полной ясностью въ критикѣ философскаго ученія П. Л. Лаврова.[2] „Лавровъ — писалъ онъ — требуетъ идеала и цѣли жизни внѣ ея процесса; я вижу въ жизни только процессъ и устраняю цѣль и идеалъ; Лавровъ останавливается предъ аскетомъ съ особеннымъ уваженіемъ; я даю себѣ право пожалѣть объ аскетѣ, какъ пожалѣлъ бы о слѣпомъ, о безрукомъ или о сумашедшемъ. Лавровъ видитъ въ человѣчности какой-то сложный продуктъ разныхъ нравственныхъ спецій и ингредіентовъ; я полагаю, что полнѣйшее проявленіе человѣчности возможно только въ цѣльной личности, развившейся совершенно безъискусственно и самостоятельно, не сдавленной служеніемъ разнымъ идеаламъ, не потратившей силъ на борьбу съ собой.“ [3]

Впослѣдствіи Писаревъ нѣсколько смягчилъ эту свою теорію и призналъ въ статьѣ „Реалисты“ необходимость общей цѣли для осмысленной жизни личности, призналъ существованіе солидарности между людьми и высказывая, что „только мысль можетъ передѣлать и обновить весь строй человѣческой жизни“, указалъ, что „конечная цѣль всего нашего мышленія и всей дѣятельности каждаго честнаго человѣка всетаки состоитъ въ томъ, чтобы разрѣшить навсегда неизбѣжный вопросъ о голодныхъ и раздѣтыхъ людяхъ.“ [4] Тутъ онъ довольно близко подошелъ, повидимому, къ идеямъ „Современника“, но изъ послѣдующаго изложенія видно, что достигнуть разрѣшенія этого вопроса Писаревъ думаетъ не посредствомъ преобразованія тѣхъ или иныхъ учрежденій, а единственно при помощи распространенія знаній: пока капиталистъ необразованъ — онъ піавка, но дайте ему истинное образованіе, сдѣлайте его мыслящимъ реалистомъ и онъ тотчасъ же сдѣлается благодѣтелемъ своихъ рабочихъ, притомъ не на филантропическихъ основаніяхъ (которыя Писаревъ отрицаетъ), а въ качествѣ „разсчетливаго руководителя труда“.[5] Вотъ до какихъ наивностей онъ иногда договаривался при помощи своей панацеи.

Вообще необходимо замѣтить, что при всей разносторонности и начитанности Писарева, при всей силѣ его мысли и блескѣ литера-

[1] Барсуковъ, т. XV, стр. 260.
[2] Лекціи П. Л. Лаврова о философіи, читанныя имъ въ „Пассажѣ“ въ 1861 г., а затѣмъ помѣщенныя въ „Отеч. Зап.“
[3] Писаревъ, I, 369.
[4] Писаревъ, IV, 109.
[5] Писаревъ, IV, 132.

турнаго дарованія, знанія его по многимъ предметамъ были довольно поверхностны, а между тѣмъ это нисколько не удерживало его отъ самыхъ категорическихъ сужденій, и онъ, какъ Базаровъ, „сплеча произноситъ приговоръ надъ незнакомыми ему предметами“.[1] Таково, напримѣръ, его сужденіе о Грановскомъ, о которомъ онъ судитъ видимо по-наслышкѣ.[2]

Въ чемъ же заключался секретъ необыкновеннаго вліянія Писарева на современную ему молодежь и на женщинъ, а, по свидѣтельству многихъ, даже и на послѣдующія поколѣнія? Въ свое время онъ былъ дѣйствительно властителемъ думъ молодежи, а типичная фраза раздраженнаго супруга, часто слышавшаяся въ 60-ые годы: „Ну, матушка, или Писарева читать, или хозяйствомъ заниматься!“ — тоже достаточно краснорѣчива. Нѣкоторые указываютъ, что вліяніе Писарева на молодые умы, продолжавшееся и въ 70-ые и даже въ 80-ые годы, объясняется тѣмъ, что независимо отъ чисто отрицательныхъ его взглядовъ, отъ борьбы его противъ всевозможныхъ авторитетовъ, у него были и положительные взгляды въ сферѣ общественной, составлявшіе симпатическій элементъ его писательской физіономіи.

Мнѣ кажется, что суть дѣла не въ этомъ. Во-первыхъ, въ 70-ые и 80-ые годы Писаревъ уже не былъ властителемъ думъ тогдашней молодежи, и обаяніе его въ это время поддерживалось въ значительной мѣрѣ преданіями о личной трагической судьбѣ молодого писателя, изъ за сущихъ пустяковъ просидѣвшаго 4½ года изъ своей и безъ того короткой жизни въ Петропавловской крѣпости, а еще болѣе и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время онъ принадлежалъ къ числу запрещенныхъ писателей, и сочиненія его, давно разошедшіяся, правительство не разрѣшало переиздать. Я сужу такъ потому, что когда Павленковъ выпустилъ наконецъ 2-ое изданіе въ 1894 г., то интересъ къ Писареву уже изсякъ и теперь мало кто читаетъ его въ средѣ молодежи. Симпатическій элементъ дѣятельности Писарева и секретъ его обаянія въ шестидесятые годы были совершенно иные. Дѣло въ томъ, что боевая, разрушительная сторона дѣятельности Писарева отнюдь не была безпринципной: хотя Писаревъ былъ врагомъ идеала, но у него былъ свой идеалъ, которому онъ посвятилъ всю свою короткую жизнь и всѣ силы своего смѣлаго ума и блестящаго таланта. Этотъ идеалъ былъ свобода, и служеніе ему какъ разъ соотвѣтствовало переживавшемуся моменту.

„Русское Слово“ Писарева въ сущности раздѣлило съ „Современникомъ“ Чернышевскаго и Добролюбова освободительную задачу, и въ этомъ смыслѣ Писаревъ явился продолжателемъ ихъ дѣятельности; первые сосредоточились на преслѣдованіи соціально-политическихъ задачъ, связанныхъ съ освобожденіемъ народа отъ гнета политическихъ и въ особенности соціальныхъ условій, а послѣдній — на освобожденіи личности и человѣческой мысли отъ всякихъ религіозныхъ, бытовыхъ и семейныхъ путъ и предразсудковъ.

---

[1] Писаревъ, II, 393.
[2] Писаревъ, IV, 27—28.

15.

Движеніе, представителемъ и вождемъ котораго явился Писаревъ, съ самаго возникновенія своего вызвало сильную реакцію противъ себя во многихъ органахъ печати прогрессивнаго и либеральнаго направленія.

Мы уже говорили, что радикальное движеніе шестидесятыхъ годовъ имѣло двѣ стороны: одна выражалось въ стремленіи освободить личность отъ всякихъ религіозныхъ, бытовыхъ и семейныхъ путъ; другая — въ стремленіи освободить общество отъ гнета правительства и государства. Первая ближайшимъ образомъ вела за собой борьбу противъ деспотизма отцовъ и мужей, вторая вызывала борьбу съ правительствомъ. И хотя у каждой изъ нихъ былъ свой литературный органъ, тѣмъ не менѣе въ жизни, — а отчасти и въ литературѣ — онѣ смѣшивались и переплетались, соединяясь нерѣдко въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ. Писаревъ не былъ революціонеромъ въ смыслѣ активной борьбы съ правительствомъ. Если онъ попалъ въ крѣпость, то это была просто несчастная и глупая случайность въ его жизни.[1] Но самъ Писаревъ считалъ себя во всякомъ случаѣ человѣкомъ одного лагеря съ Чернышевскимъ; изъ читателей же его многіе были уже настоящими революціонерами и во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того, что ученіе Писарева превосходно подготовляло почву для воспріятія революціонной пропаганды. Тургеневъ въ своемъ Базаровѣ изобразилъ нигилиста-отрицателя въ духѣ Писарева, хотя въ то время, когда Тургеневъ писалъ свой романъ, Писаревъ еще совершенно не былъ извѣстенъ въ литературѣ. Но несмотря на то, что Базаровъ въ романѣ Тургенева не дѣлается активнымъ революціонеромъ, въ немъ чувствуется революціонеръ. Тургеневъ не изобразилъ его революціонеромъ прежде всего потому, что онъ списывалъ свои типы съ дѣйствительной жизни; а романъ „Отцы и дѣти“ онъ задумалъ и началъ писать въ 1860 г., когда активное революціонное движеніе еще и не начиналось. Но самъ Тургеневъ считалъ слова нигилистъ и революціонеръ синонимами; по крайней мѣрѣ въ письмѣ къ К. К. Случевскому, написанномъ (14 апрѣля 1862 г.) въ отвѣтъ на упреки революціонной молодежи, онъ прямо заявилъ, что, гдѣ у него написано: нигилистъ — тамъ надо подразумѣвать: революціонеръ.[2] Публика впрочемъ такъ и поняла Базарова, только одни видѣли въ немъ чуть не апофеозъ революціонера,[3] а другіе — каррикатуру на него.[4] Такихъ людей, правильно понявшихъ и безпристрастно оцѣнившихъ произведеніе Тур-

---

[1] Писаревъ поплатился, какъ извѣстно, за разборъ брошюры Шедо-Феротти (бар. Фиркса) о Герценѣ, напечатанной Баллодомъ въ нелегальной типографіи. Этотъ печальный инцидентъ разсказанъ въ біографіи Писарева, написанной г. Евг. Соловьевымъ, и въ „Исторіи новѣйшей русской литературы“ Скабичевскаго. Брошюра Шедо-Феротти, напечатанная заграницей, была допущена правительствомъ къ свободному обращенію въ Россіи; но никакой критики на нее цензура не допускала, почему и разборъ Писарева, приготовленный первоначально для легальной печати, не могъ быть напечатанъ. Раздосадованный Писаревъ передѣлалъ его въ рѣзкую прокламацію и отдалъ ее Баллоду. Прокламація эта напечатана у Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 48.

[2] Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева, стр. 104.

[3] Въ этомъ Тургенева упрекалъ Катковъ, который не безъ колебаній помѣстилъ этотъ романъ въ своемъ журналѣ. См. „Литературныя воспоминанія“ Тургенева въ собр. сочиненій, т. X, стр. 108 (примѣч.) изд. 2-ое (1884).

[4] Таковъ былъ взглядъ М. А. Антоновича, выраженный имъ въ статьѣ „Асмодей нашихъ дней“ въ № 3 „Современника“ за 1862 г.

генева, какъ Достоевскій и Боткинъ съ одной стороны и Писаревъ съ другой, было очень немного.[1]

„Когда я — пишетъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ — вернулся въ Петербургъ, въ самый день извѣстныхъ пожаровъ Апраксинскаго двора, — слово: „нигилистъ“ уже было подхвачено тысячами голосовъ, и первое восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ перваго знакомаго, встрѣченнаго мною на Невскомъ, было: ‚Посмотрите, что ваши нигилисты дѣлаютъ! Жгутъ Петербургъ!‘“.[2]

Тургеневъ былъ далеко не единственный писатель того времени, пытавшійся дать изображеніе этого типа. Въ то время появилась цѣлая фаланга романовъ, посвященныхъ нигилистическому движенію. Но это были все тенденціозныя произведенія въ реакціонномъ духѣ, вродѣ „Взбаламученнаго моря“ Писемскаго, „Марева“ Ключникова и т. п.[3] Ихъ дѣйствительно можно было назвать пасквилями и карикатурами на молодое поколѣніе. Однако же самый фактъ появленія этихъ романовъ и то впечатлѣніе, которое произвели въ публикѣ „Отцы и дѣти“ Тургенева, показываютъ, какой крупный и жизненный вопросъ въ общественной жизни того времени составляло нарождавшееся революціонное движеніе. Впрочемъ до извѣстныхъ петербургскихъ пожаровъ 1862 г. въ обществѣ и литературѣ многіе относились къ нему иронически. Такъ относилось къ нему „Время“ Достоевскаго въ Петербургѣ, въ которомъ противъ него выступалъ главнымъ образомъ Косица (Н. Н. Страховъ) въ своихъ фельетонахъ, въ формѣ писемъ къ редактору. Гораздо рѣзче и серьезнѣе относился къ нему уже и въ это время Катковъ, который впрочемъ направлялъ свои статьи не столько противъ „Русскаго Слова“, сколько противъ „Современника“.[4]

Герценъ относился къ молодому революціонному движенію недовѣрчиво и полуиронически. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Бакунинѣ онъ самъ разсказываетъ между прочимъ одинъ эпизодъ, какъ въ 1862 г. въ Лондонъ пріѣхалъ „уполномоченный“ тайнаго общества „Земля и Воля“.[5]

„Уполномоченный“ — разсказываетъ Герценъ — былъ полонъ важности своей миссіи и пригласилъ насъ сдѣлаться агентами общества. Я отклонилъ это къ крайнему удивленію не только Бакунина, но и Огарева. Я сказалъ, что мнѣ не нравится это битое французское названіе. Уполномоченный трактовалъ насъ такъ, какъ комиссары конвента 1793 г. трактовали генераловъ въ дальнихъ арміяхъ. Мнѣ это не понравилось.

„А много васъ? — спросилъ я.

„Это трудно сказать: нѣсколько сотъ человѣкъ въ Петербургѣ и тысячи три въ провинціяхъ.“

„Ты вѣришь?“ спросилъ я потомъ Огарева.

---

[1] Срав. письмо Тургенева къ Достоевскому отъ 18 марта 1862 г. Первое собраніе писемъ, стр. 100 и „Литературныя воспоминанія“, стр. 107.

[2] Полное собраніе сочиненій Тургенева, изд. 1884 г., т. X, стр. 102.

[3] „Что дѣлать?“ Чернышевскаго стало печататься лишь въ 1863 г.

[4] Статья Каткова „О нашемъ нигилизмѣ“ (Невѣдѣнскій, стр. 154). Срав. отзывъ В. П. Боткина (Гутьяръ въ „Рус. Старинѣ“ за 1904 г. № 3).

[5] Г. Батуринскій въ своей книгѣ о Герценѣ сообщаетъ, въ примѣчаніи, что этотъ „уполномоченный“ былъ извѣстный поэтъ М. Л. Михайловъ. Но это невозможно: Михайловъ не могъ встрѣтиться въ Лондонѣ съ Бакунинымъ, такъ какъ Бакунинъ прибылъ туда лишь въ самомъ концѣ 1861 г., а Михайловъ былъ въ это время уже арестованъ и осужденъ.

„Огаревъ промолчалъ.

„Ты вѣришь?“ спросилъ я Бакунина.

„Конечно, онъ прибавилъ: ну, нѣтъ теперь столько, такъ будетъ потомъ!“ и онъ расхохотался.

„Это другое дѣло.“

Герцена поразила, какъ видимъ, цифра три тысячи своимъ неправдоподобіемъ, и даже Бакунинъ не рѣшился ее поддержать. Конечно, если „уполномоченный“ разумѣлъ лицъ, формально присоединившихся къ обществу „Земля и Воля“, то названная имъ цифра едва ли можетъ считаться вѣрной; но если онъ говорилъ о лицахъ, на сочувствіе и содѣйствіе которыхъ можно было въ ту минуту болѣе или менѣе разсчитывать, то его цифра можетъ быть была даже слишкомъ скромна. Если въ 1826 г. по дѣлу декабристовъ въ одномъ Петербургѣ было потревожено болѣе 500 лицъ, если въ 1849 г. къ дѣлу петрашевцевъ такъ или иначе было привлечено болѣе 250 лицъ, то что же удивительнаго, что въ 1861—62 гг., въ моментъ наибольшаго общественнаго возбужденія, коснувшагося всѣхъ классовъ общества, могло быть распропагандировано революціонерами по всей Россіи нѣсколько тысячъ лицъ? Въ Петербургѣ „уполномоченный“ скромно считалъ своими всего нѣсколько сотъ. Если онъ имѣлъ въ виду тѣхъ, которые участвовали со студентами въ процессіи на Колокольную улицу къ Филиппсону и тѣхъ, которые устроили овацію проф. Павлову, и скандалъ въ Костомаровскомъ вольномъ университетѣ, онъ не ошибался, и во всякомъ случаѣ не преувеличивалъ. Но само общество „Земли и Воли“ по всѣмъ вѣроятіямъ состояло въ это время изъ десятковъ, но никакъ не сотенъ и не тысячъ членовъ.[1] Рядомъ съ нимъ и повидимому независимо отъ него дѣйствовали распространители „золотыхъ грамотъ“ среди крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ. Возникали и другіе революціонные кружки, независимые отъ общества „Земля и Воля“ и даже ему неизвѣстные, какъ напримѣръ кружокъ московскихъ студентовъ Зайчневскаго и Аргиропуло, занимавшихся распространеніемъ „золотыхъ грамотъ“ въ народѣ и выпустившихъ въ свѣтъ лѣтомъ 1862 г. знаменитую прокламацію „Молодая Россія“, которая проповѣдывала безпощадную рѣзню и сама появилась въ Петербургѣ какъ разъ во время пожаровъ, почему и была поставлена съ ними въ связь тѣми лицами, которыя были увѣрены, что Петербургъ жгутъ „нигилисты“.[2]

[1] См. интересныя воспоминанія объ обществѣ „Земля и Воля“ Л. Ф. Пантелѣева въ газетѣ „Наша Жизнь“ за 1904 г. №№ 5 и 8.

[2] Авторъ прокламаціи „Молодая Россія“ П. Г. Зайчневскій принадлежалъ къ типу непримиримыхъ революціонеровъ, будучи въ то же время по характеру добродушнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ былъ сынъ генерала (мать его рожд. княжна Юсупова). 19 лѣтъ онъ былъ арестованъ за распространеніе „Золотой грамоты“ въ имѣніи своего отца (Орловской губ.) и тутъ же составилъ свою знаменитую прокламацію. Это обстоятельство осталось начальству неизвѣстнымъ. Осужденъ онъ былъ за пропаганду среди крестьянъ съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія на поселеніе въ Сибирь, откуда вернулся и былъ возстановленъ въ правахъ въ 1869 г. Чрезъ нѣсколько лѣтъ вновь попался въ революціонной пропагандѣ и былъ сосланъ на 5 лѣтъ въ Сѣверн. губерніи. Вернувшись оттуда, онъ черезъ нѣсколько лѣтъ вновь былъ арестованъ (1890 г.) и сосланъ на 5 лѣтъ въ восточную Сибирь. Вернувшись оттуда въ 1896 г., онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ въ Смоленскѣ въ большой нуждѣ, окруженный нѣсколькими преданными ему почитателями и учениками. П. Г. Зайчневскій до старости остался вѣренъ усвоеннымъ имъ въ юности якобинскимъ принципамъ. Человѣкъ въ высшей степени обаятельный, образованный и даровитый, онъ стоитъ, однако, въ русскомъ революціонномъ движеніи совершенно особнякомъ, не играя въ немъ никакой вліятельной роли. Прокламація „Молодая Россія“ напечатана у Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 40—46 и у Базилевскаго „Революціонная журналистика шестидесятыхъ годовъ“, стр 56 и слѣд. Въ ней вся Россія дѣлится на двѣ партіи: партія угнетаемыхъ — народная партія, во главѣ которой должна стать передовая молодежь; партія угнетателей и эксплоататоровъ — императорская партія. Выходъ изъ гнетущаго положенія, въ которомъ находится Россія, одинъ — революція, „революція, кровавая, неумолимая революція, которая должна измѣнить радикально всѣ, всѣ безъ исключенія основы современнаго

Правительство чутко слѣдило за всѣми проявленіями общественнаго недовольства и было очень смущено ими. Когда послѣ Бездненской бойни казанскіе студенты служили панихиду по убитымъ въ Бездиѣ крестьянамъ, то Александръ собственноручной резолюціей приказалъ арестовать проф. Щапова, сказавшаго послѣ панихиды рѣчь, а двухъ монаховъ, служившихъ панихиду, сослать въ Соловки. Нѣкоторые реакціонеры пытались, пользуясь своими связами въ высшихъ сферахъ, и Щапова упрятать туда же; но это имъ тогда не удалось. За Щапова заступился казанскій попечитель кн. П. П. Вяземскій, и Валуевъ принялъ его на службу въ министерство внутр. дѣлъ. Когда появились прокламаціи „Великоруссъ“ и „Къ молодому поколѣнію“ (лѣтомъ 1861 г.), а вслѣдъ затѣмъ произошли студенческія волненія, то гр. Путятинъ ставилъ тѣ и другія въ связь и, какъ мы видѣли, забилъ тревогу объ опасности, грозящей государству и „даже династіи“.[1] Въ качествѣ распространителей этихъ прокламацій были тогда арестованы извѣстный поэтъ и проповѣдникъ эмансипаціи женщинъ М. Л. Михайловъ и молодой образованный офицеръ Измайловскаго полка, пріятель Чернышевскаго, В. А. Обручевъ. Оба они были преданы суду и осуждены на нѣсколько лѣтъ въ каторжную работу.[2] Публичное произнесеніе приговора надъ Обручевымъ пришлось черезъ нѣсколько дней послѣ пожара Апраксинскаго рынка (31 мая 1862 г.), и возбужденная толпа, окружавшая эшафотъ, выражала звѣрское желаніе, „чтобы Обручеву отрубили голову, или наказали кнутомъ, или по крайней мѣрѣ повѣсили на позорномъ столбѣ внизъ головой за то, что смѣлъ итти противъ царя...“[3]

Пожары въ Петербургѣ начались 16 мая 1862 г. 22 и 23 числа выгорѣли: Большая и Малая Охта, а затѣмъ огромное количество домовъ на Ямской — весь четырехугольникъ между Кобыльской ул. и Лиговкой, отъ церкви Іанна Предтечи до Глазова моста. Въ народѣ

общества и погубить сторонниковъ нынѣшняго порядка.“ „Мы не страшимся ея — писали ея авторы — хотя и знаемъ, что прольются рѣки крови, что погибнутъ можетъ быть и невинныя жертвы, мы предвидимъ все это и всетаки привѣтствуемъ ея наступленіе; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорѣе она, давно желанная!...“ Имѣется въ виду устроить федеративный коммунистическій строй: общественное землевладѣніе, общественныя фабрики и лавки, общественное воспитаніе дѣтей. Требуется уничтоженіе брака, „какъ явленія въ высшей степени безправственнаго и немыслимаго при полномъ равенствѣ половъ, а слѣдовательно и уничтоженіе семьи, препятствующей развитію человѣка, и безъ котораго немыслимо уничтоженіе наслѣдства“. Проведеніе всей этой программы предполагается якобинскимъ путемъ и хотя учреждается выборное національное собраніе, но выборы должны происходить подъ контролемъ и вліяніемъ якобинскаго правительства. При исполненіи этой программы возлагается надежда на народъ и въ особенности на старообрядцевъ, но иниціатива возлагается на молодежь и на войско (!). Прежде всего предполагается походъ на Зимній дворецъ и истребленіе всѣхъ, живущихъ въ немъ во имя „соціальной демократической республики русской“. Если императорская партія будетъ защищать дворецъ, то ударить на нея „въ топоры“ „Тогда бой императорскую партію, не жалѣя, какъ она не жалѣетъ насъ теперь, бей на площадяхъ, если эта подлая сволочь осмѣлится выйти на нихъ, бей въ домахъ, бей въ тѣсныхъ переулкахъ городовъ, бей на широкихъ улицахъ столицъ, бей по деревнямъ и селамъ! — Помни, что тогда, кто будетъ не съ нами, тотъ врагъ нашъ, а враговъ слѣдуетъ истреблять всѣми способами. Но не забывай при каждой новой побѣдѣ, во время каждаго боя, повторять: „да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!“ А если возстаніе не удастся, если придется намъ поплатиться жизнью за дерзкую попытку дать человѣку человѣческія права, пойдемъ на эшафотъ петрепетно, безстрашно и, кладя голову на плоху или влагая ее въ петлю, повторимъ тотъ же великій крикъ: „да здравствуетъ соціально-демократическая республика русская!“

Срав. воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева въ газетѣ „Наша Жизнь“ за 1904 г. №№ 12, 17 и 25.

[1] Вышеупомянутое письмо гр. Путятина къ Филарету. Барсуковъ, н. с. XVIII, 242.

[2] Михайловъ умеръ въ Сибири въ 1865 г. Свѣдѣнія о немъ въ воспоминаніяхъ Шелгунова, Стасова (о Н. В. Стасовой), у Базилевскаго н. с. стр. 1 и сл., а также въ словарѣ Брокгауза и Эфрона. Герценъ въ „Колоколѣ“ за 1862 г. (№ 131) разсказываетъ, какъ ему удалось узнать отъ одного сенатора, какъ держалъ себя на судѣ Михайловъ. Онъ поразилъ ихъ откровенностью, дерзостью и прямотой отвѣтовъ. „C'est du Robespierre“, говорили они. Въ запискахъ Кропоткина имѣются свѣдѣнія о жизни Михайлова въ Сибири. В. А. Обручевъ, отбывъ ссылку, былъ возстановленъ въ правахъ и въ настоящее время служитъ въ морскомъ министерствѣ въ чинѣ генералъ-майора.

[3] Воспоминанія Л. Ф. Пантелѣева, въ Сборникѣ „На славномъ посту“, стр. 318. Базилевскій „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX в.“. I. Стр. 199 и 201.

прочно укоренилась мысль о поджогѣ. Публика начала волноваться. „Прошло четыре дня передышки, какъ вдругъ запылалъ Апраксинъ дворъ и выгорѣло все пространство между Чернышовымъ и Апраксинымъ переулками, а по другую сторону Фонтанки — между Чернышевымъ и Щербаковымъ и значительная часть Троицкаго переулка. Трудно вообразить себѣ — пишетъ очевидецъ — весь ужасъ этого дня, всю массу обездоленнаго люда.“ [1]

Въ народѣ ходили о пожарахъ и поджигателяхъ самые изумительные и нелѣпые слухи; многіе обвиняли въ поджогахъ поляковъ, но большинство указывало, какъ на виновниковъ бѣдствія, на студентовъ. Молва объ этомъ проникла даже въ газеты. Многіе бросились писать въ защиту студентовъ, даже такіе люди, какъ реакціонеръ проф. Д. И. Иловайскій, спѣшили сказать свое слово въ защиту молодежи отъ безсмысленныхъ обвиненій. Однако мысль о связи прокламацій съ пожарами смущала многихъ. Катковъ въ „Современной Лѣтописи“ также высказалъ это предположеніе. Тогда оффиціальный „Journal de St. Pétersbourg“ поспѣшилъ сообщеніемъ, что слѣдственные розыски не указали ни на малѣйшее участіе въ этомъ бѣдствіи руки какихъ бы то ни было политическихъ агитаторовъ.[2] Розыски производились самымъ энергичнымъ образомъ и поджигателей велѣно было судить полевымъ судомъ, по законом военнаго времени. Л. Ф. Пантелѣевъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ при этихъ условіяхъ чуть-чуть не былъ разстрѣлянъ человѣкъ, который впослѣдствіи доказалъ съ очевидностью полную свою неприкосновенность къ этимъ происшествіямъ. Противъ нѣкоторыхъ арестованныхъ изъ среды молодежи были на первый взглядъ подавляющія улики. Счастье, что генералъ-губернаторомъ въ Петербургѣ былъ въ это время гуманный и совѣстливый человѣкъ князь А. А. Суворовъ! Въ терроризованной публикѣ и даже среди членовъ слѣдственной комиссіи начинались уже въ это время толки о необходимости пытки!

Въ Петербургѣ учрежденъ былъ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Зиновьева для „изысканія и принятія чрезвычайныхъ, наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ къ охраненію безопасности столицы“.

Однако настоящая причина пожаровъ такъ и осталась невыясненной. Между тѣмъ правительство, встревоженное пожарами и прокламаціями, рѣшилось само вступить на путь террора. Послѣдовали многочисленные аресты. Въ числѣ прочихъ арестованы были и преданы суду по обвиненію въ составленіи и распространеніи прокламацій Чернышевскій и Николай Серно-Соловьевичъ.[3] Чернышевскій упорно отрицалъ на судѣ свое участіе въ этомъ дѣлѣ.

[1] Тамъ же, стр. 317. Срав. воспоминанія Головачевой-Панаевой, стр. 372 и слѣд. Великолѣпное описаніе пожара Апраксинскаго рынка и всего, что за нимъ послѣдовало, имѣется въ запискахъ кн. Кропоткина (148—155).

[2] Невѣдѣнскій. „Катковъ и его время“, стр. 137. Кропоткинъ разсказываетъ, что сенаторъ Ждановъ, посланный въ Саратовъ (не Симбирскъ ли?) послѣ бывшаго тамъ (какъ и въ другихъ поволжскихъ городахъ) страшнаго пожара, будто бы выяснилъ, что саратовскій пожаръ былъ дѣломъ не революціонной, а, напротивъ реакціонной партіи. На возвратномъ пути Ждановъ внезапно умеръ дорогой, а портфель съ его бумагами исчезъ неизвѣстно куда и уже никогда не былъ отысканъ. (Записки, стр. 155.)

[3] Арестъ Чернышевскаго и Серно-Соловьевича послѣдовалъ собственно вслѣдствіе перехваченнаго письма Герцена къ Серно-Соловьевичу, въ которомъ упоминалось вскользь о возможности издавать „Современникъ“ заграницей. (См. сенаторскую записку о дѣлѣ Чернышевскаго, напечатанную у Бурцева „За сто лѣтъ“, стр. 70—83 и у Базилевскаго „Револ. журналистика 60-хъ гг.“, стр. 93 и сл.

Повидимому обвиненію его болѣе всего способствовалъ предатель Всеволодъ Костомаровъ. Это былъ офицеръ (племянникъ профессора Н. И. Костомарова), причастный къ литературѣ, главнымъ образомъ въ качествѣ переводчика. Онъ вращался въ кругахъ, близкихъ къ редакціи „Современника“, въ 1861 г. принялъ какое-то участіе въ печатаніи и распространеніи прокламацій, былъ арестованъ и по суду разжалованъ въ солдаты. Это его озлобило и онъ въ письмѣ, адресованномъ къ писателю Соколову „до востребованія“, перехваченномъ полиціей, обвинялъ въ своемъ несчастіи знакомыхъ своихъ литераторовъ, Чернышевскаго и Шелгунова, которые и поплатились за знакомство съ нимъ. Чернышевскому между прочимъ предъявлена была найденная у Костомарова записка такого содержанія: „Вмѣсто срочно-обязанные (какъ это по непростительной оплошности поставлено у меня), наберите вездѣ временно-обязанные, какъ это называется въ положеніяхъ. Вашъ Чер.“ Чернышевскій отрицалъ подлинность этой записки и предлагалъ доказать это при помощи увеличительнаго стекла сличеніемъ отдѣльныхъ буквъ съ его почеркомъ. Но это не помогло. Секретари-эксперты увѣрили судъ, что значительная часть буквъ въ этой запискѣ тождественна съ почеркомъ Чернышевскаго, и сенатъ призналъ ее достаточной уликой. Въ связи съ другимъ письмомъ какому-то Алексѣю Николаевичу (предполагалось Плещееву), которое было доставлено въ сенатъ изъ III отдѣленія и которое Чернышевскій также не признавалъ своимъ, хотя по сличенію почерковъ сенатъ призналъ и это письмо, писаннымъ его рукой. Въ этомъ письмѣ говорится о тайномъ печатаніи какихъ-то статей въ Москвѣ и упоминается о необходимости, соблюдать осторожность въ сношеніяхъ съ Сулинымъ и Сорокой (тогда же арестованными въ Москвѣ съ типографіей), а также и съ Костомаровымъ (Всев.). Авторъ письма побуждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ адресата быть болѣе энергичнымъ въ своей дѣятельности и имѣть больше вѣры въ успѣхъ общаго ихъ дѣла.[1] Откуда попало это письмо въ III отдѣленіе, — изъ дѣла не видно. Костомаровъ показалъ, что перу Чернышевскаго принадлежало выпущенное имъ въ 1861 г. воззваніе „Къ барскимъ крестьянамъ“. Были еще показанія нѣкоего мѣщанина Яковлева, темной личности, повидимому шпіона III отдѣленія. Писатели 60-хъ годовъ, знавшіе лично Чернышевскаго, сохранили воспоминаніе о Всеволодѣ Костомаровѣ, какъ о гнусномъ предателѣ.[2] Здѣсь не мѣшаетъ напомнить, что Ф. М. Достоевскій, относившійся съ ненавистью къ нигилистическому движенію 60-хъ годовъ, писалъ въ 70-хъ годахъ въ „Дневникѣ писателя“, вспоминая свое знакомство съ Чернышевскимъ, что онъ безусловно не вѣритъ обвиненію Чернышевскаго въ составленіи прокламацій.[3]

---

[1] Письмо это см. у Бурцева, н. с. стр. 78 и у Базилевскаго н. соч. стр. 100—101.

[2] Срав. воспоминанія Н. В. Шелгунова, соч. т. II, стр. 725.

[3] Ср. „Матеріалы для жизнеописанія Ф. М. Достоевскаго“, въ I томѣ собр. соч., 1883 г., стр. 173—174. Такъ же отнесся къ осужденію Чернышевскаго и Никитенко. Онъ спрашивалъ родственника своего сенатора М. Н. Любощинскаго, каково его мнѣніе объ этомъ процессѣ, на что тотъ отвѣтилъ, что полныхъ юридическихъ доказательствъ противъ Чернышевскаго нѣтъ, но „моральное убѣжденіе“ прямо противъ него. (Разговоръ записанъ подъ 21 мая 1864 г.) Кропоткинъ разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ“, что ему въ 1863 г. одинъ штатскій генералъ объяснялъ, что хотя Чернышевскій не сдѣлалъ ничего особеннаго, но что его арестовали потому, что нашли, что человѣкъ такой талантливый и съ такимъ вліяніемъ на молодежь, какъ онъ est „intolérable dans un état bien ordonné“ (Записки, стр. 186.) Въ настоящее время по случаю пятнадцатилѣтія со дня смерти Чернышевскаго, объ этомъ дѣлѣ появились въ газетахъ любопытныя воспоминанія В. С. Соловьева и г. Плещеева (сына поэта).

Однимъ изъ второстепенныхъ обвиненій, выставленныхъ противъ Чернышевскаго, были и его сношенія съ лондонскими эмигрантами, но въ этомъ онъ былъ оправданъ. Въ результатѣ Чернышевскій былъ приговоренъ къ потерѣ всѣхъ правъ состоянія и 14-тилѣтней каторгѣ. Императоръ Александръ имѣлъ непостижимую жестокость допустить приведеніе въ исполненіе этого свирѣпаго и позорнаго приговора, съ измѣненіемъ лишь срока каторжныхъ работъ съ 14 на семь лѣтъ. Ссылка Чернышевскаго останется навсегда однимъ изъ самыхъ темныхъ пятенъ на нашемъ правительствѣ 60-хъ гг.

За сношеніе съ Герценомъ былъ въ это время привлеченъ къ суду даже И. С. Тургеневъ, но его дѣло послѣ письма, отправленнаго имъ къ самому императору Александру, кончилось, какъ извѣстно, ничѣмъ.[1] Правительство, смотрѣвшее до тѣхъ поръ сквозь пальцы на распространеніе „Колокола“ и на постоянные визиты русскихъ путешественниковъ къ Герцену, вдругъ проявило строгость и въ этомъ отношеніи. За визитъ къ Герцену арестованъ былъ въ это время извѣстный дѣятель литературы В. П. Гаевскій. Въ числѣ пострадавшихъ оказались два сына Я. И. Ростовцева, молодые и блестящіе флигель-адъютанты. Они оба были уволены въ отставку и, не взирая на заслуги отца, бюстъ котораго до конца жизни императора Александра украшалъ его кабинетъ, навсегда потеряли карьеру.

Но всего болѣе пугали правительство прокламаціи, изданныя въ Россіи. Для предупрежденія ихъ появленія въ будущемъ изданы были особыя правила о надзорѣ за типографіями, литографіями и т. п. заведеніями (утв. 14 мая 1862 г.). Въ мотивахъ къ этимъ правиламъ сказано между прочимъ: „съ нѣкотораго время начали распространяться у насъ возмутительныя сочиненія, выходящія не только изъ заграничныхъ русскихъ типографій, но и неизвѣстно гдѣ печатаемыя. Хотя эти явленія, не представляющія по своей исключительности ничего общаго съ направленіемъ умовъ благомыслящей части публики, имѣютъ въ глазахъ правительства значеніе единственно какъ нарушеніе полицейскаго порядка, тѣмъ не менѣе нельзя не убѣдиться, что причина ихъ лежитъ въ неполнотѣ существующихъ по части книгопечатанія постановленій.“

„Эти правила — замѣчаетъ Л. Ф. Пантелѣевъ — однако не помѣшали появленію прокламацій; кажется, въ началѣ сентября (1862 г.) вышелъ листокъ „Къ образованнымъ классамъ“ и вслѣдъ за нимъ нѣсколько №№ „Земли и Воли“.“[2]

Герценъ, несочувствовавшій содержанію и тону нѣкоторыхъ прокламацій, старался сгладить произведенное ими на общество впечатлѣніе. „Чего испугались? чего испугались? — писалъ онъ послѣ появленія „Молодой Россіи“ — народъ этихъ словъ не понимаетъ и готовъ растерзать тѣхъ, кто ихъ произноситъ.... Крови отъ нихъ ни капли не пролилось, а если прольется, то это будетъ ихъ кровь — юношей-фанатиковъ.“ На ряду съ составителями и распространителями прокламацій въ 1862 г. потерпѣли воскресныя школы, от-

[1] Срав. „Первое собраніе его писемъ“, а также у Батуринскаго, стр. 214.
[2] Сборн. „На славномъ посту“. Воспоминанія Пантелѣева, стр. 321. См. эти прокламаціи у Базилевскаго „Револ. журналистика 60-хъ гг.“, стр. 69 и 26—30.

крывавшіяся повсюду частными лицами, профессорами, офицерами при полкахъ, священниками, свѣтскими дамами и скромными дѣвушками, стремившимися съ огромнымъ энтузіазмомъ внести свою лепту въ дѣло народнаго просвѣщенія. Теперь, такъ какъ въ нѣкоторыхъ изъ такихъ школъ были обнаружены слѣды революціонной или нигилистической пропаганды, то всѣ они безъ исключенія были закрыты. Такъ кончилось это первое поверхностное и неорганизованное, но прекрасное по своей искренности и силѣ движеніе русскаго образованнаго общества къ народу.[1]

Въ Петербургѣ былъ кромѣ того закрытъ шахматный клубъ, такъ какъ члены его обнаружили стремленіе вмѣсто танцевъ и картъ заниматься бесѣдами на злободневныя темы.[2]

Но преслѣдованіе не ограничилось арестами и ссылками дѣйствительныхъ и мнимыхъ составителей и распространителей прокламацій. Усматривая нѣкую духовную связь между революціоннымъ движеніемъ и легальной пропагандой радикальныхъ идей „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ“, правительство рѣшилось принять рядъ репрессивныхъ и охранительныхъ мѣръ и въ отношеніи легальной печати. „Современникъ“ и „Русское Слово“ были пріостановлены на 8 мѣсяцевъ.[3] Подозрительное и враждебное отношеніе правительства къ обоимъ этимъ журналамъ сказывалось и раньше. „Современникъ“ уже въ мартѣ 1861 г. получилъ формальное предостереженіе, что онъ будетъ закрытъ, если не измѣнитъ своего направленія.[4] „Русское Слово“ обратило на себя вниманіе правительства еще въ октябрѣ 1860 г. одной статьей, въ которой сказано было, что Гоголь до тѣхъ поръ пользовался уваженіемъ публики, пока не началъ „воскурять ѳиміамъ царю небесному и царю земному“. Александръ на это будто бы сказалъ: „Что́ обо мнѣ говорятъ, я на то не обращаю вниманія. Нельзя всѣми быть любиму: одни любятъ, другіе — нѣтъ. Цари земные бываютъ съ ошибками. Но о царѣ небесномъ нельзя такъ отзываться.“ Въ результатѣ издателю журнала гр. Кушелеву вымыли голову, а цензоръ Ярославцевъ потерялъ мѣсто.[5]

Въ ноябрѣ 1861 г. Никитенко, членъ главнаго управленія по дѣламъ печати, профессоръ и литераторъ, бывшій оффиціальнымъ редакторомъ „Современника“ при Бѣлинскомъ и считавшійся и теперь въ числѣ либераловъ, составилъ записку о направленіи „Современника“ и „Русскаго Слова“, имѣвшую для судьбы этихъ журналовъ немаловажное значеніе. Положительный вредъ распространенія ихъ онъ усматривалъ въ томъ, что они пріобрѣли особый вѣсъ и значеніе „между юношами въ учебныхъ заведеніяхъ, въ университетахъ, въ старшихъ классахъ гимназій и даже въ военныхъ корпусахъ. Можно безъ преувеличенія сказать — писалъ Никитенко — что настоящее молодое поколѣніе большей частью воспитывается на

[1] Возникновеніе и закрытіе воскресныхъ школъ описано въ воспоминаніяхъ В. В. Стасова и его сестры Н. В. Стасовой; въ запискахъ кн. Кропоткина, въ воспоминаніяхъ Л. Ф. Пантелѣева, Панаевой-Головачевой, у Базилевскаго „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.“, стр. 201.

[2] Воспоминанія Пантелѣева въ сборн. „На славномъ посту“, Базилевскій н. соч. стр. 203.

[3] Одновременно съ ними былъ совершенно закрытъ и Аксаковскій „День“; но онъ былъ закрытъ просто за рѣзкость тона и несоблюденіе цензурныхъ правилъ. Осенью того же года Аксакову разрѣшено было возобновить изданіе „Дня“ по прежней программѣ.

[4] Никитенко. „Записки и Дневникъ“, II, 250.

[5] Тамъ же, 228, 231.

идеяхъ „Колокола“, Современника“ и довершаетъ свое воспитаніе на идеяхъ „Русскаго Слова“.[1]

Почтенный профессоръ самъ каялся впослѣдствіи въ своемъ „Дневникѣ“, что онъ перестарался, дѣлая свой докладъ съ излишней горячностью. Онъ признается, что на него особенно подѣйствовали при этомъ статьи Писарева „Схоластика XIX в.“ и „Процессы жизни“.[2]

21 декабря извѣстный московскій литераторъ Мельгуновъ съ ужасомъ писалъ Шевыреву: „Представь, есть люди, которые печатно перещеголяли Чернышевскаго. Онъ теперь уже чуть не отсталый....“[3]

Когда „Современникъ“ и „Русское Слово“ были пріостановлены, другіе журналы либеральнаго направленія и въ особенности „Время“ Достоевскаго пріостановили свои нападки на нигилистовъ. Но когда въ началѣ 1863 г. опальные журналы были опять возстановлены, то и походъ противъ нигилистовъ возобновился съ новой силой. Козломъ отпущенія по прежнему чаще всего служилъ Тургеневскій Базаровъ; но при этомъ въ отношеніяхъ между „Современникомъ“ и „Русскимъ Словомъ“ произошла весьма знаменательная перемѣна. Въ то время, какъ Писаревъ открыто призналъ себя нигилистомъ и расхвалилъ Тургенева за честное и безпристрастное изображеніе этого типа, „Современникъ“ рѣшительно отказывался отъ всякой съ нимъ солидарности и продолжалъ видѣть въ Базаровѣ лишь злостную карикатуру на молодое поколѣніе. Антоновичъ и Салтыковъ съ необыкновенной рѣзкостью и даже грубостью обрушились на главныхъ представителей „Русскаго Слова“ — Писарева и Зайцева. Писаревъ и Зайцевъ не остались въ долгу и между ними затянулась на нѣсколько лѣтъ страшная, братоубійственная война, по характеру своему могущая напомнить современную намъ не менѣе братоубійственную распрю между марксистами и народниками, наполнившую собой передовые журналы 90-хъ годовъ. Но перемѣна въ настроеніи „Современника“ этимъ не ограничилась. Хотя онъ печаталъ въ 1863 г. на своихъ страницахъ знаменитый романъ „Что дѣлать?“, написанный Чернышевскимъ въ крѣпости, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица тѣ же мыслящіе реалисты Писарева, однако Салтыковъ, правда, осторожно и съ непривычными для него реверансами, далъ таки понять публикѣ, что отнюдь не принадлежитъ къ поклонникамъ этого романа. „Авторъ этого романа — писалъ тогда Салтыковъ — безъ сомнѣнія обладалъ своей мыслью вполнѣ, но именно потому-то, что онъ страстно относился къ ней, что онъ представлялъ ее себѣ живой и воплощенной, онъ и не могъ избѣжать нѣкоторой произвольной регламентаціи подробностей, а именно тѣхъ подробностей, для предугаданія и изображенія которыхъ дѣйствительность не представляетъ еще достаточныхъ данныхъ. Для всякаго разумнаго человѣка это фактъ совершенно ясный и всякій разумный человѣкъ, читая упомянутый выше

[1] „Русск. Архивъ“ за 1895 г. № 2. (Записка Никитенка.)
[2] „Дневникъ и Записки“, II, 282.
[3] Барсуковъ, т. XVIII, стр. 485. Впрочемъ, самъ Писаревъ этого вовсе не думалъ о Чернышевскомъ, ни тогда, ни впослѣдствіи. Напротивъ, онъ неоднократно заявлялъ о своей солидарности съ нимъ; а въ статьѣ „Реалисты“ поставилъ его даже во главѣ современной русской литературы.

романъ, сумѣетъ отличить живую и разумную его идею отъ сочиненныхъ и только портящихъ дѣло подробностей." Далѣе Салтыковъ обрушивается за непониманіе этого на „вислоухихъ", какъ онъ любилъ называть сотрудниковъ „Русскаго Слова". Однако, нѣкоторый разладъ, чувствовавшійся въ приведенныхъ строкахъ Салтыкова, между нимъ и Чернышевскимъ въ отношеніи идеаловъ будущей семейной морали и жизни, очень тонко подмѣченъ былъ и писателями „Русскаго Слова", и враждебнымъ нигилистамъ критикомъ „Времени" г. Косицей, т. е. Страховымъ.[1] Послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ Салтыковымъ и Антоновичемъ, Писаревъ не безъ основанія сталъ различать новую редакцію „Современника" отъ прежней. Новая редакція сохранила общественныя и политическія идеи Чернышевскаго, но очень быстро утратила тѣ нигилистическія черты, которыя были присущи Чернышевскому въ вопросахъ морали и эстетики и которыя позволяли Писареву считать себя его продолжателемъ.

16.

Параллельно съ описанными зачатками революціоннаго движенія въ Россіи неудержимо росло и развивалось революціонное движеніе въ Польшѣ. Правительство оказалось и тамъ захваченнымъ совершенно въ расплохъ. Намѣстникъ кн. Горчаковъ, столь храбро и настойчиво дѣйствовавшій въ 1859 г. по отношенію къ беззащитному Огризко и его журналу въ Петербургѣ, при первыхъ же волненіяхъ въ Варшавѣ совершенно растерялся.[2] Александръ, не расположенный къ уступкамъ и желавшій рѣзкой и энергичной политики, не рѣшался, однако, отозвать Горчакова и замѣнить его болѣе энергичнымъ и толковымъ правителемъ. Поляки, выставлявшіе въ 1856 г. очень скромныя требованія, не простиравшіяся даже до выполненія органическаго статута 1832 г., даннаго, но не исполненнаго Николаемъ, теперь уже не признавали достаточнымъ даже возвращеніе къ конституціи 1815 г. и требовали возстановленія Польши въ границахъ 1772 г.[3] Не имѣя никакой опредѣленной программы, русское правительство ухватилось теперь за первую логично обоснованную программу, которая ему была предложена въ запискѣ статсъ-секретаря Эноха, и проводить которую взялся маркизъ Велепольскій. Программа эта исходила изъ искренней преданности русскому престолу, но требовала обоснованія управленія страной на моральной связи съ какими-либо элементами польскаго народа. Маркизъ Велепольскій предложилъ опереться на среднее сословіе, на интеллигенцію страны, для чего обезпечить ей автономію во внутреннемъ управленіи и либеральныя учрежденія. Цѣлью его политики было возстановленіе конституціи 1815 г. съ присоединеніемъ къ этому освобожденія крестьянъ отъ панщизны и вотчинной власти помѣщи-

[1] Его статьи противъ нигилистовъ изданы въ 1895 г. отдѣльнымъ изданіемъ. Срав. также его воспоминанія объ этомъ въ I т. собр. сочиненій Достоевскаго, изд. 1883 г.

[2] Татищевъ, п. с. I, 422 и слѣд.

[3] Срав. Спасовича „Жизнь и политика маркиза Велепольскаго", СПБ. 1882 г., Павлищева „Седмицы польскаго мятежа", СПБ. 1887 г., Корнилова „Судьба крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ" въ „Русской Мысли" за 1894 г. №№ 2, 3 и 8, Барсукова „Жизнь и труды Погодина", ч. XVIII, стр. 105—143, Невѣдѣнскій „Катковъ и его время", Сочиненіе И. С. Аксакова, т. III, и сочиненіе Ю. Ф. Самарина, т. I.

ковъ, при помощи выкупа повинностей. Свою политику маркизъ сталъ осуществлять еще при Горчаковѣ; но Горчаковъ умеръ въ маѣ 1861 года; затѣмъ въ теченіи года перемѣнилось четыре намѣстника, причемъ дважды на этомъ посту являлся упрямый и крутой генералъ Сухозанетъ, съ которымъ Велепольскій совершенно не могъ ужиться. Но и независимо отъ этого, Велепольскому трудно было осуществить свою программу въ странѣ, которая уже пришла въ броженіе и гдѣ общество раздѣлилось между двумя революціонными партіями: шляхетской (бѣлой) и демократической (красной). Программа Велепольскаго не могла удовлетворить ни ту, ни другую. Для первой она была недостаточно націоналистична, оставляя въ сторонѣ вопросъ о границахъ будущаго польскаго королевства, для второй она была недостаточно демократична и слишкомъ лояльна. Зато въ Петербургѣ маркизъ завоевалъ сочувствіе всѣхъ наиболѣе вліятельныхъ лицъ при дворѣ и въ томъ числѣ великаго князя Константина Николаевича, который вызвался самъ отправиться въ Польшу въ качествѣ намѣстника вмѣстѣ съ маркизомъ Велепольскимъ, назначеннымъ начальникомъ гражданскаго управленія въ краѣ. Но прежде чѣмъ завоевать моральное вліяніе въ краѣ, Велепольскому пришлось прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ. Первая изъ нихъ — распущеніе земледѣльческаго общества, — окончательно поссорила его съ дворянствомъ, вторая — рекрутскій наборъ въ городахъ, предпринятый съ цѣлью удаленія наиболѣе безпокойныхъ элементовъ, — повела къ повсемѣстному вооруженному возстанію, начавшемуся въ январѣ 1863 г.

Между тѣмъ, французское и англійское правительства, побуждаемыя жалобами и дѣятельной пропагандой поляковъ въ западной Европѣ, а также и вызваннымъ ими повсемѣстно сильнымъ общественнымъ сочувствіемъ къ ихъ дѣлу, затѣяли дипломатическій походъ на Россію. Этотъ походъ вызвалъ въ свою очередь взрывъ патріотическихъ чувствъ во всѣхъ классахъ русскаго общества. Если бы этого взрыва не послѣдовало и если бы наличность этого взрыва не подѣйствовала охлаждающимъ образомъ на европейскія правительства, неизвѣстно, какъ вышло бы наше правительство изъ тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствъ. До какой степени струсилъ тогда дворъ, видно изъ того восклицанія, которое вырвалось у императрицы Маріи Александровны при пріемѣ М. Н. Муравьева: „если бы мы могли удержать за собой хотя Литву!“. . . а о Царствѣ Польскомъ не было уже и рѣчи. . . . Самъ Александръ Николаевичъ выразилъ тогда на аудіенціи тому же Муравьеву свои опасенія, что Литву едва ли возможно будетъ удержать за Россіей въ случаѣ европейскаго вмѣшательства.[1]

Еще лѣтомъ 1863 г., при первыхъ слухахъ о недовольствѣ, распространяющемся въ Финляндіи, Александръ поспѣшилъ лично отправиться туда и успокоить финляндцевъ формальнымъ обѣщаніемъ возстановить и даже расширить политическія права, данныя имъ Александромъ I. Въ концѣ августа онъ снова поѣхалъ въ Финляндію и 6 сентября открылъ тронной рѣчью финляндскій сеймъ. „Отъ васъ, представители великаго княжества, — сказалъ имъ тогда

[1] Воспоминанія Муравьева „Русск. Стар.“ за 1882 г. № 11.

императоръ — зависитъ доказать достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ разсужденій, что въ рукахъ народа мудраго, расположеннаго трудиться сообща съ государемъ въ практическомъ духѣ надъ развитіемъ своего благоденствія, либеральныя учрежденія не только не составляютъ опасности, но являются гарантіей порядка и преуспѣянія.[1]

Вотъ какія великолѣпныя фразы сходили съ языка Александра въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Патріотическое одушевленіе всѣхъ слоевъ русскаго общества выручило правительство въ трудную минуту и дало ему силу гордо и твердо отстранить грозившее Россіи иностранное вмѣшательство; но это же воодушевленіе на внутреннихъ дѣлахъ страны отразилось чрезвычайно невыгодно. Случилось въ значительной мѣрѣ то, чего когда-то такъ опасался Герценъ. Хотя правительство не пошло прямо по пути реакціи и не отказалось отъ нѣкоторыхъ преобразованій, тѣсно связанныхъ съ крестьянской реформой, и по общему сознанію совершенно необходимыхъ, но въ настроеніи самого общества произошла крупная перемѣна.

„Нигилисты“ были совершенно разгромлены и скомпрометированы въ глазахъ большинства даже передовыхъ и либеральныхъ людей, своимъ предполагаемымъ участіемъ въ петербургскихъ пожарахъ и еще болѣе своими связями съ польскимъ движеніемъ. Героемъ дня и чуть не спасителемъ отечества въ глазахъ большинства образованнаго общества явился Катковъ. Общераспространенный еще и до настоящаго времени взглядъ на дѣятельность Каткова несомнѣнно преувеличиваетъ тогдашнюю его роль въ Россіи и даже въ Европѣ. Біографы и панигиристы Каткова приписываютъ главнымъ образомъ вліянію „Московскихъ Вѣдомостей“ всю честь побѣды, одержанной русской дипломатіей надъ вздутыми и неискренними поползновеніями Наполеона и лорда Росселя. На самомъ же дѣлѣ эта честь принадлежала не Каткову, а тѣмъ многочисленнымъ адресамъ, рѣчамъ и заявленіямъ, въ которыхъ выразилось оскорбленное патріотическое чувство всего русскаго общества, при первыхъ слухахъ о возможности отторженія отъ Россіи Литвы, Бѣлоруссіи, юго-западныхъ малорусскихъ губерній и даже Смоленска и Кіева, вслѣдствіе вмѣшательства въ польское дѣло западно-европейскихъ державъ. Но нельзя отрицать того, что Катковъ первый изъ вліятельныхъ журналистовъ понялъ значеніе тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и ту роль, которую можетъ сыграть при этомъ общественное мнѣніе страны, рѣзкимъ выразителемъ котораго онъ и явился. Страстный темпераментъ и огромный публицистическій талантъ, которымъ онъ обладалъ, пришлись здѣсь какъ разъ кстати. Но бросившись со страстью въ эту борьбу, Катковъ сталъ безъ разбора наносить удары многому изъ того, чему онъ самъ поклонялся и служилъ еще недавно. Не говоря о томъ, что въ отношеніи поляковъ онъ становился все непреклоннѣе и безпощаднѣе, онъ съ яростью нападалъ на тѣ органы русской печати, въ которыхъ замѣчалъ тѣнь сочувствія къ полякамъ, уже проигравшимъ тогда свое дѣло. Такъ онъ напалъ на статью Страхова „Роковой вопросъ“, напечатанную

[1] Татищевъ, н. с., т. I, стр. 473.

во „Времени“ Достоевскаго, за то, что въ этой статьѣ польская культура, хотя и „заимствованная“ съ Запада, признана была выше нашей. Впрочемъ, такъ какъ статья „Роковой вопросъ“ повела за собой, послѣ нападокъ „Московскихъ Вѣдомостей“, закрытіе „Времени“, то этотъ фактъ, вовсе не входившій въ разсчеты Каткова, заставилъ его заступиться за журналъ Достоевскаго въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и Страховъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что только благодаря этому заступничеству черезъ восемь мѣсяцевъ М. М. Достоевскому разрѣшено было опять издавать новый журналъ „Эпоху“.[1]

Съ особенной рѣзкостью Катковъ сталъ нападать съ 1862 г. на журналы, считавшіеся представителями нигилистическаго направленія и на „Колоколъ“ Герцена. Въ это время Катковъ уже склоненъ былъ объединять въ одно ненавистное ему цѣлое и революціонныя прокламаціи, и пожары, и польскую пропаганду. Отрицать связь между польскимъ движеніемъ и прокламаціями, конечно, невозможно, такъ какъ въ программѣ „Великорусса“ освобожденіе Польши было поставлено, какъ мы уже видѣли, въ число очередныхъ программныхъ вопросовъ передовой партіи въ Россіи, а въ одной изъ прокламацій „Земли и Воли“ русскіе офицеры и солдаты въ Польшѣ приглашались обратить свое оружіе противъ русскаго правительства. Опубликованіе въ 1863 году циничной программы Мѣрославскаго страшно скомпрометировало въ глазахъ всего русскаго общества заразъ и польскихъ революціонеровъ, и русскихъ, которые имъ помогали, и оказались теперь въ чрезвычайно неловкомъ положеніи. Вмѣстѣ съ тайнымъ обществомъ „Земля и Воля“ попалъ въ это положеніе и „Колоколъ“ Герцена. Мы не будемъ подробно излагать здѣсь исторію увлеченія Герцена польскимъ движеніемъ, такъ какъ исторія эта, превосходно освѣщенная впослѣдствіи самимъ Герценомъ, подробно изложена въ книгѣ г. Батуринскаго.[2] Въ концѣ 1861 г. въ Лондонъ явился удачно бѣжавшій изъ Сибири М. А. Бакунинъ. Въ первомъ же своемъ „манифестѣ“ къ русскимъ, польскимъ и всѣмъ славянскимъ друзьямъ Бакунинъ выставилъ цѣлью своей революціонной дѣятельности разрушеніе этого „колосса на глиняныхъ ногахъ“ — Россійской имперіи и освобожденіе изъ подъ гнета ея всѣхъ порабощенныхъ національностей. Вопросъ объ освобожденіи Польши сталъ вскорѣ на первую очередь, и Бакунинъ весь отдался этому дѣлу, дойдя въ своемъ увлеченіи до совершенно донкихотовскихъ предпріятій, въ родѣ пресловутой морской экспедиціи, кончившейся, какъ извѣстно, совершенно безславно. Герценъ, все время понимавшій несостоятельность и политическую безтактность затѣй своего друга, не нашелъ въ себѣ силы противостать имъ, тѣмъ болѣе, что Огаревъ очень быстро подчинился вліянію Бакунина. Сперва Герценъ пытался уберечь „Колоколъ“ отъ этихъ увлеченій и лишь предоставлялъ Бакунину и Огареву печатать ихъ брошюры въ своей типографіи отдѣльно отъ „Колокола“, но вскорѣ онъ самъ увлекся дѣломъ возставшихъ за свою свободу поляковъ. Польскіе революціонеры торжественно обѣщали ему освободить крестьянъ и надѣлить

[1] Полное собраніе сочиненій Достоевскаго, I, 256. Собственно статья въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ противъ „Времени“ принадлежала перу одного изъ сотрудниковъ Каткова — Петерсону.

[2] „Герценъ, его друзья и знакомые“, срав. также Невѣдѣнскаго „Катковъ и его время“ и Драгоманова „Исторія Польши и великорусская демократія“.

ихъ землей, а также предоставить бѣлорусскимъ и малорусскимъ губерніямъ самимъ рѣшить, принадлежать ли имъ къ Польшѣ или къ Россіи, послѣ чего Герценъ вступилъ съ поляками въ союзъ и напечаталъ въ „Колоколѣ“ (въ октябрѣ 1862 г.) свое извѣстное воззваніе къ офицерамъ.[1] Съ тѣхъ поръ „Колоколъ“ сталъ быстро падать и расходъ его къ концу 1863 г. съ 2000—2500 экземпляровъ сразу спустился до 500. Первое предостереженіе и первый упрекъ за неумѣстное вмѣшательство въ польскія дѣла Герцену пришлось услышать въ Лондонѣ отъ эмигранта Мартьянова, русскаго крестьянина-самоучки: „Вы не сердитесь на меня, Александръ Ивановичъ, сказалъ ему Мартьяновъ, — такъ ли, иначе ли, а „Колоколъ“-то вы порѣшили. Что вамъ за дѣло мѣшаться въ польскія дѣла? Поляки, можетъ быть и правы, но ихъ дѣло шляхетское, не ваше; не пожалѣли вы насъ, Богъ съ вами, Александръ Ивановичъ. Попомните, что я говорилъ. Я то самъ не увижу, я ворочусь домой. Здѣсь мнѣ нечего дѣлать....“[2] Замѣчательно, что черезъ годъ совершенно такой же взглядъ на это дѣло высказалъ въ письмѣ къ Юрію Самарину знаменитый французскій крестьянинъ-самоучка Прудонъ. Въ этомъ любопытномъ письмѣ, показывающемъ впрочемъ не слишкомъ глубокое знакомство Прудона съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и Польшѣ, Прудонъ видитъ истинное освобожденіе польскаго народа въ крестьянской реформѣ, проведенной Милютинымъ, и ругаетъ самымъ неумѣреннымъ образомъ польскую шляхту. „Что бы я далъ, — говоритъ онъ тамъ между прочимъ, — чтобы подробно переговорить обо всемъ этомъ съ нашимъ добрѣйшимъ Герценомъ!... Какъ глубоко сожалѣю я о томъ, что онъ поставилъ себя между русскимъ національнымъ чувствомъ, съ одной стороны, и строптивою спѣсью поляковъ, съ другой!! Какъ желалъ я, чтобы съ того дня, какъ вступилъ Александръ II на широкій путь эмансипаціи, Герценъ заставилъ смолкнуть свой „Колоколъ“.

„Въ 5—10 лѣтъ отдыха онъ бы вновь прояснѣлъ душой; онъ изучилъ бы пристальнѣе ходъ развитія въ Россіи, и впослѣдствіи критика его, имѣя въ основѣ запасъ современныхъ фактовъ стала бы авторитетнѣе.“... „Бороться съ какимъ-нибудь Николаемъ — это дѣло доблестное (хотя, скажемъ мы отъ себя, Герценъ въ сущности не велъ настоящей борьбы съ Николаемъ), но продолжать, не видоизмѣняя, ту же политику въ отношеніи къ Александру — это уже неловкость или во всякомъ случаѣ важное неудобство.“ (Въ дѣйствительности Герценъ относился къ Александру совсѣмъ не такъ, какъ къ Николаю.)... „Знаю хорошо, — продолжаетъ Прудонъ, — что автократъ останется автократомъ; но въ данномъ случаѣ отношеніе къ императору должно было отодвинуться на второй планъ — на первомъ же стоять уваженіе къ самому русскому народу. Прежде всего надо было увидѣть, что станется съ нимъ, съ этимъ народомъ, которому возвратили свободу, собственность и нѣкоторое участіе въ правленіи...“[3]

---

[1] Всѣ эти документы напечатаны у Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 52—56.

[2] Мартьяновъ дѣйствительно вернулся въ Россію, гдѣ тотчасъ же былъ арестованъ и осужденъ за письмо къ Александру II, напечатанное въ „Колоколѣ“, въ каторгу на 5 лѣтъ (въ 1863 г.). Въ 1864 г. при свиданіи съ Ю. Ф. Самаринымъ Герценъ хлопоталъ облегчить участь Мартьянова, но кажется изъ этого ничего не вышло. См. „Русь“ за 1883 г. № 2 и слѣд. также у Базилевскаго „Револ. журналистика 60-хъ годовъ“, стр. 76 и сл.

[3] „Русь“ за 1882 г. № 2, стр. 31—32.

Судя по этому письму, Прудонъ склоненъ былъ, повидимому, чрезмѣрно идеализировать реформы Александра II; онъ увлекался ихъ демократическими тенденціями, не будучи въ состояніи разглядѣть тѣ недостатки этихъ реформъ, которые были ясны напримѣръ тверскимъ либераламъ и Чернышевскому; но замѣчанія его относительно роли Герцена въ польскомъ вопросѣ свидѣтельствуютъ о глубокой его проницательности. Зная хорошо Герцена, какъ человѣка, Прудонъ не могъ однако же слѣдить за „Колоколомъ“, не читая порусски, и дѣятельность Герцена, какъ публициста, была извѣстна ему лишь въ общихъ чертахъ. Но это не помѣшало ему вѣрно понять, что послѣ манифеста 19 февраля Герцену слѣдовало пріостановиться и прежде чѣмъ продолжать свою публицистическую работу, пристальнѣе взглядѣться въ перестраивающуюся заново русскую жизнь. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не видѣть, что послѣ 1861 года Герценъ начинаетъ шататься, двигаться ощупью и мало по малу теряетъ почву подъ ногами. Если сопоставить странный дворянскій проектъ адреса Огарева, который отказался въ 1862 году подписать Тургеневъ, съ увлеченіемъ того же Огарева полуромантическими и полумистическими идеями Щапова о возможности произвести демократическую революцію въ Россіи при помощи раскольниковъ, со всѣми приключеніями Кельсіева и М. А. Бакунина, съ уклончивымъ и неяснымъ отношеніемъ Герцена къ революціоннымъ прокламаціямъ и тайному обществу „Земля и Воля“, съ исполненнымъ внутреннихъ противорѣчій отношеніемъ самого Герцена къ польскому возстанію, — то нельзя не вывести общаго заключенія, вполнѣ согласнаго съ вѣрнымъ чувствомъ Прудона, что Герцену не доставало въ это время всего больше сознательнаго, вдумчиваго и основаннаго на твердомъ знаніи фактовъ отношенія къ родной русской дѣйствительности. Впослѣдствіи Герценъ съ глубокой горечью самъ сознался многія изъ непоправимыхъ ошибокъ, надѣланныхъ имъ въ это время — въ періодъ между 1861 и 1864 годами.

Катковъ несомнѣнно могъ въ то время считать себя побѣдителемъ и если прежде онъ самъ и Чичеринъ совершенно основательно говорили, что Герценъ сила и власть въ русскомъ государствѣ, то теперь этою силой и властью сталъ Катковъ.

Могущество и популярность его выражались въ это время и въ тѣхъ адресахъ, которыми привѣтствовали его многія дворянскія собранія, и въ томъ фактѣ, что за составленіемъ своего всеподданнѣйшаго адреса именно къ нему обратились московскіе старообрядцы, и въ тѣхъ яростныхъ нападкахъ, съ которыми обрушивалась на него иностранная печать (причемъ „Times“ въ Англіи прямо называлъ его руководителемъ общественнаго мнѣнія въ Россіи), и, наконецъ, импонирующее и независимое положеніе, которое занялъ Катковъ по отношенію ко всѣмъ предержащимъ властямъ въ Россіи (положеніе, доходившее до того, что въ 1866 г., когда „Московскимъ Вѣдомостямъ“ сдѣлано было оффиціальное предостереженіе, то Катковъ формально отказался принять его и напечатать и добился того, что оно было съ него снято).[1] Правда, онъ не сдѣлался властителемъ думъ молодого поколѣнія, но зато молодое поколѣніе было вообще

[1] Невѣдѣнскій, н. с., срав. также Татищева, т. II, стр. 11.

сбито съ толку и если продолжало по инерціи тяготѣть къ „Современнику“ и „Русскому Слову“, то во всякомъ случаѣ далеко уже не съ прежнимъ воодушевленіемъ. Притомъ, какъ уже указано выше, между самыми этими органами возникла въ это время братоубійственная война, на которую непроизводительно тратились лучшія силы обѣихъ редакцій.

17.

Поворотъ въ общественномъ мнѣніи, происшедшій послѣ петербургскихъ пожаровъ и польскаго возстанія, выразился не въ отказѣ отъ всякихъ преобразованій, не въ перемѣнѣ либеральныхъ стремленій на реакціонныя, а въ разрывѣ той связи, которая начала образовываться въ 1861 г. между либеральными и радикальными теченіями; связи, которая въ то время всего яснѣе выразилась въ заявленіяхъ тверского дворянскаго собранія и въ „Письмахъ безъ адреса“ Чернышевскаго.

Въ 1864 г. либеральныя стремленія еще продолжались, но изъ подъ нихъ выброшено было то могучее демократическое основаніе, необходимость котораго такъ ясно сознавали и тверскіе земскіе люди, и даже И. С. Аксаковъ. Правительство съ одной стороны понимало практическую необходимость проведенія нѣкоторыхъ реформъ (финансовой, университетской, цензурной, судебной, земской, городской и воинской повинности). Къ тому же оно серьезно опасалось, какъ бы перерывъ въ преобразованіяхъ и обращеніе на путь реакціи не былъ сочтенъ иностранными правительствами за признакъ внутренняго разстройства и ослабленія. Министръ иностранныхъ дѣлъ князь Горчаковъ еще въ 1862 г., тотчасъ послѣ петербургскихъ пожаровъ и принятыхъ по случаю распространенія прокламацій карательныхъ и репрессивныхъ мѣръ, писалъ одному изъ нашихъ пословъ за границей: „Морская ширь, какъ выражается Расинъ, нигдѣ не бываетъ спокойна. Такъ и у насъ. Но равновѣсіе возстановляется. Когда волны вздымаются, какъ теперь, повсюду, было бы наивностью утверждать, что море тотчасъ утихнетъ. Главная задача поставить плотины тамъ, гдѣ общественному спокойствію или интересу, а въ особенности существу власти, угрожаетъ опасность. Объ этомъ и заботятся у насъ, не отступая отъ пути, который нашъ августѣйшій государь предначерталъ себѣ со дня вступленія на престолъ. Нашъ девизъ: ни слабости, ни реакціи. Его начинаютъ понимать въ Россіи. Нужно больше времени, чтобы акклиматизировать его въ Европѣ, но я надѣюсь, что очевидность убѣдитъ наконецъ самые предубѣжденные умы. . . .“ [1]

То же самое проповѣдывалось тогда и въ оффиціальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ „Сѣверной Почтѣ“.

Олигархическая дворянская партія завела въ это время свой органъ „Вѣсть“, которая начала издаваться въ 1863 г. въ видѣ еженедѣльной газеты, подъ редакціей В. Д. Скарятина и Н. Юматова. Между Скарятинскою „Вѣстью“, добивавшейся олигархической конституціи, и П. А. Валуевымъ скоро установилась полная entente cor-

[1] Татищевъ, т. I, стр. 402.

diale. Взгляды Валуева съ полною опредѣленностью высказались въ небольшой записочкѣ (отъ 29 октября 1863 г.) къ покидавшему въ то время свою должность директора департамента полиціи графу Д. Н. Толстому.[1] „Мы съ вами разстаемся — писалъ Валуевъ Толстому — на прощанье черкните нѣсколько строкъ. Вы одни въ министерствѣ имѣете къ тому горизонтъ. . . .

„Тема слѣдующая:

1. Что и кто теперь Россія?

2. Всѣ сословія разъединены. Всѣ законы въ передѣлкѣ. Всѣ основы въ движеніи.

3. Полцарства въ исключительномъ положеніи. Мѣры строгости преобладаютъ. Оппозиція и недовѣріе вездѣ, гдѣ есть способность ихъ высказывать. Трехсотъголовое земство колеблется и готово прежде всего порицать правительство, а потомъ ему противодѣйствовать (?).

4. Одинъ государь теперь Россія (!). Ему предстоитъ быть нравственнымъ собирателемъ земли русскія, какъ Калита былъ ея матеріальнымъ собирателемъ.

5. Солнце царское тепло озарило долы — 19 февраля. Теперь нужно освѣтить и пригрѣть вершины и окрайны. . . .“[2]

Неизвѣстно, исполнилъ ли это порученіе гр. Толстой, но извѣстно, что самъ Валуевъ представлялъ въ 1863 г. какія-то соображенія „о созваніи общегосударственнаго земскаго собранія“.[3] Если вспомнить, съ какими сомнѣніями и предубѣжденіемъ относился въ это время тотъ же Валуевъ къ демократической идеѣ Милютина создать всесословныя земскія учрежденія, то надо думать, что это „общегосударственное собраніе“ было бы составлено съ несомнѣннымъ преобладаніемъ дворянскаго элемента. Но какъ бы то ни было, очевидно. что настроеніе министра внутреннихъ дѣлъ, отразившееся въ вышеприведенной запискѣ, было въ то время все же еще не вполнѣ реакціонное.

Правительственныя комиссіи, правда чисто бюрократическаго состава, ревностно разрабатывали въ это время важныя финансовыя преобразованія, просвѣщеннымъ иниціаторомъ которыхъ явился одинъ изъ немногихъ истинно талантливыхъ государственныхъ дѣятелей той эпохи В. А. Татариновъ. Во главѣ министерства финансовъ поставленъ былъ человѣкъ также довольно либеральныхъ взглядовъ М. Х. Рейтернъ, впослѣдствіи впрочемъ не оправдавшій возлагавшихся на него въ это время надеждъ. Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ умный и послѣдовательный либералъ А. В. Головнинъ.

Постъ военнаго министра занялъ въ 1861 г. просвѣщенный и либеральный человѣкъ Д. А. Милютинъ, сознательный приверженецъ прогресса и науки. Земская и судебная реформы подготовлялись на всѣхъ парахъ при участіи надежныхъ и хорошо подготовленныхъ работниковъ. Даже проектъ новыхъ правилъ о печати подготовлялся въ умѣренно либеральномъ духѣ.

---

[1] Котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ гр. Д. А. Толстымъ, тогда оберъ-прокуроромъ Синода.
[2] „Русскій Архивъ“ за 1896 г. № 12, стр. 640.
[3] Татищевъ, п. с., II, стр. 622.

Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться на всѣхъ этихъ работахъ, но не можемъ не замѣтить, что проекты всѣхъ этихъ преобразованій исходили изъ тѣхъ либеральныхъ началъ, которыя были выставлены впервые въ заявленіяхъ и адресахъ депутатовъ дворянскихъ комитетовъ въ 1859 году. Тогда заявленія эти были признаны „дерзкими и ни съ чѣмъ несообразными“; но правительство и тогда и теперь хорошо понимало необходимость этихъ преобразованій, и нѣкоторыя изъ нихъ осуществило даже на болѣе широкихъ основаніяхъ, нежели тѣ, какія указывали депутаты. За то другія были сильно искажены и урѣзаны, частью въ вырабатывавшихъ ихъ комиссіяхъ, частью въ государственномъ совѣтѣ, въ зависимости отъ различнаго рода охранительныхъ соображеній, гарантировавшихъ незыблемость существующаго бюрократическаго строя.

Самою радикальною изъ всѣхъ этихъ реформъ и проведенною съ наименьшими компромиссами была безспорно судебная. Но и въ ней принципъ независимости судей отъ администраціи былъ ослабленъ съ самаго начала сохраненіемъ чиновъ и орденовъ для лицъ судейскаго званія. Отъ суда присяжныхъ отнято было его политическое значеніе изъятіемъ изъ его вѣдѣнія государственныхъ преступленій и нарушеній законовъ о печати. Еще большія измѣненія въ указанномъ направленіи претерпѣли принципы земскаго самоуправленія въ комиссіи, работавшей до 1861 г. подъ руководствомъ Н. А. Милютина, а затѣмъ перешедшей подъ предсѣдательство министра внутреннихъ дѣлъ Валуева. Объ искаженіяхъ, постигшихъ новый университетскій уставъ въ комиссіи гр. Строганова и въ государственномъ совѣтѣ, мы уже упоминали. Еще большія мытарства и превращенія претерпѣлъ проектъ новаго цензурнаго устава, утвержденный, наконецъ, въ видѣ ... временныхъ правилъ 4-го апрѣля 1865 года.[1] Тѣмъ не менѣе на всѣ эти преобразованія въ обществѣ продолжали смотрѣть, какъ на послѣдовательные шаги къ свободному государственному устройству. Неудовлетворительность и зловредность бюрократическаго строя продолжали по прежнему сознавать всѣ слои общества. Нѣкоторые изъ сторонниковъ либеральныхъ реформъ этого времени, какъ Кавелинъ и кн. Васильчиковъ, настроенные болѣе консервативно, возлагали преувеличенныя надежды на изданное 1-го января 1864 г. положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Другіе относились къ нему болѣе скептически. И. С. Аксаковъ, вполнѣ удовлетворенный основными положеніями судебной реформы, отнесся скептически къ способу выработки судебныхъ уставовъ въ закрытой комиссіи съ участіемъ лишь знатоковъ права. Онъ печатно выражалъ желаніе, чтобы для обсужденія основныхъ началъ судебной реформы созваны были представители народа; въ земскомъ же положеніи, изготовленномъ безъ всякаго участія общественныхъ силъ, Аксаковъ отказывался видѣть дарованіе обществу самоуправленія, а видѣлъ въ немъ лишь порученіе выборнымъ

[1] О ходѣ и исходѣ всѣхъ этихъ преобразованій у насъ имѣются общедоступныя сочиненія: Джанщіева „Изъ эпохи великихъ реформъ“, Головачева „Десять лѣтъ реформъ“, кн. Васильчикова „О Самоуправленіи“, Скалона „Земскіе вопросы“, К. К. Арсеньева „Законодательство о печати“, слѣдуетъ также имѣть въ виду изданную заграницей записку С. Ю. Витте „О земскихъ учрежденіяхъ“ и статьи И. С. Аксакова въ IV и V томахъ полнаго собранія его сочиненій и К. Д. Кавелина во II томѣ его сочиненій.

представителямъ общества извѣстныхъ правительственныхъ функцій подъ контролемъ правительственныхъ властей. Онъ не безъ иронiи указывалъ на большія выгоды, проистекающія отсюда для самого правительства и рѣзко оттѣнялъ ничтожность правъ, дарованныхъ обществу.[1] Аксаковъ вообще былъ настроенъ въ то время чрезвычайно демократично. Еще въ 1862 г., доказавъ въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ „Днѣ“, что отмѣна крѣпостного права „непреложно логически приводитъ къ отмѣнѣ всѣхъ искусственныхъ раздѣленій сословій“, что „распространеніе дворянскихъ остающихся привилегій на прочія сословія вполнѣ необходимо“, онъ совѣтовалъ дворянству выразить правительству единодушное и рѣшительное желаніе, „чтобы дворянству было позволено торжественно предъ лицомъ Россіи совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія“. Эта статья Аксакова очень встревожила тогда министра внутреннихъ дѣлъ Валуева, который не преминулъ опубликовать въ „Сѣверной Почтѣ“ даже особое правительственное сообщеніе о томъ, что правительство вовсе не раздѣляетъ этого мнѣнія. Катковъ въ 1862 г. на этотъ вопросъ смотрѣлъ почти такъ, какъ Аксаковъ; онъ велъ въ это время горячую полемику съ Чичеринымъ, который на страницахъ „Нашего Времени“ доказывалъ необходимость сохраненія въ земской жизни всѣхъ существующихъ сословныхъ различій, угрожая усиленіемъ общественной анархіи, если сословія будутъ уничтожены прежде, нежели свободныя общественныя силы получатъ достаточную крѣпость. Въ періодъ обсужденія основныхъ началъ земскаго положенія, въ 1863 г., Катковъ продолжаетъ стоять на почвѣ всесословной; но отвергая сословія, онъ кладетъ въ основаніе земскаго представительства классы, причемъ стремится дать явное преимущество классу крупныхъ землевладѣльцевъ. На этой почвѣ у него возникаетъ продолжительная полемика съ Аксаковымъ, который былъ рѣшительнымъ противникомъ всякаго имущественнаго ценза.[2] Дворянству Катковъ рекомендуетъ безвозмездную службу въ земствѣ, опасаясь, что иначе можетъ развиться въ земствѣ „дикая и слѣпая демократія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагаетъ отстаивать принципъ участія общества въ государственномъ управленіи и идеаломъ его остается представительная монархія, въ которой бы представительство было построено на началѣ имущественнаго ценза съ явнымъ преобладаніемъ крупныхъ землевладѣльцевъ. На этой то почвѣ между Катковымъ и либеральными кругами дворянства возникаетъ въ это время столь прочная связь, что то же самое собраніе московскаго дворянства, которое составило въ 1865 г. адресъ правительству „объ увѣнчаніи зданія“ созывомъ общегосударственнаго земскаго собранія, составило другой адресъ Каткову съ выраженіемъ сочувствія его дѣятельности и съ просьбой, чтобы онъ ея не оставлялъ.

Проводникомъ старо-дворянскихъ принциповъ и олигархическихъ вожделѣній на ряду съ самымъ тупымъ отрицаніемъ всѣхъ преобразованій демократическаго характера служила въ это время, какъ мы уже упоминали, еженедѣльная газета „Вѣсть“. Она печаталась

---

[1] „День“ 18 января 1864 г. Перепечатано въ сочиненіяхъ Аксакова, т. V, стр. 253.

[2] Статьи Аксакова, относящіяся къ этой полемикѣ, напечатаны въ т. V его сочиненій; выдержки изъ статей Каткова у Невѣдѣнскаго.

въ 1863—1865 гг. въ количествѣ 3000 и болѣе экземпляровъ и разсылалась безплатно всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства и многимъ другимъ лицамъ. Однако-же, проповѣдуемыя ею идеи настолько не соотвѣтствовали господствовавшему настроенію общества, что многіе отсылали полученные номера „Вѣсти“ обратно съ заявленіемъ, что они не желаютъ получать этого изданія. Въ 1865 году за напечатаніе московскаго адреса и рѣчи графа Орлова-Давыдова „Вѣсть“ была пріостановлена на восемь мѣсяцевъ.

Адресъ московскаго дворянства, представленный правительству 11-го января 1865 года, былъ послѣднимъ по времени ходатайствомъ дворянства о созывѣ народныхъ представителей.

„Всемилостивѣйшій государь, — писали на этотъ разъ дворяне — московское дворянство въ настоящемъ собраніи своемъ не можетъ не высказать вашему императорскому величеству чувства глубокой преданности и благодарности за ваши мудрыя начинанія, всегда клонящіяся ко благу нашего отечества. Мы готовы, государь, содѣйствовать словомъ и дѣломъ на трудномъ, но великомъ пути, вами избранномъ. Мы убѣждены, государь, что вы не остановитесь на этомъ пути и что вы пойдете впередъ, опираясь на ваше вѣрное дворянство, на весь русскій народъ. Въ дружномъ единствѣ и цѣльности — сила нашего отечества! Собравъ вашу разъединенную досель Россію въ одно цѣлое, сплотивъ ее твердо и замѣнивъ права отдѣльныхъ ея частей общими правами, вы искорените на вѣки возможность мятежа и междоусобій. Призванному вами, государь, къ новой жизни земству, при полномъ его развитіи, суждено навѣки упрочить основу и крѣпость Россіи. Довершите же, государь, основанное вами государственное зданіе созваніемъ общаго собранія выборныхъ людей отъ земли русской для обсужденія нуждъ, общихъ всему государству. Повелите вашему вѣрному дворянству, съ этой же цѣлью избрать изъ среды себя лучшихъ людей. Дворянство было всегда твердою опорой русскаго престола. Не считаясь на государственной службѣ, не пользуясь сопряженными съ нею наградами, безвозмездно исполняя свой долгъ для пользы отечества и порядка, эти люди, по самимъ условіямъ своего государственнаго положенія, будутъ призваны охранять драгоцѣнныя для народа и необходимыя для истиннаго благоустройства нравственныя и политическія начала, на которыхъ зиждется государственный строй. Этимъ путемъ, государь, вы узнаете нужды нашего отечества въ истинномъ ихъ свѣтѣ, вы возстановите довѣріе къ исполнительнымъ властямъ, вы достигнете точнаго исполненія законовъ всѣми и каждымъ и примѣнимости ихъ къ нуждамъ страны.

„Правда будетъ доходить безпрепятственно до вашего престола, и внѣшніе, и внутренніе враги замолчатъ, когда народъ, въ лицѣ своихъ представителей, съ любовью окружая престолъ, будетъ постоянно слѣдить, чтобы измѣна не могла никуда проникнуть.

„Всемилостивѣйшій государь! Московское дворянство высказалось передъ вами, повинуясь священному долгу вѣрноподданныхъ, не имѣя ничего иного въ виду, кромѣ государственной пользы. Мы высказались, государь, въ полной увѣренности, что

слова наши соотвѣтствуютъ державной мысли и духу вашихъ преобразованій“[1]

Но мысли императора Александра II были настроены на иной ладъ. Онъ адреса не принялъ; и желая предупредить повтореніе подобныхъ ходатайствъ и заявленій со стороны дворянства другихъ губерній, объявилъ въ рескриптѣ на имя Валуева, что совершившіяся преобразованія достаточно свидѣтельствуютъ о его постоянной заботливости улучшать и совершенствовать въ немъ самимъ предопредѣленномъ порядкѣ разныя отрасли государственнаго устройства. „Право вчинанія по главнымъ частямъ этого постепеннаго совершенствованія принадлежитъ — писалъ Императоръ — исключительно мнѣ и неразрывно сопряжено съ самодержавною властью, богомъ мнѣ ввѣренною. Прошедшее въ глазахъ всѣхъ моихъ вѣрноподданныхъ должно быть залогомъ будущаго. Никому изъ нихъ не предоставлено предупреждать мои непрерывныя о благѣ Россіи попеченія и предрѣшать вопросы о существенныхъ основаніяхъ ея общихъ государственныхъ учрежденій. Ни одно сословіе не имѣетъ права говорить именемъ другихъ сословій. Никто не призванъ принимать на себя предо мною ходатайства объ общихъ пользахъ и нуждахъ государства. Подобныя уклоненія отъ установленнаго дѣйствующими узаконеніями порядка могутъ только затруднять меня въ исполненіи моихъ предначертаній, ни въ какомъ случаѣ не способствуя къ достиженію той цѣли, къ которой они могутъ быть направлены. Я твердо увѣренъ, что не буду встрѣчать впредь такихъ затрудненій со стороны русскаго дворянства, вѣковыя заслуги котораго предъ престоломъ и отечествомъ мнѣ всегда памятны и къ которому мое довѣріе всегда было и нынѣ пребываетъ непоколебимымъ.“[2]

Подписанію этого адреса въ московскомъ дворянскомъ собраніи предшествовали „запальчивыя“ рѣчи, въ которыхъ ораторы рѣзко порицали существующій бюрократическій строй и съ азартомъ обрушивались на окружающихъ императора „опричниковъ“. Адресъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ голосовъ — 270 противъ 36. Отъ Александра не укрылось и содержаніе преній. Онъ припомнилъ объ этомъ почти годъ спустя, принимая въ с. Ильинскомъ подъ Москвой, — гдѣ онъ тогда отдыхалъ, — звенигородскаго предводителя дворянства, Д. Д. Голохвастова. Въ замѣчательномъ разговорѣ, который Голохвастовъ имѣлъ съ государемъ, Александръ увѣрялъ Голохвастова, что онъ охотно бы далъ „какую угодно конституцію, если бы не боялся, что Россія на другой день послѣ этого распадется на куски“.[3]

---

[1] Текстъ этого адреса въ настоящее время не вездѣ можно достать. Мы цитируемъ его по малоизвѣстной и по содержанію своему довольно нелѣпой книгѣ г. П. Устимовича „Мысли и воспоминанія при чтеніи законовъ о дворянствѣ“. М. 1886 г., стр. 44.

[2] Татищевъ, н. с., т. I, стр. 525.

[3] Разговоръ этотъ приведенъ у Татищева (т. I) по рукописнымъ запискамъ Головохвастова. Придворный остроумецъ и поэтъ Тютчевъ привѣтствовалъ дворянъ, подписавшихъ московскій адресъ, слѣдующимъ четверостишіемъ:

Куда себя морочите вы грубо!
Какой у васъ съ Россіею разладъ!
И гдѣ вамъ въ члены англійскихъ палатъ!
Вы — члены англійскаго клуба!

Москвичи же ему отвѣтили на это:

Вы ошибаетеся грубо,
И въ вашей Ниццѣ дорогой
Сложили вѣрно вмѣстѣ съ шубой
И память о странѣ родной.

Замѣчательно, что въ 1865 году Катковъ по циркулировавшимъ тогда слухамъ, считался закулиснымъ подстрекателемъ московскихъ конституціоналистовъ. Въ заграничной печати московскій адресъ выставленъ былъ попыткой ультра-русской дворянской партіи возвратить утраченное вліяніе на правительство.[1]

Нельзя не замѣтить, конечно, что тонъ и содержаніе этого адреса въ сравненіи съ тверскимъ адресомъ 1862 года были чрезвычайно скромны и явились въ сущности шагомъ назадъ. На Чернышевскаго этотъ адресъ, конечно, уже не произвелъ бы того впечатлѣнія, какое вызвалъ въ немъ адресъ тверскихъ дворянъ. Впрочемъ, и въ болѣе радикальныхъ кругахъ, и вообще въ средѣ безсословной интеллигенціи, групировавшейся около „Современника“, „Русскаго Слова“ и безцвѣтныхъ „Отечественныхъ Записокъ“ Краевскаго, былъ въ это время полный разбродъ и шатаніе. Броженіе и блужданіе мысли, начавшееся послѣ польскаго возстанія, сказывалось, какъ мы уже видѣли, въ томъ, что лучшія силы тратились въ это время отчасти на пережевываніе взглядовъ, высказанныхъ въ 1858—1863 гг. Чернышевскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ, отчасти на безтактную и разнузданную полемику, имѣвшую характеръ братоубійственной войны. Въ 1861 году въ Петербургѣ появился новый журналъ „Время“, издававшійся братьями Достоевскими (Ф. М. и М. М.), при ближайшемъ участіи сперва Аполлона Григорьева, а затѣмъ Н. Н. Страхова (Косица). Эта группа, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ „почвенниковъ“, выставила кое-какіе консервативно-народническіе идеалы и вскорѣ сдѣлалась непримиримымъ врагомъ матеріализма и нигилизма. И хотя этому направленію несомнѣнно не доставало ни силы, ни ясности, ни искренности, однако, оно имѣло кратковременный, но замѣтный успѣхъ („Время“ расходилось въ 1862 г. въ 4000 экземплярахъ).[2]

Активной политической дѣятельности нигилисты въ это время почти не проявляютъ. Идеи романа „Что дѣлать“ создали, правда, кое-какихъ подражателей, пытавшихся осуществить эти идеи въ видѣ организаціи артелей, кружковъ, мастерскихъ на особыхъ началахъ, но всѣ такія попытки были въ сущности довольно поверхностны и слабы при всей своей распространенности: онѣ имѣли характеръ моды и не возбуждали въ молодежи настоящаго энтузіазма. Правительство стало успокаиваться насчетъ нигилистовъ и, повидимому, уже не считало ихъ опасными, такъ что, когда раздался 4-го апрѣля 1866 г. каракозовскій выстрѣлъ, какъ громъ среди ясной погоды, то онъ былъ тотчасъ же приписанъ не нигилистамъ, а полякамъ. И хотя первыя разслѣдованія не подтвердили этого пред-

---

Въ раю терпѣніе умѣстно,
Политикѣ тамъ мѣста нѣтъ;
Тамъ все умно, согласно, честно,
Тамъ нѣтъ зимы, тамъ вѣчный свѣтъ.....

Но какъ же быть въ странѣ унылой,
Гдѣ . . . . . .

И гдѣ слились въ одно свѣтило
Валуевъ, Рейтернъ, Головнинъ.

Нѣтъ, намъ парламента не нужно;
Но почему жъ насъ проклинать
За то, что мы дерзнули дружно
И громко караулъ кричать?

(Русск. Арх. за 1885 г. № 10, стр. 298.)

[1] Невѣдѣнскій, н. с., стр. 432.

[2] „Матеріалы для біографіи Ф. М. Достоевскаго“ въ I т. его сочиненій. Изд. 1883 г. Воспоминанія Н. Н. Страхова, стр. 221, а также 198 и слѣд. Ср. также Н. Страхова „Изъ исторіи литературнаго нигилизма“. Сборникъ статей 1861—1865 г. СПБ. 1890.

положенія, однако, Катковъ и съ нимъ многіе долго еще съ упорствомъ утверждали, что этотъ выстрѣлъ есть дѣло польской интриги.[1]

Выстрѣлъ Каракозова ужаснулъ многихъ. Самъ Герценъ въ „Колоколѣ“ писалъ 1-го мая 1866 г.: „Мы поражены при мысли объ отвѣтственности, которую взялъ на себя этотъ фанатикъ....“[2] Вся Россія всколыхнулась отъ этого выстрѣла. Каракозовъ стрѣлялъ среди дня, на улицѣ, изъ толпы, окружавшей коляску Александра, въ ту минуту, какъ онъ садился въ нее послѣ прогулки по Лѣтнему саду. Совершенно неподготовленная къ этому выстрѣлу публика въ первую минуту не могла представить себѣ, чтобы онъ былъ дѣломъ одного человѣка. Всѣмъ казалось, что тутъ должна быть какая-то грандіозная, адская организація: одни видѣли въ этомъ дѣйствіе заграничной польской интриги, другіе подозрѣвали существованіе какого-нибудь обширнаго революціоннаго заговора. Реакціонеры тотчасъ же подняли голову; либералы растерялись, иные притихли, другіе покорно вторили яростнымъ крикамъ реакціонеровъ.

„Трудно описать впечатлѣніе, произведенное этимъ первымъ покушеніемъ на жизнь императора Александра II, — писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Н. К. Михайловскій. — Скажу только, что въ это трудное время далеко не всѣ органы печати вели себя удовлетворительно. Казалось бы назначеніе такого человѣка, какъ гр. Муравьевъ, предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи и предоставленіе ему чрезвычайныхъ полномочій достаточно гарантировали энергію слѣдствія и кару виновныхъ. Но нѣкоторые органы печати сами взяли на себя роль слѣдователей и производили вящую смуту въ обществѣ, разыскивая виновныхъ направо и налѣво, и даже тамъ, гдѣ ихъ, очевидно, быть не могло.“[3] Такимъ добровольцемъ сыска, самымъ опаснымъ и злобнымъ, сдѣлался въ это время Катковъ. Извѣстно, что онъ самого Муравьева склоненъ былъ упрекнуть въ недостаткѣ энергіи и распорядительности,[4] однако, по части сыска рвеніе и энергія Муравьева были давно извѣстны. „Мои силы уже слабы, я боленъ и старъ, — заявилъ Муравьевъ на обѣдѣ, данномъ ему въ англійскомъ клубѣ, — но я скорѣе лягу костьми, чѣмъ оставлю неоткрытымъ это зло, зло не одного человѣка, а многихъ, дѣйствующихъ въ совокупности“. Послѣ обѣда Муравьевъ, пользуясь присутствіемъ Некрасова, сталъ указывать на вредныя ученія, распространяемыя журналами въ обществѣ, на ядъ, прививаемый молодому поколѣнію. И Некрасовъ, говорятъ, повторялъ за Муравьевымъ; „Да, ваше сіятельство, надо вырвать это зло съ корнемъ“.[5]

Началась ужаснѣйшая травля, лучше всего описанная впослѣдствіи Салтыковымъ въ мастерскомъ очеркѣ: „Ташкентцы, обратившіеся внутрь“. Обыскивали и хватали кого попало. Нѣкоторые литераторы, какъ, напримѣръ, Курочкинъ, Зайцевъ и др., отсидѣли въ одиночномъ заключеніи ни за что, ни про что по нѣскольку

[1] Невѣдѣнскій, н. с., стр. 493 и слѣд.
[2] Невѣдѣнскій, стр. 492. За эту статью Герценъ подвергся весьма рѣзкимъ порицаніямъ со стороны русскихъ революціонеровъ.
[3] „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I, стр. 18.
[4] Невѣдѣнскій „Катковъ и его время“, стр. 497.
[5] Тамъ же, стр. 494.

мѣсяцевъ, пока, наконецъ, неприкосновенность ихъ была выяснена. Но несмотря на полную безцеремонность сыска и на всѣ чрезвычайныя мѣры, на широкую помощь публики, въ концѣ концовъ выяснено было лишь существованіе въ Москвѣ ничтожнаго кружка молодыхъ революціонеровъ, числомъ менѣе 20 человѣкъ, къ которому принадлежалъ и Каракозовъ. Кружокъ этотъ образовался еще въ 1863 году преимущественно изъ студентовъ и во главѣ его стоялъ двоюродный братъ Каракозова Ишутинъ. Мечталъ этотъ кружокъ о соціально-революціонномъ переворотѣ и для осуществленія его выработалъ программу, предполагавшую слѣдующія дѣйствія: 1. пропаганду среди сельскаго населенія, съ объявленіемъ, что земля составляетъ собственность всего народа; 2. возбужденіе крестьянъ противъ землевладѣльцевъ, дворянства и противъ властей; 3. устройство разныхъ школъ, артелей, мастерскихъ, переплетныхъ, швейныхъ и иныхъ ассоціацій, дабы при помощи ихъ сближаться съ народомъ и внушать ему ученіе соціализма; 4. заведеніе въ провинціи библіотекъ, безплатныхъ школъ и разныхъ обществъ, на началахъ коммунизма для привлеченія и подготовленія новыхъ членовъ, съ тѣмъ, чтобы провинціальные кружки стояли въ зависимости отъ центральнаго общества въ Москвѣ и получали отъ него направленіе; 5. распространеніе въ народѣ соціалистическихъ ученій черезъ воспитанниковъ семинарій и сельскихъ учителей; 6. соціально-революціонная пропаганда на Волгѣ, пользуясь удобствомъ пароходныхъ сообщеній. Въ будущемъ предполагалось раздѣлить тайное общество на отдѣлы, съ различными наименованіями: „взаимнаго вспомоществованія“, „переводчиковъ и переводчицъ“, „поощренія частнаго труда“. Отдѣлы эти должны были быть облечены въ законную форму и получить правительственную санкцію. Московскій кружокъ намѣревался войти въ близкія сношенія съ другими, подобными же кружками въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ и постепенно распространить свою агитаціонную дѣятельность на всю Имперію.

Но это все были одни только предположенія, едва намѣченныя и далекія отъ осуществленія, несмотря на двухлѣтнія конспираціи.[1] Каракозовъ былъ казненъ, а прочіе члены Ишутинскаго кружка были приговорены верховныхъ уголовнымъ судомъ на разные сроки въ каторжныя работы.[2]

Многіе были разочарованы такимъ ничтожнымъ результатомъ грандіозныхъ поисковъ Муравьева. Онъ и самъ былъ видимо недоволенъ и, уѣхавъ къ себѣ въ деревню, скоропостижно умеръ, не дождавшись брилліантовыхъ знаковъ Андрея Первозваннаго, посланныхъ ему Александромъ въ награду зя его инквизиторскую дѣятельность.[3] Незначительность открытой Муравьевымъ революціонной организаціи не помѣшала однако же укорененію тупой и упорной реакціи, которая наступила на другой же день послѣ каракозовскаго покушенія. На Александра это покушеніе произвело неизгладимое впечатлѣніе и враги преобразованій воспользовались имъ какъ нельзя лучше. 4-го апрѣля 1866 г. Каракозовъ стрѣлялъ въ Александра, а 5-го

[1] Татищевъ, н. с., т. II, стр. 583—584.
[2] Татищевъ, т. II, 7, „За сто лѣтъ“ Бурцева, ч. II, стр. 68 и 69
[3] Невѣдѣнскій, стр. 498.

апрѣля въ засѣданіи комитета министровъ оберъ-прокуроръ синода, извѣстный реакціонеръ гр. Д. А. Толстой, сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на министра народнаго просвѣщенія Головнина по вопросу о начальномъ образованіи въ юго-западныхъ губерніяхъ.[1] Александръ, которому послѣ выстрѣла Караказова со всѣхъ сторонъ твердили о неблагонамѣренномъ настроеніи умовъ учащейся молодежи, не только согласился съ мнѣніемъ Толстого по этому частному вопросу, но и рѣшилъ тогда же замѣнить имъ Головнина.

Толстой былъ давній противникъ Головнина и имѣлъ готовую политическую программу. Онъ былъ директоромъ департамента въ министерствѣ народнаго просвѣщенія еще при Путятинѣ и покинулъ этотъ постъ тотчасъ же послѣ того, какъ Головнинъ назначенъ былъ министромъ.[2] Онъ давно имѣлъ прочно установившуюся репутацію реакціонера: еще въ пятидесятыхъ годахъ, служа въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, Толстой отличился жестокимъ гоненіемъ на католиковъ. Во время разработки крестьянской реформы онъ досталъ частнымъ образомъ проектъ крестьянскаго положенія у одного изъ членовъ редакціонныхъ комиссій и написалъ на него рѣзкую критику, приводившую въ восторгъ крѣпостниковъ. Однако, когда эта записка Толстого была по его просьбѣ доставлена Александру, то Александръ украсилъ ее слѣдующей резолюціей: „Это не мнѣніе, а пасквиль, доказывающій въ авторѣ или неблагонамѣренность, или совершенное незнаніе дѣла.“[3] Все это однако же не помѣшало Толстому попасть въ 1864 г. на постъ оберъ-прокурора синода; теперь же его реакціонные взгляды помогли ему одержать побѣду надъ Головнинымъ. Выборъ Толстого несомнѣнно доказывалъ побѣду реакціонныхъ стремленій надъ либеральными въ умѣ самого Александра.

Заодно съ Головнинымъ уволены были петербургскій генералъ-губернаторъ Суворовъ и шефъ жандармовъ кн. Долгоруковъ, признанный устарѣлымъ. Вмѣсто Суворова былъ назначенъ, но уже не генералъ-губернаторомъ, а оберъ-полицеймейстеромъ столицы, ген. Треповъ, отличившійся при подавленіи польскаго мятежа. Вмѣсто князя Долгорукова на должность шефа жандармовъ былъ призванъ энергичный и молодой генералъ изъ придворныхъ аристократовъ, гр. П. А. Шуваловъ.[4]

Вслѣдъ за тѣмъ по высочайшему повелѣнію прекращены были навсегда признанные распространителями вредныхъ идей: „Современникъ“ и „Русское Слово“. Наконецъ, 15-го мая данъ былъ торжественный и велерѣчивый рескриптъ на имя предсѣдателя комитета министровъ, князя П. П. Гагарина, въ которомъ всѣ вѣдомства, сословія и частныя лица въ домашнемъ быту приглашались къ охранительной дѣятельности и къ борьбѣ съ тлетворными идеями, направленными противъ религіи, собственности и государственнаго порядка.[5]

Тупая и упорая реакція прочно водворилась въ Россіи на много лѣтъ!

---

[1] Татищевъ, т. II, стр. 261 и слѣд.
[2] Тамъ же, стр. 8.
[3] „Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія“, т. III, стр. 141—143.
[4] Татищевъ, т. II, стр. 8.
[5] Тамъ же, стр. 8—10.

18.

Прежде всего и рѣзче всего реакція выразилась въ направленіи дѣлъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Университетскій уставъ 1863 г. не былъ отмѣненъ; но въ видахъ обузданія студентовъ 26-го мая 1867 г. изданы были особыя правила, установившія своего рода „священный союзъ“ начальства учебныхъ заведеній и полиціи противъ молодежи.[1] Безпорядки въ университетахъ однако же не прекращались и весной 1869 г. вспыхнули даже съ особою силою. Въ совѣщаніи, учрежденномъ по этому поводу подъ предсѣдательствомъ неизмѣннаго Строганова, положено было принять особыя мѣры къ ограниченію наплыва въ университеты неблагонадежной молодежи.[2] Впрочемъ, къ этой именно цѣли и безъ того съ самаго вступленія въ министерство направлены были всѣ усилія гр. Толстого. Въ этихъ видахъ въ представленной имъ программѣ обращено было особое вниманіе на преобразованіе среднихъ учебныхъ заведеній. Рѣшено было всѣ гимназіи преобразовать въ классическія и главными предметами обученія сдѣлать древніе языки съ полнымъ исключеніемъ естествознанія, а въ высшія учебныя заведенія допускать только юношей, окончившихъ полный курсъ классической гимназіи. Программу реальныхъ училищъ рѣшено было преобразовать такимъ образомъ, чтобы они являлись учебными заведеніями, дающими законченное среднее образованіе, и лицъ, оканчивающихъ въ нихъ курсъ, въ высшія учебныя заведенія не допускать. Предполагалось, что восьмилѣтнее задалбливаніе латинской и греческой грамматики будетъ служить хорошимъ дисциплинирующимъ средствомъ для умовъ подростающихъ поколѣній и ограничитъ въ то же время наплывъ нежелательныхъ элементовъ въ высшія учебныя заведенія. Эта программа, прямо разсчитанная на ограниченіе распространенія просвѣщенія и имѣвшая явную тенденцію затруднить полученіе высшаго образованія людямъ недостаточнымъ, вызвала противъ себя сильныя нападенія даже въ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, причемъ противъ нея представилъ весьма вѣскія соображенія самъ гр. В. Н. Панинъ, а въ государственномъ совѣтѣ противъ нея высказалось большинство членовъ. Но Александръ, слѣпо ввѣрившійся Толстому, утвердилъ мнѣніе меньшинства, и благодаря этому, всѣ подростающія поколѣнія отданы были въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій, вплоть до нашего времени, во власть дикой полицейско-классической муштры, введенной по уставу 30-го іюля 1871 года, не отмѣненнаго вполнѣ и до сихъ поръ.[3]

Толстому же принадлежитъ починъ въ дѣлѣ отобранія „подъ печать и замокъ государственной власти“ начальнаго образованія изъ вѣдѣнія земствъ. Съ этою цѣлью еще въ 1869 г. были введены должности инспекторовъ народныхъ училищъ, послужившихъ зародышемъ той учебно-полицейской организаціи, которая до настоящаго времени завѣдуетъ народными школами, съ полнымъ устраненіемъ земства отъ этого дѣла. Толстой же явился организаторомъ той

[1] Тамъ же, стр. 263.
[2] Тамъ же.
[3] Тамъ же, стр. 264—275.

обрусительной школьной политики въ Западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, иниціаторомъ которой былъ Муравьевъ-Виленскій и которая — какъ, впрочемъ, и вся учебная система Толстого — внесла столько лжи и растлѣнія въ святое и чистое дѣло народнаго образованія.[1]

Наконецъ, реакціонная и обскурантная политика Толстого не осталась безъ вліянія и на дѣло распространенія только что возникшаго въ то время женскаго образованія. Главный дѣятель этого дѣла, Н. А. Вышнеградскій, занимавшій должность начальника петербургскихъ женскихъ училищъ и открытыхъ имъ въ 1863 г. педагогическихъ курсовъ, принужденъ былъ выйти въ отставку, несмотря на неподвѣдомственность свою министерству народнаго просвѣщенія[2] и на личную симпатію къ его дѣятельности императрицы Маріи Александровны.[3] Педагогическіе курсы едва уцѣлѣли, и самъ Вышнеградскій, еще до своего ухода, вынужденъ былъ отмѣнить преподаваніе въ нихъ физіологіи и анатоміи, а взамѣнъ усилить занятіе русской грамматикой и географіей.[4]

Вновь назначенный шефъ жандармовъ, гр. П. А. Шуваловъ, вмѣстѣ съ окончательно перешедшимъ на сторону реакціи Валуевымъ и присоединившимся къ нимъ Зеленымъ (министра государственныхъ имуществъ) подали вскорѣ послѣ 4 апрѣля 1866 г. особую записку о необходимости усиленія губернаторской власти. Записка эта, совершенно въ разрѣзъ съ только что проведенными преобразованіями, имѣла тенденцію сдѣлать губернатора настоящимъ „хозяиномъ“ и полновластнымъ правителемъ губерніи.[5] Противъ нея представили рѣзкія возраженія Замятнинъ (министръ юстиціи) и Рейтернъ (министръ финансовъ); но усердно запугиваемый Шуваловымъ Александръ на журналѣ Комитета Министровъ положилъ резолюцію, въ которой указалъ, что всѣ свѣдѣнія, доходящія до него изъ внутреннихъ губерній „подтверждаютъ необходимость принятія неотложно предполагаемыхъ мѣръ“.[6] Замѣчательно, что мѣры эти, несмотря на то, что онѣ имѣли совершенно законодательный характеръ, рѣшено было принять въ административномъ порядкѣ. Въ Комитетъ, въ подкрѣпленіе Шувалову и Валуеву, приглашены были кн. Долгоруковъ и гр. Муравьевъ, и 22-го іюля Александръ утвердилъ положеніе, которымъ подъ ближайшій надзоръ и контроль губернаторовъ отдавались не только всѣ бюрократическія власти въ губерніи, но и органы мѣстнаго самоуправленія. Въ числѣ пунктовъ этого распоряженія было, между прочимъ, донынѣ дѣйствующее запрещеніе принимать кого бы то ни было на службу, хотя бы по вольному найму, безъ разрѣшенія губернатора. Особымъ циркуляромъ министра юстиціи предложено было чинамъ судебнаго вѣдомства являться къ губернаторамъ по ихъ требованію и вообще оказывать имъ должное уваженіе, какъ представителямъ высшей власти въ губерніи.[7] Катковъ, который въ отношеніи судебной реформы и земскихъ

[1] Тамъ же, стр. 275.
[2] „Сбп. Высшіе Женскіе Курсы за 25 лѣтъ“, стр. 14.
[3] Тамъ же, стр. 5.
[4] Тамъ же, стр. 14.
[5] Середонинъ, „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“, т. III, ч. I, стр. 130.
[6] Тамъ же, стр. 135—138.
[7] Середонинъ, т. III, ч. I, стр. 141—143. У него же сообщается любопытное указаніе Комитета Министровъ по поводу доноса на лицъ судебнаго вѣдомства Симбирской губ. (до введенія тамъ судебной реформы) о необходимости немедленно устранять отъ должности лицъ, заподозрѣнныхъ въ полити-

учрежденій продолжалъ еще въ то время высказывать либеральные взгляды, поднялъ по этому поводу весьма важный вопросъ о правѣ министра юстиціи давать циркуляръ и предписанія лицамъ судебнаго вѣдомства, и справедливо, хотя, разумѣется, безрезультатно, доказывалъ, что признаніе за министромъ такого права въ корнѣ подрываетъ независимость судебнаго персонала отъ администраціи.[1]

При такихъ мрачныхъ условіяхъ пришлось начать свою дѣятельность новымъ судамъ и земскимъ учрежденіямъ. Въ книгахъ Джаншіева „Эпоха великихъ реформъ“ и Невѣдѣнскаго „Катковъ и его время“ разсказывается, какую борьбу велъ въ это время министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ, въ союзѣ со скарятинскою „Вѣстью“, противъ новыхъ судовъ. Валуеву не удалось, впрочемъ, поколебать принципъ независимости суда; но за то само министерство юстиціи на первыхъ же порахъ пошло на уловку въ отношеніи судебныхъ слѣдователей и, чтобы лишить ихъ гарантированной имъ судебными уставами несмѣняемости, стало вмѣсто настоящихъ судебныхъ слѣдователей назначать исправляющихъ должность, которыхъ оно могло смѣнять по своему произволу.

Земскія учрежденія при самомъ началѣ своей дѣятельности встрѣтили еще большія препятствія и затрудненія, причемъ реакціонныя поползновенія Валуева имѣли въ этой сферѣ гораздо больше успѣха на практикѣ, нежели въ кампаніи, предпринятой имъ противъ новыхъ судовъ. При самомъ началѣ своей дѣятельности земства были страшно стѣснены въ матеріальныхъ средствахъ. Правительство передало въ ихъ распоряженіе лишь одинъ губернскій земскій сборъ, а государственный, который въ дореформенномъ земскомъ бюджетѣ составлялъ львиную долю, оставило за собой. Когда же нѣкоторыя земства, въ видахъ усиленія своихъ средствъ, попробовали обложить промышленныя и торговыя предпріятія, то купцы подняли вопль, министерство финансовъ за нихъ заступилось и наскоро изданъ былъ въ высшей степени стѣснительный для земства законъ 21 ноября 1866 г., ограничившій, какъ извѣстно, права земства по части обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій самыми тѣсными нормами.[2] Эта первая новела, въ связи съ систематическимъ пренебреженіемъ къ первымъ же земскимъ ходатайствамъ со стороны Валуева не замедлила вызвать столкновеніе земства съ бюрократіей. Это столкновеніе произошло въ петербургскомъ губернскомъ земствѣ. Еще въ первую сессію свою, въ октябрѣ 1862 г. петербургское губернское земское собраніе возбудило ходатайство о расширеніи дарованныхъ земству правъ и о созывѣ центральнаго земскаго

ческой неблагонадежности (стр. 129). Тамъ же приведенъ случай возмутительнаго произвола въ отношеніи одного мирового посредника Оренбургской губ., котораго мѣстный генералъ-губернаторъ обвинилъ въ сношеніи съ ссыльными поляками. Хотя самъ генералъ-губернаторъ призналъ, что служебная дѣятельность этого посредника имѣла „нѣкоторыя достоинства“, и даже не формулировалъ точно своего обвиненія, тѣмъ не менѣе посредникъ былъ уволенъ и высланъ изъ Оренбурга по настоянію Шувалова. Комитетъ Министровъ при этомъ постановилъ, въ прямое нарушеніе закона, предоставить генералъ-губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ временно устранять отъ должности мировыхъ посредниковъ, обнаружившихъ политическую неблагонадежность (стр. 127—128). Незадолго передъ тѣмъ (въ 1865 году) самъ царь выразилъ — horribile dictu — самому М. Н. Муравьеву неудовольствіе за то, что въ числѣ приглашенныхъ имъ въ Западный край посредниковъ „много красныхъ“ (Татищевъ, т I. стр. 526).

[1] „Моск. Вѣд.“ за 1866 г. № 240; Невѣдѣнскій „Катковъ и его время“, стр. 474.

[2] Подробная критика этого закона у Кошелева „Голосъ изъ земства“ М. 1869 г., стр. 11—14. Оцѣнку финансоваго положенія земствъ при началѣ ихъ дѣятельности и критику земскаго положенія 1864 г. см. у Головачова „Десять лѣтъ реформъ“, стр. 184—216. Срав. также статьи по вопросу о земствѣ И. С Аксакова въ V т. его сочиненій и Скалона „Земскіе вопросы“:

собранія для обсужденія хозяйственныхъ пользъ и нуждъ, общихъ всему государству.[1] При составленіи смѣты доходовъ и расходовъ на 1867 г. губернская управа не приняла во вниманіе закона 21-го ноября 1866 года относительно обложенія торгово-промышленныхъ предпріятій, вслѣдствіе чего губернаторъ опротестовалъ соотвѣтствующія постановленія собранія; управа же въ докладѣ своемъ предложила не только не соглашаться съ этимъ протестомъ, но и принести жалобу на министра внутреннихъ дѣлъ въ Сенатъ за оставленіе безъ послѣдствій 12 ходатайствъ петербургскаго земства изъ 26. Собраніе приняло предложеніе управы. Этому постановленію предшествовали бурныя пренія и рѣзкія рѣчи. Валуевъ придалъ этому дѣлу характеръ чуть не революціонной попытки, и правительство неожиданно рѣшилось принять чрезвычайную мѣру. 16 января 1867 г. губернаторъ гр. Левашовъ объявилъ собранію высочайшее повелѣніе о распущеніи его, о закрытіи земскихъ учрежденій Петербургской губерніи впредь до особаго о томъ распоряженія, о передачѣ всѣхъ суммъ и дѣлъ земства въ учрежденія, ими ранѣе завѣдывавшія, и объ устраненіи отъ должности предсѣдателя управы и увольненіи ея членовъ. Предсѣдатель управы былъ тотъ самый Н. Ф. Крузе, который уже однажды подвергся административной карѣ, въ качествѣ цензора въ 1858 г. Теперь правительство не ограничилось увольненіемъ его отъ должности, и онъ высланъ былъ административнымъ порядкомъ на жительство въ Оренбургъ.[2] Въ обществѣ этимъ распоряженіемъ были шокированы самые умѣренные его элементы. Катковъ, не сочувствовавшій направленію, принятому петербургскимъ земствомъ, призналъ, однако, что происшедшій конфликтъ едва ли можно считать достаточнымъ для мѣръ столь чрезвычайнаго свойства.[3] Никитенко лѣтомъ 1867 г. записалъ въ своемъ „Дневникѣ“: „Самые опасные внутренніе враги наши не поляки и не нигилисты, а тѣ государственные люди, которые дѣлаютъ нигилистовъ: это закрыватели земскихъ учрежденій и подкапыватели судовъ“.[4]

Петербургское земство оставалось закрытымъ лишь до лѣта 1867 г.; но мѣропріятіе Валуева противъ земства этимъ не кончилось. 13-го іюля 1867 года были опубликованы выработанныя въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ правила о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ, дворянскихъ, городскихъ, общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Этимъ закономъ предсѣдателямъ даны огромныя дискреціонныя права относительно допущенія или недопущенія къ обсужденію того или иного вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ установлена значительная отвѣтственность ихъ за все допущенное ими въ собраніяхъ. „При такихъ обстоятельствахъ — писалъ въ 1868 году А. И. Кошелевъ — и предсѣдатель, и члены менѣе заняты дѣломъ, т. е. обсужденіемъ предметовъ, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, чѣмъ наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы не выйти изъ предѣловъ круга своего дѣй-

[1] Татищевъ II, стр. 19.
[2] Срав. Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. II, стр. 70. Вмѣстѣ съ Крузе высланъ былъ изъ Петербурга и графъ Андрей Шуваловъ, но его выслали на западъ — въ Парижъ, гдѣ онъ и жилъ до смерти (до 1876 г.).
[3] Невѣдѣнскій, н. с., 440.
[4] Никитенко, т. III, стр. 115—142.

ствія".[1] Кошелевъ указываетъ нѣсколько случаевъ недопущенія предсѣдателями къ обсужденію вопросовъ, несомнѣнно подлежащихъ вѣдѣнію земства. Онъ выражаетъ тутъ же увѣренность, что правительство, убѣдившись въ непригодности этого закона, отмѣнитъ его и возвратитъ собраніямъ самостоятельность. Но эта надежда не осуществилась, какъ мы знаемъ, и до настоящаго времени; правительство же приняло за правило, путемъ негласныхъ циркуляровъ устранять черезъ предсѣдателей тѣ или иные вопросы изъ обсужденія собраній. Того же 13 іюня 1867 г. состоялось и другое законоположеніе, запрещавшее, безъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства, печатать состоявшіяся въ земскихъ, дворянскихъ и пр. общественныхъ собраніяхъ постановленія, отчеты о засѣданіяхъ и проч. Эта мѣра вызвала большое негодованіе въ средѣ земскихъ дѣятелей и въ печати.[2] Законъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что „мѣстные администраторы, обезпокоенные, раздраженные опубликованіемъ на всю Россію ихъ дѣйствій, подняли — по словамъ Кошелева — страшный шумъ, представляли собранія и даже управы чуть-чуть не гнѣздами заговорщиковъ и бунтовщиковъ и увѣряли, что при такой будто-бы непомѣрной гласности, нѣтъ возможности управлять губерніями".[3] При примѣненіи этого закона не замедлило произойти нѣсколько курьезовъ. Оффиціозъ Валуева „Сѣверная Почта" старался оправдать и объяснить и эти курьезы, и самый законъ; но вызвалъ въ обществѣ своими лживыми и лицемѣрными статьями только еще большее раздраженіе. Катковъ указалъ по этому поводу въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", что допущеніе публики въ земскія собранія при отсутствіи гласности есть едва ли не самый дурной видъ публичности, такъ какъ здѣсь создается въ такомъ случаѣ атмосфера сплетенъ и интригъ.[4] Аксаковъ въ „Москвѣ" горячо возсталъ противъ „Сѣверной Почты", доказывалъ, что безъ полной гласности не можетъ быть и самоуправленія.[5] То же самое заявлялъ и Кошелевъ, прибавляя, что весьма многіе изъ землевладѣльцевъ, которыхъ особенно желательно привлекать къ земскому дѣлу, оправдываютъ свое уклоненіе отъ него тѣми стѣснительными мѣрами, которыя были приняты въ 1867 г.".[6]

Въ 1867 г. во многихъ губерніяхъ былъ неурожай, въ результатѣ котораго, благодаря отсутствію дорогъ, а отчасти и полной нераспорядительности и равнодушію министерства внутреннихъ дѣлъ, произошелъ настоящій голодъ. Продовольственныхъ запасовъ не оказалось въ наличности, Валуевъ старался свалить всю вину на земство, дѣятельность котораго онъ самъ же парализовалъ. Въ концѣ концовъ онъ подалъ къ общему удовольствію въ отставку; но замѣненъ былъ далеко не къ лучшему извѣстнымъ генераломъ Тимашевымъ, бывшимъ начальникомъ штаба третьяго отдѣленія.

Это произошло въ мартѣ 1868 г. Правленіе Валуева продолжалось 7 лѣтъ; мрачной памяти Тимашевъ продержался на своемъ

[1] „Голосъ изъ земства", стр. 15.
[2] Тамъ же, стр. 19.
[3] Тамъ же.
[4] Невѣдѣнскій, н. с., стр. 441.
[5] Сочиненія Аксакова, т. V, стр. 377 и 389.
[6] „Голосъ изъ земства", стр. 22.

посту цѣлыхъ 10 лѣтъ (до 1878 г.). Одновременно съ этимъ министръ юстиціи Замятнинъ былъ замѣненъ — и также не къ лучшему — гр. Паленомъ, остзейскимъ феодаломъ и противникомъ суда присяжныхъ.[1]

„Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ — писалъ въ 1868 г. Катковъ — и въ особенности ограниченіе гласности, которая есть для нихъ тоже самое, что воздухъ для организма, подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ и имъ пришлось влачить свое существованіе безъ силы, безъ одушевленія, безъ сочувствія.“[2] Голосъ земства былъ задушенъ въ самомъ началѣ и съ самаго же начала идея самоуправленія была искажена въ земскихъ учрежденіяхъ. Не лучше было къ концу 60-хъ годовъ и положеніе повременной печати. Предостереженія и другія карательныя мѣры, предоставленныя въ распоряженіе администраціи закономъ 6 апрѣля 1865 г., примѣнялись къ органамъ печати разнаго направленія съ безпощадностью. Валуевъ съ упорствомъ маньяка преслѣдовалъ свою идею подчинить печать своему вліянію и сдѣлать ее благонамѣренной на свой образецъ.[3] Особенно терпѣли отъ него славянофилы. Извѣстно, какія мытарства претерпѣлъ въ это время И. С. Аксаковъ. Самаринъ даже сочиненія Хомякова вынужденъ былъ въ это время издавать, во избѣжаніе урѣзокъ, за границей. Тамъ же онъ сталъ печатать и предпринятую имъ серію статей подъ общимъ заглавіемъ „Окраины Россіи“. Это изданіе имѣло спеціальной своей цѣлью опровергнуть тѣ невыгодныя представленія о русской политикѣ и администраціи, которыя распространялись недовольными остзейцами и другими врагами русскихъ порядковъ. И несмотря на это, несмотря на свои крупныя государственныя заслуги и испытанный патріотизмъ и лойяльность, Самаринъ за свое изданіе получилъ рѣзкій и обидный выговоръ отъ имени государя. На этотъ выговоръ онъ отвѣчалъ замѣчательнымъ письмомъ къ императору Александру, въ которомъ съ большой прямотой и достоинствомъ изложилъ свою политическую исповѣдь и весьма сильно обоснованный взглядъ на тѣ отношенія, какія должны, по его мнѣнію, существовать между правительствомъ и подданными въ самодержавномъ государствѣ.[4] Неизвѣстно, какое впечатлѣніе произвело это письмо на Александра, но продолженіе предпринятаго Самаринымъ изданія послѣдовало (заграницей же) только черезъ три года. Не довольствуясь обыкновенными мѣрами, предоставленными администраціи по закону 6 апрѣля, Валуевъ и Тимашевъ исхлопатывали иногда особыя повелѣнія на прекращеніе нѣкоторыхъ изданій. Такъ былъ прекращенъ Аксаковскій „Москвичъ“ по докладу Валуева въ 1868 г., а затѣмъ „Москва“ по представленію Тимашева, при чемъ Аксаковъ получилъ, впрочемъ, отъ сената разрѣшеніе защищать свое дѣло; онъ даже выигралъ его въ сенатѣ, но проигралъ въ государственномъ совѣтѣ. Въ 1869 г., когда судъ оправдалъ извѣстнаго издателя Флор. Фед. Павленкова, привлеченнаго къ суду главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, за изданіе

[1] Татищевъ, т. II, гл. XIX.
[2] „Моск. Вѣд.“ за 1868 г. № 208. Невѣдѣнскій, н. с., стр. 442.
[3] Никитенко, т. II и III, passim.
[4] Сочиненія Самарина, т. VIII.

сочиненій Писарева, то Тимашевъ выслалъ Павленкова изъ Петербурга административнымъ порядкомъ.[1]

Изъ литераторовъ болѣе радикальнаго направленія во это время большая часть пребывала въ ссылкѣ, или сидѣла по тюрьмамъ. Чернышевскій былъ сосланъ еще въ 1863 г., Писаревъ лишь въ 1866 былъ выпущенъ изъ крѣпости и черезъ 1½ года утонулъ, Зайцевъ эмигрировалъ, Шелгуновъ былъ въ ссылкѣ въ Вологодской губ.; Щаповъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь. Тамъ же были Михайловъ, Обручевъ, Серно-Соловьевичъ; Соколовъ и Лавровъ бѣжали изъ ссылки за границу; Берви (Флеровскій) сосланъ былъ административнымъ порядкомъ въ Астрахань. Про это именно время Глѣбъ Успенскій писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Сплоченныхъ литературныхъ кружковъ, къ которымъ могли бы пристать начинающіе писатели — ничего тогда налицо не было. Все удручало насъ и дѣлало одинокими. А между тѣмъ общество, вступавшее въ совершенно новый періодъ жизни, требовало отъ литературы — и имѣло на это право — многосложной и внимательной работы.“ Находя, однако же, что законъ 6 апрѣля 1865 года не даетъ достаточныхъ средствъ администраціи для обуздыванія печати, Тимашевъ выхлопоталъ учрежденіе новой комиссіи для пересмотра и переработки его съ цѣлью усиленія репрессивныхъ мѣръ. Комиссія эта была учреждена въ 1869 г. подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря кн. Урусова.[2]

Среди этого дикаго разгула власти, подъ покровомъ безгласности и произвола не замедлили получить полный ходъ и распространеніе самыя низкія и грязныя злоупотребленія. Вотъ какъ описываетъ въ своихъ запискахъ высшія сферы Петербурга А. И. Кошелевъ, пріѣхавшій въ Петербургъ въ 1868 г. хлопотать о продажѣ Николаевской желѣзной дороги „Московскому товариществу“ и прожившій въ Петербургѣ благодаря этому дѣлу цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. „Въ это время — писалъ онъ — я узналъ такія вещи, какихъ возможность даже не подозрѣвалъ. Взяточничество, личные денежные разсчеты, обходы законныхъ путей и проч. дошли въ Петербургѣ до крайнихъ предѣловъ. Всего можно достигнуть и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ справедливѣйшемъ, въ законнѣйшемъ можно получить отказъ. У большинства властей предержащихъ имѣются любовницы, жадно берущія деньги, имъ предлагаемыя, и затѣмъ распоряжающіяся деспотически своимъ возлюбленными. У иныхъ сановниковъ имѣются секретари или довѣренныя лица, исполняющія обязанности любовницъ и дѣлящія деньги со своими довѣрителями. Безнравственность, безсовѣстность и безсмысліе высшей администраціи превзошли всѣ мошенничества и нелѣпости губернскихъ и уѣздныхъ чиновниковъ. Надо пожить въ Петербургѣ и имѣть тамъ значительныя дѣла, чтобы извѣдать всю глубину и ширь безпутства центральной нашей администраціи.“[3]

Чрезвычайно некрасивую роль въ томъ дѣлѣ, о которомъ разска-

---

[1] Всѣ эти факты у Никитенка въ т. III.

[2] О работахъ ея у К. К. Арсеньева „Законодательство о печати“, стр. 72—85.

[3] „Записки А. И. Кошелева“, стр. 191. Въ своихъ воспоминаніяхъ совершенно такую же характеристику Петербурга того времени даетъ кн. П. А. Кропоткинъ, называя его „Петербургомъ кафешантановъ и танцклассовъ“ (стр. 228).

зываетъ Кошелевъ, игралъ и великій князь Константинъ Николаевичъ, охладѣвшій къ этому времени къ дѣлу великихъ преобразованій и увлекавшійся раздачей концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ и тому подобными сомнительными дѣлами. Здѣсь я не имѣю возможности останавливаться на этомъ; но все безобразіе постройки желѣзныхъ дорогъ прекрасно выяснено въ свое время А. А. Головачевымъ[1] и весьма цѣнныя данныя по этой части приведены и во второмъ томѣ біографіи Александра II, написанной Татищевымъ.[2]

Вообще среди лицъ, окружавшихъ въ это время Александра II, среди ярыхъ реакціонеровъ и гасителей всякой независимой мысли, какъ Толстой, Тимашевъ, Шуваловъ, безпринципныхъ бездарностей вродѣ Палена и Зеленаго, весьма сомнительныхъ дѣятелей, какъ Рейтернъ и несомнѣнныхъ воровъ, какъ Грейчъ, оставались свѣтлымъ исключеніемъ лишь военный министръ Д. А. Милютинъ, да государственный контролеръ В. А. Татариновъ. Но въ 1871 г. умеръ и Татариновъ, еще раньше сошелъ со сцены пораженный нервнымъ ударомъ Н. А. Милютинъ. Соратники Милютина по крестьянской реформѣ Самаринъ и Черкасскій ушли въ частную жизнь. Главный дѣятель судебной реформы С. И. Зарудный и бывшій министръ народнаго просвѣщенія Головнинъ безвозвратно впали въ немилость. Очередныя преобразованія, намѣченныя еще въ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ правда продолжали разрабатываться въ различныхъ министерскихъ комиссіяхъ чисто бюрократическаго состава, но за то и вышли они оттуда искалѣченными или мертворожденными (кромѣ реформы воинской повинности, которая принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ преобразованій эпохи реформъ). 16-го іюня 1870 г. издано было новое городовое положеніе. Въ томъ же году поставленъ былъ на очередь податной вопросъ, предложенный на обсужденіе земствъ. Это послѣднее обстоятельство нѣсколько оживило дѣятельность земствъ и привлекло къ разработкѣ важнаго податного вопроса лучшихъ людей страны; но какъ извѣстно, выработанныя земствомъ широкія и цѣлесообразныя справедливыя демократическія начала, такъ и остались подъ спудомъ. 2 ноября былъ утвержденъ замѣчательный докладъ военнаго министра о преобразованіи воинской повинности на всесословныхъ началахъ. Въ то же время патріотическія чувства россіянъ были пріятно польщены циркуляромъ канцлера Горчакова о томъ, что Россія не считаетъ болѣе себя связанною постановленіями парижскаго договора объ ограниченіи своихъ правъ на Черномъ морѣ. Правительство рѣшилось тогда на этотъ шагъ послѣ разгрома Франціи Германіей, заручившись согласіемъ Бисмарка. Это торжественное заявленіе, въ связи съ проблесками преобразовательной дѣятельности правительства, во многихъ возбудило надежды на поворотъ къ лучшему. Даже такой трезвый и осторожный политикъ какъ Юрій Самаринъ въ письмѣ къ баронессѣ Э. Ф. Раденъ выражалъ въ это время надежду на близкое осуществленіе справедливой демократической податной реформы и дарованія правительствомъ русскому народу свободы слова и свободы

[1] „Исторія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи". СПБ. 1881.
[2] Татищевъ, II, 188—216.

вѣроисповѣданій.[1] Но изъ всѣхъ представленныхъ правительству въ это время адресовъ дворянскими и земскими собраніями, думами и даже сельскими обществами эти надежды были выражены лишь въ адресѣ Московской городской думы, составленномъ кн. В. А. Черкасскимъ, который былъ въ это время московскимъ городскимъ головой, при редакціонномъ участіи И. С. Аксакова. Ю. Ф. Самаринъ, какъ онъ самъ писалъ баронессѣ Раденъ, не прежде согласился подписать этотъ адресъ, какъ увѣрившись, что гласные думы (около 150 человѣкъ), въ томъ числѣ и купцы, и мѣщане, принимаютъ его единогласно, при томъ съ полнымъ разумѣніемъ его содержанія, послѣ подробнаго обсужденія.[2] Вслѣдъ за выраженіемъ патріотической радости по случаю отмѣны унизительныхъ для Россіи статей парижскаго трактата въ адресѣ этомъ было сказано: „какія бы испытанія ни грозили намъ нынѣ, они — мы увѣрены — не застанутъ Россію неприготовленною; они несомнѣнно найдутъ Россію тѣсно сомкнутою вокругъ вашего престола.

„Но съ большею вѣрою, чѣмъ въ прежнія времена глядитъ нынѣ Россія на свое будущее, слыша въ себѣ непрестанно духовное обновленіе. Каждое изъ вашихъ великихъ преобразованій, совершенныхъ, совершаемыхъ и чаемыхъ, служитъ для нея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для вашего величества, источникомъ новой крѣпости. Никто не стяжалъ такихъ правъ на благодарность народа, какъ вы, государь, и никому не платитъ народъ такою горячею признательностью. Отъ васъ принялъ онъ даръ и въ васъ же самихъ продолжаетъ онъ видѣть надежнѣйшаго стража усвоенныхъ ему вольностей, ставшихъ для него отнынѣ хлѣбомъ насущнымъ. Отъ васъ однихъ ожидаетъ онъ и довершенія вашихъ благихъ начинаній и первѣе всего — простора мнѣнію и печатному слову, безъ котораго никнетъ духъ народный и нѣтъ мѣста искренности и правдѣ въ его отношеніяхъ къ власти; свободы церковной, безъ которой не дѣйственна и самая проповѣдь; наконецъ, свободы вѣрующей совѣсти, — этого драгоцѣннѣйшаго изъ сокровищъ для души человѣческой.

„Государь! Дѣла внутреннія и внѣшнія связуются неразрывно. Залогъ успѣховъ въ области внѣшней лежитъ въ той силѣ народнаго самосознанія и самоуваженія, которую вноситъ государство во всѣ отправленія своей жизни. Только неуклоннымъ служеніемъ началу народности укрѣпляется государственный организмъ, сплачиваются съ нимъ его окраины и созидается то единство, которое было неизмѣннымъ историческимъ завѣтомъ вашихъ и нашихъ предковъ и постояннымъ знаменемъ Москвы отъ начала ея существованія. Подъ этимъ знаменемъ, государь, по первому вашему зову, всѣ сословія народныя соберутся и нынѣ, и уже безъ различія званій, дружною ратью, въ непоколебимой надеждѣ на милость божью, на правоту дѣла и на васъ. Довѣріе со стороны царя къ своему народу, разумное самообладаніе въ свободѣ и честность въ покорности со стороны народа, взаимная неразрывная связь царя и народа, основанная на общеніи народнаго духа, на согласіи стремленій и вѣро-

[1] Письмо отъ 17 ноября 1870 г. „Переписка Ю. Ф. Самарина съ баронессою Э. Ф. Раденъ“ стр. 152.
[2] Тамъ же.

ваній — вотъ наша сила, вотъ историческое призваніе. Да, государь, „вашей волѣ“ — скажемъ мы въ заключеніе словами нашихъ предковъ въ отвѣтъ ихъ первовѣнчанному предку вашему въ 1642 году — „вашей волѣ готовы мы служить и достояніемъ нашимъ, и кровью, а наша мысль такова.“[1]

Этотъ адресъ, какъ видитъ читатель, составленъ былъ въ правовѣрно-славянофильскомъ духѣ. Можно подумать, что его писалъ самъ Константинъ Аксаковъ. О конституціи или ограниченіи самодержавія въ немъ не было и помину. Тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ очень дурно правительствомъ. Правительство желало очевидно рабскаго преклоненія, а не честной покорности; оно желало слышать лишь голосъ лести, а не голосъ свободнаго и независимаго мнѣнія страны. Министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ возвратилъ думскій адресъ московскому генералъ-губернатору, объявивъ, что онъ не нашелъ возможнымъ представить адресъ государю, а министръ императорскаго двора отозвался о немъ въ оффиціальной бумагѣ, какъ о составленномъ „въ неумѣстной и неприличной формѣ“.[2] Этимъ инцидентомъ подтверждена была еще разъ неосуществимость славянофильскаго идеала и невозможность совмѣстнаго существованія свободы и самодержавія. Едва ли нужно пояснять, что хотя Тимашевъ писалъ, что не нашелъ возможнымъ представить адресъ императору, онъ дѣлалъ это, конечно, по приказанію Александра послѣ доклада ему самаго адреса.[3] Такимъ образомъ къ началу семидесятыхъ годовъ, несмотря на продолжавшіяся по инерціи преобразованія, всякое либеральное движеніе въ обществѣ было совершенно задавлено. Люди, воодушевленные когда-то освободительными идеями начала царствованія, мечтавшіе о свѣтломъ будущемъ своего отечества и о свободной, широкой общественной дѣятельности, теперь на все махнули рукой, ушли въ частную, домашнюю жизнь и уклонялись даже отъ участія въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи, въ виду того жалкаго, зависимаго положенія, въ которое были поставлены стараніями Валуева и Тимашева вновь созданныя земскія и городскія учрежденія. Занимаясь хозяйствомъ въ своихъ имѣніяхъ, терпя неизбѣжные въ такое переходное время убытки, раздражаясь повседневными столкновеніями съ крестьянами, многіе помѣщики, недавно либеральные и, повидимому, гуманно настроенные, превращались мало по малу въ озлобленныхъ консерваторовъ и настоящихъ кулаковъ. Другіе просто обростали мхомъ въ своихъ берлогахъ. Третьи разорялись и поступали на государственную службу, превращаясь въ чиновниковъ. Наиболѣе предпріимчивые пристраивались къ желѣзнодорожному строительству, занимаясь всякими не въ мѣру развившимися въ это глухое время спекуляціями и биржевой игрой.[4]

---

[1] „Переписка Ю. Ф. Самарина съ баронессою Э. Ф. Раденъ“, стр. 150. Выдержка изъ этого адреса приведена и у Татищева, II, стр. 42.

[2] Татищевъ, II, 43.

[3] О толкахъ и вообще впечатлѣніи, которое адресъ возбудилъ при дворѣ есть свѣдѣнія въ письмѣ баронессы Раденъ къ Ю. Ф. Самарину отъ 5 декабря 1870 г. („Переписка“, стр. 155). Въ это самое время изъ „Вѣстника Европы“ вырѣзанъ былъ напечатанный тамъ въ приложеніи къ ст. А. Н. Пыпина Новосильцовскій проектъ конституціи 1818 г., и Тимашевъ въ разговорѣ съ Стасюлевичемъ, редакторомъ журнала, прямо сказалъ ему, что проектъ этотъ не былъ бы вырѣзанъ, если бы въ это время москвичи не представили свой адресъ (!). Никитенко, т. III, 252.

[4] Эти типы помѣщиковъ и отставныхъ либераловъ представлены и въ романахъ того времени: въ „Трудномъ времени“ Слѣпцова, въ „Дымѣ“ Тургенева и проч.

19.

Зато болѣе демократическіе слои общества изъ разночинцевъ и „кающихся дворянъ“, и въ особенности учащаяся молодежь, не могли примириться съ наступившей реакціей и съ крушеніемъ всѣхъ идеаловъ, созданныхъ проснувшеюся жизнью и литературой шестидесятыхъ годовъ. На молодежи наступившая реакція отзывалась особенно тяжело и рѣзко. Молодежь не могла забыть того почетнаго и выдающагося положенія передовыхъ представителей и чуть не учителей общества, которое создано было для нея не задолго передъ тѣмъ Писаревымъ, Зайцевымъ, Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и вообще общественнымъ и литературнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Теперь же Толстой съ преднамѣренною жестокостью вводилъ свой грубый репрессивный режимъ, въ высшей степени безтактный и оскорбительный для молодежи. Волненія не только не прекращались, но разростались, правительство не уступало, исключало студентовъ изъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній массами и разсылало исключенныхъ административнымъ порядкомъ по разнымъ городамъ и вѣсямъ Россійской имперіи. Исключаемые студенты являлись домой или въ мѣста высылки, часто озлобленные до послѣдней степени, и тотчасъ приступали къ антиправительственной пропагандѣ среди общества и въ особенности среди младшихъ своихъ сестеръ и братьевъ, среди гимназистовъ и гимназистокъ старшихъ классовъ, среди семинаристовъ и даже воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній. Они вели свою пропаганду вооруженные той нигилистической литературой шестидесятыхъ годовъ, которую дали имъ ихъ учителя: Писаревъ, Зайцевъ, Шелгуновъ, Добролюбовъ и Чернышевскій....[1] Такимъ образомъ само правительство какъ будто нарочно заботилось создать своими мѣрами обширные кадры революціонныхъ дѣятелей, непрестанно пополнявшіеся. Не доставало только опредѣленной, окончательно сформированной программы, которая объединила бы и направила къ одной ясно сознанной цѣли эти революціонно настроенныя массы выбитой изъ колеи молодежи.

Впрочемъ, такая программа или, по крайней мѣрѣ, ея элементы уже давно носились въ воздухѣ. Интересы народа, то неприглядное положеніе, въ которомъ онъ находился по выходѣ изъ крѣпостного состоянія, и которое яркими красками было описано беллетристами-народниками, начиная съ Николая Успенскаго, Рѣшетникова, Левитова и Наумова, сильно привлекало къ себѣ вниманіе общества въ шестидесятыхъ годахъ и будило совѣсть, ставя передъ людьми чуткими и, въ особенности, передъ молодежью вопросъ „объ уплатѣ долга народу“. Роль беллетристовъ-народниковъ въ направленіи нашего общественнаго движенія еще и до настоящаго времени не достаточно выяснена, а нѣкоторымъ изъ нихъ и до сихъ поръ не отдано даже простой справедливости. Такъ извѣстный нашъ критикъ г. Скабичевскій — самъ по направленію народникъ — представляетъ намъ въ своей „Исторіи новѣйшей русской литературы“ Николая

[1] Срав. любопытныя свѣдѣнія объ этой пропагандѣ, сообщаемыя баронессой Раденъ Ю. Ф. Самаринну въ письмѣ отъ 5 декабря 1870 г. („Переписка“, стр. 155). Тамъ же и о мрачномъ настроеніи, которое эти свѣдѣнія вызывали въ императорѣ Александрѣ.

Успенскаго какимъ-то собирателемъ пошлыхъ анекдотовъ изъ крестьянской жизни; на самомъ же дѣлѣ Николаю Успенскому принадлежитъ заслуга перваго писателя, рѣшившагося безъ прикрасъ съ полной истиной представить то ужасное положеніе, въ которомъ находился народъ по выходѣ изъ крѣпостного положенія. Его живые и талантливые очерки взывали прямо къ совѣсти образованнаго русскаго общества. Они ставили передъ этимъ обществомъ огромную и тяжелую задачу поправить то вѣками накопленное зло, которое было исторіей причинено народу, просвѣтить мужика, воскресить въ немъ человѣка. Недаромъ Чернышевскій назвалъ свою статью о Николаѣ Успенскомъ „Не начало ли перемѣны?“ Можно сказать, однако, что и Чернышевскій не успѣлъ сдѣлать изъ сочиненій Успенскаго всѣхъ тѣхъ выводовъ, которые изъ нихъ критика могла и должна была сдѣлать. Вслѣдъ за Николаемъ Успенскимъ дружно выступила цѣлая фаланга молодыхъ беллетристовъ-народниковъ. Это все были люди, близко видѣвшіе народъ и сами своею горемычною жизнью не мало хлебнувшіе того горя, которое вѣками сосало народъ. Въ живыхъ картинахъ, густыми и мрачными красками рисовали они именно темныя стороны народной жизни, и люди, сколько-нибудь чуткіе, не могли не сознать, что съ этимъ зломъ мириться нельзя, и что на нихъ лежитъ тяжкій и вмѣстѣ святой долгъ устранить это зло, залѣчить эти язвы какъ можно скорѣе и вывести народъ на свѣтлую и широкую дорогу. Что касается собственно молодежи, то еще Герценъ писалъ послѣ перваго же университетскаго разгрома въ самомъ концѣ 1861 года: „Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку? Сказать вамъ: куда? — Прислушайтесь — благо тьма не мѣшаетъ слушать — со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра растетъ стонъ, поднимается ропотъ — это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. Въ народъ! къ народу! — вотъ ваше мѣсто, изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не подъячіе, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русскаго!“ [1]

Къ концу шестидесятыхъ годовъ этотъ пароль: „въ народъ“ подхватила, развила и обосновала и радикальная пресса того времени. Разстроенная и разбитая въ періодъ 1863—1866 годовъ, она медленно и съ большими препятствіями, но все же начала собираться послѣ 1866 года. Прежде другихъ Благосвѣтловское „Дѣло“ замѣнило уже въ 1867 году закрытое „Русское Слово“; оно не могло, правда, возстановить и поддержать вполнѣ прежнихъ принциповъ, такъ какъ въ томъ же году изъ него вышелъ, послѣ ссоры съ Благосвѣтловымъ, Писаревъ, а вслѣдъ за нимъ и Зайцевъ, но все же прежнее направленіе, хотя и съ меньшимъ блескомъ, поддерживалось Н. В. Шелгуновымъ.[2] Въ 1868 г. Некрасовъ арендовалъ у Краевскаго „Отечественныя Записки“. При этомъ въ составѣ прежней редакціи „Современника“ произошелъ расколъ. Въ „Отечественныя

[1] „Колоколъ“ за 1861 г. отъ 11 ноября № 110.

[2] См. „Воспоминанія“ Шелгунова, сочиненія, т. II, стр. 736 и слѣд. и въ „Переходныхъ характерахъ“, стр. 784 и слѣд.

Записки“ Некрасова вступили съ самаго же начала два столпа „Современника“: Елисеевъ и Салтыковъ. Съ Антоновичемъ и Жуковскимъ произошла ссора, поведшая вскорѣ къ довольно скандальнымъ нападкамъ ихъ на Некрасова и Елисеева. А. Н. Пыпинъ еще раньше примкнулъ къ новому журналу, основанному въ 1866 г. М. М. Стасюлевичемъ, „Вѣстнику Европы“. Пошатнувшаяся репутація Некрасова, вслѣдствіе печальныхъ компромиссовъ и реверансовъ его передъ властями предержащими въ 1865 и 1866 годахъ, отталкивала многихъ отъ новой редакціи гораздо больше, нежели мнимый союзъ Некрасова съ Краевскимъ.[1] Достаточно вспомнить, съ какими опасеніями и неохотой вступилъ въ 1868 г. въ „Отечественныя Записки“ Н. К. Михайловскій, прекрасно освѣтившій въ своихъ воспоминаніяхъ тогдашнее положеніе этой новой редакціи.[2] Однако, въ томъ же году къ „Отечественнымъ Запискамъ“ присоединились: Писаревъ, Глѣбъ Успенскій, Курочкинъ, Демертъ, Скабичевскій и др., и журналъ не замедлилъ принять опредѣленный демократическій и радикальный оттѣнокъ, который упрочился и сохранился въ немъ до конца его существованія.

Пока прежнія редакціи „Современника“ и „Русскаго Слова“ возстановлялись съ такимъ трудомъ послѣ краха 1866 г., въ томъ же году открылся новый источникъ руководящихъ идей — „Недѣля“. Во главѣ этого журнала оффиціально сталъ д-ръ Конради, а фактически его жена, одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ передовыхъ женщинъ Евг. Ив. Конради. Хотя въ началѣ „Недѣля“ выставила очень скромную программу и заявила даже, что, считая своей главной обязанностью отзываться на назрѣвшія потребности дѣйствительной жизни, она будетъ избѣгать громкихъ фразъ и тенденціонныхъ выходокъ и „не желаетъ принадлежать ни къ какой крайней партіи“, однако же сдѣлано было это заявленіе повидимому главнымъ образомъ для отвода глазъ властямъ придержащимъ, такъ какъ въ руководительствѣ журнала съ самаго же начала принималъ участіе такой радикалъ, какъ П. Л. Лавровъ, и уже въ 1868 г. въ „Недѣлѣ“ появляются знаменитыя „Историческія письма“ Миртова, написанныя тѣмъ же П. Л. Лавровымъ, сосланнымъ въ это время въ Вятскую губернію.[3]

Въ 60-ые годы съ легкой руки писателей „Русскаго Слова“ главными (и даже единственными истинными) освободителями человѣческой мысли считались матеріалисты. Поэтому и обратно — по весьма понятному недоразумѣнію — всякій борецъ противъ схоластики и мистицизма считался многими, даже образованными людьми — за матеріалиста. На этомъ основаніи и Лаврова многіе считали матеріалистомъ. Неправильность такого мнѣнія о Лавровѣ была уже указана однимъ изъ его учениковъ В. В. Лесевичемъ.[4]

---

[1] Объ этомъ см. брошюру „Матеріалы для характеристики современной русской литературы“, изд. въ 1869 г. Антоновичемъ и Жуковскимъ; „Литературныя воспоминанія“ Н. К. Михайловскаго (т. I), тамъ же воспоминанія объ Елисеевѣ и „Воспоминанія“ М. А. Антоновича въ „Журналѣ для всѣхъ“ за 1903 г. № 2.

[2] „Литературныя воспоминанія и современная смута“, т. I, стр. 46 и слѣд.

[3] Срав. воспоминанія В. В. Стасова „Надежда Васильевна Стасова“, стр. 164 и слѣд. Въ 1868 г. въ „Недѣлѣ“ участвовалъ и Н. К. Михайловскій. Изъ беллетристовъ въ ней помѣщали свои произведенія: Рѣшетниковъ, Левитовъ и Глѣбъ Успенскій. Тутъ же помѣщались „Очерки изъ исторіи рабочаго сословія во Франціи“ А. Михайлова (Шеллера).

[4] „На славномъ посту“, „Страничка изъ воспоминаній“, стр. 153—156.

Хотя съ начала 60-хъ годовъ Лавровъ считался многими однимъ изъ опаснѣйшихъ нигилистовъ, но въ сущности его философскія лекціи, изложенныя всегда очень отвлеченно и притомъ тяжелымъ языкомъ, не могли имѣть большого вліянія рядомъ съ блестящими, увлекательными и легкими статьями Писарева, Соколова и Зайцева. Но свои политическіе взгляды Лавровъ изложилъ въ „Историческихъ письмахъ“ съ гораздо большею ясностью и простотой и, такъ какъ эти взгляды вполнѣ гармонировали съ настроеніемъ учащейся молодежи конца 60-хъ годовъ, то они и послужили для нея надолго своего рода маякомъ.

Писаревъ и другіе писатели „Русскаго Слова“ ставили своей задачей, освобождать умы своихъ читателей отъ предразсудковъ и убѣжденій, привитыхъ средой; они не давали опредѣленной программы общественной дѣятельности и не указывали опредѣленнаго идеала общественнаго строя, во имя котораго можно было бы начать борьбу съ существующимъ государственнымъ строемъ. Между тѣмъ настроеніе молодежи, изгоняемой изъ университетовъ и оскорбляемой въ лучшихъ своихъ чувствахъ, было въ то время таково, что требовало борьбы уже не съ предразсудками, не съ вѣрованіями, не съ мистицизмомъ, а съ самимъ правительствомъ, съ государственной властью. Чѣмъ сильнѣе были притѣсненія со стороны этой послѣдней, тѣмъ рѣзче сказывалась потребность протеста и борьбы. Миртовъ далъ формулу во имя которой эта борьба могла быть обоснована и предпринята; притомъ его формула вполнѣ соотвѣтствовала тому общественному настроенію, которое, образовавшись подъ вліяніемъ крестьянской реформы, росло и развивалось съ тѣхъ поръ въ захватывающихъ душу произведеніяхъ беллетристовъ-народниковъ.

„Развитіе личности въ физическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніи, воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости—вотъ краткая формула, обнимающая, по словамъ Миртова, все, что можно считать прогрессомъ.“

Исходя изъ этой формулы, Миртовъ указывалъ и условія, при которыхъ все это можетъ быть достигнуто и отсюда выводилъ и общественныя обязанности каждой критически мыслящей личности. На роль такой личности въ исторіи онъ смотрѣлъ, какъ на обязательную для нея уплату цѣны прогресса. „Всякое цивилизованное меньшинство, — писалъ Миртовъ — которое не хотѣло быть цивилизующимъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, несетъ отвѣтственность за всѣ страданія современниковъ, которыя оно могло устранить, если бы не ограничилось ролью представителя и хранителя цивилизаціи, а взяло на себя и роль ея двигателя.“

„Воплощеніе въ общественныхъ формахъ истины и справедливости“, какъ цѣль человѣческой дѣятельности и обязательность стремленія къ достиженію этой цѣли давали молодежи то обоснованіе ея поведенія, котораго Писаревъ не давалъ. Въ первую часть своей формулы Миртовъ включилъ полностью идеалъ Писарева и другихъ нигилистовъ шестидесятыхъ годовъ; но во второй ея части онъ прибавилъ огромную поправку къ этому идеалу — ту самую поправку, которая могла удовлетворить встревоженную совѣсть тогдашняго „молодого поколѣнія“.

Позднѣе соціологическое ученіе Н. К. Михайловскаго осуществило эту задачу съ гораздо большимъ блескомъ и силой, но Миртовъ былъ первый изъ русскихъ мыслителей-публицистовъ, давшій молодежи ту самую формулу, въ которой она нуждалась, чтобы разобраться въ доставшихся ей въ наслѣдство принципахъ шестидесятыхъ годовъ и умѣть вынести изъ нихъ извѣстную руководящую программу практической дѣятельности. Въ 1870 г. „Историческія письма“ Миртова вышли отдѣльнымъ изданіемъ, и Н. В. Шелгуновъ, критиковавшій ихъ тогда въ „Дѣлѣ“, со старой Писаревской точки зрѣнія, несмотря на несогласіе со многими взглядами Миртова, горячо рекомендовалъ публикѣ его книгу, прямо указавъ на нее, какъ на выдающееся явленіе, какого давно не было въ нашей литературѣ.[1]

Программа, изложенная Миртовымъ въ „Историческихъ письмахъ“, отнюдь не была программой спеціально революціонной. Она давала огромный просторъ для выбора способовъ и путей для дѣятельности и борьбы; она могла поэтому удовлетворить широкіе круги идейно настроенной молодежи. Подъ рубрики этой формулы удобно подводились и самыя крайнія революціонныя программы, и мирныя программы народниковъ-культуртрегеровъ, которые главнымъ образомъ и объединялись въ то время подъ знаменемъ „Недѣли“.

Болѣе опредѣленная и уже чисто революціонная программа была выставлена въ это время заграничными русскими эмигрантами: М. А. Бакунинымъ, главой анархической фракціи интернаціональнаго союза рабочихъ, и присоединившимся къ нему Ник. Ив. Жуковскимъ, который предпринялъ въ 1868 г. изданіе журнала „Народное Дѣло“. Въ № 1 этого журнала выставлена была программа глубоко революціонная по своимъ цѣлямъ, хотя и не дававшая вполнѣ точныхъ указаній относительно путей ея осуществленія. Первый пунктъ этой программы вполнѣ соотвѣтствовалъ первой части Лавровской формулы, требовавшей всесторонняго развитія личности; но онъ ставилъ уже точки надъ і и указывалъ, что умственное освобожденіе можетъ быть достигнуто только путемъ атеизма и матеріализма. Что же касается воплощенія въ общественныя формы истины и справедливости, то подъ нимъ разумѣлось уже опредѣленно соціально-экономическое освобожденіе народа и полное разрушеніе государства съ упраздненіемъ всякихъ властей. Соціально-экономическое освобожденіе должно было выразиться: въ упраздненіи всякой наслѣдственной собственности, въ передачѣ земли — общинамъ земледѣльцевъ, а фабрикъ, капиталовъ и прочихъ орудій производства — рабочимъ ассоціаціямъ; въ уравненіи правъ женщинъ съ мужчинами и упраздненіи брака и семьи, и, наконецъ, въ общественномъ воспитаніи дѣтей.[2] Эта была чисто анархическая программа, хотя приверженцы ея могли быть по способамъ своей дѣятельности, какъ показали послѣдствія, и не разрушителями, а вполнѣ мирными пропагандистами, напоминавшими „времена апостольскія“ и вызывавшими, какъ напримѣръ Бардина и другія участницы процесса 50-ти, умиленіе даже среди буржуазной и чиновничьей публики,

[1] „Историческая сила критической личности“, Сочиненія т. II, стр. 338.
[2] У Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 87—89.

присутствовавшей на судѣ.[1] Позднѣе Бакунинъ стремился доказать, что осуществленіе этой программы возможно лишь при помощи системы народныхъ бунтовъ съ активнымъ и непосредственнымъ участіемъ въ нихъ интеллигентныхъ революціонеровъ; но съ этимъ соглашались далеко не всѣ анархисты-народники.[2]

Рѣзко революціонную программу по самому способу ея осуществленія выставилъ въ 1869 г. отдѣлившійся отъ Бакунина молодой революціонеръ Нечаевъ, основатель общества „Народной Расправы". Къ самому Бакунину Нечаевъ относился съ высока. „Бакунинъ правъ — писалъ онъ — что молодежи надо бросать университеты, академіи и проч. и итти въ народъ; но для чего?" Бакунинъ этого, будто бы не говорилъ. Нечаевъ же говорилъ прямо — для разрушенія, для одного только разрушенія всего существующаго политическаго, соціальнаго и семейнаго строя. Постройка вновь — задача будущихъ поколѣній. Дѣло Каракозова въ глазахъ Нечаева только прологъ. Полное разрушеніе послѣдуетъ за всеобщимъ возстаніемъ; пока же Нечаевъ предлагалъ начать „устранять препятствія" въ лицѣ 1. тѣхъ, кто занимаетъ высшія должности и особенно усердно выполняетъ свои обязанности; 2. тѣхъ, кто владѣетъ капиталами и не хочетъ отдать своихъ средствъ добровольно на общее дѣло и 3. тѣхъ, кто разсуждаютъ и пишутъ по найму и ожидаютъ разныхъ подачекъ отъ правительства. Въ эту послѣднюю категорію были зачислены не только такіе публицисты, какъ Катковъ и Скарятинъ, но и Ламанскій, и Погодинъ, и Краевскій, и даже А. Д. Градовскій. Только самого Александра II, по плану Нечаева, не слѣдовало убивать, потому что ему онъ хотѣлъ приготовить казнь помучительнѣй — всенародную: „Мы убережемъ его — писалъ Нечаевъ въ звѣрской своей прокламаціи — для казни мучительной, торжественной, передъ лицомъ всего освобожденнаго чернаго люда, на развалинахъ государства."[3] Напечатавъ эту программу, Нечаевъ поѣхалъ въ 1869 г. въ Россію, гдѣ сорганизовалъ нѣсколько кружковъ (пятерокъ) разныхъ степеней, съ безусловнымъ и безпрекословнымъ подчиненіемъ низшихъ высшимъ, причемъ каждый такой кружокъ долженъ былъ знать только одного члена выше стоящаго кружка. Себя Нечаевъ выдавалъ за посредника между системой образованныхъ имъ кружковъ и „центральнымъ комитетомъ", котораго на дѣлѣ не существовало. Основанный имъ „главный московскій кружокъ" состоялъ изъ пяти молодыхъ людей: Успенскаго, Прыжова, Николаева, Кузнецова и Иванова. Вскорѣ (осенью 1869 г.) Нечаевъ велѣлъ этому кружку убить своего сочлена Иванова, подозрѣвавшагося въ отступничествѣ. Этотъ приказъ Нечаева былъ выполненъ безпрекословно.

Очевидно, что политическій авантюристъ съ пріемами шарлатана и инстинктами настоящаго злодѣя, подобный Нечаеву, могъ имѣть успѣхъ лишь среди самой зеленой молодежи или людей совершенно безвольныхъ. Лишь полное отсутствіе свободы печати и то состояніе террора, въ которое наше правительство ввергло все русское общество послѣ 1866 года, да крайнее озлобленіе молодежи, тѣснимой и

---

[1] Изъ статьи Степняка (С. М. Кравчинскаго), тамъ же, стр. 124.
[2] Тамъ же, стр. 99—105.
[3] „Народная Расправа" (1869—1871). Отрывки изъ нея приведены у Бурцева, ч. I, стр 90—97.

оскорбляемой мѣропріятіями Толстого, могли создать для Нечаева почву, на которой онъ могъ уловлять въ свои сѣти неопытныхъ юношей и безвольныхъ людей. Слѣдуетъ однако же констатировать, что жатва его была сравнительно очень обильна, если принять въ разсчетъ краткость времени, въ теченіи котораго онъ дѣйствовалъ. По процессу нечаевцевъ судилось 87 лицъ, изъ которыхъ 4 были приговорены въ каторгу, 2 на житье въ Сибирь и 27 къ тюремному заключенію на разные сроки. Остальные были по суду оправданы, но многіе изъ нихъ тотчасъ же были отправлены въ ссылку административнымъ порядкомъ.[1] Нечаевъ и его принципы, обнаруженные на судѣ, оказали плохую услугу дѣлу русскихъ революціонеровъ, тѣмъ болѣе, что многіе склонны были принять Нечаева за нормальное выраженіе революціонныхъ идей. Такую именно мысль проводилъ въ своемъ извѣстномъ романѣ-памфлетѣ „Бѣсы“ старый петрашевецъ Ф. М. Достоевскій. Но Достоевскій встрѣтилъ себѣ рѣзкій отпоръ въ даровитомъ молодомъ критикѣ „Отечественныхъ Записокъ“ Н. К. Михайловскомъ, который, нисколько не пытаясь обѣлить нечаевщины, рѣзко протестовалъ противъ смѣшенія съ ней въ одну кучу честныхъ революціонныхъ идей и стремленій.[2] Противъ нечаевщины же поднялось рѣзкое движеніе въ средѣ самой революціонной и народнической молодежи. Кн. Кропоткинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что кружокъ „Чайковцевъ“, имѣвшій такое выдающееся значеніе въ исторіи русскаго революціоннаго движенія, „возникъ изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности“.[3]

20.

Вотъ какъ описываетъ Кропоткинъ возникновеніе этого и многихъ другихъ подобныхъ кружковъ. „Во всѣхъ городахъ, во всѣхъ концахъ Петербурга возникали кружки саморазвитія. Здѣсь тщательно изучались труды философовъ, экономистовъ и молодой школы русскихъ историковъ. Чтеніе сопровождалось безконечными спорами. Цѣлью всѣхъ этихъ чтеній и споровъ было — разрѣшить великій вопросъ, стоявшій передъ молодежью: *какимъ путемъ она можетъ быть наиболѣе полезна народу?* И постепенно она приходила къ выводу, что существуетъ лишь одинъ путь: *нужно итти въ народъ и жить его жизнью.* Молодые люди отправлялись поэтому въ деревню, какъ врачи, фельдшера, народные учителя, волостные писаря. Чтобы еще ближе соприкоснуться съ народомъ, многіе пошли въ чернорабочіе, кузнецы, дровосѣки. Дѣвушки сдавали экзаменъ на народныхъ учительницъ, фельдшерицъ, акушерокъ и сотнями шли въ деревню, гдѣ беззавѣтно посвящали себя служенію бѣднѣйшей части народа. У всѣхъ ихъ не было никакой еще мысли о революціи, о насильственномъ переустройствѣ общества по опредѣленному плану. Они просто желали обучить народъ грамотѣ, просвѣтить его, помочь ему какимъ-нибудь образомъ выбраться изъ тьмы и нищеты, и въ то же время узнать у самого народа, каковъ его идеалъ лучшей соціальной жизни.“[4]

[1] Бурцевъ, ч. II, стр. 78 и Базилевскій „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.“, стр. 289 и слѣд.
[2] Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II, стр. 271 и слѣд., изд. 1888 г.
[3] Кропоткинъ „Записки“, стр. 288.
[4] Тамъ же, стр. 285 и слѣд.

Таково было настроеніе молодежи, по воспоминаніямъ Кропоткина, въ 1872 г. Конечно, при ретроспективномъ взглядѣ, брошенномъ имъ на то время черезъ 30 лѣтъ полной захватывающихъ впечатлѣній и интересовъ жизни, многое, можетъ быть, стерлось и обобщилось, пропали частности, которыя разнообразили эту картину. Изъ другихъ воспоминаній и документовъ мы знаемъ, что многіе вступали въ подобные кружки уже съ рѣзкимъ революціоннымъ настроеніемъ, а нѣкоторые даже съ опредѣленнымъ революціоннымъ міросозерцаніемъ. Таково было настроеніе многихъ бывшихъ студентовъ, исключенныхъ изъ университета въ 1869 г. и высланныхъ изъ Петербурга, таково было міросозерцаніе нѣкоторыхъ молодыхъ офицеровъ, распропагандированныхъ еще въ училищѣ.[1] Но эти оговорки отнюдь не могутъ опровергнуть вѣрности общаго впечатлѣнія, сохранившагося въ воспоминаніяхъ Кропоткина. Это общее впечатлѣніе Кропоткина находитъ себѣ подтвержденіе въ рѣчахъ нѣкоторыхъ изъ подсудимыхъ политическихъ процессовъ 70-хъ годовъ, — напримѣръ, въ замѣчательной по своей глубокой искренности и и правдивости рѣчи С. И. Бардиной,[2] — и особенно въ тѣхъ нападкахъ на мирныхъ народниковъ, съ которыми обрушился на нихъ Бакунинъ въ 1873 г.[3]

„Я, господа, — говорила, между прочимъ, своимъ судьямъ С. И. Бардина, — принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ — внести въ сознаніе народа идеалы лучшаго, справедливѣйшаго общественнаго строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ, но когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко....“ „... Обвиненіе называетъ насъ — говорила она же — политическими революціонерами; но если бы мы стремились произвести политическій coup d'état, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно подготовлять да развивать, а стали бы искать и сплачивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому coup d'état вовсе не стремимся....“[4]

Въ 1872—1873 гг. многіе изъ народниковъ вѣрили еще въ возможность и продуктивность не только мирной дѣятельности въ деревнѣ въ качествѣ учителей, фельдшеровъ, акушерокъ и проч., но даже и земская дѣятельность многими изъ нихъ не отвергалась въ началѣ. Кропоткинъ упоминаетъ о цѣлой группѣ молодежи, стремившейся на земскую службу. Надежды эти разсѣялись, впрочемъ, по его выраженію, какъ туманъ, при первомъ столкновеніи съ государственной машиной. Но даже самъ онъ, когда получилъ по наслѣдству отъ отца (въ 1871 г.) тамбовское помѣстье „нѣкоторое

[1] Ср., напримѣръ, воспоминанія Л. Э. Шишко о Чайковцахъ и о С. М. Кравчинскомъ.
[2] У Бурцева, ч. I, стр. 124—127 и у Базилевскаго „Госуд. прест. въ Россіи въ XIX в.“, стр. 402
[3] Бурцевъ, н. с., стр. 99 и слѣд.
[4] Бурцевъ, н. с., стр. 127 и Базилевскій, н. с., стр. 405.

время думалъ поселиться тамъ и посвятить всю энергію земской службѣ". Его звали на это нѣкоторые изъ мѣстныхъ крестьянъ и бѣдныхъ священниковъ; но, приглядѣвшись къ тогдашней дѣйствительности, онъ счелъ за лучшее отказаться отъ этихъ плановъ.[1] Первыя предпріятія Чайковцевъ и другихъ примыкавшихъ къ нимъ кружковъ не имѣли строго революціоннаго характера. Прежде всего они занялись широкой разсылкой книгъ, въ числѣ которыхъ видное мѣсто занималъ только что вышедшій тогда „Капиталъ" К. Маркса и сочиненія Чернышевскаго, Добролюбова, Писарева, „Историческія письма" Миртова, „Положеніе рабочаго класса" Флеровскаго, и нѣкоторыя переводныя сочиненія такого же направленія. Кружокъ пытался и самъ издавать на свой счетъ нѣкоторыя сочиненія; такъ онъ выпустилъ вторымъ изданіемъ упомянутую книгу Флеровскаго (Берви) и „Историческія письма" Миртова, а также издалъ впервые „Азбуку соціальныхъ наукъ" того же Флеровскаго. Но изданныя имъ книги почти всѣ были задержаны цензурой и сожжены.[2] Первымъ революціоннымъ предпріятіемъ Чайковцевъ была пропаганда соціалистическихъ, или, точнѣе говоря, анархистскихъ идей среди петербургскихъ рабочихъ. Въ кружкѣ чайковцевъ наиболѣе вліятельнымъ провозвѣстникомъ анархистскихъ идей явился Кропоткинъ, который съѣздилъ въ 1872 г. заграницу, гдѣ въ это время развивалъ свою дѣятельность знаменитый Интернаціональный союзъ рабочихъ, созданный Марксомъ. Кропоткинъ внимательно присматривался къ европейскимъ рабочимъ организаціямъ и вернулся оттуда убѣжденнымъ „бакунистомъ", т. е. анархистомъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ онъ разсказываетъ, какъ онъ разочаровался въ „марксистахъ", отъ которыхъ его оттолкнули политическіе компромиссы, необходимые для партіи, стремящейся осуществить свои цѣли путемъ парламентской борьбы и признающей необходимость государства.[3]

Чайковцы, среди которыхъ были люди съ очень различными политическими взглядами, а въ 1872 году преобладали конституціоналисты, вскорѣ восприняли бакунинскія идеи, привезенныя изъ заграницы Кропоткинымъ вмѣстѣ съ изряднымъ запасомъ соотвѣтствующей литературы. Этотъ запасъ дѣятельно пополнялся при помощи контрабандистовъ, а вскорѣ Чайковцы рѣшили печатать для популяризаціи и пропаганды анархистскихъ идей среди народа такія же книжки въ Россіи, для чего привезли изъ заграницы типографскій станокъ. Изъ нелегальныхъ брошюръ, изданныхъ въ это время, т. е. въ 1873—1874 годахъ, Чайковцами и примыкавшими къ нимъ кружками, образовалась цѣлая литература.[4] Пропаганда среди петербургскихъ рабочихъ велась очень энергично, успѣшно и смѣло; но вскорѣ послѣдовалъ крахъ вслѣдствіе предательства двухъ рабочихъ и одного бывшаго студента (Низовкина). Еще ранѣе, нежели этотъ крахъ случился, среди чайковцевъ и другихъ кружковъ начало образовываться убѣжденіе, что пропаганда среди рабочихъ не можетъ привести къ массовому народному движенію. Въ то же

[1] „Записки", стр. 293—295.
[2] Л. Э. Шишко „С. М. Кравчинскій и кружокъ Чайковцевъ", стр. 17. Ср. списокъ сожженныхъ и запрещенныхъ въ то время книгъ въ первой книжкѣ „Освобожденія" за 1903 г. и у К. К. Арсеньева „Законодательство о печати", стр. 97.
[3] „Записки", стр. 252—276.
[4] Перечень ея имѣется у Л. Э. Шишко, н. с. стр. 26—27.

время Бакунинъ поднялъ свой голосъ противъ дѣятельности мирныхъ народниковъ-культуртрегеровъ и указывалъ, что одни только бунты, приведенные въ систему революціонерами, могутъ двинуть народное дѣло...[1] Въ томъ же смыслѣ высказывался московскій кружокъ Долгушина и Дмоховскаго въ своихъ изданіяхъ. Въ прокламаціи, выпущенной въ 1873 г. долгушинцы убѣждали молодежь итти въ народъ, „чтобы возбудить его къ протесту во имя лучшаго общественнаго устройства“ и отрицали плодотворность всякой иной культурной работы, въ томъ числѣ и въ безправномъ земствѣ, которое представлялось имъ „лживой формой, наполняемой и постоянно исправляемой рукой палача“. Прокламація эта оканчивалась такими стихами:

Нашъ лозунгъ — равенство, свобода,
Къ оружію, впередъ, друзья!
И да погибнетъ врагъ народа —
Царь и бояре, и князья!...[2]

Лавровъ, бѣжавшій еще въ 1870 году заграницу, основалъ въ томъ же 1873 г. въ Лондонѣ журналъ „Впередъ“ (въ видѣ неперіодическаго обозрѣнія).[3]

Программа „Впередъ“ мало отличалась по цѣли своей отъ Бакунинской. Лавровъ является въ ней соціалистомъ-федералистомъ и за идеальный строй признаетъ анархическій. Но между нимъ и современнымъ централизованнымъ легальнымъ государствомъ — будь то конституціонная монархія, или даже республика — Лавровъ предполагаетъ цѣлый рядъ формъ, постепенно стремящихся къ развитію федералистическихъ началъ. Онъ считаетъ либеральныхъ конституціоналистовъ враждебными народному дѣлу и не совѣтуетъ вступать съ ними въ союзъ, но считаетъ и для народниковъ необходимымъ помогать осуществленію принциповъ свободы мысли и слова, свободы ассоціаціи и расширенія обученія и участія нисшихъ классовъ въ управленіи. Въ Россіи онъ признаетъ кореннымъ вопросомъ организацію крестьянства. „Развить нашу общину въ смыслѣ общинной обработки земли и общиннаго пользованія ея продуктами, сдѣлать изъ мірской сходки основной политическій элементъ русскаго общественнаго строя, поглотить въ общественной собственности частную, дать крестьянину то образованіе и то пониманіе его общественныхъ потребностей, безъ котораго онъ никогда не сумѣетъ воспользоваться своими легальными правами, какъ бы они широки ни были, и никакъ не выйдетъ изъ подъ эксплуатаціи меньшинства, даже въ случаѣ самаго удачнаго переворота, — вотъ спеціально русскія цѣли, которымъ долженъ содѣйствовать всякій русскій, желающій прогресса своему отечеству“.

Лавровъ рѣшительно выступаетъ противъ якобинства вообще и противъ шарлатанскаго (очевидно, онъ имѣлъ въ виду нечаевщину), въ особенности. „На первое мѣсто — писалъ онъ — мы ставимъ положеніе, что перестройка русскаго общества должна быть совер-

[1] Бурцевъ, н. с., ч. I, стр. 99 и слѣд.
[2] Бурцевъ, I, стр 97—98.
[3] Тамъ же на стр. 106—112 изложена программа лавровскаго „Впередъ“.

шена не только съ цѣлью народнаго блага, не только для народа, но и посредствомъ народа". Онъ желалъ, чтобы народъ сознательно сталъ на сторону новаго строя: „мы не хотимъ новой насильственной власти". По программѣ Лаврова началу народной революціи должна была, такимъ образомъ, предшествовать долгая, трудная подготовка и развитіе самого народа. Искусственныхъ революцій онъ не допускалъ. По его мнѣнію лишь тогда, когда народъ будетъ вполнѣ готовъ и когда ходъ историческихъ событій укажетъ минуту переворота, революціонеры въ правѣ призвать народъ. Поэтому, обращаясь къ революціонерамъ, Лавровъ предлагалъ имъ готовиться къ минутѣ переворота „умственнымъ развитіемъ, житейскимъ опытомъ, выработкою въ себѣ твердаго характера" и подготовлять къ ней народъ русскій, „уясняя ему его истинныя потребности, его вѣчныя права, его грозныя обязанности, его могучую силу"...

Такимъ образомъ, на первый планъ онъ выставлялъ дѣятельность подготовительную, которая, конечно, должна была растянуться на многіе годы.

Но въ этомъ существенномъ положеніи Лавровской программы заключалось отрицаніе Бакунинской системы народныхъ бунтовъ. Между тѣмъ послѣдняя въ глазахъ нетерпѣливой и неопытной молодежи скорѣе вела къ цѣли, а потому и казалась гораздо симпатичнѣе и практичнѣе.

Чайковскій отвѣтилъ Лаврову открытымъ письмомъ, въ которомъ утверждалъ, что наука безъ революціоннаго настроенія ровно ничего не дастъ народу и что нужно дорожить тѣми годами, когда молодежь беззавѣтно отдается революціонному движенію; онъ высказывалъ опасеніе, какъ бы современная наука въ ея буржуазной обстановкѣ не отвлекла молодежь отъ народнаго дѣла.[1] Ранней весной 1874 г. и лавристы, и бакунисты двинулись массой въ народъ. Первые съ цѣлью пропаганды и перевоспитанія народа, вторые — съ агитаціонными цѣлями съ намѣреніемъ взбунтовать народъ въ разныхъ мѣстахъ и вызвать всенародное возстаніе. Революціонеры переодѣлись въ крестьянское платье, запаслись подложными видами, но приступили къ дѣлу такъ наивно и неосторожно, что вызвали немедленное преслѣдованіе, окончившееся страшнымъ погромомъ. Вотъ какъ резюмируетъ ближайшіе результаты этого движенія одинъ изъ революціонеровъ: „Около тысячи человѣкъ было арестовано; а немногіе уцѣлѣвшіе пропагандисты должны были спасаться въ города, ибо и прежде трудное пребываніе въ деревнѣ сдѣлалось совершенно невозможнымъ въ эту минуту. Правительство забило тревогу; сыщики и жандармы стали рыскать по всѣмъ угламъ Россійской имперіи; мѣстныя власти насторожили уши; со всѣхъ сторонъ посыпались анонимные и открытые доносы, такъ что не только съ цѣлью пропаганды, а даже безъ всякой цѣли интеллигентъ не могъ показаться въ незнакомую деревню, не рискуя быть схваченнымъ и доставленнымъ куда слѣдуетъ".[2]

Погромъ этотъ начался съ Саратовской губерніи, гдѣ 31-го мая 1874 года возбуждено было дознаніе о распространеніи въ народѣ

[1] Шишко, стр. 32.
[2] Е. Серебряковъ „Общество Земля и Воля", стр. 1.

книгъ революціоннаго содержанія. Руководство этимъ дознаніемъ принялъ на себя прокуроръ саратовской судебной палаты Жихаревъ; вскорѣ обнаружились связи саратовскихъ пропагандистовъ съ курскими и съ дѣйствовавшими въ другихъ мѣстахъ, а въ концѣ концовъ дознаніями раскрыта была пропаганда, по оффиціальнымъ даннымъ, въ 37 губерніяхъ, при чемъ къ дѣлу привлечено было 770 человѣкъ, изъ нихъ 612 мужчинъ и 158 женщинъ. 265 были заключены подъ стражу, 452 оставлены на свободѣ подъ надзоромъ, и 53 остались на первыхъ порахъ не разысканными. Въ числѣ этихъ лицъ главный контингентъ состоялъ изъ бывшихъ студентовъ разныхъ учебныхъ заведеній; но было также значительное число отставныхъ офицеровъ, помѣщиковъ (какъ Войнаральскій, отдавшій въ пользу революціи все состояніе), лицъ служащихъ на государственной и общественной службѣ (какъ напр., С. Ф. Ковалликъ, предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Мглинскомъ уѣздѣ, Черниговской губ.) и дѣвушекъ изъ дворянскихъ семействъ, даже нѣсколькихъ дочерей военныхъ и штатскихъ генераловъ (С. Л. Перовская, В. Н. Батюшкова, Н. А. Армфельдъ, С. Лешернъ фонъ-Гецфельдъ). Въ запискѣ министра юстиціи гр. Палена, составленной на основаніи собранныхъ Жихаревымъ данныхъ, указывается, между прочимъ, что „многія лица не молодыя, отцы и матери семействъ, обезпеченныя и матеріальными средствами, и болѣе или менѣе почтеннымъ общественнымъ положеніемъ, не только не противодѣйствовали, но, напротивъ, нерѣдко оказывали имъ видимое сочувствіе и поддержку, какъ бы не сознавая въ слѣпомъ своемъ фанатизмѣ, что конечнымъ послѣдствіемъ такого образа дѣйствій должна быть гибель всякаго общества и ихъ самихъ". Въ подтвержденіе приведены были имена нѣсколькихъ такихъ лицъ.[1] Въ запискѣ этой говорится даже, что „успѣхи пропагандистовъ не столько зависѣли отъ ихъ собственныхъ усилій и дѣятельности, сколько отъ той легкости, съ которой ученія ихъ проникали въ различные слои общества и отъ того сочувствія, которое тамъ встрѣчали".[2] Удивительно, что гр. Палену не пришла въ голову очень простая мысль, что сочувствіе, которое встрѣчали пропагандисты въ различныхъ слояхъ образованнаго общества, относилось, быть можетъ, не столько къ ихъ ученію, сколько къ ихъ личности, въ которой воплощался смѣлый протестъ противъ господствовавшаго въ это время беззастѣнчиваго административнаго произвола.

Уцѣлѣвшіе отъ арестовъ пропагандисты бѣжали въ городъ, но не пали духомъ и не потеряли вѣры въ свое дѣло. Съ энергіей принялись они за пополненіе своихъ порѣдѣвшихъ рядовъ. И правительство своими мѣрами въ отношеніи учащейся молодежи опять пришло имъ на помощь. Какъ разъ въ это время произошли крупные безпорядки въ университетахъ и особенно въ медико-хирургической академіи изъ за демонстраціи противъ проф. Ціона. Академія была закрыта, студенты опять исключались и изгонялись массами, давая готовые кадры для пополненія революціонныхъ кружковъ.

---

[1] Записка министра юстиціи гр. Палена, составленная на основаніи данныхъ, собранныхъ дознаніемъ Жихарева, помѣщена въ извлеченіи у Бурцева „За сто лѣтъ" I, стр. 113—123.

[2] Записка гр. Палена въ сборникѣ „За сто лѣтъ", стр. 120.

21.

Въ этотъ первый короткій опытъ соприкосновенія съ народными массами пропагандисты убѣдились въ неподготовленности массъ къ воспріятію соціалистическаго или, вѣрнѣе, анархическаго ученія въ его цѣломъ.[1] Правда, они остались при убѣжденіи, что тѣ общественные идеалы, которые выработалъ самъ народъ и которыми онъ живетъ, въ общемъ не противорѣчатъ конечнымъ ихъ цѣлямъ и идеаламъ, и даже могутъ послужить основаніемъ для перехода отъ настоящаго строя къ соціалистическому. Кто знаетъ, можетъ быть, если бы пропагандистамъ удалось дольше пробыть въ деревнѣ, безъ тѣхъ внѣшнихъ помѣхъ, какія ихъ встрѣтили, они, можетъ быть, убѣдились бы въ шаткости и этого второго своего убѣжденія.... Но теперь это убѣжденіе послужило для нихъ основаніемъ къ проектированію новыхъ способовъ веденія пропаганды въ народѣ. Другой урокъ, который они вынесли изъ своего перваго опыта, это убѣжденіе, что нельзя дѣйствовать въ такомъ дѣлѣ разрозненно, разбившись на массу самостоятельныхъ кружковъ и предпріятій, такъ какъ при этомъ сношенія происходятъ крайне неорганизованно, каждый дѣлаетъ, что и какъ хочетъ, а между тѣмъ ошибка каждаго отдѣльнаго дѣятеля можетъ пагубно отозваться и на всѣхъ остальныхъ.[2]

Эти выводы привели къ необходимости образованія настоящей централизованной организаціи для культивированія и использованія въ революціонныхъ цѣляхъ тѣхъ идеаловъ, которые выработалъ въ своей жизни самъ народъ. Эти идеалы удобно укладывались въ формулу, выставленную еще въ 1861 г., — „Земля и Воля“. Члены общества, объединившіеся подъ этимъ знаменемъ, получили наименованіе „народниковъ“. Однако, на организацію этого общества, на сговариваніе и пополненіе личнаго состава ушло два года. Уставъ тайнаго общества „Земля и Воля“ принятъ былъ лишь въ концѣ 1876 г.[3] Ближайшей цѣлью общества признана была по уставу въ соотвѣтствіи съ выработанными народною жизнью идеалами аграрная революція въ формѣ всеобщаго передѣла земель. Для этой цѣли признано было необходимымъ главныя силы общества сосредоточить въ деревнѣ „съ цѣлью агитаціи на почвѣ вышеуказанныхъ требованій земельнаго передѣла и организаціи народно-революціонныхъ силъ“. Пропаганда среди рабочихъ и среди молодежи признана была второстепенной, служебной задачей общества. Въ де-

[1] Г. Серебряковъ приводитъ въ подтвержденіе весьма интересную выписку изъ неизданныхъ воспоминаній одного землевольца: „Были — пишетъ этотъ землеволецъ — пропагандисты талантливые, умные и производили впечатлѣніе несомнѣнно глубокое. Но что говорили пропагандисты народу? Какія ихъ рѣчи приходились ему больше всего по душѣ и раскрывали ее, душу-то народную? Не соціализмъ и не анархія, а самые животрепещущіе вопросы его повседневной сѣрой жизни: безземелье и тягота податей и были всегдашнимъ предметомъ постоянныхъ и нерѣдко задушевныхъ бесѣдъ.... Здѣсь пропагандистъ былъ неуязвимъ: знаніе, которымъ онъ обладалъ, давало ему возможность обобщать данные частные факты и освѣтить ихъ болѣе яснымъ свѣтомъ. И чѣмъ талантливѣе былъ пропагандистъ, чѣмъ ярче его рѣчь и остроумнѣе сопоставленія, тѣмъ болѣе овладѣвалъ онъ вниманіемъ всѣхъ слушателей. Но стоило только тому же пропагандисту перейти на почву соціализма, какъ все совершенно измѣнялось. Не то, чтобы его не хотѣли слушать („почто не послухать“), а слушали, какъ обыкновенно слушаютъ занятную сказку: „не любо — не слушай, а врать не мѣшай!“ Пропагандисты тогда же почувствовали, что тутъ кроется что-то неладное, но торопливость, съ какою велась пропаганда, не позволяла вдуматься въ глубокое значеніе этого факта, проанализировать его съ необходимой серьезностью“ (стр. 5).

[2] Серебряковъ, стр. 6.

[3] Программа сѣверно-русскаго общества „Земля и Воля“ напечатана у Серебрякова, стр. 8—14. Выдержки изъ нея и изъ программной статьи газеты „Земля и Воля“ у Бурцева „За сто лѣтъ“. Стран. 136—140. См. также № 1 „Земли и Воли“ у Базилевскаго „Револ. журнал. 70-хъ гг.“, стр. 119 и слѣд

ревнѣ, какъ и въ городѣ, наряду съ развитіемъ народно-революціонныхъ началъ, допускалась, какъ средство образованія „сознательнаго меньшинства“, и соціалистическая пропаганда. „Къ числу агитаціонныхъ средствъ“ въ мѣстностяхъ, гдѣ народное недовольство принимаетъ особенно острый характеръ, относилась „терроризація“ правительственныхъ чиновниковъ, кулаковъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ и т. п., т. е., по просту говоря, допускались аграрныя или политическія убійства. Правительство, какъ покровитель эксплоатирующаго меньшинства, считалось врагомъ народа и потому признавалась необходимость борьбы съ его представителями въ формѣ политическаго террора. „Однако, — говорилось въ программѣ — общество „Земля и Воля“ признаетъ, что сосредоточеніе на этой борьбѣ не только всѣхъ, но даже и главныхъ его силъ, поставило бы его въ противорѣчіе съ указанными выше задачами аграрной революціи“. Въ случаѣ конституціоннаго движенія, имъ предполагалось воспользоваться лишь для того, „чтобы ослабить вѣру народа въ значеніе мирныхъ легальныхъ реформъ“. Всѣ силы общества распредѣлены были между слѣдующими пятью группами: 1. администрація, или центръ, вѣдала всѣ дѣла общества; при ней была „небесная канцелярія“ для приготовленія фальшивыхъ паспортовъ; 2. группа для пропаганды среди молодежи; 3. группа для пропаганды среди рабочихъ; 4. группа дезорганизаторская для внесенія разстройства въ ряды враговъ общества, т. е. для террористической борьбы съ правительственнымъ произволомъ, со шпіонами и для освобожденія товарищей изъ подъ ареста; наконецъ, 5. самая важная и многолюдная группа — деревенщики — для непосредственной организаціи народа.

Первый актъ новаго общества былъ — несовсѣмъ согласно съ его цѣлями — устройство извѣстной казанской демонстраціи 6-го декабря 1876 г. Предполагалось устроить своего рода смотръ рабочимъ силамъ Петербурга. Надѣялись собрать нѣсколько тысячъ, развернуть красное знамя, произнести соотвѣтственную рѣчь и затѣмъ, смотря по обстоятельствамъ, пройтись по городу или разойтись. Затѣя эта кончилась полной неудачей. Собралось всего человѣкъ 200—300, нашелся ораторъ, развернули и знамя, но полиція, въ виду малочисленности манифестантовъ, направила на нихъ дворниковъ, сидѣльцевъ мелочныхъ лавокъ и началось поголовное избіеніе. Человѣкъ 20 было арестовано, прочіе успѣли разбѣжаться. „Въ первую минуту — по словамъ историка „Земли и Воли“ — эта демонстрація произвела удручающее впечатлѣніе.“ „Но правительство — пишетъ онъ — само постаралось исправить ошибку революціонеровъ. Безобразно жестокій приговоръ надъ казанцами вызвалъ общій крикъ негодованія и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ обществу, что демонстрація, очевидно, уже не такъ была смѣшна, если правительство вынуждено было прибѣгнуть къ столь суровымъ мѣрамъ.“ [1]

Дѣло манифестантовъ разбиралось въ Сенатѣ черезъ $1^1/_2$ мѣсяца, съ 18-го по 25-го января 1877 года. Такимъ образомъ, судъ былъ скорый, но не милостивый: подсудимыхъ было 21 человѣкъ, изъ

[1] Серебряковъ, стр. 15—16.

нихъ 5 человѣкъ приговорены къ каторгѣ и 10 на поселеніе. Мирная, безоружная манифестація разсматривалась какъ бунтъ.[1] Вслѣдъ за этимъ процессомъ въ томъ же 1877 году послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ политическихъ процессовъ съ большимъ числомъ подсудимыхъ.

Еще въ началѣ 70-хъ годовъ, тотчасъ послѣ процесса нечаевцевъ, правительство признало нужнымъ внести нѣкоторыя измѣненія въ судебные уставы. Закономъ 19-го мая 1871 г. измѣненъ порядокъ судопроизводства по дѣламъ политическимъ съ возложеніемъ производства дознаній по нимъ на чиновъ жандармскаго управленія при участіи прокуроровъ. Тѣмъ же закономъ установлено, что оконченныя такимъ порядкомъ дознанія представляются министру юстиціи, который, по соглашенію съ шефомъ жандармовъ, или дѣлаетъ распоряженіе о направленіи дѣла судебнымъ порядкомъ, или испрашиваетъ высочайшее соизволеніе на прекращеніе производства, или на разрѣшеніе его въ порядкѣ административномъ. Затѣмъ закону 7 іюля 1872 г. дѣла о государственныхъ преступленіяхъ изъяты изъ вѣденія судебныхъ палатъ и переданы въ Сенатъ. Наконецъ, 18 іюля 1874 г. увеличены нѣсколькими степенями наказанія за принадлежность къ преступнымъ сообществамъ.[2] Собственно послѣ нечаевскаго процесса политическіе процессы возобновились еще въ 1874 г., начиная съ дѣла „долгушинцевъ“, по которому за содержаніе тайной типографіи въ Москвѣ и напечатаніе нѣсколькихъ противоправительственныхъ изданій были приговорены 5 чел. къ каторгѣ, 5 человѣкъ къ тюремному заключенію на разные сроки и 3 — оправданы.[3]

Затѣмъ слѣдовалъ рядъ болѣе мелкихъ процессовъ въ 1875—1876 гг.[4] Наряду съ этимъ шли непрерывно аресты и административныя высылки. Послѣ процесса казанскихъ манифестантовъ пошли грандіозные массовые процессы. Съ 21 февраля по 14 марта 1877 г. разбиралось въ Сенатѣ такъ называемое дѣло 50-ти, причемъ цѣлый рядъ лицъ за пропаганду анархическихъ идей въ народѣ были присуждены въ каторжныя работы, на поселеніе и къ тюремному заключенію на разные сроки. По кассаціонной жалобѣ Л. Н. Фигнеръ, В. И. Александровой и друг. Сенатъ пересмотрѣлъ это дѣло и призналъ, что составленіе сообщества съ цѣлью измѣненія существующаго строя въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ нельзя смѣшивать съ заговоромъ съ цѣлью немедленнаго возстанія или переворота. Поэтому наказанія нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ при пересмотрѣ дѣла были измѣнены.[5]

---

[1] Бурцевъ, ч. II, стр. 89. Базилевскій „Госуд. преступл. въ Россіи въ XIX в.“, II, стр. 1—156.

[2] Татищевъ, ч. II, стр. 587, ср. у Бурцева, ч. II, стр. 80 и 82.

[3] Бурцевъ, ч. II, стр. 83. Базилевскій „Госуд. преступл. въ Россіи въ XIX вѣкѣ“; I, стр. 460 и сл.

[4] Бурцевъ, н. с., стр. 85—88. Такихъ процессовъ въ 1875 и 1876 гг. было не менѣе десяти и по нѣкоторымъ изъ нихъ судились по нѣсколькѣ человѣкъ. См. Базилевскій, н. с., I, стр. 578 и слѣд.

[5] Напримѣръ, Бардиной вмѣсто каторги — ссылка на поселеніе и т. п. „За сто лѣтъ“ ч. II, стр. 90. Объ этомъ процессѣ Степнякъ (Кравчинскій) писалъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ, но не безъ основанія слѣдующее: „До этого процесса соціалистовъ знала только молодежь.... И вотъ разражается процессъ пятидесяти. Передъ изумленной публикой проходятъ лучезарныя фигуры дѣвушекъ, которыя со спокойнымъ взоромъ и съ дѣтски-безмятежной улыбой на устахъ, идутъ туда, откуда нѣтъ возврата, гдѣ нѣтъ мѣста надеждѣ — идутъ въ центральныя тюрьмы, на многолѣтнюю каторгу! Она слышитъ чудную, точно благоухающую вѣрою и любовью рѣчь Бардиной. Слышитъ строго стройную рѣчь Здановича, въ которой изъ подъ холодной и строгой оболочки мыслителя, точно рвется наружу непоколебимое, страстное убѣжденіе фанатика. Наконецъ, когда эта публика, пораженная, смущенная, не знаетъ, что сказать, что подумать, надъ ней раздается могучее громовое слово Петра Алексѣева, — крестьянина,

Въ маѣ разсматривалось дѣло „Южно-Русскаго Рабочаго Союза“ (15 ч.); въ іюнѣ до 7 мелкихъ дѣлъ. Наконецъ, 18 октября 1877 г. начался большой процессъ 193-хъ, тянувшійся цѣлыхъ три мѣсяца (до 23 января 1878 г.). Большая часть подсудимыхъ отказывалась отъ объясненій, но одинъ изъ нихъ, Ипп. Ник. Мышкинъ, въ обстоятельной рѣчи выяснилъ суду задачи соціально-революціонной партіи въ Россіи, причемъ указалъ, что она имѣетъ въ виду доставить побѣду соціальнымъ идеаламъ, выработаннымъ народною жизнью, но попраннымъ и подавленнымъ государственной властью. „При всемъ различіи взглядовъ по другимъ вопросамъ — сказалъ онъ — приверженцы соціальной революціи сходятся въ одномъ: что революція можетъ быть совершена не иначе, какъ самимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она совершается; другими словами, настоящій государственный строй долженъ быть ниспровергнутъ только тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ. Слѣдовательно, если правительство солидарно съ народомъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленниками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: „мы будемъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовлетвореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ, сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ; мы предлагаемъ для этого свою посильную помощь и — да будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ“.

„Вѣдь, въ нашемъ распоряженіи — продолжалъ онъ — нѣтъ ни тюремъ, ни военныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ предпріятій, закабаляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣдовательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ насиловать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками.

„Если же, несмотря на крайне неблагопріятныя для насъ условія, правительство все-таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то значитъ, мы не ошибаемся, разсчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ; но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ....“

Въ концѣ своей рѣчи, Мышкинъ, постоянно перерываемый предсѣдателемъ, пришелъ въ крайнее раздраженіе и, несмотря на приказаніе предсѣдателя замолчать и на попытку жандармскаго офицера зажать ему ротъ рукой, успѣлъ прокричать по адресу Сената, что это „не судъ, а пустая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости; тамъ женщина — сказалъ онъ — изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества....“[1]

представителя самого народа, и слышится въ немъ точно голосъ той многоголовой, многоязычной массы, которая въ нѣдрахъ своихъ носитъ будущее — невѣдомое, грозное, быть можетъ, кровавое....

„Времена апостольскія возвращаются!“ въ глубокомъ душевномъ умиленіи говорили одни, выходя изъ залы засѣданія.

„Новая сила народилась!“ — говорили другіе („За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 124).

[1] У Бурцева, ч. I, стр. 131—132.

Произошелъ невообразимый скандалъ и сенаторы, забывъ закрыть засѣданіе, гурьбой выбѣжали изъ залы.[1]

Чтобы правильно оцѣнить рѣчь Мышкина, надо помнить, что, когда онъ былъ арестованъ, дѣйствительно со стороны народниковъ революціонеровъ не только не было еще произведено ни одного террористическаго акта, но не существовало еще и тайнаго общества „Земля и Воля“ съ его „дезорганизаторской“ группой. Между тѣмъ большая часть подсудимыхъ, фигурировавшихъ въ процессѣ 193, были арестованы еще въ 1874 г. и безъ суда томились по тюрьмамъ въ теченіе 2-хъ, 3-хъ и болѣе лѣтъ. Изъ этихъ 193 человѣкъ сенатъ призналъ 153 по суду оправданными.[2] Можно судить, какое это произвело впечатлѣніе на публику. Спрашивается, для чего же ихъ держали въ тюрьмѣ? Это ли не возмутительный произволъ?

Но этого мало: еще до начала процесса 193 произволъ правительства выразился въ еще болѣе возмутительной формѣ: 13 іюля 1877 года политическій арестантъ Боголюбовъ (Емельяновъ), присужденный въ каторгу за демонстрацію у Казанскаго собора, былъ высѣченъ розгами по приказанію градоначальника Трепова за то, что не снялъ передъ нимъ шапку, когда Треповъ посѣтилъ тюрьму, въ которой Боголюбовъ содержался. Другіе заключенные, узнавъ объ этой злодѣйской расправѣ, подняли шумъ и крики, но къ нимъ ворвались служителя и солдаты, кого избили, кого стащили въ карцеръ и въ концѣ концовъ усмирили.[3]

Молодая дѣвушка Вѣра Засуличъ рѣшилась отомстить виновнику этого гнуснаго истязанія. Она поѣхала въ Петербургъ, явилась къ Трепову и выстрѣлила въ него изъ револьвера. Треповъ не былъ убитъ, но былъ тяжело раненъ. Газеты, не зная хорошенько въ чемъ дѣло, подняли крикъ противъ молодой террористки, и правительство, увѣренное, что общество будетъ въ этомъ случаѣ на его сторонѣ, рѣшило отдать этотъ случай на судъ общественной совѣсти. Засуличъ предана была суду съ присяжными засѣдателями. Впервые присяжнымъ пришлось произнести свой приговоръ по политическому дѣлу. Дѣло разсматривалось 31 марта 1878 года. Зала суда была полна публики. Была тамъ и знать, и высшее чиновничество съ канцлеромъ Горчаковымъ во главѣ. Были представители судебнаго вѣдомства, адвокатуры, литературы. Однимъ словомъ, какъ выражается лѣтописецъ „Земли и Воли“, — отборная публика, и, конечно, въ большинствѣ настроенная не очень то благосклонно къ Засуличъ и революціонерамъ. Но начался разборъ дѣла и публика, убѣжденная фактами, стала невольно выражать свое сочувствіе Засуличъ и ея защитнику, такъ что предсѣдатель (А. Ф. Кони) былъ вынужденъ пригрозить очистить залу.[4] Когда присяжный повѣрен-

[1] Серебряковъ, н. с., стр. 36.

[2] Татищевъ, II, стр. 596—597. Сенатъ приговорилъ, не ходатайствуя о смягченіи, въ каторжныя работы одного только Мышкина, къ ссылкѣ на житье — 4, отрѣшить отъ должности — 1; о 34 лицахъ постановлено было ходатайствовать о смягченіи слѣдующаго по суду наказанія съ тѣмъ, чтобы вмѣсто каторги сослать на поселеніе 6 чел., на житье — 18 въ Сибирь и 8 въ отдаленныя губерніи европейской Россіи; наконецъ, 2 помиловать совсѣмъ, въ виду чистосердечнаго раскаянія, а остальныхъ 153 признать по суду оправданными (стр. 597).

[3] Серебряковъ н. с., стр. 97.

[4] Катковъ старался увѣрить, что въ этихъ овацiяхъ и рукоплесканіяхъ „сливки“ общества и „сановники въ звѣздахъ“ не участвовали — „крики восторга, оглушительныя рукоплесканія“ неслись, по его словамъ, единственно изъ находившихся въ залѣ суда представителей адвокатуры и журналистики, да „радикаловъ“, наполнявшихъ верхнія галлереи. Едва ли это мѣняетъ дѣло. Вѣдь, не „сливки“ и не „са-

ный Александровъ разсказалъ подробно суду, какъ было совершено гнусное надругательство надъ Боголюбовымъ, котораго по закону Треповъ не имѣлъ даже права сѣчь, то въ залѣ суда большинство плакало. По окончаніи процесса и Засуличъ, и ея защитнику Александрову публика устроила шумную овацію, вышедшую далеко за стѣны суда. Тотчасъ же по выходѣ изъ залы суда жандармы хотѣли арестовать Засуличъ, чтобы расправиться съ ней административнымъ порядкомъ, но публика отбила ее, при чемъ въ происшедшей суматохѣ и свалкѣ одинъ изъ революціонеровъ Сидорацкій стрѣлялъ изъ револьвера въ жандармовъ, а затѣмъ тутъ же покончилъ съ собой. Въ этотъ же день Засуличъ бѣжала за границу.

Засуличъ несомнѣнно принадлежала къ революціонной молодежи, но она не входила въ составъ дезорганизаторской группы „Земли и Воли" и дѣйствовала въ этомъ случаѣ по собственному почину и на свой страхъ. Однако, выстрѣлъ ея и особенно необыкновенный успѣхъ, который дѣло ея имѣло въ публикѣ, въ агитаціонномъ смыслѣ страшно сильно подѣйствовали на настроеніе самихъ революціонеровъ и послужили сигналомъ къ началу той лихорадочной дѣятельности дезорганизаторской группы „Земли и Воли", которая вскорѣ поглотила главныя силы революціонеровъ и свела всю ихъ борьбу на путь организованнаго террора. Однако, толчекъ отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ основными причинами, которыя были, какъ мы увидимъ, гораздо сложнѣе и глубже.

Поставивъ своей задачей аграрную революцію на почвѣ народныхъ идеаловъ, землевольцы направили главныя свои силы въ деревню. Они измѣнили нѣсколько тактику, перестали обращаться въ чернорабочихъ, а старались устраивать себѣ близкое къ народу, но зато и болѣе вліятельное и внѣшнимъ образомъ болѣе импонирующее крестьянину положеніе. Стали заводить въ деревняхъ фермы, мельницы, лавочки, занимали должности сельскихъ и волостныхъ писарей, учителей, фельдшеровъ, врачей. Считалось очень существеннымъ, чтобы въ средѣ поселенцевъ былъ въ каждой занятой революціонерами мѣстности хоть одинъ человѣкъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ.[1]

Но теперь начальство всюду было на сторожѣ и съ первыхъ же шаговъ встрѣтилась масса препятствій; революціонерамъ приходилось постоянно бросать устроенныя мастерскія, оставлять занятыя должности и переѣзжать въ другія мѣста подъ другими фамиліями. „Къ концу 1877 г. не осталось почти ни одного крупнаго поселенія; они всѣ рухнули, не просуществовавъ и года. Многіе члены этихъ поселеній были арестованы, а тѣ, которые уцѣлѣли, разбѣжались во всѣ стороны. . . ."[2] „Но и помимо полицейскихъ преслѣдованій, — пишетъ лѣтописецъ „Земли и Воли" — поселенцамъ волей-неволей приходилось убѣждаться, что деревня въ настоящемъ ея видѣ не представляетъ поля для агитаціонной дѣятельности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ соціалистамъ удалось пробыть довольно долгое время и пріобрѣсть вліяніе среди крестьянства, они, въ концѣ концовъ,

новники" образуютъ и вообще общественное мнѣніе страны. А что мнѣніе всей интеллигенціи было тогда въ пользу Засуличъ, это призналъ и самъ Катковъ. Срав. Новѣдѣнскій н. с. стр. 515 и слѣд.

[1] Изъ „Воспоминаній землевольца", приведено у Серебрякова: стр. 17.

[2] Тамъ же, стр. 21.

должны были признать, что въ настоящую минуту нѣтъ никакой возможности организовать народъ съ революціонными цѣлями, и что вся реальная дѣятельность поселенца, если онъ не желаетъ немедленно попасть въ руки полиціи, сводится къ культурной работѣ."[1] Разочарованные народники возвращались въ города, новыхъ поселеній устраивалось все меньше и меньше, а послѣ 1879 г. ихъ и совсѣмъ почти не стало. Въ городахъ землевольцы вели соціалистическую пропаганду среди рабочихъ и агитировали въ средѣ волновавшейся и безъ нихъ университетской молодежи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что многіе революціонеры еще въ 1875 и 1876 гг., послѣ краха перваго народническаго похода, ушли въ Герцеговину и въ другія славянскія земли и приняли участіе въ возстаніи славянъ противъ турокъ. Они служили въ сербской арміи, въ качествѣ добровольцевъ, санитаровъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія.[2] Многіе изъ нихъ остались тамъ и послѣ начала русско-турецкой войны и служили въ рядахъ нашей дѣйствующей арміи въ качествѣ санитаровъ и сестеръ милосердія.

Въ составъ „Земли и Воли" входили главнымъ образомъ революціонеры-народники сѣверныхъ и поволжскихъ губерній; къ нимъ съ самаго же начала, т. е. съ осени 1876 г., присоединились харьково-ростовскіе кружки.[3]

Но кіевскіе и одесскіе революціонеры въ составъ „Земли и Воли" не вошли. До 1877 г. они придерживались бакунинской бунтарской системы, но вели дѣятельную пропаганду главнымъ образомъ среди портовыхъ рабочихъ въ Одессѣ, Николаевѣ и другихъ мѣстахъ. Организація бунта и у нихъ удалась на дѣлѣ только однажды — это было извѣстное Чигиринское дѣло Як. Стефановича и Дейча, причемъ однако же взбунтовать чигиринскихъ крестьянъ удалось, лишь дѣйствуя отъ имени царя при помощи подложныхъ грамотъ, и чигиринское дѣло, несмотря на временный внѣшній успѣхъ, въ остальныхъ революціонныхъ кружкахъ вызвало отрицательное къ себѣ отношеніе.[4]

Въ 1877 г. среди кіевскихъ революціонныхъ кружковъ начинается поворотъ отъ народническихъ и бакунинскихъ идей въ сторону политическихъ и даже прямо конституціонныхъ стремленій. Возникновеніе и развитіе конституціонныхъ стремленій среди кіевской молодежи, въ связи съ конституціонными надеждами, воскресшими и въ болѣе широкихъ общественныхъ кругахъ съ началомъ русско-турецкой войны, описано весьма обстоятельно и картинно въ запискахъ В. Дебогорія-Мокріевича. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что это движеніе осложнялось на югѣ еще сильнымъ украинофильскимъ движеніемъ, развившимся еще въ 60-хъ годахъ и захватившимъ здѣсь и верхніе слои кіевскаго образованнаго общества. 5 іюня 1876 г. послѣдовалъ секретный циркуляръ главнаго управленія по дѣламъ печати о за-

---

[1] Тамъ же, стр. 22.

[2] Такъ поступили многіе изъ прежнихъ чайковцевъ, какъ напр. С. М. Кравчинскій, Д. А. Клеменцъ и нѣкоторые изъ молодыхъ революціонеровъ и революціонерокъ, напр. Людм. Алекс. Волькенштейнъ. Срав. объ этомъ въ „Запискахъ" Кропоткина, также у Татищева, II, 593 (изъ обвин. акта по дѣлу 193-хъ).

[3] В. Осинскій и Боголюбовъ (Емельяновъ) срав. Серебрякова, стр. 15.

[4] Такъ отзывался о немъ и Степнякъ въ „Подпольной Россіи", и Серебряковъ въ назв. соч. По этому дѣлу судилось 336 крестьянъ; изъ нихъ 74 осуждены (нѣкоторые въ Сибирь на посел.), 262 оправданы. Бурцевъ, II, 92.

прещеніи украинской литературы, а вслѣдъ за тѣмъ распоряженіемъ правительства былъ закрытъ юго-западный отдѣлъ географическаго общества, причемъ высланы были изъ Кіева профессора: Драгомановъ и Зиберъ,[1] уволенные еще за годъ передъ тѣмъ въ отставку.

22.

Но прежде чѣмъ слѣдить за развитіемъ и видоизмѣненіемъ дѣятельности революціонныхъ кружковъ и ихъ предпріятій, посмотримъ что дѣлалось въ это время, т. е. въ началѣ и серединѣ семидесятыхъ годовъ въ легальной общественной средѣ и литературѣ. Въ земствахъ въ это время продолжается тотъ же застой и апатія, которые мы отмѣтили въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.[2] Не прекратившееся, но подавленное общественное недовольство не имѣетъ смѣлости выступить наружу. Одинъ только разъ московское дворянство по иниціативѣ Самарина и Черкасскаго высказало косвенное порицаніе одной изъ мѣръ правительства, а именно закону 19 мая 1871 г., вводившему въ систему произволъ жандармеріи по дѣламъ о политическихъ преступленіяхъ. Московское дворянское собраніе возбудило по поводу этого закона ходатайство объ огражденіи дворянъ отъ мѣръ административнаго произвола предоставленіемъ имъ права въ теченіи двухъ недѣль ходатайствовать о направленіи дѣла къ слѣдствію и суду.[3] Особенное раздраженіе и ненависть вызываетъ къ себѣ въ это время во всѣхъ слояхъ общества классическая система и вообще вся охранительно-обскурантная дѣятельность Толстого, въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія. Но и земство, и дворянство, и печать безсильны предпринять противъ него активную борьбу.[4]

Эта безсильная, глухая, рабская ненависть вспыхнула ярко и дружно лишь послѣ увольненія Толстого въ отставку въ самомъ концѣ царствованія Александра. Печать въ этотъ мрачный періодъ продолжаетъ находиться все въ тѣхъ же тискахъ, которые даже усиливаются при Тимашевѣ не безъ прямого и косвеннаго участія того же гр. Толстого.[5]

Изъ газетъ въ періодъ времени между 1866 и 1872 гг. первое мѣсто продолжаетъ принадлежать „Московскимъ Вѣдомостямъ“ Каткова. Направленіе ихъ въ это время нельзя назвать выдержаннымъ. Съ одной стороны въ преслѣдованіи „польской интриги“ и нигилистовъ (въ особенности послѣ Каракозовскаго выстрѣла) Катковъ не только стоитъ на охранительной точкѣ зрѣнія, но увлекается даже за предѣлы литературныхъ приличій въ область доносовъ и полицейскаго сыска; хотя впрочемъ и тутъ онъ продолжаетъ всетаки видѣть главное средство противъ всѣхъ этихъ золъ въ широкомъ развитіи гласности, публичности и вообще политической свободы.

[1] Бурцевъ, II, 88. Въ составъ отдѣла геогр. общества входили между прочимъ Г. П. Галаганъ, Антоновичъ, Житецкій, А. А. Руссовъ, Лебединцевъ, Чубинскій и др. Срав. „Вѣсти. Евр.“ за 1886 г. № 1 ст. А. Н. Пыпина.

[2] „Записки А. И. Кошелева“; его же „Голосъ изъ земства“; Невѣдѣнскій „Катковъ и его время“; В. Ю. Скалонъ „Земскіе вопросы“.

[3] Невѣдѣнскій, стр. 481. Аксаковъ, соч. т. III.

[4] Срав. „Записки А. И. Кошелева“, за 1877 г. и 1878 гг.

[5] Срав. К. К. Арсеньева „Законодательство о печати“, также Никитенко „Дневникъ и записки“, III, passim.

„Всѣ эти лжеученія — писалъ онъ въ концѣ 1866 года — всѣ эти дурныя направленія родились и пріобрѣли силу посреди общества, не знавшаго ни науки свободной, уважаемой и сильной, ни публичности въ дѣлахъ, касающихся самыхъ дорогихъ для него интересовъ,— посреди общества, находившагося подъ цензурой и полицейскимъ надзоромъ во всѣхъ сферахъ своей жизни.“...[1] „Законная и безспорная власть — писалъ онъ годомъ позже, — сильная всею силой своего народа и единая съ нимъ, не имѣетъ повода бояться никакой свободы; напротивъ, свобода есть вѣрная союзница и опора такой власти.“[2] Въ то же время тотъ же Катковъ былъ главнымъ вдохновителемъ и неустаннымъ защитникомъ гр. Толстого во всѣхъ его ретроградныхъ мѣропріятіяхъ по министерству народнаго просвѣщенія. И онъ же выступалъ съ необыкновенною смѣлостью и задоромъ противъ бюрократическихъ продѣлокъ Валуева и съ жаромъ защищалъ независимость новыхъ судовъ и земства отъ поползновеній полицейскаго произвола.[3]

Представителемъ умѣреннаго либерализма въ періодъ съ 1863 до 1875 года являлись „С.-Петербургскія Вѣдомости“, редактированныя В. Ф. Коршемъ. Въ это время въ нихъ выступали: К. Д. Кавелинъ, А. И. Кошелевъ, Н. И. Костомаровъ, А. Д. Градовскій. Они защищали противъ Каткова политику Головнина до 1866 г., а послѣ паденія Головнина и воцаренія Толстого являлись постоянными и послѣдовательными противниками обскурантной политики гр. Толстого. Въ 1875 г. Коршъ сдѣлался жертвой этой оппозиціи, такъ какъ, по требованію Толстого, „С.-Петерб. Вѣдомости“, принадлежащія Академіи наукъ, были у него отобраны.[4] Сотрудники ихъ распредѣлились тогда между „Биржевыми Вѣдомостями“ Полетики и только что открытымъ тогда „Новымъ Временемъ“ Суворина, который былъ также однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Корша; но, какъ извѣстно, „Новое Время“ не долго придерживалось либеральныхъ принциповъ и очень скоро заслужило себѣ репутацію газетнаго флюгера. Значеніе главнаго представителя либерализма перешло къ „Голосу“, основанному А. А. Краевскимъ, при содѣйствіи Головнина, еще въ 1863 году[5] и сдѣлавшемуся выдержанной либеральной газетой съ 1871 года, послѣ водворенія въ немъ въ качествѣ редактора В. А. Бильбасова.

Послѣ 1872 г. Катковъ сталъ быстро терять приверженцевъ, главнымъ образомъ благодаря своей связи съ классической системой Толстого. Въ той же мѣрѣ росла популярность „Голоса“, главнаго его противника. Въ началѣ изданія „Голосъ“ довольствовался 4000 подписчиковъ, а въ 1877 г. число ихъ возросло уже до 22 632 и потомъ все увеличивалось.[6] „Недѣля“ къ серединѣ 70-хъ годовъ сдѣлалась, подъ редакціей Гайдебурова, окончательно проповѣдницей мирнаго народническаго культуртрегерства; но несмотря на свой мирный характеръ и она терпѣла въ это время всякія утѣсненія со

[1] Невѣдѣнскій, стр. 482.
[2] Тамъ же, 420.
[3] Тамъ же, 414—481.
[4] К. К. Арсеньевъ, н. с., стр. 99—100.
[5] К. К. Арсеньевъ, стр. 100. Срав. ст. Веселовскаго въ „Русск. Арх.“ за 1893 г. № 7 „Эпизодъ изъ исторіи Спб. Вѣдомостей“.
[6] Срав. брошюру, изданную редакціей „Голоса“ въ 1878 г. по случаю его пятнадцатилѣтія.

стороны цензуры.[1] Органъ дворянъ-олигарховъ „Вѣсть“ въ 1870 г. прекратилъ свое существованіе, истощенный безплодной борьбой и съ цензурными утѣсненіями[2], и съ равнодушіемъ публики.[3] Однако въ 1872 г. мѣсто „Вѣсти“ занялъ отчасти „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, причемъ въ редактированіи его участвовалъ первое время Ѳ. М. Достоевскій.[4]

Говоримъ: отчасти, потому что, унаслѣдовавъ отъ „Вѣсти“ неблагодарную миссію защиты кастовыхъ дворянскихъ интересовъ, онъ отбросилъ въ то же время присущія „Вѣсти“ конституціонныя мечтанія.

Изъ толстыхъ журналовъ „Русскій Вѣстникъ“ потерялъ въ это время то выдающееся значеніе, которое онъ имѣлъ, особенно въ передовыхъ дворянскихъ кругахъ, съ 1856 по 1865 годы. Теперь онъ привлекалъ къ себѣ читателей лишь своимъ беллетристическимъ отдѣломъ. Здѣсь до начала 70-хъ годовъ печаталъ свои романы Тургеневъ и до 1876 г. Левъ Толстой; здѣсь же помѣщали свои произведенія: Андрей Печерскій, Достоевскій и романисты-реакціонеры: Всев. Крестовскій, Болеславъ Маркевичъ и др. Самъ же Катковъ сосредоточилъ всю силу своего публицистическаго таланта въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Главнымъ и самымъ выдержаннымъ представителемъ либерализма въ средѣ толстыхъ журналовъ сдѣлался „Вѣстникъ Европы“, въ который перешли изъ „Русскаго Вѣстника“ всѣ искренно-либеральные публицисты. Онъ былъ основанъ въ 1866 г. М. М. Стасюлевичемъ и существовалъ первые два года, въ видѣ историческаго журнала, выходившаго разъ въ три мѣсяца. Но уже и въ то время въ немъ помѣщались весьма дѣльныя обозрѣнія и статьи по земскимъ вопросамъ, принадлежавшія перу извѣстныхъ земскихъ дѣятелей: Колюпанова и Н. Ф. Крузе. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились: А. А. Головачевъ, К. К. Арсеньевъ и др. Большое значеніе, не только научное, но и общественно-воспитательное, имѣли печатавшіяся въ „Вѣстникѣ Европы“ съ начала семидесятыхъ годовъ обширныя работы А. Н. Пыпина: „Общественное движеніе при Александрѣ I“, „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50 годовъ“, „Жизнь и переписка Бѣлинскаго“ и др.

„Дѣло“ Благосвѣтлова послѣ выхода изъ состава редакціи Писарева, Зайцева, Соколова и Ткачева сошло, какъ говоритъ К. К. Арсеньевъ,[5] на второй планъ; тѣмъ не менѣе, для молодежи имѣли большое значеніе печтавшіяся въ немъ статьи Н. В. Шелгунова, Аѳ. В. Щапова и такіе романы, какъ „Шагъ за шагомъ“ Омулевскаго (Федорова) и переведенный Благосвѣтловымъ „Одинъ въ полѣ не воинъ“ Шпильгагена.

Лучшимъ радикальнымъ журналомъ и, можно сказать, властите-

---

[1] Срав. статьи Н. К. Михайловскаго противъ „Недѣли“ въ 1875 и 1876 гг. — въ „Запискахъ про фана“.

[2] Въ 1865 г. „Вѣсть“ была пріостановлена на 8 мѣсяцевъ за напечатаніе московскаго адреса и рѣчи гр. Орлова-Давыдова.

[3] Хотя „Вѣсть“ печаталась въ 3000 экземплярахъ, а иногда и больше; но большинство разсылалось даромъ предводителямъ дворянства и многимъ другимъ лицамъ, при чемъ многіе возвращали эти экземпляры обратно, заявляя о своемъ нежеланіи получать этотъ органъ (слово „Вѣсть“ въ словарѣ Брокгауза и Эфрона).

[4] Срав. „Дневникъ писателя“ Ѳ. М. Достоевскаго за 1873 г. и матеріалы для его біографіи въ I т. его сочиненій (воспоминанія Н. Н. Страхова и О. Ѳ. Миллера); а также соч. Н. К. Михайловскаго, т. II (изд. 1888 г.) „Пурриты Гражданина“, стр. 271 и слѣд.

[5] „Законодательство о печати“, стр. 101.

лемъ думъ и воспитателемъ молодого поколѣнія въ это время становятся „Отечественныя Записки“ Некрасова. Наряду съ Некрасовымъ, членами редакціи ихъ были: М. Е. Салтыковъ и Г. З. Елисеевъ, съ которыми перешла къ нимъ часть традицій „Современника“. Вскорѣ присоединились къ нимъ въ качествѣ постоянныхъ сотрудниковъ: Н. К. Михайловскій, Н. А. Демертъ и Глѣбъ Ив. Успенскій, а затѣмъ и Н. Н. Златовратскій. Стихотворенія Некрасова и могучія сатиры Щедрина составляли весьма цѣнное украшеніе журнала и обезпечивали ему читателей изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества; но не они давали физіономію и тонъ этому журналу и не изъ за нихъ сдѣлался онъ властителемъ думъ молодежи. Физіономію „Отечественнымъ Запискамъ“ семидесятыхъ годовъ издавали внутреннія обозрѣнія Елисеева, беллетристическіе очерки Глѣба Успенскаго и Златовратскаго, и въ особенности критическія статьи и соціологическія работы Н. К. Михайловскаго. Елисеевъ, Успенскій и Златовратскій давали своимъ читателямъ изображеніе современной русской дѣйствительности, насквозь проникнутое народническимъ духомъ. Михайловскій всей суммой своихъ критическихъ статей и соціологическихъ этюдовъ давалъ стройное раціональное обоснованіе того стремленія въ народъ, того радикальнаго народничества, которымъ была охвачена молодежь съ конца шестидесятыхъ и до конца семидесятыхъ годовъ. Значеніе Михайловскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ семидесятыхъ годовъ было то же, что Бѣлинскаго въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и потомъ въ „Современникѣ“ сороковыхъ, Добролюбова и Чернышевскаго въ „Современникѣ“ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ или Писарева въ „Русскомъ Словѣ“.

Реалисты „Современника“ и „Русскаго Слова“, бывшіе, по выраженію Шелгунова, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ настоящими идеалистами земли, въ эпоху упадка русскаго общества, наступившаго въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, стали вырождаться въ обыкновенныхъ разнузданныхъ эгоистовъ, примѣнявшихъ смѣлые взгляды Писарева къ самымъ темнымъ и низменнымъ поползновеніямъ. Въ періодъ лихорадочной погони за наживой, широко развившейся въ самыхъ культурныхъ по внѣшности слояхъ русскаго общества, и примѣненіе идей дарвинизма къ соціологіи, и эволюціонная теорія Спенсера, и односторонняя теорія прогресса, выставляемая Боклемъ — все это превосходно приспособлялось къ оправданію и защитѣ нарождавшагося буржуазнаго общества съ его принципомъ безпощадной борьбы за существованіе. „Какъ волны морскія — по образному выраженію Н. К. Михайловскаго — отхлынувъ отъ берега, оставляютъ на немъ рыбъ, молюсковъ, которымъ предстоитъ умереть внѣ родной стихіи, такъ и волны нашего общественнаго движенія, отхлынувъ, оставили на берегу краткія и грубыя формулы, которыя сами по себѣ, безъ оживляющаго насъ недавно духа, мертвы. Пришли люди, не мучившіеся надъ ихъ выработкой, не знающіе ихъ цѣны, не имѣющіе той внутренней гарантіи, которая не допустила бы практическаго паденія, несмотря на односторонность теоретическихъ положеній. Пришли люди и сказали: мы люди трезвые, плюемъ на всякій идеализмъ, держимся строгихъ предписаній науки и реальной философіи. Мы — реалисты, а такъ какъ съ точки

зрѣнія реализма, нравственно то, что естественно, то мы, повинуясь естественной борьбѣ за существованіе, признаемъ нравственнымъ давить слабыхъ и неприсобленныхъ. Мы — реалисты, а такъ какъ съ точки зрѣнія реализма, жертва есть сапоги въ смятку, то мы живемъ единственно ради своей утробы.... Мы — реалисты, а такъ какъ, съ точки зрѣнія реализма, человѣкъ есть рабъ обстоятельствъ, то мы объявляемъ себя не отвѣтственными за всѣ тѣ подлости, которыя мы сдѣлали, дѣлаемъ и имѣемъ дѣлать....“ [1]

Вотъ противъ этого-то реализма, вывороченнаго на изнанку, и выступили въ концѣ шестидесятыхъ годовъ П. Л. Лавровъ и Н. К. Михайловскій. Противъ Спенсера и незаконныхъ приложеній теоріи Дарвина Михайловскій выставилъ свою теорію прогресса, сводившую сущность прогресса на борьбу за индивидуальность, т. е. за сохраненіе и всестороннее развитіе человѣческой личности, а цѣлью политики и этики объявилъ стремленіе къ такому общественному строю, при которомъ всестороннее развитіе человѣческой личности было бы наиболѣе обезпечено. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на научномъ значеніи соціологическихъ работъ Михайловскаго, тѣмъ болѣе, что не могли бы признать безъ нѣкоторыхъ оговорокъ правильности той оцѣнки этихъ работъ, которую дѣлаютъ наиболѣе жаркіе его поклонники. Но общественная роль Михайловскаго стоитъ внѣ зависимости отъ этой оцѣнки. Онъ самъ признавалъ себя главнымъ образомъ публицистомъ, а не заправскимъ ученымъ, и въ исторіи нашего общественнаго движенія онъ сыгралъ выдающуюся роль, именно какъ публицистъ.

Михайловскій былъ безусловно и вполнѣ сыномъ и представителемъ своего времени. Онъ вмѣстѣ съ передовымъ русскимъ обществомъ переживалъ и его увлеченія и горячо участвовалъ въ той праведной борьбѣ, которую передовыя его фаланги вели за лучшее и болѣе достойное будущее. „Мы поняли — писалъ онъ въ одной изъ критическихъ статей своихъ о „Бѣсахъ“ Достоевскаго въ февралѣ 1873 г. — мы поняли, что сознаніе общечеловѣческой правды и общечеловѣческихъ идеаловъ далось намъ только благодаря вѣковымъ страданіямъ народа. Мы не виноваты въ этихъ страданіяхъ, не виноваты и въ томъ, что воспитались на ихъ счетъ, какъ не виноватъ яркій и ароматическій цвѣтокъ въ томъ, что онъ поглощаетъ лучшіе соки растенія. Но, принимая эту роль цвѣтка изъ прошедшаго, какъ нѣчто фатальное, мы не хотимъ ея въ будущемъ.[2]

„Логическимъ ли теченіемъ идей,“ — какъ вы смѣетесь надъ Герценомъ, — или непосредственнымъ чувствомъ, долгимъ размышленіемъ, или внезапнымъ просіяніемъ, исходя ли изъ высшихъ человѣческихъ идеаловъ, или изъ прямого наблюденія, — мы пришли къ мысли, что мы должники народа....“ Далѣе онъ защищалъ въ этой статьѣ мысль, присущую въ то время большинству идейныхъ людей его поколѣнія, — о предпочтительности соціальныхъ реформъ передъ политическими. „Для ‚общечеловѣка‘, для citoyen’а, для человѣка, вкусившаго плодовъ общечеловѣческаго древа познанія добра и зла, не можетъ быть ничего соблазнительнѣе свободы политической,

[1] Сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. IV, стр. 40.
[2] Сочиненія, II, 305.

свободы совѣсти, слова, устнаго и печатнаго, свободы обмѣна мыслей (политическихъ сходокъ) и проч. И мы желаемъ этого, конечно. Но если всѣ связанныя съ этой свободой права должны только протянуть для насъ роль яркаго и ароматнаго цвѣтка,—мы не хотимъ этихъ правъ и этой свободы! Да будутъ они прокляты, если они не только не дадутъ намъ возможности разсчитаться съ долгами, но еще увеличатъ ихъ!“[1]

Эти слова, чрезвычайно характерныя для „Отечественныхъ Записокъ“ семидесятыхъ годовъ, очень сильно напоминали „Современникъ“ Чернышевскаго и Добролюбова, старыя книжки котораго съ увлеченіемъ читались и перечитывались молодежью семидесятыхъ годовъ.[2] Вліяніе Чернышевскаго и Добролюбова на молодежь въ семидесятыхъ годахъ было огромно. Чайковцы усиленно пропагандировали ихъ сочиненія. Добролюбовъ былъ въ это время перезданъ. А. Н. Пыпинъ издалъ въ 1865 г. „Политическую экономію“ Милля въ переводѣ Чернышевскаго и съ его примѣчаніями, въ 1876 г. потребовалось второе изданіе этого сочиненія. Еще въ началѣ 70-хъ годовъ Чайковцами переиздано было „Общинное землевладѣніе“ Чернышевскаго. На ряду съ экономическими статьями Чернышевскаго, такими какъ „Критика философскихъ предубѣжденій противъ общиннаго землевладѣнія“ или „Экономическая дѣятельность и законодательство“, молодежь зачитывалась статьями его же о „Кавеньякѣ“[3] или о „Борьбѣ партій во Франціи“,[4] стремившимися доказать ничтожество политическихъ формъ въ сравненіи съ насущной важностью соціальныхъ проблемъ съ точки зрѣнія интересовъ народа. Эти статьи, напечатанныя Чернышевскимъ въ „Современникѣ“ 1858 г. отчасти подъ вліяніемъ французскихъ событій 1848 и 1849 гг., отчасти подъ впечатлѣніемъ раздраженія противъ дворянскихъ губернскихъ комитетовъ, — въ свое время не повредили развитію идей политическаго радикализма въ Россіи, и мы видѣли, что въ 1862 г. самъ Чернышевскій охотно подавалъ руку тверскимъ помѣщикамъ-радикаламъ послѣ ихъ знаменитаго адреса. Но въ семидесятыхъ годахъ молодежь увлекалась всего больше тѣми статьями Чернышевскаго и Добролюбова, которыя могли быть обращены противъ либерализма и въ пользу соціалистическаго народничества.

Съ какимъ азартомъ Н. К. Михайловскій и вообще редакція „Отечественныхъ Записокъ“ готовы были защищать въ это время престижъ Чернышевскаго отъ малѣйшаго нападенія на проповѣдывавшіяся имъ идеи, видно изъ статей Михайловскаго, направленныхъ въ 1876 г. противъ Кавелина и противъ „Недѣли“, послѣ того, какъ Кавелинъ въ статьѣ „Объ общинномъ землевладѣніи“ приписалъ всю заслугу отстаиванія поземельной общины славянофиламъ, умолчавъ объ участіи въ этой борьбѣ „Современника“, и даже намекнулъ на незнаніе и непониманіе русской дѣйствительности, сказавшееся въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Современника“.[5]

---

[1] Тамъ же, стр. 306.

[2] „Мы уже много разъ говорили — писалъ Чернышевскій въ 1858 г. — что всѣ конституціонныя пріятности имѣютъ очень мало цѣны для человѣка, не имѣющаго ни физическихъ средствъ, ни умственнаго развитія для этихъ десертовъ политическаго рода“ („Борьба партій во Франціи“, „Современникъ“ за 1858 г. № 9, стр. 165—166).

[3] „Современникъ“ 1858 г. № 1 и 3.

[4] Тамъ же, №№ 8 и 9.

[5] Н. К. Михайловскій, сочиненія, т. III, вып. II (изд. 1888 г.) „Записки профана“, стр. 327 и passim.

Идеи Чернышевскаго и Добролюбова, высказанныя въ концѣ 50-хъ годовъ и въ то время не помѣшавшія господству политическихъ и либеральныхъ идей въ обществѣ, въ семидесятыхъ годахъ прекрасно сочетались съ выводами Лаврова и Михайловскаго и давали вмѣстѣ съ ними полную подготовку къ воспріятію народническихъ стремленій и идеаловъ. Въ то же время огромной популярностью среди молодежи пользовался „Капиталъ“ Маркса, изданный по-русски въ 1872 г. Михайловскій своей полемикой съ Жуковскимъ сдѣлалъ очень много для уясненія идей Маркса въ примѣненіи къ русской дѣйствительности и именно въ народническомъ смыслѣ, чему не мало способствовалъ и самъ Марксъ, своей прокламаціей къ членамъ русской секціи интернаціональнаго союза рабочихъ, изданной 24 марта 1870 г., гдѣ онъ между прочимъ писалъ, что „такіе труды, какъ Флеровскаго (Положеніе рабочаго класса въ Россіи) и какъ вашего учителя Чернышевскаго, дѣлаютъ дѣйствительную честь Россіи и доказываютъ, что Ваша страна тоже начинаетъ участвовать въ общемъ движеніи нашего вѣка.“ [1] А молодежь въ „Критикѣ философскихъ предубѣжденій“ находила у Чернышевскаго доказательства того положенія, что каждое учрежденіе у каждаго народа вовсе не должно непремѣнно проходить всѣ логическіе моменты своего развитія, почему Чернышевскій признавалъ, что общинное владѣніе у насъ не только не должно уступить своего мѣста частной собственности, но, напротивъ, должно сдѣлаться, въ усовершенствованномъ видѣ, основнымъ принципомъ нашего гражданскаго быта. Эту точку зрѣнія вполнѣ усвоили и развивали „Отечественныя Записки“ семидесятыхъ годовъ.

Славянофилы, послѣ окончательнаго запрещенія „Москвы“ въ 1869 году, не имѣли своего органа. Аксаковъ рѣшительно не могъ подчиниться тѣмъ цензурнымъ условіямъ, которыя упрочились при Тимашевѣ. Кошелевъ съ Юрьевымъ попробовали было основать въ Москвѣ въ 1871 г. толстый журналъ „Бесѣду“, но и она принуждена была закрыться послѣ того, какъ по постановленію комитета министровъ были сожжены двѣ ея книжки — обѣ за критику учебной системы и порядковъ, господствовавшихъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Послѣ этого славянофилы уже не пытались вплоть до 1880 г. издавать повременныхъ изданій. Взамѣнъ этого въ важныхъ случаяхъ, когда они чувствовали необходимость подать голосъ, они говорили публичныя рѣчи въ собраніяхъ славянскаго общества въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Этимъ суррогатомъ гласности они вынуждены были пробавляться и тогда, когда въ 1875 г. вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ и славянскій вопросъ выдвинулся на первый планъ.[2]

23.

Кровавыя событія на Балканскомъ полуостровѣ встряхнули все русское общество. Правительство не желало войны и вкупѣ съ Ав-

[1] У Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. I, стр. 90. Извѣстное письмо Карла Маркса въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“ было опубликовано Н. К. Михайловскимъ значительно позднѣе, — въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ за 1888 г.

[2] Кошелевъ „Записки“, стр. 199 и слѣд. Срав. соч. И. С. Аксакова, т. II. И Кошелевъ, и Самаринъ печатали въ это время всѣ свои брошюры за границей. Даже брошюра Кошелева „Объ общинномъ землевладѣніи“ не могла быть напечатана въ Россіи, не говоря о тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ возобновлялъ время отъ времени свое предложеніе созвать земскую Думу (Записки, стр. 209—219).

стріею старалось урезонить герцоговинскихъ инсургентовъ, а затѣмъ удержать отъ объявленія войны Сербію и Черногорію; но это ему не удалось. Общество же, напротивъ, безъ различія направленій и партій, начиная отъ читателей „Московскихъ Вѣдомостей“ и вплоть до нигилистовъ и революціонеровъ включительно, стремилось на помощь угнетеннымъ народностямъ.[1] Въ общемъ хорѣ составлялъ исключеніе лишь „Голосъ“, который высказывался противъ войны и въ самый разгаръ народнаго возбужденія противъ турокъ печаталъ обличительныя статьи противъ главнокомандующаго сербской арміей генерала Черняева и русскихъ добровольцевъ, поведеніе которыхъ въ арміи представлялось далеко не безукоризненнымъ. Но за это „Голосъ“ и бранили повсюду, а въ Москвѣ въ особенности, отчаяннымъ образомъ.[2]

Всколыхнувъ русское общество, освободительная война, предпринятая противъ воли правительствомъ,[3] разбудила и тѣ либеральныя надежды и вѣянія, которыя затихли окончательно послѣ неудачи, постигшей въ 1870 г. славянофильскій адресъ Московской Думы. За границей въ 1877 г. основывается либеральный русскій органъ „Общее Дѣло“. „Глядя на творящіяся кругомъ безобразія — писалъ въ одной изъ первыхъ руководящихъ статей этого органа Н. А. Бѣлоголовый — на безнаказанность самаго возмутительнаго произвола правительства, приходишь все болѣе и болѣе къ убѣжденію, что вина въ этомъ постольку же правительства, поскольку и самаго общества, тупая воспріимчивость, ничтожество и невѣжество послѣдняго.... Единственная активная оппозиція безобразіямъ правительства проявляется у насъ только со стороны студентовъ, — и то въ первыхъ двухъ курсахъ, — въ которыхъ больше говоритъ страстность чувствъ, нервозность возраста, а никакъ не сила убѣжденія, не опытъ, не знаніе....“ Бѣлоголовый былъ по своимъ взглядамъ хотя и демократъ, но постепеновецъ. Онъ считалъ дѣятельность нашей радикальной и революціонной молодежи, хожденіе въ народъ и проч. неразсчетливой и безрезультатной затратой силъ и выражалъ мнѣніе, что народъ нашъ въ настоящее время такъ мало еще подготовленъ къ воспріятію соціально-демократическихъ доктринъ, что если бы революціонерамъ и удалось поднять возстаніе и даже свергнуть существующій строй, то началась бы такая сумятица и такой безпорядокъ, что спустя нѣкоторое время побѣдители отправились бы искать въ Костромскихъ лѣсахъ, не осталось ли тамъ какой-либо вѣтви Романовыхъ, или призвали бы варяговъ изъ за моря.[4]

Но Бѣлоголовый составлялъ въ редакціи „Общаго Дѣла“ крайнюю правую; тамъ были и центръ, въ лицѣ эмигранта г. Христофорова и крайняя лѣвая въ лицѣ Зайцева, бывшаго сотрудника „Русскаго Слова“, принадлежавшаго одно время къ интернаціональному союзу рабочихъ и вышедшаго оттуда вмѣстѣ съ Бакунинымъ, и Алисова,

[1] „Мои лучшіе друзья — пишетъ Кропоткинъ въ своихъ запискахъ — Сергѣй Степнякъ, Дмитрій К. и многіе другіе отправились на Балканскій полуостровъ, чтобы присоединиться къ инсургентамъ. Друзья писали мнѣ: „мы читаемъ корреспонденціи „Daily News“ о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи, мы плачемъ при чтеніи и идемъ записываться въ отряды инсургентовъ какъ добровольцы, или какъ сестры милосердія.“ Записки, стр. 362.

[2] Кошелевъ, „Записки“, стр. 228.

[3] Отношеніе правительства къ этой войнѣ см. у Татищева, т. II, стр. 291 и слѣд., 371 и слѣд. Тамъ же возраженія Рейтерна съ финансовой стороны.

[4] Первая книжка „Освобожденія“ за 1903 г., ст. А. Х. Христофорова объ „Общемъ дѣлѣ“, стр. 37—38.

который въ 1879 г. за изданіе брошюры „Александръ II Освободитель“ былъ высланъ по требованію русскаго правительства изъ Франціи.[1]

Въ средѣ соціально-революціонной партіи „Земля и Воля“ послѣ процесса 193 и выстрѣла Вѣры Засуличъ также началось не прекращавшееся съ тѣхъ поръ броженіе и стали явственно раздаваться голоса въ пользу измѣненія программы, въ смыслѣ постановки на очередь вопроса о политическомъ переворотѣ. Мысль о возможности совершенія соціальной и демократической революціи при помощи захвата государственной власти якобинскимъ путемъ была до этого времени, какъ мы видѣли, совершенно чужда народникамъ семидесятыхъ годовъ. Съ 1875 г. эту мысль упорно проповѣдывалъ лишь органъ небольшой группы эмигрантовъ „Набатъ“, издававшійся въ Женевѣ въ 1875—1777 гг. П. Н. Ткачовымъ, бывшимъ сотрудникомъ „Русскаго Слова“, привлеченнымъ къ суду въ 1871 г. по дѣлу Нечаева и послѣ того бѣжавшимъ за границу. Якобинцы „Набата“ писали въ 1875 г., что „ближайшая цѣль революціи должна заключаться въ захватѣ государственной власти, въ созданіи революціоннаго государства. Но захватъ власти, являясь необходимымъ условіемъ революціи, по ихъ словамъ, не есть еще революція. Это только ея прелюдія. Революція осуществляется революціоннымъ государствомъ, которое съ одной стороны борется и уничтожаетъ консервативные и реакціонные элементы общества, упраздняетъ всѣ тѣ учрежденія, которыя препятствуютъ установленію равенства и братства (а о свободѣ ни полъ слова!); съ другой вводитъ въ жизнь учрежденія, благопріятствующія ихъ развитію.“[2]

Народники не только не раздѣляли этихъ принциповъ, но нападали на нихъ съ азартомъ еще въ 1878 г., а между тѣмъ обострившаяся борьба съ государственной властью толкала и ихъ въ эту сторону роковымъ образомъ. Ихъ толкала на этотъ путь и совершенная неудача „деревенщиковъ“, и увеличивающіяся репрессаліи правительства. Послѣ выстрѣла Вѣры Засуличъ наказанія, назначенныя судомъ по процессу 193, были увеличены при конфирмаціи Александромъ, какъ говорили, по настоянію шефа жандармовъ Мезенцова. Его же вліянію приписывалась казнь Ковальскаго, который съ товарищами былъ взятъ въ Одессѣ послѣ сильнаго вооруженнаго сопротивленія въ январѣ 1878 г. И вотъ является изъ заграницы Кравчинскій, еще недавно сражавшійся противъ турокъ въ рядахъ инсургентовъ, и убиваетъ шефа жандармовъ кинжаломъ на улицѣ, среди бѣла дня, кидается затѣмъ въ стоявшую тутъ же на готовѣ пролетку и изчезаетъ. Еще раньше происходитъ цѣлый рядъ политическихъ убійствъ и покушеній на югѣ: въ февралѣ 1878 г. Осинскій стрѣляетъ въ Кіевѣ въ товарища прокурора Котляревскаго, въ маѣ Попко убиваетъ жандармскаго ротмистра Гейкинга, въ іюлѣ дѣлается вооруженная попытка освобожденія Войнаральскаго. Совершается удачное освобожденіе изъ тюрьмы Стефановича, Дейча и Боховскаго. Въ то же время происходятъ убійства въ разныхъ мѣстахъ шпіоновъ. Въ томъ же 1878 году вспыхиваютъ студенческія волненія, причемъ изъ Петербурга высылается до 600 человѣкъ; въ

[1] „За сто лѣтъ“ Бурцева, II, 102.
[2] Программа „Набата“ у Бурцева, I, 133.

Харьковѣ происходитъ избіеніе студентовъ казаками; въ Кіевѣ исключаются изъ университета послѣ нападенія на ректора Матвѣева 140 человѣкъ, изъ нихъ 15 высылаются въ Восточную Сибирь и въ сѣверныя губерніи. Ихъ везутъ черезъ Москву; въ Москвѣ московскіе студенты выходятъ имъ на встрѣчу съ цѣлью устроить имъ овацію, но полиція выпускаетъ на нихъ охотно-рядскихъ мясниковъ и дворниковъ, и происходитъ возмутительное избіеніе студентовъ.[1]

Всѣ эти факты наэлектризовываютъ революціонеровъ и соприкасающуюся съ ними молодежь до крайности. Въ собраніяхъ совѣта „Земли и Воли“ рѣшаютъ одно, а въ дѣйствительности происходитъ другое. Такъ въ августѣ 1878 г. послѣ убійства Мезенцова въ № 1 „Земли и Воли“ сказано: „Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія народныхъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушать систему можетъ только самъ народъ. Поэтому главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы — это не болѣе какъ охранительный отрядъ. . .“ На самомъ же дѣлѣ политическія убійства и покушенія продолжаются почти непрерывно, а „деревенщики“ окончательно бѣгутъ изъ деревень въ городъ. Въ мартѣ 1879 г. убитъ въ Харьковѣ губернаторъ князь Кропоткинъ, а въ Петербургѣ совершено неудачное покушеніе на шефа жандармовъ Дрентельна; въ томъ же мѣсяцѣ убито нѣсколько шпіоновъ. Наконецъ 2-го апрѣля Соловьевъ стрѣляетъ въ самого Александра II.

Замѣчательно, что всѣ эти покушенія и убійства, до покушенія Соловьева включительно, совершены отъ имени народническаго общества „Земля и Воля“, которое не ставило своей цѣлью политическаго переворота и заявляло торжественно, что революція допустима лишь въ томъ случаѣ, если ее сознательно захочетъ совершить самъ народъ.[2] Не менѣе замѣчательно и то обстоятельство, что Соловьевъ произвелъ свое покушеніе въ противность постановленію большинства членовъ совѣта партіи, который обсуждалъ этотъ вопросъ по желанію самого Соловьева,[3] и что Осинскій, не добившись согласія „Земли и Воли“ на измѣненіе программы, тѣмъ не менѣе сталъ называть въ прокламаціяхъ дезорганизаторскую группу „исполнительнымъ комитетомъ“, который не слѣдуетъ, однако же, смѣшивать съ исполнительнымъ комитетомъ „Народной Воли“.[4]

Сдѣлавъ террористическую борьбу съ правительствомъ главнымъ и почти единственнымъ дѣломъ, партія „Земли и Воли“ уже не могла удержаться на почвѣ своихъ основныхъ народническихъ доктринъ; очевидно измѣненіе ея программы сдѣлалось неизбѣжнымъ. Въ сущности народникамъ предстояло: или перейти на путь медленной, относительно мирной, культурной пропаганды и дѣятельности, или перестать быть народниками. Но такъ какъ, съ одной стороны, бо́льшая часть самой многочисленной группы деревеньщи-

[1] Всѣ эти факты указаны у Бурцева „За сто лѣтъ“, ч. II, у Серебрякова „Общество Земли и Воли“ и у Татищева „Императоръ Александръ II“, т. II, стр. 598—601.
[2] Серебряковъ, стр. 35 и слѣд.
[3] Тамъ же.
[4] Тамъ же.

ковъ ни за что не хотѣли разстаться съ народническими и анархистскими принципами, а, съ другой, самые энергичные члены партіи ни въ какомъ случаѣ не соглашались отказаться отъ революціонной борьбы съ правительствомъ, которое не допускало мирной соціалистической пропаганды, — то произошло нѣчто въ родѣ заговора въ заговорѣ.

Для окончательнаго рѣшенія вопроса о программѣ рѣшено было устроить большой съѣздъ въ Воронежѣ лѣтомъ 1879 г., но приверженцы идеи политическаго переворота условились тайно отъ остальныхъ членовъ партіи съѣхаться ранѣе этого срока въ Липецкѣ, куда пригласили и наиболѣе энергичныхъ южныхъ революціонеровъ (въ томъ числѣ Желябова).[1]

Желябовъ явился самымъ вліятельнымъ лицомъ на этомъ съѣздѣ. Взгляды, проводившіеся на Липецкомъ съѣздѣ, въ біографіи Желябова резюмированы слѣдующимъ образомъ: „соціально-революціонная партія не имѣетъ своей задачей политическихъ реформъ. Это дѣло должно бы всецѣло лежать на тѣхъ людяхъ, которые называютъ себя либералами. Но эти люди у насъ совершенно безсильны и, по какимъ бы то ни было причинамъ, оказываются неспособными дать Россіи свободныя учрежденія и гарантіи личныхъ правъ. А, между тѣмъ, эти учрежденія настолько необходимы, что, при ихъ отсутствіи, никакая дѣятельность невозможна. Поэтому русская соціально-революціонная партія принуждена взять на себя обязанность сломить деспотизмъ и дать Россіи тѣ политическія формы, при которыхъ возможна станетъ идейная борьба. ...“[2]

Способомъ достиженія такихъ реформъ признаны были терроръ и захватъ власти, а вопросъ о типѣ организаціи рѣшенъ былъ въ смыслѣ строгой централизаціи, дисциплины и тайны. Въ результатѣ всѣхъ этихъ обсужденій организованъ былъ „Исполнительный комитетъ“.[3]

Эта программа, однако же, не могла быть цѣликомъ проведена на Воронежскомъ съѣздѣ, и липецкія постановленія не были даже сообщены воронежскому съѣзду полностью. Тамъ было извѣстно лишь, что образовалась какая-то „лига цареубійства“ (исполнительный комитетъ). Воронежскій съѣздъ кончился, однако же, компромиссомъ между террористами и деревенщиками. Рѣшено было, что программа „Земли и Воли“ останется неизмѣнной, но что активная борьба съ правительствомъ должна быть усилена и что, въ случаѣ казней революціонеровъ, „Земля и Воля“ должна принять самое дѣятельное участіе въ наказаніи „тирана“.[4]

Но этотъ компромиссъ разрушился очень быстро и уже черезъ мѣсяцъ террористы и деревенщики признали, что они не могутъ дѣйствовать какъ члены одного общества. Положено было раздѣлиться: деревенщики образовали группу „Чернаго Передѣла“; а террористы образовали партію „Народной Воли“.

Хотя партія „Народной Воли“ ставила своей непосредственной цѣлью террористическую борьбу съ правительствомъ за политическую

[1] Серебряковъ, стр. 56. Срав. Татищева, т. II, стр. 615.
[2] Серебряковъ, стр. 57 (взято изъ біографіи Желябова).
[3] Тамъ же, стр. 58.
[4] Тамъ же, стр. 58—59.

свободу, однако же, она не рѣшилась построить программу своей дѣятельности на чисто-якобинскихъ началахъ. Въ программѣ своей она поставила даже во главу угла соціалистическіе и народническіе принципы. „По основнымъ своимъ убѣжденіямъ, — сказано тамъ, — мы — соціалисты и народники. . . . Мы убѣждены, что только народная воля можетъ санкціонировать общественныя формы, что развитіе народа прочно только тогда, когда оно идетъ самостоятельно и свободно, когда каждая идея, имѣющая воплотиться въ жизнь, проходитъ предварительно черезъ сознаніе и волю народа. . . .[1] Но народъ забитъ и порабощенъ и потому не можетъ самъ развить тѣ соціалистическіе и федеративные принципы, которые еще живы въ его сознаніи. Поэтому члены партіи, какъ соціалисты и народники, считаютъ своимъ долгомъ произвести насильственный политическій переворотъ съ цѣлью передачи власти народу. Для выраженія народной воли должно быть собрано учредительное собраніе, составленное изъ представителей народа, избранныхъ свободно, всеобщей подачей голосовъ и снабженныхъ наказами избирателей. Въ этомъ собраніи партія предполагала предложить слѣдующія реформы: 1. постоянное народное представительство, составленное, какъ сказано выше, и имѣющее полную власть во всѣхъ общегосударственныхъ вопросахъ; 2. широкое областное самоуправленіе, обезпеченное выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа; 3. самостоятельность міра, какъ экономической и административной единицы; 4. принадлежность земли народу; 5. система мѣръ, имѣющихъ передать въ руки рабочихъ всѣ заводы и фабрики; 6. полная свобода совѣсти, слова, печати, сходокъ, ассоціацій и избирательной агитаціи; 7. всеобщее избирательное право, безъ всякихъ сословныхъ и имущественныхъ ограниченій, и 8. замѣна постоянной арміи территоріальной.[2]

Для достиженія цѣлей партіи предполагалось развивать: 1. дѣятельность пропагаторскую и агитаціонную въ видахъ популяризаціи программы народной воли и организаціи въ народѣ и обществѣ протеста противъ существующаго порядка и требованій реформъ. Какъ формы протеста имѣлись въ виду: сходки, демонстраціи, петиціи, адреса, отказъ отъ уплаты податей и проч.; 2. дѣятельность разрушительную и террористическую; 3. организацію тайныхъ обществъ и сплоченіе ихъ вокругъ одного центра; 4. пріобрѣтеніе вліятельнаго положенія и связей въ администраціи, войскѣ, обществѣ и народѣ; 5. организацію и совершеніе переворота и, наконецъ, 6. избирательную агитацію при созывѣ учредительнаго собранія.

Партія ставила цѣлью своей подготовительной работы приготовленіе народнаго возстанія, но при этомъ она брала на себя иниціативу переворота, не дожидаясь того момента, когда народъ будетъ въ состояніи обойтись безъ нея. Главнѣйшими задачами подготовительной работы ставилось: 1. созданіе центральной боевой организаціи, способной начать возстаніе; 2. созданіе провинціальной революціонной организаціи, способной поддержать возстаніе; 3. обезпе-

[1] Программа партіи „Народная Воля“ у Бурцева, ч. I, стр. 148.
[2] Тамъ же, стр. 150.

чить возстанію поддержку городскихъ рабочихъ; 4. подготовить возможность привлеченія на свою сторону войска; 5. заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ интеллигенціи — главнаго источника силъ при подготовительной работѣ; 6. склонить на свою сторону общественное мнѣніе Европы.

Въ программу, однако же, вовсе не вводилось условіе не начинать переворота, пока эта подготовительная работа не будетъ сдѣлана. Въ дѣйствительности по всѣмъ пунктамъ этой подготовительной программы сдѣланы были лишь кое-какія, большею частью не приводившія къ цѣли попытки, всѣ же боевыя наличныя силы партіи были немедленно пущены въ ходъ на устройство самого переворота. Послѣ опубликованія этой программы, въ сущности началась тотчасъ же въ высшей степени дѣятельная и напряженная охота за царемъ. Очевидно, что при этихъ условіяхъ, еслибы членамъ партіи удалось послѣ истребленія царской фамиліи захватить власть въ свои руки, то могло бы послѣдовать въ разныхъ мѣстахъ возстаніе противъ самихъ узурпаторовъ и имъ пришлось бы вмѣсто созыва учредительнаго собранія вести гражданскую войну, исходъ которой предвидѣть было, разумѣется, невозможно, но который легко могъ быть и такимъ, какой предвидѣлъ въ вышеупомянутой статьѣ „Общаго Дѣла“ Н. А. Бѣлоголовый. Какіе бы народническіе идеалы не выставила эта партія въ своей программѣ, эти идеалы, въ виду неподготовленности къ нимъ русскаго общества и народа, оставались лишь на бумагѣ, а способъ дѣйствія, усвоенный партіей, велъ ее роковымъ образомъ на путь якобинства.[1]

Правительство, чрезвычайно встревоженное террористическими предпріятіями революціонеровъ, послѣ убійства Мезенцова рѣшило еще усилить какъ предупредительныя мѣры, основанныя всецѣло на полицейскомъ произволѣ, такъ и репрессивныя мѣры, и безъ того усиливавшіяся изъ года въ годъ. Расширены были еще больше права жандармовъ относительно ареста всякихъ подозрительныхъ лицъ или участниковъ уличныхъ демонстрацій; рѣшено административно ссыльныхъ направлять преимущественно въ Восточную Сибирь и особенно въ Якутскую область; явилась даже мысль устроить тамъ особыя колоніи государственныхъ ссыльныхъ, а въ Европейской Россіи завести для нихъ особыя усовершенствованныя тюрьмы. Лицъ, обвиненныхъ въ вооруженномъ сопротивленіи или въ какихъ-либо террористическихъ актахъ, рѣшено судить впредь военно-полевымъ судомъ.[2] Однако, всѣ эти мѣры казались недостаточными для подавленія „крамолы“, при томъ равнодушіи публики, которое было констатировано министромъ юстиціи гр. Паленомъ еще въ 1874 г. и съ тѣхъ поръ не только не уменьшалось, но даже принимало по временамъ характеръ какого-то злорадства, а иногда и косвеннаго пособничества революціонерамъ. Правительство сознало этотъ фактъ, но, не углубляясь въ разслѣдованіе истиннаго его значенія и настоящихъ причинъ, обусловливавшихъ глубокую отчужденность обще-

[1] Замѣчательно, что послѣдовательный и искренній анархистъ и народникъ Кропоткинъ признается въ своихъ „Запискахъ“, что русское революціонное движеніе утратило для него свою привлекательность съ тѣхъ поръ, какъ оно превратилось въ заговоръ и вооруженную борьбу съ самодержавіемъ, оставивъ „роковымъ образомъ“ „всякую мысль о народномъ движеніи“. (Стр. 358.)

[2] Татищевъ, II, 600—601.

ства и даже глухую враждебность многихъ его слоевъ по отношенію къ правительству, попыталось съ дѣтскимъ легкомысліемъ и апломбомъ измѣнить это отношеніе къ нему общества простымъ обращеніемъ къ нему за содѣйствіемъ, ничего не измѣняя въ его правовомъ положеніи и въ своихъ къ нему отношеніяхъ. Надѣялись, повидимому, что царское слово, сказанное съ высоты престола, способно безъ всякихъ иныхъ мѣръ вдругъ измѣнить общественное настроеніе. 20 августа 1878 г. въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ появилось извѣстное правительственное сообщеніе, въ которомъ было сказано, что, усугубляя строгость и твердость въ борьбѣ своей съ „шайкой злодѣевъ“, правительство расчитываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ „найти себѣ опору въ самомъ обществѣ и потому считаетъ нынѣ необходимымъ призвать къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на ученіе, навязываемое народу при помощи самыхъ превратныхъ понятій и самыхъ ужасныхъ преступленій“. Тутъ же было воззваніе и къ учащейся молодежи, которая приглашалась къ усиленному занятію наукой и предостерегалась отъ соблазна.[1] Все это было подкрѣплено царской рѣчью въ Москвѣ, также, впрочемъ, не обѣщавшей ничего добраго.[2]

Само собой разумѣется, что такое сообщеніе, не знаменовавшее никакой перемѣны во внутренней политикѣ правительства, основанной на угнетеніи и произволѣ, не могло вызвать никакого сочувствія въ обществѣ и тѣмъ менѣе въ средѣ учащейся молодежи. Эта послѣдняя отвѣтила на царскій призывъ въ ту же осень грандіозными безпорядками, разыгравшимися во всѣхъ университетахъ и особенно въ Медико-Хирургической Академіи.[3] Что же касается земствъ, которыя являлись въ это время единственнымъ представительствомъ страны, способнымъ до извѣстной степени выразить ея мнѣніе, то тѣ изъ нихъ, которыя осмѣлились возвысить свой голосъ, возвысили его далеко не въ желательномъ для правительства смыслѣ. Между передовыми земцами уже началось въ это время конституціонное движеніе, отвѣчавшее теперь довольно единодушному, хотя и подавленному властью настроенію всего образованнаго общества. Послѣ турецкой войны либералы стали поднимать голову. Многимъ казалось, что правительство, даровавшее конституціонное устройство полудикому болгарскому народу, не можетъ теперь уже отказать въ этомъ Россіи.

Съ другой стороны, обнаружившіяся во время войны въ громадныхъ размѣрахъ злоупотребленія, присущія бюрократическому строю, заставили многихъ сильнѣе почувствовать, что урокъ, данный когда-то Крымской войной, не имѣлъ всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ послѣдствій, на которыя можно было расчитывать. Въ то же время политическіе процессы 77 года и, въ особенности, процессъ Вѣры Засуличъ, обнажили съ полною рельефностью все безобразіе и вмѣстѣ безсмысленность существующаго полицейскаго режима.

Между тѣмъ, учебная система Толстого, давно съ полнымъ еди-

---

[1] Татищевъ, т. II, стр. 600—602.
[2] Тихомировъ. „Конституціоналисты“, стр. 31.
[3] Татищевъ,II, стр. 603.

нодушіемъ осужденная всѣми мыслящими людьми, продолжала коверкать юношество, а всѣ заявленія противъ нее, возникавшія въ печати и въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ, отвергались правительствомъ съ тупымъ и холоднымъ презрѣніемъ. Наконецъ, униженіе національнаго достоинства послѣ трудной и страшно дорого стоившей намъ войны, испытанное нами на Берлинскомъ конгрессѣ и приписанное общественнымъ мнѣніемъ промахамъ нашей иностранной политики, глубоко уязвило всѣхъ искреннихъ патріотовъ. Ив. Серг. Аксаковъ сказалъ по этому поводу громовую рѣчь въ „Славянскомъ Обществѣ“ въ Москвѣ, а правительство отвѣчало закрытіемъ общества и высылкой Аксакова изъ Москвы въ деревню.[1]

Кажется, легкомысленнѣе и неразумнѣе трудно себѣ представить политику. И это-то правительство, плевавшее на мнѣніе страны даже въ такомъ близко затрогивавшемъ всѣхъ вопросѣ, какъ воспитаніе юношества, безсмысленно топтавшее наболѣвшее и патріотическое чувство такихъ глубоко лояльныхъ людей, какъ Аксаковъ, думало, ничего не мѣняя въ своей внутренней политикѣ, вызвать общественное сочувствіе и помощь въ борьбѣ съ людьми, которые имъ же были доведены до крайности! Вотъ ужъ по истинѣ можно было сказать: „Quem Deus perdere vult, prius dementat“. — Первое отозвалось на правительственное сообщеніе Харьковское земство, выразившее, хотя въ неясныхъ и уклончивыхъ выраженіяхъ, ту мысль, что безъ измѣненія внутренней политики правительства, никакое содѣйствіе общества не возможно. Министръ внутреннихъ дѣлъ тотчасъ же разослалъ циркуляры предводителямъ дворянства, предписывающіе не допускать такихъ заявленій и адресовъ на земскихъ собраніяхъ.[2] Но къ этому времени въ средѣ либеральныхъ земцевъ возникла уже нѣкоторая организація, подъ именемъ „Земскаго Союза“. Въ концѣ 70-хъ гг. нѣсколько человѣкъ земскихъ дѣятелей различныхъ губерній задумали, какъ сказано въ документахъ, напечатанныхъ въ „Общемъ Дѣлѣ“ за 1883 г., — установить нѣкоторую солидарность между дѣятельностью отдѣльныхъ земствъ. Для этого устраивались ежегодные съѣзды въ Москвѣ, Кіевѣ и Харьковѣ. Послѣ правительственнаго сообщенія 1878 г. устроенъ былъ съѣздъ въ Кіевѣ, на который были приглашены и нѣкоторые революціонеры, такъ какъ земцы рѣшили сдѣлать попытку войти въ соглашеніе и добиться, чтобы террористы пріостановили на время свою террористическую дѣятельность и дали бы, такимъ образомъ, земцамъ возможность попробовать убѣдить правительство мирнымъ путемъ возвратиться на путь реформъ.

Кіевскіе революціонеры уже вполнѣ пришли въ это время къ сознанію необходимости политическихъ реформъ и потому охотно пошли на соглашеніе съ земцами, но настоящаго соглашенія въ сущ-

---

[1] Кошелевъ, „Записки“, стр. 235.

[2] Литература, касающаяся земскаго конституціоннаго движенія конца семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, заключается: 1. въ документахъ „Земскаго Союза“, опубликованныхъ въ № 54 „Общаго Дѣла“ за 1883 г.; 2. въ изданной отдѣльной брошюрой „Программѣ Земскаго Союза“; 3. въ статьѣ Драгоманова „Либерализмъ и земство“; 4. въ брошюрѣ Кеннана „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“; 5. V. Laferté, „Alexandre II, détails intimes sur sa vie, et sa mort“; 6. Конституція гр. Лорисъ-Меликова, изд. заграницей; 7. брошюра В. Ю. Скалона (заграничная) „Мнѣнія земскихъ собраній о современномъ положеніи Россіи“. Выдержки изъ этихъ матеріаловъ у Бурцева, ч. I, стр. 143—147 и 213—219; ими же воспользовался Л. Тихомировъ при составленіи своей брошюры „Конституціоналисты въ эпоху 1881 года“.

ности не послѣдовало, такъ какъ революціонеры поставили условіемъ прекращенія своей террористической дѣятельности предварительное проведеніе тѣхъ самыхъ преобразованій, о которыхъ собирались хлопотать либералы. Революціонеры требовали: 1. устраненія стѣсненій свободы слова и печати; 2. обезпеченія правъ личности; 3. призванія тѣмъ или инымъ способомъ населенія къ участію въ управленіи. Либералы не могли, конечно, не одобрить этихъ требованій, составлявшихъ сущность ихъ собственной программы, но такъ какъ осуществленіе этихъ преобразованій зависѣло не отъ нихъ, а отъ правительства, то и начать либеральную агитацію имъ пришлось, не добившись никакихъ положительныхъ обѣщаній отъ революціонеровъ. Левъ Тихомировъ увѣряетъ, что революціонеры ни на минуту не думали пріостанавливать свою дѣятельность и никакихъ результатовъ дѣйствій „либеральнаго комитета“ „не ожидали ни одного дня“.[1] Этому, конечно, легко можно повѣрить, тѣмъ болѣе, что кіевскіе революціонеры отнюдь не могли отвѣчать за землевольцевъ. Но какъ бы то ни было — случайно или намѣренно — съ осени 1878 г. и вплоть до февраля 1879 г. никакихъ новыхъ террористическихъ актовъ произведено не было, если не считать нѣсколькихъ вооруженныхъ сопротивленій при арестахъ.[2] Въ самомъ началѣ 1879 года гласный черниговскаго земства Иванъ Ильичъ Петрункевичъ сдѣлалъ попытку предложить на утвержденіе губернскому земскому собранію проектъ адреса, выработанный и принятый почти единогласно на предварительномъ публичномъ совѣщаніи всѣхъ земскихъ гласныхъ. Предсѣдатель не допустилъ, согласно циркуляру министра, прочтенія этого проекта, а такъ какъ намѣреніе Петрункевича прочесть этотъ проектъ въ собраніи, хотя бы противъ воли предсѣдателя, было извѣстно заранѣе, то изъ залы собранія по распоряженію губернатора была удалена публика и были введены туда жандармы. Гласные громко протестовали противъ этой мѣры; предсѣдатель же закрылъ засѣданіе и зала была очищена жандармами, а Петрункевичъ былъ арестованъ и высланъ административнымъ порядкомъ въ Костромскую губернію.[3] Одновременно были арестованы и нѣкоторые другіе гласные черниговскаго и харьковскаго земствъ. Однако, копіи съ адреса были разосланы во всѣ земства и нѣкоторыя изъ нихъ составили аналогичные адресы, формальное обсужденіе которыхъ нигдѣ не было допущено предсѣдателями собраній. Мы позволимъ себѣ привести въ извлеченіи адресъ черниговскаго земства:

„Въ № 186 „Правительственнаго Вѣстника“ за 1878 г. напечатано правительственное сообщеніе, приглашающее всѣхъ горожанъ и всѣ сословія Россіи помочь правительству въ дѣлѣ борьбы противъ возмутительныхъ злодѣяній, имѣвшихъ мѣсто въ недавнее время. Правительство признаетъ, что только помощь русскаго народа дастъ ему силу, способную уничтожить зло.

Такой призывъ не можетъ не найти отвѣта среди земства Черниговской губерніи, которое должно тѣмъ болѣе принимать къ сердцу

---

[1] Тихомировъ, стр. 23.
[2] Бурцевъ, ч. II, стр. 94—101.
[3] Тамъ же, I, стр. 147. Кеннанъ, „Послѣднее заявленіе русскихъ либераловъ“.

эту задачу, что, представляя собою часть всего русскаго земства, а, слѣдовательно, и совокупность всѣхъ лицъ и сословій, тѣмъ самымъ живо чувствуетъ и переноситъ на себѣ всѣ несчастія, переживаемыя русскимъ народомъ.

Глубокія вѣрноподданническія чувства къ нашему Государю и безпредѣльная любовь къ нашей родинѣ заставляютъ насъ выразить правительству тѣ соображенія, надлежащая оцѣнка которыхъ, по нашему разумѣнію, быть можетъ, поможетъ русскому народу залѣчить раны, такъ жестоко ему нанесенныя....

„... Думать, что идеи, а въ томъ числѣ и анархическія, можно остановить мѣрами строгости, значитъ игнорировать исторію развитія и распространенія идей....

„... Чтобы сознательно итти къ своей задачѣ и чтобы уяснить, что можетъ сдѣлать земство, т. е. самъ русскій народъ для излѣченія опаснаго недуга, — необходимо обратиться къ анализу причинъ, его породившихъ. Такихъ главныхъ причинъ, наряду съ другими, менѣе важными, по мнѣнію земства три:

1. Организація среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній.
2. Отсутствіе свободы слова и печати.
3. Отсутствіе среди русскаго общества чувства законности.

„Великія реформы нынѣшняго царствованія создали въ обществѣ новыя потребности. Крестьянская реформа заставила жившаго прежде крѣпостнымъ трудомъ дворянина искать средствъ къ существованію въ своемъ личномъ трудѣ; она же открыла возможность прежнему крѣпостному искать положенія болѣе обезпеченнаго. Реформы судебная и земская, устройство сѣти желѣзныхъ дорогъ, всякаго рода промышленныя предпріятія вызвали огромный спросъ на болѣе или менѣе образованныхъ людей. Понятно, что это прежде всего должно было отразиться на среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ это самое время организація ихъ подверглась коренной реформѣ. Земство не признаетъ себя компетентнымъ въ обсужденіи и указаніи недостатковъ педагогической стороны этой организаціи; но, тѣмъ не менѣе, результаты ея даютъ возможность констатировать полное отсутствіе гармоніи между школой и жизнью....

„... Борьба съ разрушительными идеями была бы возможна лишь въ томъ случаѣ, когда бы общество располагало соотвѣтственными орудіями. Эти орудія: слово, печать, свобода мнѣній и свободная наука. Въ то время, когда анархическія идеи распространяются и тайною печатью, и устною пропагандой, общество лишено средствъ откровенно выражать свои мнѣнія. Общественнаго мнѣнія не существуетъ, ибо нѣтъ органа для его выраженія, нѣтъ печати, которая, руководясь не страхомъ административныхъ взысканій, грозящихъ ей, а имѣя въ виду интересъ общества, его мирное развитіе, его насущныя потребности и возможныя опасности, пробуждала бы чувство самостоятельности, чувство самосохраненія и поддержанія основъ, на которыхъ зиждется государственный строй.

„Провинціальная Россія, т. е. русскій народъ, стоитъ подъ безусловнымъ запретомъ свободы слова, и его мнѣнія высказываются лишь правительственной нашей администраціей. Само земство лишено возможности имѣть не только печатный органъ свободнаго

обмѣна идей по своимъ ближайшимъ потребностямъ; оно лишено даже въ собственномъ собраніи свободы выраженія мнѣній, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможности заявленій о своихъ нуждахъ правительству, несмотря на то, что земствомъ не могутъ руководить иныя чувства и иныя побужденія, какъ желаніе развитія и упроченія благосостоянія своей страны. Происходящая отсюда безмолвность общественныхъ учрежденій уничтожаетъ ихъ силу и значеніе, дѣлаетъ ихъ неспособными къ жизни, къ дѣйствію, и тѣмъ самымъ уничтожаетъ въ ихъ отдѣльныхъ членахъ чувство гражданскихъ обязанностей, чувство гражданскаго долга. Тамъ, гдѣ общество долгою историческою жизнью выработало въ себѣ такое чувство, гдѣ общество путемъ борьбы пришло къ сознанію необходимости гарантій закона, одинаково обязательныхъ для всѣхъ и во всѣхъ сферахъ государства, — тамъ свобода слова не имѣетъ того важнаго участія, какое кажется намъ безусловно необходимымъ у насъ. Тамъ, до извѣстной степени, замѣняетъ его присущее всѣмъ гражданамъ чувство законности, способное противодѣйствовать всему, направленному противъ закона. Но не въ такомъ положеніи находится русское общество. Наша исторія не могла выработать такого чувства. Испорченность нравовъ, явившаяся у насъ подъ вліяніемъ крѣпостного права, безотвѣтственность и безконтрольность бюрократіи, безсиліе суда не позволили развиться въ прежнемъ обществѣ уваженію къ закону. Хотя реформы нынѣшняго царствованія: крестьянская, судебная и земская, внесли въ наше законодательство совершенно новыя начала, но въ жизни эти начала не получили надлежащаго развитія, ставъ въ прямое противорѣчіе съ нѣкоторыми началами стараго строя.

„Такъ, судебная реформа не могла внушить обществу ни уваженія къ закону, ни вѣры въ прочность коренныхъ основъ, потому что, во-первыхъ, ею не былъ устраненъ прежній принципъ наложенія административныхъ наказаній безъ суда, а, во-вторыхъ, потому, что въ кратковременный періодъ ея существованія, она подверглась многимъ существеннымъ измѣненіямъ. Обращаясь затѣмъ къ земской реформѣ, мы признаемъ, что она могущественно способствовала подъему мѣстнаго провинціальнаго самосознанія и содѣйствовала самымъ благотворнымъ образомъ воспитанію въ насъ общественныхъ чувствъ. Но и она не могла развить въ русскомъ обществѣ чувства долга и уваженія къ закону. Наше законное право ходатайствовать обращено въ мертвую букву, а такое отношеніе къ нашимъ представленіямъ пріучило и насъ относиться спустя рукава къ серьезнымъ семскимъ вопросамъ; это тѣмъ болѣе горько, что лишенное печатнаго органа, земство не имѣетъ и другихъ условій для сношенія и обмѣна идей даже по чисто хозяйственнымъ вопросамъ. Таково положеніе русскаго общества. Не обладая чувствомъ, заставляющимъ подчиняться закону, не имѣя гарантій въ законѣ, не имѣя общественнаго мнѣнія, обуздывающаго всякія личныя, несогласныя съ общественными интересами стремленія, лишенное свободы критики возникающихъ среди него идей, — русское общество представляетъ разобщенную инертную массу, способную поглощать все, но неспособную къ борьбѣ. Поэтому, земство Черниговской губерніи, съ невыразимымъ огорченіемъ, констатируетъ свое полное безсиліе при-

нять какія-либо практическія мѣры въ борьбѣ со зломъ и считаетъ своимъ гражданскимъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства."[1]

Заявленіе тверскаго земства было не менѣе знаменательно, хотя, съ другой стороны, подходило къ обоснованію своихъ конституціонныхъ требованій или, вѣрнѣе, надеждъ: „Государь Императоръ, въ своихъ заботахъ о благѣ освобожденнаго отъ турецкаго ига болгарскаго народа, — писали тверитяне, — призналъ необходимымъ даровать ему истинное самоуправленіе, неприкосновенность правъ личности, независимость суда, свободу печати. Земство Тверской губерніи смѣетъ надѣяться, что русскій народъ, съ такою полною готовностью, съ такою беззавѣтною любовью къ своему царю-освободителю, несшій всѣ тяжести войны, воспользуется тѣми же благами, которыя одни могутъ дать ему возможность выдти, по слову государеву, на путь постепеннаго, мирнаго и законнаго развитія."[2]

Отклонивъ эти мирныя заявленія и даже не пожелавъ ихъ выслушать, правительство показало намѣреніе и впредь дѣйствовать однѣми лишь репрессивными мѣрами, не обращая вниманія на общественное мнѣніе страны. Тотчасъ вслѣдъ за покушеніемъ Соловьева были назначены временные генералъ-губернаторы въ Петербургѣ, Одессѣ и Харьковѣ, съ диктаторскими правами. Имъ предоставлено было предавать лицъ гражданскаго состоянія военному суду и по своему усмотрѣнію арестовывать и высылать изъ края лицъ всякаго званія и сословія, а также пріостанавливать или вовсе запрещать изданіе газетъ и журналовъ, которые они признаютъ вредными, и вообще принимать тѣ мѣры, которыя по мѣстнымъ обстоятельствамъ они найдутъ необходимыми для сохраненія спокойствія въ краѣ.[3]

Вслѣдъ за тѣмъ, уѣхавъ въ Крымъ съ тяжело больной императрицей, Александръ Николаевичъ назначилъ особую комиссію подъ предсѣдательствомъ Валуева для выработки рѣшительныхъ мѣръ для подавленія „крамолы" и прекращенія распространенія гибельныхъ ученій среди молодежи. Въ составъ этой комиссіи входили почти всѣ министры. Засѣдали они два мѣсяца, потомъ пережевывали еще свои собственныя соображенія въ Комитетѣ Министровъ, но никакихъ общихъ рѣшительныхъ мѣръ не придумали, а предложили лишь усилить престижъ полиціи на счетъ престижа мировыхъ судей и введеніе всесословной волости въ цѣляхъ усиленія значенія помѣстнаго элемента на мѣстахъ, да предположили нѣкоторыя негласныя облегченія раскольникамъ и полякамъ, въ видѣ поощренія ихъ за то, что и тѣ, и другіе оказывались, по собраннымъ тогда даннымъ, недоступными вліянію соціалистической пропаганды. За то въ отношеніи университетской молодежи и судьбы начальныхъ школъ здѣсь были проектированы весьма рѣшительныя мѣропріятія крайне реакціоннаго свойства. Министръ финансовъ, ген. Грейгъ, прославившійся умѣніемъ устраивать свои личныя дѣла на казенный счетъ, возбудилъ вопросъ о нежелательности допускать въ выс-

[1] Цитировано по извлеченію, помѣщенному у Бурцева, т. I, стр. 143—146.
[2] Тихомировъ, стр. 135.
[3] Татищевъ, т. II, стр. 604.

шія учебныя заведенія лицъ, необезпеченныхъ матеріально, какъ элементъ, изъ котораго, главнымъ образомъ, рекрутируются кадры революціонеровъ. Въ этихъ видахъ онъ предложилъ увеличить плату за слушаніе лекцій и сократить всякія льготы, стипендіи и проч. Его поддержали шефъ жандармовъ Дрентельнъ и самъ Валуевъ; Толстой же заявилъ о необходимости отмѣны устава 1863 г., такъ какъ введенная имъ автономія университетовъ, т. е. профессорской колегіи, дѣлаетъ почти невозможнымъ всякое административное вліяніе на внутреннюю жизнь и направленіе преподаванія въ университетахъ. Въ отношеніи народныхъ школъ Толстой требовалъ усиленія инспекціи, въ видахъ устраненія вреднаго вліянія земствъ, а Грейгъ и Дрентельнъ, къ которымъ опять присоединился Валуевъ, считали болѣе раціональнымъ прямо передать всѣ школы въ духовное вѣдомство съ полнымъ устраненіемъ земствъ отъ этого дѣла.[1] Но всѣ эти мѣры, прекрасно обрисовывавшія государственныя способности министровъ, окружавшихъ въ это время Александра, не были приведены въ осуществленіе, главнымъ образомъ, потому, что, по выраженію Татищева, ихъ опердили событія, развившіяся съ большой быстротой.

При возвращеніи Александра изъ Крыма въ Петербургъ въ ноябрѣ 1879 года революціонерами была организована цѣлая система подкоповъ и минъ по желѣзнымъ дорогамъ, по которымъ онъ могъ проѣхать. Какъ извѣстно, эти покушенія не привели къ цѣли, и взрывъ подъ Москвой на Курской дорогѣ опрокинулъ не тотъ поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ императоръ; но террористы не унывали и готовили съ необычайной энергіей новыя покушенія. Временные генералъ-губернаторы свирѣпствовали каждый по своему, изобрѣтали массу мѣръ стѣснительныхъ и разорительныхъ для обывателей, но вполнѣ безсильныхъ противъ чрезвычайной энергіи и изобрѣтательности террористовъ.[2]

Массовые обыски и аресты также не приводили къ цѣли, хотя время отъ времени въ руки правительства попадали важные члены партіи и не менѣе важные документы. Такъ еще осенью 1879 года при одномъ изъ арестовъ захваченъ былъ планъ зимняго дворца, на которомъ царская столовая отмѣчена была крестомъ, но это не навело даже на мысль полицію, охранявшую Александра, о необходимости осмотрѣть повнимательнѣе жилище царя и провѣрить лицъ, въ немъ живущихъ. 4-го февраля 1880 года послѣдовалъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, устроенный Халтуринымъ, причемъ жертвой этого взрыва должна была сдѣлаться вся царская фамилія, собравшаяся въ этотъ день на парадный обѣдъ въ честь пріѣхавшаго въ Петербургъ болгарскаго князя. Этотъ взрывъ произвелъ на правительство ошеломляющее дѣйствіе. Но и до него обнаруженіе покушеній и подкоповъ на желѣзныхъ дорогахъ въ связи съ заявленіями земствъ, показавшими раздраженіе и недовольство, господствовавшія въ обществѣ, вызвали въ правительственной средѣ большія колебанія. Полное фіаско правительственнаго призыва, обращеннаго къ

---

[1] Татищевъ, т. II, стр. 604—614.

[2] Такъ, одни дежурства дворниковъ въ Петербургѣ, введенные Гуркой, какъ оказалось, стоили населенію болѣе 1000000 руб. въ годъ! Татищевъ, т. II, стр. 633.

обществу въ 1878 г., повидимому, уяснило правительству, что одними репрессивными мѣрами достигнуть умиротворенія въ странѣ невозможно. Въ январѣ 1880 года — т. е. еще до взрыва въ Зимнемъ дворцѣ, — тотъ самый Валуевъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ проектировалъ разныя реакціонныя и обскурантныя мѣропріятія, вдругъ сталъ говорить о необходимости такой мѣры, которая расширила бы общественное участіе въ дѣлахъ государственныхъ и, такимъ образомъ, содѣйствовала бы успокоенію умовъ въ обществѣ. Онъ напомнилъ Александру о предположеніи, существовавшемъ съ 1863 г. созвать общегосударственное земское собраніе и совѣтовалъ пріурочить манифестъ объ этомъ къ двадцатипятилѣтнему юбилею царствованія, т е. къ 19-му февраля 1880 г. Ту же мысль сталъ пропагандировать и Константинъ Николаевичъ, ссылаясь на свою записку объ этомъ предметѣ, составленную еще въ 1865 году. Мысль эту императоръ подвергъ обсужденію интимнаго совѣщанія, въ которое, кромѣ авторовъ предложенія, были приглашены: наслѣдникъ престола, министръ внутреннихъ дѣлъ Маковъ, шефъ жандармовъ Дрентельнъ, управляющій II отдѣл. канцеляріи его величества кн. Урусовъ, и одинъ разъ гр. Адлербергъ. Совѣщаніе собиралось четыре раза — очевидно, вопросъ разобранъ былъ всесторонне. Главнымъ противникомъ Валуева и Константина выступилъ наслѣдникъ, будущій Александръ III, который проявилъ здѣсь себя тѣмъ консерваторомъ твердой руки съ полицейскими вкусами, какимъ и остался потомъ во все продолженіе своего царствованія. Онъ доказывалъ, что это нововведеніе противно духу коренного государственнаго строя Россіи и что созывъ представительнаго собранія не только не послужитъ къ успокоенію умовъ, но, наоборотъ, взволнуетъ ихъ еще больше. Съ наслѣдникомъ престола согласились всѣ остальные члены этого совѣщанія, а Валуевъ и Константинъ Николаевичъ остались въ меньшинствѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого послѣдовалъ взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, и когда Александръ Николаевичъ опять собралъ у себя совѣщеніе почти въ томъ же составѣ, то цесаревичъ выступилъ съ предложеніемъ учредить „верховную слѣдственную комиссію“ съ обширными полномочіями, очевидно, имѣя въ виду тѣ комиссіи, какія были учреждены послѣ петербургскихъ пожаровъ 1862 г. и послѣ каракозовскаго покушенія въ 1866 г., — но съ тѣмъ, чтобы дѣятельность этой новой комиссіи распространилась на всю Россію.

Александръ Николаевичъ отнесся сперва къ этому несочувственно, но наслѣдникъ настаивалъ и, наконецъ, успѣлъ его убѣдить, такъ что на другой день (9-го февраля) въ совѣщаніи съ участіемъ еще нѣсколькихъ лицъ (Лорисъ-Меликова, Гурко, Набокова и Черевина) Александръ Николаевичъ объявилъ, что такая комиссія будетъ немедленно учреждена, и что во главѣ ея будетъ поставленъ гр. Лорисъ-Меликовъ.[1]

24.

Указъ объ учрежденіи „Верховной распорядительной комиссіи“ послѣдовалъ 12 февраля 1880 г. Этимъ указомъ Лорисъ-Меликову

[1] Татищевъ, т. II, стр. 621—624.

ввѣрялась военно-полицейская диктатура во всей имперіи для подавленія „крамолы“, причемъ требованія его обязывались исполнять безпрекословно всѣ вѣдомства, не исключая военнаго.

По мысли, которая предложена была цесаревичемъ Александромъ и по указу 12-го февраля на Лорисъ-Меликова возлагалась задача главнымъ образомъ репрессивная, ни о какомъ участіи сердца въ этой диктатурѣ тогда не упоминалось. Но черезъ день Лорисъ-Меликовъ опубликовалъ прокламацію къ жителямъ Петербурга, въ которой писалъ, что съ твердостью стремясь къ искорененію преступниковъ, онъ въ то же время желаетъ „успокоить и оградить законные интересы здравомыслящей части общества...“ „На поддержку общества — писалъ онъ тамъ же — смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти къ возобновленію правильнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества.“ [1]

Мы не будемъ здѣсь подробно описывать исторію „диктатуры сердца“, тѣмъ болѣе, что она въ настоящее время довольно обстоятельно изложена у Татищева.[2] Постараемся освѣтить лишь основныя черты этого режима и ту роль, которую онъ сыгралъ въ исторіи нашего общественнаго движенія.

А. И. Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ“ разсказываетъ, какъ Лорисъ-Меликовъ, познакомившись съ нимъ въ 1875 г. на водахъ въ Эмсѣ, сказалъ ему, что читалъ его книгу „Наше положеніе“ и вполнѣ сочувствуетъ высказаннымъ тамъ взглядамъ.[3] Главный выводъ этой книжки былъ: необходимость созыва Земской Государственной Думы въ славянофильскомъ вкусѣ, съ правами совѣщательнаго собранія при самодержавномъ монархѣ.

Позднѣе встрѣтившій Лорисъ-Меликова за границей докторъ Н. А. Бѣлоголовый рисуетъ намъ его въ своихъ воспоминаніяхъ чрезвычайно отзывчивымъ, гуманнымъ и либеральнымъ.[4] Такимъ же представляется онъ и въ брошюрѣ неизвѣстнаго автора „Конституція графа Лорисъ-Меликова“.[5] Повидимому Лорисъ-Меликовъ искренно симпатизировалъ тѣмъ земцамъ, которые дѣлали время отъ времени свои представленія правительству объ увѣнчаніи зданія реформъ созывомъ земскаго собора. Поэтому вѣроятно такъ сильно и укоренилось въ обществѣ нашемъ преданіе о конституціи Лорисъ-Меликова; на самомъ же дѣлѣ никакой такой конституціи не было. Призванный въ 1880 г. на свой отвѣтственный постъ, Лорисъ-Меликовъ непосредственной задачей своей считалъ несомнѣнно уничтоженіе террористической организаціи и умиротвореніе русскаго общества. Миссія его была въ сущности полицейская, хотя онъ и не смотрѣлъ на борьбу съ террористами съ узко-полицейской точки зрѣнія. Но несомнѣнно, что онъ былъ въ то-же время очень далекъ отъ мысли о немедленномъ дарованіи Россіи конституціоннаго устройства. Въ первыхъ своихъ докладахъ Александру онъ говоритъ о конституціонномъ настроеніи въ извѣстныхъ общественныхъ кругахъ; но

[1] Татищевъ, II, 625.
[2] II, 624—657.
[3] „Записки“, 218.
[4] „Воспоминанія“, изд. 2-ое, стр. 182 и слѣд.
[5] „Конституція графа Лорисъ-Меликова“, изд. Фонда вольн. русск. прессы. Лондонъ 1893.

тутъ же совершенно категорически высказывается не только противъ конституціи въ западно-европейскомъ смыслѣ, но и противъ славянофильскаго земскаго собора. Онъ опасался, что собранные въ какое бы то ни было государственное собраніе народные представители принесутъ съ собой массу жалобъ, упрековъ и справедливой критики, на которые въ данный моментъ правительству очень трудно будетъ представить удовлетворительныя объясненія. Поэтому Лорисъ-Меликовъ, совершенно отрицая своевременность какихъ бы то ни было преобразованій въ этомъ смыслѣ, на первый разъ выставилъ лишь необходимость ослабить тотъ гнетъ, подъ которымъ находились всѣ классы общества, и итти на встрѣчу нѣкоторымъ справедливымъ желаніямъ земствъ. Въ этомъ и заключалась сущность диктатуры сердца.

Первыя его дѣйствія были направлены къ объединенію власти, въ цѣляхъ болѣе сосредоточенной борьбы съ революціонерами. Именно въ этихъ видахъ онъ потребовалъ сперва подчиненія III отдѣленія верховной распорядительной комиссіи, а затѣмъ и совершеннаго его упраздненія. Но, упраздняя III отдѣленіе, онъ вовсе и не думалъ упразднять тайной полиціи, жандармеріи и всего съ нею связаннаго, а просто передалъ всѣ эти средства, въ видахъ сосредоченія и усиленія репрессивной власти, въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Революціонеровъ онъ преслѣдовалъ безпощадно и выстрѣлившаго въ него Млодецкаго казнилъ безъ всякихъ колебаній, не взирая на трогательное заступничество Всеволода Гаршина. Временные генералъ-губернаторы, военные суды, вся обстановка бѣлаго террора — остались при немъ неприкосновенными. Но онъ употребилъ много энергіи на то, чтобы эти преслѣдованія направлялись исключительно противъ революціонеровъ и задѣвали какъ можно меньше интересы обывателей. Затѣмъ уже онъ ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ подавленія революціоннаго движенія, стремиться къ возвращенію отъ чрезвычайныхъ мѣръ къ законному теченію дѣлъ. Въ то же время въ стремленіи къ сосредоточенію и объединенію власти онъ заходилъ такъ далеко, что не ограничился объединеніемъ жандармской и общей полиціи, но постарался, при помощи министра юстиціи, объединить съ полиціей и прокурорскій надзоръ, что не могло не отозваться неблагопріятно на сохраненіи чувства независимости въ персоналѣ судебныхъ учрежденій, воспитаннаго въ нихъ судебными уставами.

Репрессія при Лорисъ-Меликовѣ не уменьшилась, а только упорядочилась, потому что онъ старался сдѣлать ее изъ безсмысленной — разумной и строго направленной къ одной только цѣли.

По отношенію къ земству, къ сословнымъ и городскимъ учрежденіямъ Лорисъ-Меликовъ старался упразднить всѣ ненужныя стѣсненія и внушить властямъ предержащимъ извѣстную предупредительность къ законнымъ нуждамъ и интересамъ населенія и его представителей. Тѣмъ не менѣе, когда Борзенское уѣздное, а за нимъ и Черниговское уѣздное земства представили ходатайства о возвращеніи гласнаго Петрункевича, то хотя Петрункевичу разрѣшено было переѣхать изъ Костромской губерніи въ другую мѣстность, но возвратиться въ Черниговскую губернію ему не позволили.

Въ отношеніи печати Лорисъ-Меликовъ значительно ослабилъ цензурный гнетъ, но свобода слова не входила въ его программу; онъ замѣнялъ ее „разумнымъ руководствомъ“. Тѣмъ не менѣе настрадавшаяся при Тимашевѣ печать почувствовала при Лорисъ-Меликовѣ большое облегченіе. Въ этотъ періодъ сразу открылось много новыхъ газетъ, изъ которыхъ имѣли больше другихъ значенія: либеральный, съ явными конституціонными тенденціями, „Порядокъ“ М. М. Стасюлевича, „Страна“ Я. П. Полонскаго, „Земство“ В. Ю. Скалона и А. И. Кошелева и славянофильская „Русь“ И. С. Аксакова. Впрочемъ самъ Аксаковъ значительно уходился съ годами и въ его новой газетѣ уже не было того молодого задора и того здороваго демократическаго духа, который такъ ярко выступалъ въ его газетахъ шестидесятыхъ годовъ. Изъ толстыхъ журналовъ въ это время возникла „Русская Мысль“ подъ редакціей С. А. Юрьева, человѣка, близкаго по своимъ взглядамъ къ славянофиламъ.

Наконецъ самая крупная заслуга Лорисъ-Меликова въ первые мѣсяцы его диктатуры заключалась въ рѣзкомъ обличеніи вреднаго и антиобщественнаго значенія Толстовскаго режима въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Въ своемъ программномъ докладѣ онъ прямо указалъ на необходимость отставки гр. Толстого и добился ея. Вмѣсто Толстого назначенъ былъ А. А. Сабуровъ, ясно показавшій намѣреніе возвратиться къ принципамъ Головнина. Отставка Толстого была несомнѣнно сммымъ радостнымъ событіемъ для всѣхъ слоевъ общества въ 1880 году. Почти одновременно съ Толстымъ былъ уволенъ и министръ финансовъ Грейгъ, заслуживши себѣ весьма неприглядную репутацію. Вмѣсто него назначенъ былъ А. А. Абаза, одинъ изъ членовъ того кружка либеральныхъ чиновниковъ, къ которому принадлежалъ Николай Милютинъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ отставки Грейга отмѣненъ былъ налогъ на соль.

Верховная распорядительная комиссія просуществовала только шесть мѣсяцевъ, послѣ чего Лорисъ-Меликовъ назначенъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Сблизившись въ этотъ промежутокъ времени съ передовыми земцами и съ нѣкоторыми либеральными, но не радикальными органами печати, которые склонны были смотрѣть на режимъ, установленный Лорисъ-Меликовымъ, съ большими надеждами и даже съ нѣкоторымъ оптимизмомъ, въ противоположность радикаламъ „Отечественныхъ Записокъ“, относившихся къ нему съ недовѣріемъ, — Лорисъ-Меликовъ самъ взглянулъ оптимистически на результаты принятой имъ правительственной системы. Хотя партія террористовъ давала о себѣ знать время отъ времени подпольными изданіями и хотя Лорисъ-Меликовъ зналъ, что выдающіеся дѣятели этой партіи, названные арестованнымъ въ 1879 г. Гольденбергомъ (убившимъ въ Харьковѣ кн. Кропоткина) еще не находятся въ рукахъ правительства, однако, обманутый временнымъ прекращеніемъ террористическихъ актовъ, онъ сталъ думать, что этотъ врагъ почти уничтоженъ или, по крайней мѣрѣ, сильно ослабленъ. Понимая въ то же время, что вызванное его дѣйствіями общественное довѣріе можетъ укрѣпиться и развиться лишь на почвѣ органическихъ преобразованій и усиленныхъ законодательныхъ работъ, направленныхъ къ удовлетворенію насущныхъ народныхъ и общественныхъ нуждъ,

онъ сосредоточилъ на этихъ работахъ все свое вниманіе. Успокоивая и смягчая нетерпѣніе болѣе горячихъ либераловъ, при помощи личныхъ бесѣдъ и переговоровъ, широко имъ практиковавшихся, онъ предпринялъ въ то же время сенаторскія ревизіи въ разныхъ губерніяхъ, долженствовавшія выяснить нужды страны и недостатки существующей административной системы. Земскимъ дѣятелямъ онъ далъ очень важную работу, поручивъ земскимъ собраніямъ обсудить вопросъ объ административномъ устройствѣ крестьянъ.

Александру онъ указалъ на необходимость закончить и согласовать между собой великія преобразованія его царствованія, поднявъ такимъ образомъ тотъ самый вопросъ „объ увѣнчаніи зданія“, который былъ столько разъ возбуждаемъ земскими ходатайствами. Но и тутъ, — по словамъ Татищева, — онъ опять высказался въ докладѣ своемъ императору весьма энегически „противъ организаціи народнаго представительства въ формахъ, заимствованныхъ съ запада, чуждыхъ русскому народу, способныхъ, будто бы, поколебать всѣ основныя его политическія воззрѣнія и внести въ нихъ полную смуту со всѣми ея неисчислимыми послѣдствіями“.[1] Вмѣстѣ съ тѣмъ „онъ отвергалъ — по словамъ того же историка, имѣвшаго въ своихъ рукахъ самый докладъ Лорисъ-Меликова, — и древне-русское представительство въ формѣ земской думы или земскаго собора, находя ихъ несоотвѣтствующими нынѣшнимъ понятіямъ и взаимнымъ отношеніямъ составныхъ частей русскаго государства и даже географическому его очертанію, трудно осуществимымъ и во всякомъ случаѣ небезопаснымъ возвращеніемъ къ прошедшему“.[2] Несомнѣнно послѣднее соображеніе перевѣшивало въ глазахъ Лорисъ-Меликова всѣ остальныя. Еще въ одномъ изъ первыхъ докладовъ своихъ Александру онъ писалъ: „Нельзя упускать изъ виду ту непреложную истину, что опыты въ крупныхъ реформахъ не должны быть допускаемы, такъ какъ отнятіе разъ данныхъ правъ влечетъ за собой крайне опасныя послѣдствія.“[3] Напрасно поэтому публицисты „Московскихъ Вѣдомостей“ и отставной народоволецъ г. Тихоміровъ стараются увѣрить, что Лорисъ-Меликовъ, интригуя съ либералами, будто бы старался обмануть или обморочить Александра.[4] Если Лорисъ-Меликовъ хитрилъ съ кѣмъ-нибудь, то ужъ никакъ не съ государемъ, а скорѣе именно съ либералами, которымъ онъ говорилъ, въ видахъ ихъ успокоенія, что „на созваніе Земской Думы онъ никакъ не надѣялся получить соизволенія Государя“.[5] Понятно, что не надѣялся, разъ онъ самъ докладывалъ Государю, что созваніе Земской Думы опасно!

Вмѣсто созванія Земской Думы Лорисъ-Меликовъ предложилъ остановиться на учрежденіи въ Петербургѣ „временныхъ подготовительныхъ комиссій“, на подобіе организованныхъ въ 1859 г. редакціонныхъ комиссій, съ тѣмъ, чтобы работы этихъ комиссій были подвергаемы разсмотрѣнію, съ участіемъ лицъ, взятыхъ изъ среды

---

[1] Татищевъ, II, 652.
[2] Тамъ же. Татищевъ пользовался матеріалами, данными ему ближайшимъ сотрудникомъ Лорисъ-Меликова статсъ-секретаремъ М. С. Каханов ымъ (стр. 650).
[3] Тамъ же, стр. 641.
[4] Л. Тихоміровъ, „Конституціоналисты“, стр. 50 и passim.
[5] Срав. „Записки А. И. Кошелева“, стр. 253.

земства и нѣкоторыхъ значительныхъ городовъ."[1] Такимъ образомъ, по его плану, реформы подготовлялись бы бюрократическимъ путемъ, а затѣмъ выработанныя предположенія предъявлялись бы на судъ земскихъ депутатовъ, „взятыхъ", какъ выражается г. Татищевъ, — изъ числа выборныхъ земскихъ людей, подобно тому, какъ проекты редакціонныхъ комиссій предложены были въ 1859 г. на разсмотрѣніе депутатовъ дворянскихъ комитетовъ. Часть членовъ этой комиссіи должна была выбираться земскими собраніями, другая часть должна была назначаться императоромъ изъ числа лицъ, принимавшихъ участіе въ работахъ подготовительныхъ комиссій и наконецъ третья часть должна была назначаться особымъ порядкомъ отъ тѣхъ мѣстностей, въ коихъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не дѣйствуетъ.[2] Въ этомъ и заключалась вся Лорисъ-Меликовская „конституція". Очевидно — гора родила мышь, и если бы эти предположенія были торжественно объявлены 1 марта 1881 года, то они многихъ бы разочаровали. Но нельзя отрицать одного, что возстановленіе нормальнаго и болѣе или менѣе свободнаго теченія дѣлъ въ земствахъ и фактическое облегченіе цензурнаго гнета, подъ которымъ до того времени находилась наша печать, само по себѣ не могло не способствовать развитію и упроченію въ обществѣ либеральныхъ идей и соотвѣтствующихъ потребностей; а это, при спокойномъ теченіи дѣлъ, само собой привело бы, въ концѣ концовъ, къ созыву представительнаго собранія, такъ какъ земскіе люди разбили бы въ дребезги работу бюрократическихъ комиссій. Окончательное умиротвореніе страны не могло бы иначе быть достигнуто.

Дѣятельность Лорисъ-Меликова встрѣчала во всякомъ случаѣ прямое и формально выраженное одобреніе со стороны земскихъ собраній. Такъ, напримѣръ, тверское губернское собраніе отправило ему адресъ, въ которомъ было, между прочимъ, сказано: „Въ короткое время ваше сіятельство сумѣли оправдать и довѣріе Государя, и многія изъ надеждъ общества. Вы внесли прямоту и доброжелательность въ отношенія между властью и народомъ. Вы мудро признали законныя нужды и желанія общества." Въ заключеніе тверское земство выражало увѣренность, что „прискорбное прошлое не воротится, а для дорогого намъ всѣмъ отечества открывается счастливое будущее".[3]

Но революціонеры, увлеченные всецѣло идеей захвата власти и направившіе почти всѣ свои силы на организацію террористической борьбы съ правительствомъ, не хотѣли отступиться хотя бы на время отъ этой послѣдней. Нѣкоторый перерывъ въ террористическихъ актахъ, обманувшій многихъ и въ томъ числѣ Лорисъ-Меликова, обусловливался чисто случайными неудачами задуманныхъ, но неосуществленныхъ покушеній. Лишь благодаря этимъ случайнымъ неудачамъ, Александръ II благополучно съѣздилъ осенью 1880 года въ Крымъ и вернулся оттуда. За то въ Петербургѣ устроена была въ это время цѣлая система подкоповъ и минъ, и независимо отъ этого изготовлены были и метательные снаряды. Рядъ проваловъ

[1] Татищевъ, II, 652.
[2] Срав. „Конституцію гр. Лорисъ-Меликова", стр. 40.
[3] Л. Тихомировъ, стр. 61.

въ средѣ террористовъ, послѣдовательные аресты вожаковъ этой группы: Александра Михайлова, Желябова и Тригони сильно ослабили ихъ боевыя силы, но обстоятельство это не только не заставило ихъ отложить покушеніе, а, наоборотъ, вынудило ихъ поспѣшить его выполненіемъ, тѣмъ болѣе, что и лавка Кобозева, гдѣ былъ устроенъ подкопъ на Малой Садовой, обратила уже на себя въ это время вниманіе полиціи. Послѣ ареста Желябова Перовская настояла на немедленномъ осуществленіи задуманнаго покушенія, и оно было исполнено 1-го марта.

Тихоміровъ въ своей брошюрѣ, основываясь на „Календарѣ Народной Воли“ и перетасовывая различныя данныя, увѣряетъ, что въ партіи „Народной Воли“, наряду съ организаціей террористическихъ покушеній, шла въ это время столь же серьезная работа для подготовленія возстанія. Дѣйствительно, тѣ же самые революціонеры, которые заняты были организаціей покушеній, вели въ это время пропаганду среди рабочихъ, среди молодежи и даже среди офицеровъ.[1] Однако же, результаты этой пропаганды были въ сравненіи съ поставленными цѣлями ничтожны, и не могли быть иными, потому что силы партіи были численно чрезвычайно слабы. Пропаганда среди офицеровъ дала въ результатѣ лишь нѣсколько казней впослѣдствіи; а среди молодежи наскоро велась въ это время не столько пропаганда, сколько агитація, которая привела въ результатѣ къ вполнѣ безсмысленному инциденту на актѣ 8-го февраля въ петербургскомъ университетѣ.

Лихорадочная дѣятельность террористовъ исчерпала ихъ силы. Нанеся 1-го марта смертельный ударъ Александру II, но отнюдь не самодержавной власти, они и сами должны были прекратить свою дѣятельность и сдѣлаться нѣмыми свидѣтелями реакціи, которая постепенно охватила послѣ 1 марта все русское общество.

Оживленіе либеральныхъ и конституціонныхъ идей, начавшееся при Лорисъ-Меликовѣ, продолжалось нѣкоторое время по инерціи и послѣ 1 марта. Либеральные органы печати, основанные въ 1880 г.: „Порядокъ“, „Страна“ и старый, но оживившійся „Голосъ“, равно какъ и нѣкоторыя изъ земствъ, глубже другихъ захваченныя движеніемъ, пытались удержать занятыя позиціи. Нѣкоторыя земства и послѣ 1 марта представили адресы съ конституціонными ходатайствами или, какъ выразился тогда иронически-злобно Катковъ, „протягивали къ правительству руку за благостыней“, другія демонстративно отказались отъ подачи какого бы то ни было адреса; но уже злобные реакціонные вопли издавались теперь не однимъ Катковымъ и его приспѣшниками, вродѣ вновь основаннаго тогда „Берега“ Цитовича; они исходили и отъ Ивана Аксакова и проявлялись и въ его „Руси“, и въ яростной рѣчи, сказанной имъ послѣ 1 марта въ Славянскомъ Обществѣ въ Петербургѣ. Манифестъ 29 апрѣля положилъ предѣлъ всякимъ либеральнымъ надеждамъ, возлагавшимся на новаго императора. Вслѣдъ за этимъ манифестомъ послѣдовала отставка Лорисъ-Меликова, потомъ Милютина, Абазы и еще ранѣе Сабурова. Затѣмъ съ годъ продолжалась фальшивая якобы славянофильская политика гр. Игнатьева и, наконецъ, настала настоящая

[1] Тихоміровъ, стр. 65.

темная ночь, изъ которой только черезъ 12 лѣтъ мы стали какъ будто бы выходить въ сѣренькое холодное утро Николаевскаго царствованія. Оно продолжается и понынѣ, все не будучи въ состояніи превратиться въ настоящій разсвѣтъ.

Что реакція, наступившая послѣ 1 марта, была гораздо тяжелѣе и глубже той, которая послѣдовала вслѣдъ за выстрѣломъ Караказова въ 1866 г. — это видно всего яснѣе изъ того, съ какимъ позорнымъ спокойствіемъ общество наше перенесло пощечину, данную ему тяжелой десницей Александра III въ 1882 г., въ видѣ назначенія на постъ министра внутреннихъ дѣлъ самаго ненавистнаго человѣка въ Россіи — бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстого.

Наступившая реакція имѣла, разумѣется, свои глубокія причины, анализу которыхъ мы надѣемся посвятить впослѣдствіи особое изслѣдованіе.

Во всякомъ случаѣ было бы въ высшей степени близоруко и совершенно несправедливо возлагать отвѣтственность за несчастный исходъ освободительнаго движенія царствованія Александра II на революціонеровъ. Объективная и вдумчивая оцѣнка историческихъ фактовъ показываетъ, что настоящимъ виновникомъ этого было само правительство. — Своею непослѣдовательностью, неустойчивостью въ либеральныхъ своихъ начинаніяхъ, неспособностью выносить малѣйшую оппозицію со стороны общества и склонностью прибѣгать для ея подавленія къ мѣрамъ произвольнымъ и террористическимъ правительство сдѣлало невозможнымъ мирное развитіе страны.

Зачинщикомъ въ томъ двойномъ террорѣ, при которомъ пришлось русскому обществу жить и развиваться, послѣ великихъ реформъ шестидесятыхъ годовъ, являлось именно правительство съ его наклонностью подавлять каждое независимое и самостоятельное побужденіе и мнѣніе отдѣльныхъ лицъ и всего общества.

Именно это свойство правительства способствовало всего болѣе быстрому превращенію общественнаго движенія въ революціонное. И сколько потребовалось непроизводительно загубленныхъ силъ и жизней, сколько мрачныхъ лѣтъ напряженной борьбы, чтобы убѣдить правительство Александра II къ концу его царствованія въ невозможности для него побѣдить даже незначительную по численности группу революціонеровъ, при полной изолированности правительства отъ общества и народа. И когда царь въ этомъ, повидимому, убѣдился, оказалось уже поздно. Захваченные борьбой революціонеры уже не могли остановиться, да и правительство своими драконовскими мѣрами борьбы не давало имъ этой возможности.

27 мая 1904 года.